

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2022 № 3 (25)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 3 (25). 2022

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2022. № 3 (25)

Издается с 2016 г.

Редакция

Главный редактор

Вадим Владимирович Полонский (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Сергей Игоревич Панов (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Екатерина Евгеньевна Дмитриева (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакторы

Елена Валерьевна Глухова (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Алена Эдвартовна Исахаян (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

Маргарита Вадимовна Черкашина (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

К.М. Азадовский (Германская академия языка и литературы, Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург, Россия), *А.Ю. Балакин* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *Н.А. Богомолов* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *Н.В. Корниенко* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.В. Лавров* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия), *И.Е. Лоцилов* (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия), *Д.С. Московская* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *Ф.Б. Поляков* (Институт славистики Венского университета, Вена, Австрия), *О.А. Проскурин* (Университет Эмори, Атланта, Джорджия, США), *А.И. Рейтблат* (ИД «Новое литературное обозрение», Москва, Россия), *М.В. Строганов* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *А.Л. Топорков* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия), *М.И. Щербакова* (ИМЛИ РАН, Москва, Россия)

Международный редакционный совет

С. Гардзонио (Пизанский университет, Пиза, Италия), *А.Л. Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия), *Д.П. Ивинский* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), *П.М. Лавринец* (Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва), *Дж. Малмстад* (Гарвардский университет, Бостон, США), *Г.В. Обатнин* (Университет Хельсинки, Финляндия), *Л.Л. Пильд* (Тартуский университет, Тарту, Эстония), *Д. Рицци* (Университет Са' Foscari, Венеция, Италия), *А.Ф. Строев* (Университет Новая Сорбонна –Париж 3, Париж, Франция), *Р.Д. Тименчик* (Еврейский университет, Иерусалим, Израиль), *Л.С. Флейшман* (Стэнфордский университет, Пало-Алто, США), *М. Шруба* (Миланский университет, Милан, Италия)

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25 а

Тел: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

Сайт: <http://litfact.ru/>

ISSN 2541-8297 (Print)
ISSN 2542-2421 (Online)

The journal is registered in The Federal Service for
Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media.
Registration Certificate ПИ № ФС77-67296,
September 30, 2016

Editors

Editor-in-Chief

Vadim V. Polonsky (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Sergei I. Panov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Ekaterina E. Dmitrieva (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editors

Elena V. Gluhova (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia), *Alena E. Isakhanyan* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Managing Editor

Margarita V. Cherkashina (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

Konstantin M. Azadovsky (German Academy for Language and Literature, Darmstadt, Germany /
St. Petersburg, Russia), *Alexei Yu. Balakin* (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of
the of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia), *Nikolay A. Bogomolov* (Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia), *Natalia V. Kornienko* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Alexander V. Lavrov* (Institute
of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg,
Russia), *Igor E. Loshchilov* (Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of
Sciences, Novosibirsk, Russia), *Darya S. Moskovskaya* (A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Fyodor B. Polyakov* (Institute of Slavic
Studies, University of Vienna, Vienna, Austria), *Oleg A. Proskurin* (Emory University, Atlanta, GA,
USA), *Abram I. Reitblat* ("Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publishing House, Moscow, Russia),
Mikhail V. Stroganov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Scienc-
es, Moscow, Russia), *Andrei L. Toporkov* (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia), *Marina I. Shcherbakova* (A.M. Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),

International Editorial Council

Stefano Garzonio (University of Pisa, Pisa, Italy), *Andrei L. Zorin* (Oxford University, Great
Britain / Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia), *Dmitry P. Ivinsky*
(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *Pavel M. Lavrinets* (Vilnius University,
Vilnius, Lithuania), *John Malmstad* (Harvard University, Boston, MA, USA), *Gennady V. Obatinin*
(University of Helsinki, Finland), *Lea L. Pild* (University of Tartu, Tartu, Estonia), *Daniela Rizzi*
(University Ca' Foscari, Venice, Italy), *Alexander F. Stroev* (New Sorbonne University – Paris 3,
Paris, France), *Roman D. Timenchik* (The Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel),
Lazar S. Fleishman (Stanford University, Palo Alto, CA, USA), *Manfred Schrubba* (Milan Univer-
sity, Milan, Italy)

Address: Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

Phone: 8 (495) 690-50-30

E-mail: editor@litfact.ru

www.litfact.ru

© 2022. IWL RAS

Содержание

Литературный факт. 2022. № 3 (25)

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- Ю.А. Маричик-Сьоли.* Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреину (1931–1934).
История «маленькой» писательницы 8

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

- Т.Н. Заднепровская.* «Человек становится лучше после больших переживаний»
(Письма Тани Вагнер. 1939–1945).
Подготовка текста и комментарии А.Ю. Заднепровской 25

БИОГРАФИКА

- В.Н. Торопова.* Две жизни, две судьбы: по страницам переписки Н.С. Ашукина
и С.Н. Дурылина 58

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

- Е.А. Легенькова.* «Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина
во французском травелоге 1920–1930-х гг. 110
- Н.М. Долгорукова, К.В. Бабенко.* Церковь пьяниц:
таверна в лирике вагантов 142
- И.З. Сурат.* Голгофа 163

НЕОМИФОЛОГИЯ УСАДЬБЫ

- А.С. Акимова.* «Соревнователи» А.Н. Толстого: к вопросу о формировании
образа усадьбы в прозе писателя 195
- Е.Е. Дмитриева.* Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества:
вымысел versus прагматика 211
- Н.В. Михаленко.* Поэтосфера дачи в творчестве В.В. Маяковского 233

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

- С.Д. Серебряный.* Переписка Л.Н. Толстого и М.К. Ганди. Знаменитый,
но недоисследованный эпизод русско-индийских культурных связей 252
- К.С. Корконосенко.* Испанская классическая литература
в переводах Константина Тимковского 307

Contents

Literary Fact. 2022, no. 3 (25)

FROM CREATIVE HERITAGE

- Yulia Maritchik-Sioli*. Letters of E.V. Bakunina to N.N. Evreinov (1931–1934).
History of a “Minor” Woman Writer..... 8

MEMOIRS. LETTERS. DAIRIES

- Tatyana Zadneprovskaya*. “A Person Becomes Better after a Great Trial”
(Tanya Wagner’s Letters, 1939–1945)
text prep. and comment. by Alexandra Zadneprovskaya 25

BIOGRAPHICS

- Victoria Toropova*. Two Lives, Two Destinies: the Pages of Correspondence
between Nikolay Ashukin and Sergey Durylin 58

ARTICLES. NOTES. REPORTS

- Elizaveta Legen’kova*. “Great Grave”: Mausoleum of V.I. Lenin in French Travelogue
of the 1920–1930s..... 110
- Natalia Dolgorukova, Kseniia Babenko*. The Church of Drunkards:
Tavern in Goliardic Poetry 142
- Irina Surat*. Calvary 163

NEOMYTHOLOGY OF THE ESTATE

- Anna Akimova*. “The Competitors” by A.N. Tolstoy:
the Question of the Developing the Image of the Estate in the Writer’s Prose 195
- Ekaterina Dmitrieva*. Pushkin’s Trigorskoye as a Source of Myth-making:
Fiction Versus Pragmatics 211
- Natalia Mikhailenko*. The Poetsphere of the Dacha in V.V. Mayakovsky’s Works 233

FROM SCIENTIFIC HERITAGE

- Sergei Serebriany*. The Correspondence between L.N. Tolstoy and M.K. Gandhi.
A Famous, but Under-researched Episode
of Russian-Indian Cultural Interrelations..... 252
- Kirill Korkonosenko*. Spanish Classical Literature Translated
by Konstantin Timkovsky 307

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24>
<https://elibrary.ru/HIGLWT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреиннову (1931–1934). История «маленькой» писательницы

© 2022, Ю.А. Маричик-Сьоли
Университет Гренобль-Альпы,
Франция

Аннотация: Публикуемая впервые переписка (1931–1934) эмигрантской писательницы Екатерины Бакуниной (1889–1976) и драматурга, режиссера и историка театра Николая Евреиннова (1879–1953) важна и уникальна тем, что позволяет погрузиться в творческую лабораторию писательницы (поэтический сборник «Стихи», романы «Тело» и «Любовь к шестерым»), узнать о ее тревогах и сомнениях (тело и телесное в литературе), о некоторых особенностях литературного быта эмиграции, а также о маргинальном положении ряда авторов, особенно женского пола, пишущих на запретные темы. Под давлением литературного канона и культурного ритма эпохи «малым» писательницам не оставалось ничего другого как признать свои тексты спешно сделанными, плохо написанными и «маленькими». Публикация состоит из краткой вступительной статьи, переписки с комментариями и списка литературы.

Ключевые слова: Екатерина Бакунина, Николай Евреиннов, эмиграция, женская литература, тело, запретное, малое.

Информация об авторе: Юлия Александровна Маричик-Сьоли — кандидат филологических наук, PhD, преподаватель-исследователь, Университет Гренобль-Альпы, Франция, 1431 Rue des Résidences, 38400 Saint-Martin-d'Hères, France.

E-mail: youlia.sioli@univ-grenoble-alpes.fr

Для цитирования: Маричик-Сьоли Ю.А. Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреиннову (1931–1934). История «маленькой» писательницы // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24>

Екатерина Васильевна Бакунина (1889–1976, в замужестве — Новоселова), принадлежащая к так называемому «молодому» поколению эмигрантских писателей первой волны, прожила долгую и непростую жизнь. Покинув Советскую Россию, писательница с 1923 г. жила и работала во Франции. В 1940-х гг. переехала в Англию, где и оставалась до конца своих дней [9; 13].

В эмигрантской критике тридцатых годов Бакунина была известна как автор скандальных романов о запретном — «Тело» (1933) и «Любовь к шестерым» (1935). После публикации первого романа эмигрантская литературная среда была поглощена спорами о том, можно ли считать написанное Бакуниной художественной литературой или же только низкопробным текстом, не имеющим никакого отношения к искусству («человеческий документ», «дамская» литература).

С поэтической точки зрения, в современном литературоведении художественные заслуги Бакуниной оцениваются, как правило, довольно низко [6, 10]. Вместе с тем многие специалисты живо интересуются «феминистическим подтекстом» [10, с. 297] ее романов [5; 19], говорят о «таком точном и неустаревшем тексте» [10, с. 289; 15, с. 94], как роман «Тело», отстаивают право Бакуниной на нарушение «привычных формально-эстетических и содержательных стереотипов» [5, с. 212]

Переписка с Николаем Евреиновым (1879–1953), знаменитым драматургом и режиссером, историком и теоретиком театра, относится к французскому периоду жизни Бакуниной и охватывает относительно небольшой промежуток времени — с зимы 1931 по лето 1934 г. Эти письма важны и уникальны тем, что описывают весь недолгий творческий век писательницы, так и оставшейся до конца не понятой своими современниками: ее тексты часто воспринимались как «болтливые» и «чрезмерные» [8], лишённые вкуса, «бабско-дамские». Основными же критериями качества текста, написанного женщиной, для большинства критиков того времени были именно сдержанность, мера, вкус, женственность [17].

Если не считать опубликованного в России текста «Кони Айленд» («Русское богатство», 1912) [1] и послевоенных публикаций в различных коллективных поэтических сборниках [13], расцвет литературных поисков писательницы, стремление сказать и найти что-то свое, приходится именно на первую половину 1930-х гг. Письма к Николаю Евреинову позволяют заглянуть в творческую лабораторию Бакуниной, узнать о ее страхах и сомнениях (литературный канон и запретное, высокое и низкое), о жизненных труд-

ностях и некоторых особенностях литературного быта эмиграции, об оценке собственного творчества как «спешного», «маленького» (письмо от 12 апреля 1933 г.), «ужасающего» и «плохого» (письмо от 10 марта 1933 г.) — оценке, которая сформировалась под давлением «культурного риторического ритма эпохи» [18, с. 190], укреплявшего маргинальное положение женщины-творца в литературной иерархии [3; 4; 5; 17].

Пока нами не были найдены и изучены письма Евреинова, адресованные Бакуниной. Можно предположить, что Евреинов, много размышлявший о значимости «нагого» и «голого» тела в театре, о важности прекрасного и уродливого в искусстве [7; 11], заинтересовался попытками Бакуниной заговорить о физической любви и телесном в литературе. Недаром в одном из писем к драматургу Ю. Ракитин сделал замечание, касающееся его пьесы «Любовь под микроскопом»: «русского в ней только Ваша сексуальность (евреиновская)» [цит. по: 11, с. 238–239].

Письма печатаются впервые, по рукописным автографам (РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Ед. хр. 144).

Все тексты писем печатаются по современной орфографии, но с максимальным сохранением индивидуальных особенностей авторской пунктуации. Очевидные погрешности и опiski были исправлены.

В тексте расшифрованы понятные из общего смысла сокращения (напр., «п. ч.» — «потому что», «Посл. Нов.» — «Последние Новости» и т. д.). Если текст мог быть истолкован с некоторой долей сомнения, расшифровка приводится в угловых скобках. В квадратных скобках приведены слова и выражения, приписанные Бакуниной поверх строки.

Слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, выделяются курсивом.

Отчеркивание отдельных частей текста принадлежит Бакуниной и связано со сменой темы — переходом от личных вопросов к рабочим.

Для указания мест в рукописи, которые трудно поддаются чтению, применяется ремарка <нрзб.>.

26 января 1931

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Как передать то сложное ощущение неожиданности, волнения, стыда и радости — чего-то невыразимо задевающего душу — когда слышишь ответный голос на слова, брошенные во враждебную пустоту. И не просто голос, а голос от сердца. Он звучит в мире так редко и услышать его не всегда бывает дано.

Так я восприняла Ваше письмо.

Я думаю, что оценка Вами моей книги¹ незаслуженно лестна. Дорого и важно то, что человек Вашего порядка *прочел* книгу, не отложил в сторону, не бросил, не забыл. Ведь книг такое множество, и это было бы понятно. Но Вы прочли — значит я нашла какой-то тон, который уловило и взыскательное ухо. Это дает высокое удовлетворение.

Спасибо Вам за проявленное желание содействовать «выведению» книги в люди. В этом — чуткость и понимание того, что стихам этим, быть может, суждено принять на себя ушат условной морали. Так как Вы — ее воспримут не многие. Я получила, например, от П.<М.>² рассказ об отзвуке женщины средне-культурной, впитавшей в себя английские навыки. Циклы «Материнство» и «Женское»³ осуждены ею бесповоротно: «сексуальны», «оскорбляют женщину», «эту книгу надо родителям прятать от детей» и «дети будут прятать ее от родителей». «Несомненный и большой талант», но направленный на «гадость», на «отвратительное» (стих. «Весна» в цикле «Женское»).

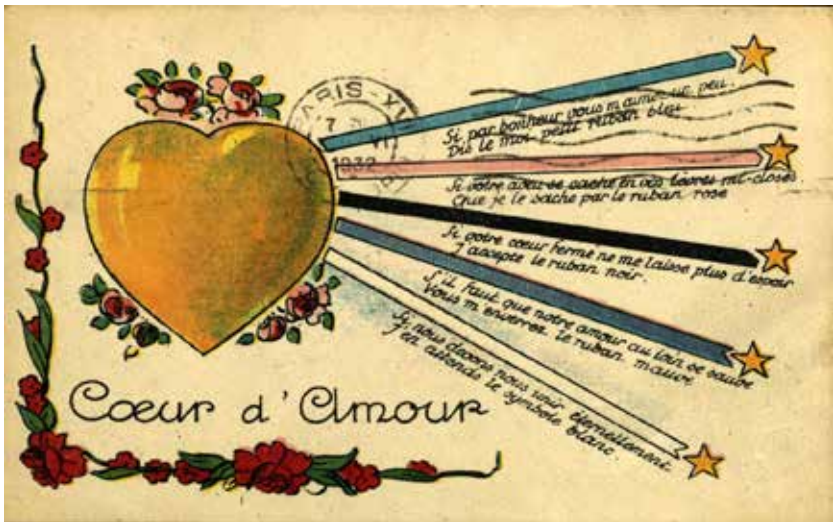
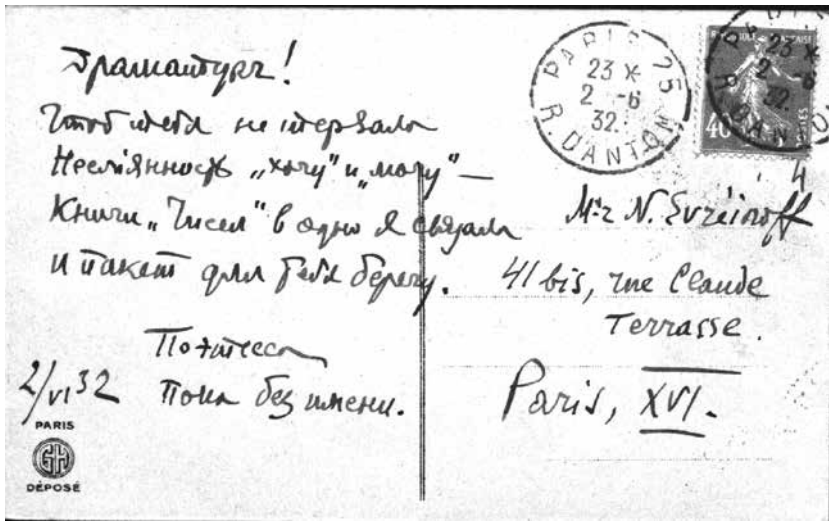
Такие отзывы я уже слышала — и несомненно есть такая порода людей (и была всегда), которая иначе не слышит и не видит.

З.Н. Гиппиус-Мережковская написала мне, что «эта книга важна тем, что она *далее* стихов». Видимо, они не сладкогласное пение. Чтобы ими увлечь — нужна Ваша увлекательная речь. То, что она собирается зазвучать, — хорошо.

Появятся ли отзывы в журналах — не знаю⁴. Я очень в стороне от всех людей. Но Г.В. Адамович написал мне, что собирается дать отзыв в «Последних Новостях» и что стихи его очень интересуют.

Благодарю Вас за приглашение. — П.М. сейчас в Англии, в турне с балетом покойной Анны Павловой. Когда-нибудь сговоримся о встрече по его возвращении.

Уважающая Вас
Екатерина Бакунина
(Новоселова).

Е. Бакунина. Письмо от 2 июня 1932 г. РГАЛИ

E. Bakunina. Letter dated June 2, 1932, from Russian State Archive of Literature and Art

¹ Речь идет о первом (и единственном) сборнике стихов Е. Бакуниной «Стихи» (Париж: Родник, 1931).

² Судя по всему, Бакунина говорит о своем муже — Петре М. Новоселове. В до-революционной России занимался статистическим учетом, написал труд «Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав Южно-Русской областной земской переселенческой организации: за 1906–1912». См. пояснение самой Бакуниной о муже: [6, с. 402]. В эмиграции служил драматическим артистом. В 1934 г.

вошел в состав сатирической группы «Бродячие комедианты» под руководством Евреинова: [9, с. 305].

³ Поэтический сборник Бакуниной состоит из следующих циклов, посвященных в основном трудностям (физическим, телесным, духовным), с которыми, по мнению автора, сталкивается каждая женщина: «Родина», «Изгнание», «Люди», «Одиночество», «О смерти», «Материнство», «Женское», «Отражения», «Земля». В циклах «Материнство» и «Женское» рождается негативный, болезненный образ материнства: момент зачатия, роды, заботы о ребенке старят и разрушают женщину, причиняют ей моральную и физическую боль, сковывают ее желания и мечты. В цикле «Женское» в стихотворении «Весна» проводятся параллели между половым созреванием девочки-подростка и весенним пробуждением природы (солнечный жар, набухшие от тепла и света и готовые раскрыться почки...); стихотворение «Спрут» метафорически воспроизводит любовную схватку спрута и его жертвы.

⁴ Ведущие критики эмиграции откликнулись на публикацию сборника Бакуниной: Г. Адамович в газете «Последние новости» (1931. 30 апр. (№ 3690). С. 3), П. Пильский в газете «Сегодня» (1931. № 216. С. 3) и В. Ходасевич — в «Возрождении» (1931. 25 июня (№ 2214). С. 3).

2 июня 1932¹

Драматург!
 Чтоб тебя не терзала
 Неслиянность «хочу» и «могу» —
 Книги «Чисел»² в одно я связала
 И пакет для тебя берегу.

Поэтесса
 Пока без имени.

¹ Письмо написано на открытке. В тексте письма проставлен адрес Евреинова в Париже: ул. Клода Терраса 41 bis, XVI округ.

На лицевой стороне открытки изображено сердце, от которого в разные стороны расходятся разноцветные ленты-лучи. Подстрочный перевод французского текста:

Если любите немного вы меня,
 Об этом лента синяя поведает твоя.
 Если признание полушепотом прозвучит,
 Розовая лента мне об этом сообщит.
 Если велит ваше сердце потерять мне надежду,
 Согласна я тогда на черную ленту.
 Если любви нашей нужно затаиться,
 Сиреневая лента тогда нам пригодится.
 Если суждено нам навеки соединиться,
 Белый символ поможет нашей любви воплотиться.

² «Числа» (Париж, 1930–1934) — журнал литературы и критики. Главный редактор — сначала И.В. де Манциарли и Николай Авдеевич Оцуп, позднее — Николай Оцуп. С 1932 г. Ектерина Бакунина работала секретарем редакции этого журнала, а также публиковала в нем свои художественные тексты и критические заметки.

5 июня 1932

Многоуважаемый
Николай Николаевич,

Елена Федоровна¹ сообщила мне, что Вы собираетесь зайти в редакцию «Чисел» в понедельник часов около 6 ½. Если это не представит для Вас неудобства — зайдите лучше попозже — часам к 8, так как теперь случается иногда, что я задерживаюсь в типографии. Комплект «Чисел» Вам отберет и Николай Авдеевич Оцуп, который выразил на это согласие, но было бы жаль, если бы я Вас не увидела в том случае, если указанный мною час Вам неудобен.

Уважающая Вас

Екатерина Бакунина.

¹ Лицо, о котором идет речь, установить не удалось.

10 июня 1932¹

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Спешу поблагодарить Вас за книгу и за надпись². Еще не приступив к чтению, уже по подзаголовкам вижу, насколько интересно (и индивидуально) содержание, а для меня в особенности, так как я в Вашей области человек неискушенный. Еще раз спасибо!

Привет.

Екатерина Бакунина.

¹ Письмо написано на открытке. В тексте письма проставлен все тот же парижский адрес Евреинова: ул. Клода Терраса 41 bis. На открытке изображены зарисовки исторических костюмов. Надпись на лицевой стороне: набросок придворных костюмов, художник Пизанелло, музей Конде (Шантийи).

² Судя по всему, речь идет о книге Евреинова «Театр в жизни», опубликованной на французском языке: [14]. В пользу этого предположения свидетельствует также упоминание о «театре в жизни» в письме Бакуниной от 7 декабря 1933 г.

10 марта 1933¹

Дорогой Николай Николаевич,

Спасибо Вам за Ваше письмо. Не знаю только, как Вы отнесетесь к моей книге², когда ее прочтете. Она мне причинит много боли и много будет на нее хулы. Но мне, конечно, важнее всего мнение людей Вашей категории — мыслящих свободно и не ставящих искусство запрета иного, кроме искажения правды. Потому что

ведь и красота относительна и ее нельзя <сделать> критерием. Мне кажется, единственный критерий — совестливая правда. (Конечно, не фотографичность, не автобиографичность, а преломление сквозь личность).

Я бы уже послала Вам книгу — но до сей поры не получила авторских. «Дом книги»³ в течение первых же дней куда-то <распространил> все 200 экземпляров, которые получил от издателя. Завтра получают еще 100 — но они тоже им нужны. И вот у меня ничего нет, а у Дома Книги ее <нрзб.> был / экземпляр — пробный.

Для меня будет очень большое значение иметь Ваше отношение к моей дерзости.

Сейчас будет волна фарисейски-ханжеского негодования.

Но я плохо написала книгу, только не могла вернуться к ней, дорабатывать. Я могла ее только уничтожить или оставить с ужасом — так как есть.

Я и оставила.

С искренним приветом

Екатерина Бакунина.

¹ В конце этого письма Бакунина указала свой адрес: ул. Огюста Бланки 4, Жанттий (Сена).

² Бакунина пишет о вышедшем отдельным изданием романе «Тело» (Берлин: Парабола, 1933). До этого роман печатался на страницах журнала «Числа» (1933. № 7–8. С. 34–50).

³ «Дом книги» — издательство и книжный магазин в Париже, в котором продавались книги писателей-эмигрантов. Размещался по адресу ул. Эперон 9 (просуществовал до 1991 г.). Магазин возглавлял издатель и книготорговец Михаил Каплан. См. подробнее: [2].

12 апреля 1933

Дорогой Николай Николаевич,

была очень тронута Вашим вниманием. В свою очередь поздравляю и Вас с весенними днями. Природа в расцвете — жизнь на <излете>. От этого весной особенно грустно и особенно мила земля и каждая ее травинка.

Я слышу столько осуждений своей книжки¹, которые переносятся и лично на меня, что сама ужасаюсь содеянному. Но меня удивляет то внимание, которое ей уделяется. Ведь это нечто спешно сделанное и маленькое. Мне страшно хочется еще писать, успеть написать, — но обстоятельства так сложились, что сейчас я ничего не в состоянии делать в литературной области. Время и силы уходят

на бесконечность мелочей. Нет совершенно никаких заработков, и получается какое-то средневековое самопроизводящее хозяйство, главной тяжестью ложащееся на женские плечи.

Может быть, мне удастся передохнуть, если будут переводы «Тела». Через проф. Сперанского², который случайно имеет отношение к испанскому издательству, книга отправлена в Барселону и рекомендована в ответ на запрос оттуда, что переводить. В Германии взялась хлопотать С.Ю. Прегель³ — но в связи с тем, что там сейчас творится — мало надежды. Не до того. Молчит и Прегель. Закончен французский перевод, но не знаю, куда с ним обратиться и как⁴. Не знаете ли Вы ходов? Буду Вам благодарна за указания.

Слышала, что книга <нрзб.> переведена на голландский язык. Может быть, и в этом направлении Вы можете оказать мне содействие?

Если у меня ничего не выйдет с переводами, то, по-видимому, писать мне будет невозможно.

Новый роман⁵ (?) — или, как говорят писатели, — не роман, а новая форма, не имею <еще> именованья, — вчерне готов. Нужно работать над ним и много. Потом задумана вещь большая и требующая подготовки. За мною неординарная жизнь, мне кажется, что я не совсем заурядная личность, оказывается — владею словом — и все ни к чему, если будет длиться такой <слово зачеркнуто> обиход, как до сей поры.

Было бы страшно интересно (и ценно) поговорить с Вами [о театрализации жизни и пр.]. Может быть, Вы бы нашли время приехать к нам? [Когда?]. Мне выйти из дома в люди трудно, да и не в чем.

Привет и еще раз спасибо

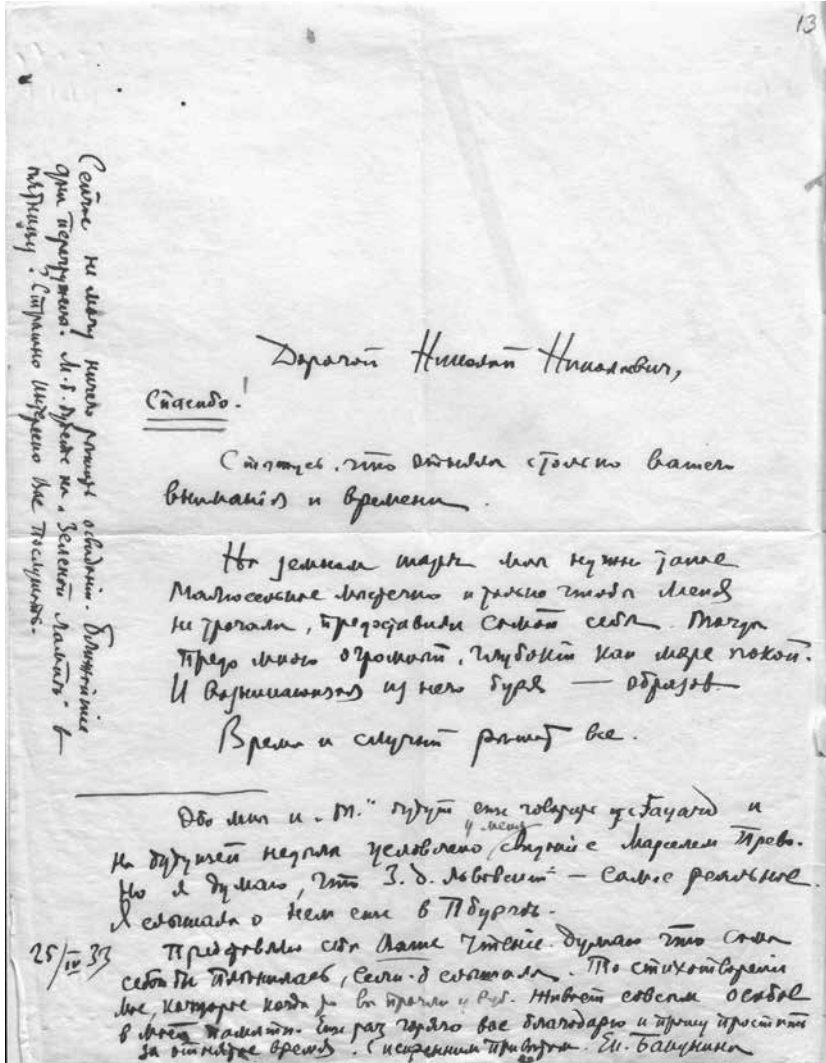
Искренне к Вам расположенная
Ек. Бакунина.

¹ На публикацию первого романа Бакуниной откликнулись многие представители литературного мира русской эмиграции. С резкой критикой романа выступили В. Ходасевич (Возрождение. 1933. № 2900. С. 3; Возрождение. 1935. № 3711. С. 3), П. Пильский (Сегодня. 1933. № 87. С. 3; Сегодня. 1935. № 200. С. 3) и чуть позднее Н. Городецкая (L'Intransigeant. 1934. 5 août. P. 6), З. Шаховская (Thyrse. 1934. T. 31. P. 351), З. Гиппиус (Современные записки. 1935. № 58. С. 478). Приведем также отрывок из письма переводчицы и писательницы Августы Даманской, в котором она следующим образом отзывалась об авторе романа: «У Бакуниной тело есть — даже много. Немолода, некрасива, типа чухоночного. Пишет стихи, иногда недурные. Талантлива ли? А как на Вашу оценку? По-моему — тут предельная откровенность и отвага бесстыжая заменяет талант. Блеф!» (письмо Е. Кусковой, август 1933). Цит по: [12, с. 196]. В защиту творчества Бакуниной выступили Г. Адамович (Последние новости. 1933. № 4369. С. 3), Ю. Фельзен (Числа. 1933. № 9. С. 217–218), М. Цетлин (Современные записки. 1933. № 53. С. 454–456). О рецепции романа см. подробнее: [17].

² Вероятно, речь идет о профессоре Валентине Николаевиче Сперанском (1877–1957) — философе, политологе, правоведе, историке литературы. До рево-

люции преподавал на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и Высших женских Бестужевских курсах. С 1925 г. жил в Париже. Работал в Институте славянских исследований, Русском научном институте, Русском народном университете, читал лекции на русском факультете Парижского университета. Участвовал в заседаниях «Зеленой лампы».

³ Софья Юльевна (Юделевна) Прегель (1897–1972) — поэт, писатель, издатель, мемуарист. В эмиграции жила в Константинополе и в Берлине. В связи с приходом к власти Адольфа Гитлера покинула Берлин и в 1933 г. переехала жить в Париж.

Е. Бакунина. Письмо от 25 апреля 1933 г. РГАЛИ

E. Bakunina. Letter dated April 25, 1933, from Russian State Archive of Literature and Art

⁴ Перевод романа был выполнен Дусей Эргаз (Le Corps. Paris: Stock, 1934). Можно предположить, что Н. Евреинов откликнулся на просьбу Е. Бакуниной и попытался помочь ей с публикацией французского перевода. Роман вышел в том же издательстве, что и книга Евреинова «Театр в жизни». Здесь же были опубликованы произведения Женевьевы Фоконье, Стефана Цвейга, а также нобелевских лауреатов — Сигрид Унсет и Ивана Бунина.

⁵ Речь идет о втором романе Бакуниной «Любовь к шестерым» (Париж: [Б. и.], 1935).

25 апреля 1933

Дорогой Николай Николаевич,
Спасибо¹!

Стыжусь, что отняла столько Вашего внимания и времени.

На земном шаре мне нужно такое малюсенькое местечко и только чтобы меня не трогали, предоставили самой себе. Тогда предом огромный, глубокий, как море, покой. И возникающая из него буря — образов.

Время и случай решат все.

Обо мне и «Теле» будут еще говорить с Fayard², и на будущей неделе условлено [у меня] свидание с Марселем Прево³. Но я думаю, что З.Д. Львовский⁴ — самое реальное. Я слышала о нем еще в П<етер>бурге.

Представляю себе *Ваше* чтение. Думаю, что сама собой бы пленилась, если б слышала. То стихотворение мое, которое когда-то Вы прочли у <нрзб.> живет совсем особое в моей памяти. Еще раз горячо Вас благодарю и прошу простить за отнятое время.

С искренним приветом, Ек. Бакунина.

Сейчас ничего не могу решить о свидании. Ближайшие дни перегружены. Может быть, будете на «Зеленой лампе»⁵ в пятницу? Страшно интересно Вас послушать⁶.

¹ В оригинале «спасибо!» подчеркнуто дважды.

² Файар (Fayard) — парижское издательство. Основано в 1857 г. Выпускало серию иностранной литературы «Новое собрание французских и зарубежных шедевров» (с 1913 г.). С 1894 по 1936 г. издательский дом возглавлял Жозеф-Артем Файар.

³ Марсель Прево (1862–1941) — французский писатель, автор светских романов, издатель. Наибольшим успехом у читателей пользовался его не лишенный скандальной славы роман «Полудевы» (1894). Возглавлял журнал «Ревю де Франс» (1922–1939), в котором печатались в том числе и представители русского зарубежья.

⁴ Зиновий Давыдович Львовский (1881–1943) — переводчик. Жил во Франции с 1926 г.

⁵ «Зеленая лампа» (1927–1939) — литературно-философское общество, регулярные собрания видных эмигрантских деятелей культуры и литературы. Проводились по инициативе Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.

⁶ Последний параграф письма дописан на полях.

7 декабря 1933

Дорогой Николай Николаевич,

Вчера я подошла к Вам затем, чтобы поблагодарить Вас не только за спектакль, но ведь мы стояли на <ветру>, а мне не хотелось, чтобы словами мои были мимолетными.

Мне хотелось выразить Вам свою признательность за то, что Вы вспомнили о П.М. и <тем самым> ободрили человека. Деньги же, которые Вы дали возможность заработать, тоже не эквивалентны обыкновенным.

Спасибо Вам и Вашей жене¹. Я не знакома с ней, а то поблагодарила [ее] бы лично.

Но я не умею словами и выражением передавать то, что чувствую... То, о чем с таким изумительным прозрением Вы говорите в Вашей книге — о театре в жизни — мне не присуще. Я как бы заключена в обратное тому, что хотела бы выразить, чувствую себя всегда дурной, неумелой... Ни слова, ни тон не передают сущности того, что я хотела бы сказать — не приходят. Надо уметь играть в жизни — я не умею.

Я смотрела на Вас вчера и любовалась Вашим умением каждому сказать приятное, обо всяком вспомнить — и все это так непринужденно, легко, красиво — как будто Ваше тело — инструмент Вашей воли. Это замечательно. Слушать Вас и наблюдать — истинное наслаждение.

Спасибо за сердечный Ваш порыв

<Уважающая> Вас
Екатерина Бакунина.

¹ Анна Кашина-Евреинова (1899–1981) — актриса, писательница, автор эссе «Подполье гения: сексуальные источники творчества Достоевского» (1923), романов на французском языке «Красная молодость Инны» («La Jeunesse rouge d'Inna», совместно с Е. Извольской), «Хочу зачать» («Je veux concevoir», 1930), а также книги воспоминаний о муже «Н.Н. Евреинов в мировом театре XX века» (1964).

10 июля 1934¹

Дорогой Николай Николаевич,

Спасибо Вам за Ваше сердечное письмо и внимание и за вырезку. Я ее не увидела бы, если бы Вы не прислали, так как не подписалась ни в каком агенстве вырезок²...

Вы удивительно милый человек — или очаровательный гений?

Письмо Ваше дает мне повод поделиться с Вами моим волнением по поводу второго романа: «Любовь к шестерым». Он выйдет осенью в издательстве «Петрополис³» (по контракту должен бы выйти уже — «не позднее июня»), и у Стока⁴ мне сказали, что оставляют его за собой. Это большой роман (430.000 печатных знаков — в 3 ½ раза больше «Le Corps»). Гораздо глубже и серьезнее «Тела». И вот мне сообщили, что переводчики, к которым обращался Сток, отказываются переводить некоторые страницы. (Против христианской морали и о сексуализме). Их немного. Может быть, несколько <абзацев>, но я не могу подвергнуть свою книгу кастрации. Вы же понимаете, что нельзя уродовать новорожденное творенье в угоду взглядам неизвестных мне переводчиков. А сами издатели [русского] языка не знают и с чужих слов боятся, как бы книга не была запрещена, что им причинит убытки.

Дорогой Николай Николаевич, не могли ли бы Вы исполнить горячую мою просьбу — взять у Стока и прочесть манускрипт и защитить его со всей убежденностью Вашего красноречия, если он заслужит, конечно, защиту в Вашей оценке. Вы человек с мировым именем, а не ремесленник-переводчик...

Переводчики и те, кто читали «Любовь к шестерым», — все говорят, что книга замечательная, но... и т. д. Обычное рабство мысли и восприятия.

Я сегодня получила письмо от издателя, в котором он пишет, что обратился еще к кому-то из русских, с тем чтобы иметь суждение. Не знаю, кто это, — но Вы знаете людей, то есть какими они бывают в большинстве. Есть ведь и литературное мещанство.

Книгу, конечно, Сток не <нрзб.>, но, боюсь, что предложит сократить, а я на это не могу согласиться, и тогда...

Как сделать так, чтобы Вас ее попросили прочесть — я не знаю... Вы, если захотите, лучше меня это обдумаете. Нельзя, чтобы это исходило от меня.

Вашему критерию доверяю вполне.

Защитите мою книгу, дорогой Николай Николаевич, от литературного обскурантизма.

Сердечный привет
Екатерина Бакунина.

У Стока в витрине портрет автора «Le corps» и «Le corps», а автор в тревоге, мешающей что-либо делать. Да ведь и жизнь нашу знаете.

Второй роман Сток озаглавил «Sixtuple amour» «Любовь к шестерым»

Знаю, что эта книга стоит того, чтобы появиться неизуродованной.

¹ В письме указан домашний адрес Бакуниной: ул. Огюста Бланки 4, Жантийи (Сена).

² Скорее всего, речь идет о лестном отзыве о романе «Тело» во французской прессе. В 1934 г. вышло как минимум три положительных отзыва на французский перевод романа: J. Lanoe (La Nouvelle revue française. 1934. XLIII. P. 919), C. Barjac (La Grande revue. 1934. CXLV. P. 515), а также заметка в журнале «Bulletin des lettres» (1934. № 31. P. 210). См.: [16].

³ Роман был опубликован не в Берлине (издательство «Петрополис», возглавляемое Яковом Блохом), а в Париже в 1935 г. без указания издательства.

⁴ Сток (Stock) — французский издательский дом, опубликовавший первый роман Бакуниной «Тело» («Le Corps»). Основан в 1708 г. После 1921 г. владельцы издательства Морис Деламен и Жак Бутло (Шардонн) с успехом публиковали книги многих зарубежных писателей (например, серия «Лучшие зарубежные произведения, неиздававшиеся во Франции или же ставшие библиографической редкостью и вызывающие живейший интерес» (с 1925 г.). Издательство так и не опубликовало французский перевод второго романа Бакуниной.

Литература

1. Бакунина Е.В. Екатерина Бакунина // Калифорнийский альманах. Oakland, Calif.: Изд-е Лит.-худож. кружка г. Сан-Франциско, 1934. С. 96–97.

2. Гузевич Д.Ю. Парижский «Дом книги» (Михаил Каплан) // Русское еврейство в зарубежье / сост., ред., изд. М. Пархомовский. Иерусалим: РЕВЗ, 2002. Т. 4 (9). С. 98–110.

3. Демидова О.Р. Женская проза и большой канон литературы русского зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. ст. О. Демидовой. СПб: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ун-та, 2003. С. 3–18.

4. Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании. Литературный быт русского зарубежья. СПб: Гиперион, 2003. 292 с.

5. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. С. 205–219.

6. Ливак Л. Критическое хозяйство Владислава Ходасевича // Диаспора-IV. Новые материалы / отв. ред. О. Коростелев. СПб: Феникс, 2002. С. 391–456.

7. Нагота на сцене / под ред. Н. Евреинова. СПб: Тип. Морского министерства, 1911. 124 с.
8. *Пильский П.М.* Любовь стареющих. О новом романе Екатерины Бакуниной «Любовь к шестерым» // *Сегодня*. 1935. № 200. С. 3.
9. Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука, 2008–2010. 794, 683, 752 с.
10. *Рубинс М.О.* Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов. М.: НЛО, 2017. 325 с.
11. *Рыженков В.Ю.* Николай Евреинов в культурной жизни России и Зарубежья. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 316 с.
12. *Янгиров Р.М.* Тело и отраженный свет. Заметки об эмигрантской женской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус «Женщины и женское» // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 86. С. 183–206.
13. *Dictionary of Russian Women Writers* / ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal. London: Greenwood Press, 1994. 869 p.
14. *Evreinoff N.* Le Théâtre dans la vie. Paris: Stock, 1930. 240 p.
15. *Heller L.* Le bois courbe de la littérature russe. Saarbrücken: EUE, 2016. 360 p.
16. *Livak L.* Russian Emigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: a Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 584 p.
17. *Maritchik-Sioli Y.* «Filles d'émigration». Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le «génie de la médiocrité» à l'épreuve de la modernité: Thèse de doctorat. Université Grenoble Alpes, 2020. 350 p.
18. *Meschonnic H.* Politique du rythme, politique du sujet. Lagrasse: Verdier, 1995. 615 p.
19. *Morard A.* De l'émigré au déraciné. La «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940). Lausanne: L'Age d'homme, 2010. 396 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

Letters of E.V. Bakunina to N.N. Evreinov (1931–1934) History of a «Minor» Woman Writer

©2022. Youlia A. Maritchik-Sioli
Université Grenoble Alpes, France

Abstract: The letters of émigré woman writer Ekaterina Bakunia (1889–1976) to the dramatist, director and theater historian Nikolai Evreinov (1879–1953) are published for the first time. These documents are of great value: these letters encourage us to plunge into creative laboratory of Bakunina (her collection of poems entitled “Poems,” two novels — “The Body” and “Some love for six persons”), to discover her doubts and fears (description of human body and physical love in literature) as well as some details about literary émigré life. The correspondence with Evreinov enlightens its readers about a marginal status of the authors, especially women writers, who dare to raise prohibited questions. “Minor” women writers were systematically under pressure of literary canon and cultural rhythm of the epoch and

therefore they were forced to characterize their texts as quickly and badly written and “minor.” The publication includes a very short introduction, the correspondence with comments and a list of references.

Keywords: Ekaterina Bakunina, Nikolai Evreinov, emigration, women’s literature, body, prohibition, minor.

Information about the author: Youlia A. Maritchik-Sioli — PhD in French and Russian Literature, Teacher-Researcher, Université Grenoble Alpes, 1431 Rue des Résidences, 38400 Saint-Martin-d’Hères, France.

E-mail: youlia.sioli@univ-grenoble-alpes.fr

For citation: Maritchik-Sioli, Y.A. “Letters of E.V. Bakunina to N.N. Evreinov (1931–1934). History of a ‘Minor’ Woman Writer.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 8–24 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24>

References

1. Bakunina, E.V. “Ekaterina Bakunina” [“Ekaterina Bakunina”]. *Kaliforniiskii almanakh [California Almanac]*. Oakland, Calif., Izdanie Literaturno-khudozhestvennogo kruzhka San-Frantsisko Publ., 1934, pp. 96–97. (In Russ.)

2. Gusevich, D.Y. “Parizhskii ‘Dom knigi’ (Mikhail Kaplan)” [“Parisian ‘Book House’ (Mikhail Kaplan)”]. *Russkoe evreistvo v zarubezh’e [Russian Jews Abroad]*, vol. 4 (9), comp., ed. by M. Parkhomovskii. Jerusalem, Russkoe evreistvo v zarubezh’e Publ., 2002, pp. 98–110. (In Russ.)

3. Demidova, O.R. “Zhenskaia proza i bolshoi kanon literatury russkogo zharubezh’ia” [“Women’s Prose and a Great Literary Canon of the Russian Abroad”]. *My. Zhenskaia proza russkoi emigratsii [We. Women’s Prose of the Russian Abroad]*, comp. and introd. by O. Demidova. St. Petersburg, Russian Christian University for Humanities Publ., 2003, pp. 3–18. (In Russ.)

4. Demidova, O.R. *Metamorfozy v izgnanii. Literaturnyi byt russkogo zarubezh’ia [Metamorphosis in Exile. Literary Life of the Russian Abroad]*, St. Petersburg, Giperion Publ., 2003. 292 p. (In Russ.)

5. Demidova, O.R. “Emigrantskie docheri’ i literaturnyi kanon russkogo zarubezh’ia” [“Emigré Daughters’ and Literary Canon of the Russian Abroad”]. *Pol. Gender. Kultura [Sex. Gender. Culture]*, ed. by E. Shore, K. Khaider. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2000, pp. 205–219. (In Russ.)

6. Livak, L. “Kriticheskoe khoziastvo Vladislava Khodasevicha” [“Vladislav Khodasevich’s Critical Strategy”]. *Diaspora-IV. Noveye materialy [Diaspora-IV. New Materials]*, ex. ed. O. Korostelev. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 391–456. (In Russ.)

7. *Nagota na scene [Nudity on Stage]*, ed. by N. Evreinov. St. Petersburg, Tipografiia Morskogo ministerstva Publ., 1911. 124 p. (In Russ.)

8. Pil’skii, P.M. “Liubov’ stareushchikh. O novom romane Ekateriny Bakuninoi ‘Lubov’ k shesterym’.” [“The Love of Aged Persons. Some Words about Ekaterina Bakunina’s New Novel ‘Some Love for Six Persons’.”]. *Segodnia*, no. 200, 1935, p. 3. (In Russ.)

9. *Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii: 1919–2000. Biograficheskii slovar’: v 3 t. [The Russian Abroad in France: 1919–2000. Biographical Dictionary: in 3 vols.]*, ed. by L. Mnukhin, M. Avriil’, V. Losskaia. Moscow, Nauka Publ., 2008–2010. 794, 683, 752 p. (In Russ.)

10. Rubins, M.O. *Russkii Monparnas. Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov* [*Russian Montparnasse. Parisian Prose of 1920–1930*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 325 p. (In Russ.)
11. Ryzhenkov, V.Y. *Nikolai Evreinov v kul'turnoi zhizni Rossii i Zarubezh'ia* [*Nikolai Evreinov in the Cultural Life of Russia and of the Russian Abroad*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013. 316 p. (In Russ.)
12. Iangirov, R.M. “Telo i otrazhennyi svet. Zametki ob emigrantskoi proze i o nenapisannoi knige Zinaidy Gippius ‘Zhenshchiny i zhenskoe’.” [“Body and Reflected Light. Notes about Emigré Prose and the Unwritten Book of Zinaida Gippius ‘Women and the Feminine’.”]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 86, 2007, pp. 183–206. (In Russ.)
13. *Dictionary of Russian Women Writers*, ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal. London, Greenwood Press, 1994. 869 p. (In English)
14. Evreinoff, N. *Le Théâtre dans la vie*. Paris, Stock, 1930. 240 p. (In French)
15. Heller, L. *Le bois courbe de la littérature russe*. Saarbrücken, EUE, 2016. 360 p. (In French)
16. Livak, L. *Russian Emigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: a Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010. 584 p. (In English and in French)
17. Maritchik-Sioli, Y. “*Filles d’émigration.*” *Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le “génie de la médiocrité” à l’épreuve de la modernité: Thèse de doctorat*. Université Grenoble Alpes, 2020. 350 p. (In French)
18. Meschonnic, H. *Politique du rythme, politique du sujet*. Lagrasse, Verdier, 1995. 615 p. (In French)
19. Morard, A. *De l’émigré au déraciné. La “jeune génération” des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940)*. Lausanne, L’Age d’homme, 2010. 396 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 11.04.2022
Одобрена после рецензирования: 19.05.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 11.04.2022
Approved after reviewing: 19.05.2022
Date of publication: 25.09.2022

МЕМОАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>
<https://elibrary.ru/HLLLSP>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Человек становится лучше после больших переживаний» (Письма Тани Вагнер. 1939–1945)

© 2022, А.Ю. Заднепровская

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье публикуются письма ленинградской девочки-подростка Тани Вагнер 1939–1945 гг., сохранившиеся в семейном архиве. В основном они адресованы ее матери М.Ф. Вагнер, отбывавшей ссылку после ареста и гибели мужа. Письма представляют собой дневник, хронику жизни в предвоенном и блокадном Ленинграде. В приложении дан отрывок из неопубликованных воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде, написанных в поздние годы жизни.

Ключевые слова: репрессии 1938–1940 гг. в СССР, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, советская школа.

Информация об авторе: Александра Юрьевна Заднепровская — независимый исследователь, кандидат исторических наук, историк культуры России XIX–XX вв., г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

Для цитирования: Заднепровская А.Ю. «Человек становится лучше после больших переживаний» (Письма Тани Вагнер. 1939–1945) // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 25–57. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>

Автор этих писем — моя мать Татьяна Николаевна Вагнер-Заднепровская (1926–2001), дочь гидрографа Николая Петровича Вагнера (1888–1938)¹. После окончания университета Татьяна Николаевна стала ученым-библиографом, всю жизнь проработала в библиотеке

¹ После окончания Майской гимназии Н.П. Вагнер продолжил свое образование на физико-математическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1916 г. В 1917 г. учился в Морском кадетском корпусе на курсах гардемарин, а в 1918 г. — гидрографов. С 1920 г. он работал в Гидрографическом управлении Красного Флота. Был начальником Гидрографического, затем Картографического отделов Управления. С 1 марта 1928 г. назначен старшим

Института археологии, она автор и соавтор более 30 опубликованных работ.

Основной адресат писем — ее мать, Мария Федоровна (1890–1964), урожденная Парланд. Перед войной семья жила на 12-й линии Васильевского острова, занимала две комнаты в коммунальной квартире. В ней также жили дед мамы Петр Николаевич Вагнер, преподаватель Морского Кадетского корпуса, флота генерал-майор в отставке², художник-маринист, ученик А.И. Куинджи (он умер в 1931 г.) и его жена Ольга Михайловна (бабушка Оля).

Таня была поздним долгожданным ребенком. Училась в 217-й школе на Васильевском острове, которая считается преемницей знаменитой гимназии К. Мая, в которой учился ее отец. В 1937 г. Вагнеры провели вместе последнее счастливое лето. Николай Петрович был арестован 1 ноября того же года, вынесенный приговор — «десять лет без права переписки». В своих «Воспоминаниях», над которыми Татьяна Николаевна работала в последние годы жизни, она писала:

Отца арестовали в ночь на 1 ноября 1937 года. Я лежала больная — у меня была скарлатина. Тогда эта болезнь считалась очень опасной и меня должны были положить в больницу. Но папа добился отмены, я лежала дома. А сосед немец-пекарь по фамилии Мусс находился из-за карантина в неоплаченном отпуске, и отец ему его оплачивал.

Итак, ночью я была разбужена шумом, всюду горел яркий свет, в соседней комнате слышались чужие мужские голоса. Я лежала тихо, никого не звала. В комнату быстро вошла мама, лица ее я не помню, и быстро сунула мне в постель сумочку, в которой были золотые вещи: кольца и брошки. Видимо, я все понимала.

Папа захотел со мной проститься, но его одного в комнату не пустили (как потом объяснила мне мама), он не захотел меня пугать. Он ласково, лицо было спокойное, помахал мне рукой. Из-за положения двери и моей постели, я могла видеть только его отражение в зеркале шкафа, который и по сей день хранит на своей зеркальной поверхности наше прощание. Больше его видеть мне не довелось. <...>

производителем работ Гидрографического управления. В середине 1930-х гг. вышел в отставку и перешел на преподавательскую работу.

² Официальное название чина по дореволюционной табели о рангах. После революции П.Н. Вагнер находился на службе до 1924 г. и преподавал на Курсах командного состава РККФ (Рабоче-Крестьянского Красного Флота), реорганизованных в 1919 г. в Училище командного состава РККФ. С 1921 по 1929 гг. он был также профессором факультета живописи, графики, скульптуры ВХУТЕИНа (Высшего художественно-технического института на базе бывшей Академии художеств).

Десять лет без права переписки. Тогда еще не знали, что это означает. Квартиру нужно было освободить. Две большие комнаты, хорошо и со вкусом обставленные. Нужно было все продать, так как денег не было. Тогда хорошо продавались вещи в комиссионных магазинах, так как все, что было на прилавках, было убого. Комната бабушки Ольги Михайловны была сплошь заставлена, часть вещей перевезена на Тучкову набережную, часть отдана для продажи знакомым и родственникам³.

Н.П. и М.Ф. Вагнеры. 1937 г.
Nikolay and Maria Wagner (1937)

После ареста мужа Мария Федоровна была выслана из Ленинграда в административном порядке. Прошлая жизнь канула навсегда. 6 февраля 1938 г. она выехала в Башкирию, где в итоге прожила 8 лет⁴.

В феврале 1938 г. Тане исполнилось двенадцать лет. Невозможно было оставаться в квартире на 12-й линии Васильевского острова,

³ Только в начале 1990-х гг. мы с мамой, ознакомились со следственным делом и узнали, что Н.П. Вагнер был расстрелян 8 января 1938 г. О его аресте и реабилитации см.: [1]. Н.П. Вагнер был осужден по статье 58-6-8-11 УК РСФСР. Справка о пересмотре дела и реабилитации «за отсутствием состава преступления» выдана 22 мая 1958 г.

⁴ Местом ссылки Марии Федоровны стало село Тавтиманово Иглинского р-на.

где дверь в комнату родителей была опечатана. На семейном совете был решен ее переезд к родственникам в дом на Тучковой набережной (ныне набережная адм. Макарова). Там жили бабушка Паша — Прасковья Михайловна Парланд⁵, и семьи ее детей: сына Федора Федоровича⁶, его жены Нины Александровны и дочери Нины Федоровны⁷, младшей сестры Марии Федоровны. Нина Федоровна (тетя Нина) была замужем за инженером-железнодорожником Николаем Николаевичем Пехтеревым («дядя Ко»)⁸. В семье Пехтеревых был единственный сын Лев, выпускник 217-й школы, в то время студент старших курсов железнодорожного института.

В детстве Таню называли «грёзовской головкой». При этом девочка была настоящий *enfant terrible*, очень резкая и горячая, но одновременно добрая и любящая. В приемной семье ей многое прощали и по-настоящему любили. Тетя Нина Пехтерева была заботливая и очень деликатная. В одном из своих писем сестре в ссылку она пишет, что никогда не читает писем Тани, чтобы не мешать ей быть вполне откровенной с матерью.

Татьяна Николаевна писала:

Понимала ли я, что произошло с моей семьей? Видимо, понимала. Помню звонок Надюши⁹ и ее сдержанный, но спокойный голосок: «Папа заболел той же болезнью, что и твой». Я пошла к тете Нине и сказала, что Александр Борисович арестован. Тетя Нина испуганно спросила, откуда мне это известно. Я объяснила.

Надя Шапирова была в это время ближайшей задушевной подругой Тани. Семья Шапировых сыграла в ее жизни огромную роль. Александр Борисович Шапиров, юрист по образованию, после революции работал в библиотеке¹⁰. Его сестра Татьяна Борисовна — жена

⁵ Парланд Прасковья Михайловна, урожд. Грибкова (1863–1942) — вдова скрипача Императорских театров Ф.А. Парланда.

⁶ Парланд Федор Федорович (1893–1942) прошел ускоренный курс Павловского военного училища, прапорщик, участник Первой мировой войны, был ранен. В начале 1920-х гг. окончил Факультет общественных наук, юрист по образованию, работал бухгалтером.

⁷ Пехтерева Нина Федоровна, урожденная Парланд (1891–1942) — жена Н.Н. Пехтерева.

⁸ Николай Николаевич Пехтерев (1889–1975) — инженер-железнодорожник.

⁹ Надежда Александровна Шапирова-Дмитриева (1927–2022) — физиолог, кандидат наук. В письмах далее — Дюк, Надюша. Дружба Н.А. с Т.Н. Вагнер-Заднепровской и ее семьей продолжалась до конца ее жизни. Письмо к ней также включено в данную публикацию.

¹⁰ А.Б. Шапиров репрессирован в 1940 г.

известного филолога и переводчика М.А. Лозинского. Сам А.Б. был женат на Валентине Алексеевне, дочери врача, академика Медико-хирургической академии А.И. Лебедева. Эта семья воплощала лучшие традиции русской интеллигенции. Они отличались необыкновенным чувством долга, справедливости и незаурядным мужеством. В духе времени судьба их сложилась трагически — Александр Борисович был арестован и погиб в 1940 г., сын Алеша, выпускник физического факультета ЛГУ, погиб на фронте.

Сидят: П.М. Парланд, Н.Ф. и Н.Н. Пехтеревы,
стоят: Тانيا Вагнер и Лева Пехтерев. 1940 г.
Sitting: Praskovya Parland, Nina and Nikolay Pekhterev;
Standing: Tanya Wagner and Lev Pekhterev (1940)

Таня и Надя вместе занимались в частной группе у известных на Васильевском острове трех сестер Штегеман, последовательниц немецкого педагога В.А. Фребеля¹¹. Вильгельмина Юльевна и Агата Юльевна вели младшую группу, а Елена Юльевна — старшую. Дети

¹¹ Фребель Фридрих Вильгельм Август (1782–1852) — выпускник Йенского и Берлинского университетов, теоретик дошкольного воспитания, в основу которого положены принципы педагогики Песталоцци в соединении с постулатами немецкой философии.

учили немецкий язык, заучивали много стихов, занимались пением и танцами. Эта группа просуществовала с конца 1920-х по 1941 г., когда сестер в 24 часа выслали из Ленинграда.

Кроме учебы в школе и в группе сестер Штегеман, у двенадцатилетней Тани появилась новая ответственность: несколько раз в месяц она должна была писать матери в ссылку подробные письма с рассказами о своей жизни. Они стали своего рода дневником — хроникой ее жизни. Мария Федоровна очень дорожила письмами дочери, сохранила их и привезла с собой, когда в 1946 г. вернулась в Ленинград.

Общий фон жизни в разгар репрессий был мрачным. В ноябре 1939 г. началась Советско-финская война, и Ленинград стал прифронтовым городом. Еще до начала войны, в сентябре 1939 г., были мобилизованы старший брат Нади Шапировой Алеша и любимый всеми учениками учитель математики Борис Аронович Елин (оба они погибли уже во время Великой Отечественной войны, весной 1942 г.). Валентина Алексеевна, мать Нади, по ночам после основной работы дежурила в госпитале.

Н.А. Дмитриева рассказывала мне, что 22 июня 1941 г., в день начала войны, Таня прибежала к ним и со звенящим от ужаса и восторга голосом объявила об этом. Валентина Алексеевна вздрогнула и отвернулась к окну. Она сказала, что второго голода не переживет (первый — менее известный в общественной памяти, но не менее трагический голод в Петрограде — был во время революции и «военного коммунизма» в 1918–1921 гг.). Так и случилось. Отправив дочь в эвакуацию с интернатом Эрмитажа, она одна осталась в Ленинграде, чтобы быть ближе к мобилизованному на фронт сыну Алексею.

К самому началу Отечественной войны относится драматический эпизод в жизни Тани Вагнер. Вместе с тетушкой, учительницей Ниной Александровной Парланд, ее отправили из Ленинграда в эвакуацию на Валдай. Но успели они доехать только до станции Дворец — как оказалось, двигались они навстречу быстро наступающим немецким войскам. Нина Александровна проявила большое хладнокровие и сумела вывезти своих учеников последним поездом в Ленинград. К счастью, их состав не разбомбили. Так они едва не угодили в оккупацию, но оказались в блокаде.

Особенно тяжелыми для жителей блокадного города, как известно, были зима 1941–1942 и весна 1942 г. Бабушка Тани, Ольга Михайловна Вагнер, умерла первой в декабре 1941 г. После смерти весной 1942 г. тети Нины и дяди Феди 16-летняя Таня начала работать, ей была необходима «рабочая карточка». Настроенная романти-

чески, она, конечно, мечтала о работе в госпитале. Но пришлось идти сначала на военный завод, где требовались рабочие руки. Потом, закончив курсы, она работала в районной службе Санэпидстанции.

Сохранилось письмо Тани осени 1942 г., адресованное Надюше Шапировой, которая была в эвакуации в Молотовской области¹². К этому времени Надя уже полностью осиротела. Ее старший брат Алеша Шапиров (1914–1942), аспирант физического факультета Университета, был убит на Ленинградском фронте под Тосно, а мать Валентина Алексеевна погибла от голода в апреле 1942 г.

Таня страшно мучилась от необходимости сообщить Наде эти ужасные вести. Но, конечно, они дошли своим чередом. В упомянутом письме все страшное и тяжелое — за кадром. В этом письме у Тани — тон «старшего друга», много пережившего и дающего ценные житейские советы. Тон бодрый, мажорный, все нацелено на будущее — учебу, работу. В то же время в письме есть и выразительная картина блокадного города. Счастливое свойство молодости: мама мне говорила, что, видя так близко смерть, никогда не верила, что и она легко может погибнуть. Позднее, когда блокада была уже снята, кое-что прорывается в ее письмах:

Не знаю, о каких ужасах у вас там болтают. Может быть, это по дороге, а у нас все хорошо. Вчера 1 мая были салюты и фейерверк. Я с Ниной была на Невском проспекте. Шли мы по дороге, так как так было виднее, и я вспомнила, как раз на том же самом месте у Гостиного двора я бежала, прижимаясь к стене, и перепрыгнула через лужу крови, только что натекшей из разбитой головы какой-то женщины, а над головой с отвратительным свистом летели немецкие снаряды и тут же разрывались, казалось, прямо над головой. А теперь опять гром, но уже своих орудий. Я не могу описать того, что чувствуешь в этот момент. Но что-то поднимает тебя и такое впечатление, что у тебя вырастают крылья и ты не идешь по асфальту, а реешь по воздуху над толпой. Впечатление, что у тебя выросли огромные крылья и ты летишь. Кончились салюты, и ты на земле¹³.

Татьяна Николаевна в своих поздних воспоминаниях пишет:

Война и ограничения с въездом в Ленинград задержали маму до 1946 года в ссылке. Я к тому времени кончила вечернюю школу, все время работая, и поступила в Университет. При заполнении анкеты

¹² С 1957 г. — Пермская, а с 2005 г. — Пермский край.

¹³ См. письмо от 02.05.1944 г.

при поступлении я скрыла, что отец репрессирован (что я дочь «врага народа»). Слава Богу, никто не поинтересовался: девочка-блокадница, награжденная в декабре 1944 г. медалью «За оборону Ленинграда»¹⁴, хотя и имевшая очень подозрительную немецкую фамилию.

В одном из писем 1945 г. описывается встреча со старым другом семьи, вернувшимся с фронта после долгих лет отсутствия (может быть, ссылки или ареста):

Теперь из другой оперы. Не так давно, сижу я и занимаюсь, и вдруг звонок, бегу открывать, спрашиваю: «Кто?», отвечают — «Евсеев». Я не знаю, кто это, хотя фамилия знакомая, а голос очень знаком. Входит высокий человек, седой. Я не узнаю, спрашивает о папе, о тебе, о дяде Феде, о тете Нине. Я не могу отвечать, душат слезы. Наконец, узнаю Жоржа-Вешалку¹⁵. Он ничего не знал. Был на Брянском фронте, демобилизовался из армии и приехал сюда. Жена его умерла, он остался один с двумя детьми. Просил передать тебе поклон. И сказал: «Будьте такие же мужественные и энергичные, как ваша мама». Он своим приходом разбудил горе: «почему он вернулся, а папа — нет». Ну, будем говорить о другом. Сейчас наступило хорошее время. Не надо много времени уделять своему горю и носиться с ним, так как много-много горя у нас и мое личное слишком мало, чтобы много о нем думать. Миллионы людей плачут, не я одна.

В другом письме, написанном тогда же, Таня пишет: «Да и вообще у меня самые хорошие и радужные мечты о будущем. Я не боюсь, что будет впереди, и я не боюсь жизни и борьбы. У нас с Надей во всем одинаковые взгляды, и обе мы оптимисты высшей марки». И далее:

Вообще, знаешь, человек становится лучше после больших переживаний. Я сужу по Наде и по себе. Мы с ней не были бы такими, если бы не война. Вспоминая о себе, мы обе смеемся, неужели мы были такими пустыми и как много у нас в голове было лишних и даже вредных условностей. Я не люблю разную сентиментальность¹⁶ и прочую глупость... Война не учит сентиментальности, а немецкие

¹⁴ В августе 1946 г. Т. Н. Вагнер была также награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

¹⁵ Сведений о Г. Евсееве разыскать не удалось.

¹⁶ Так в оригинале.

снаряды отучат от этой привычки. <...> у меня есть Надя, и поэтому я счастлива.

Надежда Александровна окончила биологический факультет Ленинградского университета, стала ученым-физиологом, вышла замуж за Евгения Константиновича Дмитриева, военного архитектора и инженера. Он воевал, был ранен.

Таня Вагнер осуществила свою мечту, поступила в университет на кафедру археологии истфака. В 1948 г. в Узбекистане во время экспедиции на Касане (Согдиана) познакомилась со своим будущим мужем Юрием Заднепровским (1924–1999). В ноябре 1941 г., как и большинство его сверстников, он был призван в армию, воевал на Ленинградском фронте, участвовал в боях за взятие Кенигсберга, был тяжело ранен, награжден боевым орденом Красной Звезды. Ю.А. Заднепровский стал известным археологом, специалистом по древней истории Средней Азии, доктором наук.

После замужества главным адресатом ее писем стал муж, ежегодно проводивший несколько месяцев на раскопках в Узбекистане и Киргизии. Умение и желание писать письма у родителей было взаимным. Об этом свидетельствует сохранившийся обширный семейный эпистолярный, охватывающий период 1950–1999 гг.

Для этой публикации мы выбрали некоторые письма, как нам кажется, говорящие о росте души подростка, реальной жизни и взрослении на мрачном и сложном фоне исторических событий. В качестве приложения ниже публикуется фрагмент воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде, написанных в 1990-е гг.

Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии, сокращения отмечены угловыми скобками.

*Т. Вагнер — М.Ф. Вагнер
27.02.1938*

Дорогая мамочка,

Мои рождения прошли. Подарков много. Вот они какие: тетя — мильную грушу¹ и пополам с бабушкой Пашей — торт. Бабушка Паша висюльки и пряники. Нина Александровна апельсины. Бабушка Оля — апельсины и пряники. Бабушка Паша еще подарила мне куклу хохлушку. Тетя Оля² посуду. Мария Адамовна конфеты. Дядя Федя деньги. Лева книги. Надя шоколад. Вот и все.

Я болела гриппом. Сегодня первый раз была в школе. Получила за рассказ отлично. За диктовку хорошо.

С Левкой возимся, орем, хоть святых выноси. Тетя в ужасе.

Целую крепко. Ляля

¹ Происходит от названия марки английского мыла Pears («Груши»), производившегося с начала XIX в.

² Ольга Львовна Моль, старая тетушка по Парландской линии, племянница и воспитанница архитектора А.А. Парланда; умерла во время блокады.

14.03.1938

Дорогая мамуся!

У нас тепло и хорошо. Снег выпадает и растает. Хожу в школу без пропусков. Кетька¹ очень выросла. Каждый день она бесится. С Надей я гуляю. Сейчас вечер. Скоро спать. А ты, наверно, спишь уже.

Всех писем не получаем. Готовим тебе посылку. У нас прибавился один урок. «ППХС» — Противовоздушная химическая оборона. Через месяц сдаем экзамен. Класс разнуздался, прямо ужас.

Целую крепко-крепко. Ляля

¹ Речь идет о кошке.

21.05.1939

Дорогая мамочка!

Вчера сдавала первый экзамен по ботанике. Получила отлично. Завтра русский письменный. Не знаю, как сдать.

Сегодня у нас случилось из рук выходящее приключение. Сижу я сегодня и читаю книгу. Вдруг слышу, что в комнате у меня кто-то шипит. Я подумала, что это кошка. Прихожу и вижу, что Кетти распушила свой хвост и старается что-то достать из-под моего маленького шкафика. Я кричу тетю. Она прибегает и я говорю: «Что такое случилось с Кэтти, почему она шипит». Тетя говорит: «Да ведь это не кошка шипит». Я наклонилась и, о ужас, моя дорогая, ты себе представить не можешь, что я увидела, отгадай! Нет, тебе не отгадать. Это была змея. Тетя давай визжать. А она поползла шипя за печку, а Кэтти за ней и лапой ей хвост теребит. Тетя побежала скорее за дворником, а он боится и говорит: лучше мальчишек позову, они ничего не боятся. Приходит этот мальчишка, а дворник сзади боится. Только он хотел его схватить, а змея за печку — за печкой в дырке

и скрылась. Я увидала, что это уж. У него желтая полоска на голове. Только дворник и мальчишка ушли, он выполз и пополз к молоку, которое мы поставили. Тетя опять побежала за ним. Он пришел, вытащил его и понесли в воду. Бросили в Неву, а он плышет, как лебедь. Приплыл к берегу, ребята его взяли и потащили к себе.

Сегодня целый день у нас только и разговоров об уже. Нина Александровна боится, ужас как. А откуда он появился, это — всем загадка.

Вот какие у нас дела, да случаи. Мы думаем, что теперь их там целый выводок.

Надя испытания не держит. Успехи у меня в немецком — я не нахожу.

Целую крепко. Ляля

P.S. Вчера была в кино и видела «Василиса Прекрасная».

Кетти — героиня дня. У нее на рыжей голове красуется лавровый венок. Преподнесенный мною. Она кланяется тебе. И намеревается стяжать новые лавры охотой на змея Горыныча.

Июль 1939

Дорогая мамочка!

Извини, что я так долго не писала. Я гостила у Дюки. Я тебе опишу всю жизнь там.

В Гобжицах¹. 21 числа к нам звонит Александр Борисович и просит тетю отпустить меня к ним погостить. Тетя согласилась. И так 22 июня рано утром мы поехали на вокзал. При входе на перрон образовалась очередь, а при открытии дверей образовалась давка, к завершению всех бед полил дождь. Кое-как влезли в вагон (тетя провожала Валентину Алексеевну и меня до Толмачева). Мест нет. Пришлось стоять до Сиверской. Только после нее сели. Приехали в Толмачево благополучно, сели на пароход. Тетя поехала обратно. Пароход шел ужасно медленно. Выехали мы в два часа, а приехали в 8 часов. От пристани до деревни около 1 км. Только мы вылезли из парохода, полил такой дождь! Но он скоро перестал. Нас встречала самоотверженно Марися². Около самой деревни — другое явление. С горы во всю прыть несется Дюка, размахивая зонтиком, хлюпя галошами и орет благим матом: «Танька, наконец-то!»

Расположились на ночлег мы так — в одной комнате я, Александра Ивановна и Марися, в другой — А.Б., В.А. и Дюка. К неописуемому ужасу А.И. мы оставили окна открытыми на всю ночь. И долго разговаривали к негодованию Дюки (не потому, что мы ей мешали

спать, а потому как смела Марися рассказывать мне интересные вещи, да еще ночью. К тому же еще, что Марися спала со мной был большой удар бедной Дюке). Марися рассказывает очень интересно. Она рассказывала про своих родичей, которые были гугеноты. И очень интересным образом спаслись в Варфоломеевскую ночь. Но потом приехал Алеша и Марися ушла ночевать к своей подруге Русе. Очень милой девушке.

Дюка успокоилась. Но Дюке положительно не везет. Она объелась и у нее желтуха. Довольно высокая была температура еще до моего приезда. Докторов на лицо не имеется, надо ехать в Зачеренье — это дом отдыха за 9 км. У Шапировых там есть челн, который течет и очень валкий. Ну мы и поехали, это было замечательное путешествие. А.Б. рулит, Алеша гребет, Надюка злится, В.А. страшно боится и не дает мне даже шевельнуться, а я качаю челн к удовольствию Алеши.

Это путешествие осталось в летописи под названием «Из варяг в греки». Большую часть дня проводили на лодке. Ездили за шиповником. На том месте, где растет шиповник была вилла какого-то барона. Остался лишь один фундамент. А вокруг — белый и красный шиповник. Очень красивый вид был из этойвиллы. Она расположена на горе, с трех сторон сосновый лес, а с четвертой стороны — вид на озеро, образованный рекой. <...> Мы там издавали газету. Называлась она «Дачная жизнь». Осмеяли там всех дачников.

Бедного Алешу мы извели. Он очень необщителен и целый день читает разных философов. Мы то его тащим гулять, то играть, то прибить гвоздь или придумать игру. Он ничего, довольно терпеливо относился к нашим приставаниям и исполнял наши просьбы.

Второе путешествие «Из варяг в греки» было еще интереснее. Мы опять поехали в Зачеренье. Дюку доктору показывать. Взяли двухвесельную лодку и отправились. Пока Дюка была у доктора, я, Руся и А.Б. гуляли. Потом мы отправились по реке еще дальше к деревне «Лава». Здесь оставили лодку на попечение А.Б., а все пошли к двоюродной сестре В.А. в Ц.И.К. Там пили молоко, ели черничный пирог, причем я посадила себе на розовое платье черничное пятно. (Платье только что было одето). Пошли обратно через чудный сосновый лес. Пришли к реке сели и поехали. Я гребла немножко. Руся говорит, я хорошо гребу. Потом Дюка. Так мы сидели разговаривали. В.А. рассказывала о своей поездке в Испанию. (Они с А.Б. ездили туда в свадебное путешествие). Вдруг с носа страшный визг. (На носу сидела Дюка, а я на корме, причем, не на сиденьи, а на самой лодке). Оказывается, что лодка на половину заполнена водой.

И Дюкино платье было замочено. Тут и я увидела, как глубоко сидит лодка. Вода прибывает. Вычерпывать нечем. Скорей к берегу! Я не знала, что лодка могла пойти ко дну. Руся (она говорила потом), что она была уверена, что мы не доплывем до берега. Мы были на середине реки. Все были перепуганы, кроме Дюки и меня. Мы и не представляли, что с этим шутить нельзя. Я рада приключению, а Дюка рада, что можно повизжать. Наконец причалили. Теперь стал вопрос, чем вычерпывать. Руся пожертвовала свои туфли. В.А. хотела взять Дюкину шляпку. Но Дюка с таким возмущением объявила, что не даст, что она потеряет форму (это панамка), что не будет белой и так далее. Я, конечно, дала свою панамку. Надя что-то буркнула на счет таких девочек, которые не берегут свои вещи. Я не осталась в долгу, как увидишь потом.

Вычерпав воду, оказалось, что Надюша промочила ноги. Какой ужас!! А.Б. опростоволосился и не взял вторую пару туфель. Я предложила свою пару. Я все равно была босиком. Отталкивая лодку, я обрызгала себе платье тиной. Потом оказалось, что мы по милости А.Б. чуть не пошли на дно. Так как он устроил себе сиденье из камней и кирпичей. Понятно, лодка осела и зачерпнула воды. Приехали в 10 часов вечера. Есть хочется, страшно холодно. Уже туман, а до деревни км с лишком, Руся пошла отвозить лодку в дом отдыха. Мы с Надей побежали домой. Я — с веслом, а на весле моя грязная панамка. Я несу как трофею. Смешу Дюку, она хохочет, я не отстаю. Там мы с визгом и хохотом ворвались в дом к ужасу и радости Анны Ивановны. Она думала, что мы утопли. Дом нам показался раем. Накормили нас, напоили, переодели. <...>

В этот же вечер приехала тетя за мной. Я побежала ее встречать без пальто. К ужасу А.Б., так как он, по словам Левы, приготовился меня одевать в шубу. За мной вдогонку был послан Лева и, к удовольствию А.Б., догнал меня и облачил в пальто. Тетя привезла конфет Дюке. Но я так наелась ими что сломала зуб и накормила ими Левку, что наверно, у него потом болел живот.

На другой день я была уже дома в городе и читала Конан-Дойля.
Целую. Ляля

¹ Деревня на реке Луга в Лужском районе Ленинградской области.

² Марися Бурзи, дочь друзей семьи Шапировых.

18.09.1939

Дорогая мамочка!

Я уже успела получить два отлично. По ботанике и по истории. Алгебра мне очень нравится, такая интересная штука. Я уже успела в школе набедокурить. У нас взяли директора и Бориса Ароновича на военную службу. Мы страшно рассердились и решили не идти в школу. Зачинщиком этого бунта была Ира Беляева и Г. С нами убежало 11 человек и все девочки. Это было 11 числа. 13 числа завуч нас страшно ругала и велела не приходиться в школу без родителей. Но девочки, такие ханжи, как Ира и я их не уговаривали идти просить прощения. Они пошли только из-за того, что вызывают родителей. Я была возмущена. И конечно, не пошла. Можно было тогда просить прощенье, если они осознали, что этот поступок глупый и не обдуманный. Но они так не рассуждали. А мне было стыдно за них. Но теперь все забыто.

Таня Герхен¹ — в другой школе. Но мы с ней гуляем. Вчера были с ней в зоопарке. Дюк-Дюк или Надя, как я ее зову, учится в 6 классе. Книг все нет. У Нади есть физика, она мне ее дает учить. А у Люды есть география. Так я покамест учу все.

Призыв в Красную Армию Левы не коснулся, у него отсрочка до 1940 года. А Надиного брата взяли.

Сегодня пойду к бабушке успокаивать ее насчет моих шалостей в школе. Пойду с Надей к бабушке. Вчера я упала, танцую какой-то танец дикарей, упала на пол и разбила коленку до крови. Хожу хромя. Лева с Мурой по-прежнему дерутся.

Собираемся послать тебе посылку. Сахар достанем, что еще надо?

Целую крепко. Твоя дочка Таня

¹ Татьяна Владимировна Герхен (1927–2016) — в 1935–1937 гг. одноклассница Тани по 217-й школе и ее близкая подруга, впоследствии геолог, в поздние годы жизни историк-краевед и генеалог.

18.11.1939

Дорогая мамочка!

Хотя я всю эту шестидневку не ходила в школу, но у меня не было времени. Тетя тебе написала, что у нас все больны. И бабушка, и тетя. Но бабушка уже стала ходить. Но ходит только с поддержкой. А тетя совсем не может стоять. У нее обожжен подъем. Вот я и стряпаю или нет, только чай и яичницу делаю, а стряпает Нина Александровна.

У нас так жутко. Все замаскировано. На улице огня совсем нет, окна занавешены или синие лампочки горят. Трамваи и автомобили с синими окнами ходят. Не видно, какой номер у трамвая. Магазины и те завешены и фабрика, которая через Неву. Вообще, вид довольно жуткий. Я вчера пошла за булкой и чуть-чуть не выкупалась в грязи на 1 линии. Недавно был сильный ветер и Нева вышла из берегов.

Нина Александровна и я пошли на чердак снимать белье и так там жутко грохало, как будто ведьмы танцевали, и мне вспомнились три ведьмы из «Леди Макбет». Мне очень хотелось выйти на улицу. Нина Александровна не пускала, а все таки удрала за хлебом. Нева правда вздулась, немножко вышла из берегов. На углу я чуть не задохнулась от ветра и бэрет съехал на затылок. Очень интересно.

Завтра иду в школу. Уроки я все делала и иду в ногу с классом. Притом, каждый день играю на рояле. Дядя Ко мне все показывает. За эту шестидневку я читаю очень мало. Только вчера я стащила у Левки томик Пушкина и читала все подряд: «Цыганы», «Домик в Коломне», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Кавказский пленник», «Медный всадник». Все сказки я давно прочитала, а также «Повести Белкина», «Арап Петра Великого» и «Пиковую даму», наверно, еще рано. Начала читать «Мазепу», но остановилась, хочу тебя спросить, можно ли?

Вот еще, «Война и мир», мне бы хотелось прочитать, а также «Три мушкетера». А то я, кажется, все книги из сундука приключений, так я называю Левкин ящик, где лежат все такие мальчишечьи книги, вроде Робин Гуд и Кожаный Чулок. А также я не могу смотреть на Жюль Верна. Когда много увлекаешься одним писателем, он тебе надоедает. Так и с Жюль Верном.

Сегодня общими усилиями у нас вышел хороший обед. Главный повар Нина Александровна. Повариха Мура. Я — поваренок. Левка помогал и молот мясо. Н.А. испугалась за судьбу котлет, так как туда убухали целые две большие луковицы. И целиком, не разрезывая, но обед вышел на славу. Делая честь главному повару, поварихе и маленькому поваренку.

Тетя Нина целый день хохочет над моими поступками. Не знаю, почему?

Целую крепко. Gute Nacht! Таня

06.02.1940

Дорогая мамочка!

Мы хотели тебе еще послать посылку. Но теперь временно посылки не принимают, только в действующую армию. Ты просила конфет, их теперь очень мало в продаже. Раз в Росконде¹ я с Мурой стояла в очереди, еле-еле получили. Предсказывали, что в феврале будет -50° морозу. Но недавно было всего 21° мороза, и мы учились. Если будет 25 градусов, то в школу ходить не надо. Теперь 10° мороза. Вчера я гуляла с Надюшей, переходили по льду Неву. Я вспоминала, как мы в Адмиралтейство на санках шпарили².

Дюка здорова и ходит в школу. И я также. Сегодня пойдем с санками. Уроки я уже давно сделала. Еще вчера. За эту шестидневку я получила по физике за контрольную отлично. За диктовку «хорошо», сделала всего одну ошибку, написала «время», а надо было времени. А это для меня очень мало. Еще получила отлично по геометрии, доказывала теорему у доски. И еще по литературе за стихотворение Шевченко «Завещание».

Недавно Левка достал с антресоль книги приложение к журналу. Произведения Рейдер Хоггарда. Я сейчас читаю его «Клеопатру», очень интересно. Александр Борисович (Надюшин папа) устроил меня в школу, где учится Дюка, но я хочу сдать экзамены в 15 школе, а на будущий год перейти в эту школу. Таня Герхен тоже в другой школе, но мы звоним друг другу по телефону. Мамочка, хватает ли тебе денег? А то мы пришлем.

Ты знаешь, что волосы у меня стали такие длинные, что я их заплетая в две косицы.

Целую крепко. Ляля

¹ Магазин ленинградской кондитерской фабрики «Росконд».

² На рубеже 1920–1930-х гг. Николай Петрович Вагнер служил в Гидрографическом управлении, располагавшемся в здании Адмиралтейства, там выдавали сотрудникам продукты.

03.03 1940

Дорогая мамочка!

Я ускользнул от Эскулапа

Худой, обритый, но живой!¹

Сегодня первый день, как встала с кровати. А то лежала и скучала. У Дюки оказывается не что иное, как паратиф. Тоже лежит.

Вчера был врач и сказал, что завтра можно встать, но на улицу и носа нельзя показывать до 7 числа. Докторам только и делать, что укладывать в постель.

У меня много книг от Нины Вебер², я целый день читаю. Сейчас тетя читает очень интересную книгу «Юношеские годы Пушкина», писатель Авенариус³.

Вчера была у меня бабушка Оля и Таня Габрилович, и Тага Падурова⁴. Бабушка подарила мне кольцо для салфетки. Очень хорошенькое серебряное. Сегодня целый день рисовала, посылаю тебе моего рыцаря средних веков.

Сейчас нас страшно перепугала тревога. Вдруг гудки сирены. Всех загнали в подворотни. Трамваи стоят. Думали, что настоящий налет. Но, оказалась учебная тревога. Длилась она около часа. С трех часов так до без четверти четыре. Тетя простояла в какой-то подворотне все это время. Погода самая несносная. Днем тает, к вечеру — холодно.

Писать не о чем. Скорее бы в школу. Целую крепко.
Ляля

¹ Первые строки стихотворения А.С. Пушкина «N.N.» (1819), посвященного В.В. Энгельгардту.

² Одноклассница Тани Вагнер, в дальнейшем геолог.

³ Имеется в виду книга В.П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» (СПб.: Изд-е книжного магазина П.В. Луковникова, 1899. 396 с.).

⁴ Одноклассницы Тани Вагнер по 217-й школе.

02.07.1940

Дорогая мамочка!

Мы все еще в Ленинграде и не знаю, поедем ли куда-нибудь¹. Делать нечего. Только читать. Взяла «Войну и мир» читать. Но от меня ее отняли, рано де тебе, читать и в утешение сунули Данилевского «Сожженная Москва».

Что ты так долго не пишешь? Мы беспокоимся. Левка защищал дипломный проэкт. Он теперь самый настоящий инженер. Мура будет защищать осенью.

Мы целый день не знаем, что делать. Из угла в угол бродим. Я, как маленькая девочка, сделала из линейки лук и стреляю из него, а вместо стрел Муркины шпильки. Занимательное занятие, достойное четырнадцатилетней девочки.

У нас цветет роза. Особенного больше нет. Ах нет, вспомнила, 30 были в кино смотрели «Большой вальс»². Чудно! Это из жизни композитора Штрауса. Заграничное кино.

Целую крепко. Ляля

¹ Речь идет о летник каникулах.

² Американский музыкальный фильм режиссера Ж. Дювивье, который с огромным успехом шел в СССР в 1940 г.

09.02.1941

Дорогая мамочка!

Я не знаю слов «не знаю, что делать» или «мне скушно». Ученье не дает покоя. Только сделал все уроки, перед тобой вырастает грамматика, которую повторяю и пишу диктовки, когда бывает время. Кроме того, я в кружке физиков. И я делаю доклад, тема моя «Телефон». Я себя воображаю академиком, делающим доклад. Кроме этого, я — звеньевая в нашем классе. Меня выбрали звеньевой нашего звена. Завтра у меня сбор моего звена. Я, как хорошая ученица, должна помогать отстающим. А самой просвещаться, разве не надо??? У нас учительница русского языка Е.Г. сказала про Надю, что она «не мыслящее существо». Надя, рассердившись, достает критику Белинского, достает «Декамерон» и садится читать, разъяренная и полная негодования.

Ну я ведь от нее не отстаю. Еще дядя Ко достал мне чудную книгу о проблеме межпланетного пространства. И уверял, что я не буду читать. Я больше половины прочла и все поняла, дядя Федя не может равнодушно видеть «Эллладу» Вегнера¹, мною не прочитанную.

Слушай одну историю. Когда меня посвящали в звеньевые, наш директор сказал торжественный «спич», если это так можно сказать о кисейных девочках, которые боятся холодной воды и при виде мыши упадут в обморок. Я, придя домой, рассказала Наде, которой не было на сборе и присказала, что директор назвал ее кисейной барышней. Но, моя мамочка, я не ожидала такого успеха от моего вранья. Надя мне сегодня объявляет: «Я мылась сегодня до пояса холодной водой». Я раскрыла рот и вытаращила глаза на нее. Ведь она так куталась еще два дня тому назад. Я тоже вчера мылась холодной водой, шею и хотела похвастаться перед ней, но не пришлось.

Сегодня были в кино, смотрели «Суворов»². Хорошо!! Завтра иду в музей связи, мне нужно для доклада. У нас директор очень славный. Напоминает Бориса Ароновича, помнишь?

Получила ли ты посылку, посланную 27 января?

¹ Имеется в виду книга Вильгельма Вегнера «Эллада: очерки и картины Древней Греции для любителей классической древности и для самообразования» (СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1901. 978 с.).

² Фильм Вс. Пудовкина (1940).

22.07.1941

Дорогая мамочка!

Опять я в Ленинграде. Уехала я с Ниной Александровной в Валдай 5 числа. Вернулась сегодня, т. е. 22. Нас всех оттуда эвакуировали вторично. Туда доехали благополучно так как нас сопровождали самолеты. Возвращение было плоше. Ехали в телячьем вагоне. Все было очень весело. Конечно, только нам ребятам. В Валдае (мы жили не в самом Валдае, а ближе, на станции Дворец в деревне). Мы приехали ночью. Тут я имела честь слышать голосок пулемета и свист пуль. Но это все чепуха. Проехали мы это расстояние в 32 часа. По нормальному — 8 часов.

Красота в Валдае неопишущая. Перед тобой открывается необозримое пространство, когда ты взбираешься на холм. У ног лежит, как светлое пятно, озеро, обрамленное, как рамкой, зелеными камышами и др. зеленью. В тихую погоду оно напоминает кусок зеркала светло-голубого цвета, в котором отражается небо. Но еще больше оно мне нравится во время ветра (я вообще люблю ветер) тогда оно не нежно голубого цвета, а синее и легкие волны с белыми гребешками катятся к берегу и рассыпаются. Все оно волнуется и грустит без причины. В середине озера маленький остров. Прелестный малютка. Он покрыт деревьями и густой травой. Этот кусочек леса как будто брошен рукою гиганта в озеро. Вокруг озера луга, но уже скошенные. Немного повыше море ржи. Между двумя стенами ржи вьется дорога. Когда набегает ветерок, рожь вся трепыхается, шумит и мне кажется, что она кланяется мне.

Затем, если взглянуть выше, поднимаются холмы, покрытые лесами. Цвет этих холмов разный. Один темнее — это еловый лес. Светлее — сосновый. Дымно-зеленый — лиственный и т. д. Лес высится стеной. Исполинские сосны и песок. Люблю я быть в лесу во время ветра, когда тот гнет со злостью гордых великанов, стараясь заставить кланяться их себе. Но все его попытки безуспешны, деревья не гнутся и только отвечают на его злость песней. Да, лес поет заме-

чательную песню. Песню, в которой слышится скорбь. Я готова без конца слушать эту чарующую мелодию. Она никогда не надоедает.

Целую. Таня

29.09.1941

Дорогая мамочка!

Живы, здоровы. Приехать к тебе при всем нашем желании не можем. Мы целы, дом наш цел — лучшего нечего и желать.

В техникум не хожу: тетя не пускает. Опасно. Школ нет. Я либо читаю, либо гуляю с Ниной Фогель. Иногда вышиваю.

Спим, не раздеваясь. Если невтерпеж бывает сидеть в передней, спускаемся вниз. Но бабушка, я и дядя Ко сидим в передней. К нам приехала мать дяди Ко и сестры, итого нас 9 человек, исключая меня и кошку.

Целую крепко. Таня

<Весна 1942>

Теперь я опишу свой день. Встаю я в 9 ч. 30 м., иду за хлебом. Приношу его. Ставлю чайник на буржуйку. Это долгая история, так как дрова сырые. Затем пою обоим¹ чаем. Обоим надо нарезать хлеб, помазать маслом, налить, насыпать сахару. К 11 ч. 30 м. приходит Нина Александровна. Она прибирает комнату, а я в 12 ч. и в академическую столовую за обедом. Иду медленно, с развальцей, с упоением шлепаю по лужам и вдыхаю ароматный воздух. Уже пахнет весной!! Если тепло и солнечно, я сажусь где-нибудь на солнышке и греюсь, как кот. Это моя любимая прогулка. К двум часам я дома. Затем я иду за водой на прорубь. Затем растоплю буржуйку, разогрею обед и в четыре часа кормлю моих «ребят». Потом я уже свободна. Читаю, пишу письма, шью или вышиваю. Как только стемнеет и нельзя больше писать, как это сейчас, я ложусь спать. Сплю я на маленьком диванчике, на котором безмятежно спала в детстве, так как бабушка спит на моей кровати, а дядя Федя и Н.А. на ее кровати. Я устраиваюсь очень удобно и уютно, как в гнездышке. Тепло и уютно. На туалете мой письменный стол, я на нем сейчас и пишу, сижу же я на своем гнезде. Туалет у меня слева, а справа столик, на котором я ем. В конце дивана у окна кресло, или мой будуар, где я читаю. Все мои апартаменты в одном углу комнаты.

Спокойной ночи!! Уже темно. Завтра рано встаю, иду вызывать дяде Феде врача.

Целую крепко. Таня

¹ В это время в семье было двое лежачих больных — бабушка Паша (Прасковья Михайловна Парланд — бабушка Т.Н. Вагнер по материнской линии) и дядя Федя.

09.06.1942

Дорогая мамочка!

Сегодня получила твои оба письма. Как мне хочется приехать к тебе!! Но есть много причин, задерживающих нас. Во-первых, надо продать всю обстановку, во-вторых, надо собрать все тряпье, а его у нас очень много, а без него ехать нельзя, в-третьих, бабушка, вести ее нельзя: она очень слаба. А с кем ее оставить?? Дядя Ко, если только мы решим ехать, поедет тоже. Что с ней делать мы решительно не знаем, но, конечно, не бросим и поэтому нам придется остаться.

Ты сражена смертью тети Нины, я тебя понимаю. Подробностей не могу сообщить, так как не была при ее кончине. У нее была дизентерия¹ и дистрофия. Первая заразна, а вторая абсолютно нет.

Нина Александровна страшно изменилась и похудела. У нее и дистрофия, и цинга. Сейчас она на усиленном питании. Я — в школе на питании. Вообще, сейчас не голодаем. Я поправилась, загорела и посвежела. Работать приходится много. Водопровод не действует. Воду таскаем в ведрах, как в деревне. Я сама стираю все, кроме постельного белья, а полоскать хожу к крану, который находится на Среднем проспекте через дом от нас. Сейчас у меня все белье перестирано. За зиму все запачкалось. Только подумай, за всю зиму ни одной стирки.

Кроме того, я увлекаюсь огородом. На школьном дворе Н.А. дали грядку или вернее, клочок земли. Я ее взрыхлила, сделала грядку, сегодня унавозила, а завтра пойду сажать свеклу, салат, укроп. Дядя Ко достал удобрения. Лелею надежду о том, как буду ухаживать за моими всходами (если, о роковое слово, они соизволят взойти).

С 15 июня начнутся занятия на курсах медсестер. Я буду занята целый день.

Думаю, что скоро буду удить рыбу, у меня есть удочка!!

Сейчас дел по горло. Перечинила все белье и перестирала. Только сегодня выстирала 7 или 8 пар чулок. Теперь предстоит приятное

время за штопкой их. Затем у меня лежит рубашка, которую надо вышить и еще «украинка», которую я уже вышиваю целый год.

Спокойной ночи!! Уже 8 часов. Скоро спать. Мы рано встаем в 6 часов. Завтра рано утром полоскать и сажать. Сейчас пошел сильный дождь. Все благоприятствует моему посеву.

Я читаю сейчас «Мертвые души!» Конечно, в восторге!!

¹ На самом деле это была не дизентерия, а гемоколит на почве голода.

20.06.1942

Дорогая мамочка!

Выдалась свободная минутка и спешу с тобой побеседовать. Всю эту неделю я прозанималась на курсах. Не сердись на меня, мамочка! Что я пошла вразрез твоим желаниям. Вот теперь я нашла свое призвание. Нашла то, что искала в течение нескольких лет. Ты может быть помнишь, что я увлекалась химией, физикой и т. д., но вскоре все бросала, так как все мне надоело очень скоро. Теперь я увлекаюсь серьезно. Часы занятий летят быстро и я жалею, когда раздается звонок. У нас следующие предметы: физиология, анатомия, биология, латинский язык, лекарствоведение, первая помощь и пока что все. Начало в 9 часов и я занята до 2-х часов. Ездить недалеко до Гребецкой¹. В группе я самая младшая. У нас все тетки да бабы. Только одна очень славная девочка Галя, да и то старше меня на два года. Но мы с ней подружились и собираемся вместе готовиться к зачетам. Недавно получила от тебя письмо и от Дюки тоже. Она еще не знает!!² Еще получила письмо от Льва.

На грядке моей появились всходы салата, укропа и брюквы. Дядя Ко приносит мне брошюрки об огородничестве. Завтра буду удобривать землю минеральными удобрениями. Тетя Нина находится на усиленном питании уже две недели. Ехать или не ехать, еще не решили. Мне очень хочется уехать к тебе и на воздух, и с другой стороны, жалко бросать курсы.

Бабушка очень слаба. Подниматься совсем не может. Все под себя. С ней очень сейчас тяжело. Чтобы ехать с ней, не может быть и речи. Мы думаем, что она долго не протянет.

Мамочка! Ты сама помнишь, как многолюдно бывало у нас. Целый день звонки, кто-нибудь приходит, кто-нибудь звонит. Ко мне звонки постоянно: то Нина Вебер, то Дюка трезвонит, то еще кто-нибудь. Теперь я одна в квартире с бабушкой. И никто не звонит и не

приходит. Первое время это меня удручало, а теперь я привыкла, ко всему человек привыкает. Еще помню выражение тети Нины «проходные казармы». Теперь тишина. Я ухожу в 8 ч. 30 м., прихожу в 2 часа. Затем к 3 ч. иду в столовую. Прихожу в 5 ч. До 7 ч. или читаю или кое-что убираю. Иду в 7 ч. за ужином тете Нине, так как она работает в детсаде до 8 ч. вечера. Прихожу в 8 ч. Опять читаю или учу записи лекций. В 9 ч. приходит дядя Ко и тетя Нина. Делаем чай на буржуйке и идем в 10 ч. спать. И так все время. Но мне такая жизнь нравится. Очень кипучая и не дает скучать.

Пиши, мамочка, чаще.

Целую крепко. Таня

P.S. Хотела послать тебе мою карточку, но фотография вышла ужасная, на себя не похожа. Посылаю фотографию более раннюю. Это я снималась прошлой осенью.

Ольга Львовна Моль умерла³.

¹ Большая Гребецкая улица на Петроградской стороне Ленинграда была переименована в Пионерскую, но старое название продолжало бытовать.

² Речь идет о смерти матери и брата Нади.

³ О.Л. Моль умерла еще в конце зимы 1942 г.

10.07.1942

Дорогая мамочка!

Еще одно горе!! Вчера в ночь умерла бабушка. Бедная, она долго мучительно около недели ничего не ела, никого не узнавала, кроме меня. Сегодня будем хоронить ее. Мамочка, бедная моя, как ты все это переживаешь. Теперь мы с тетей Ниной только и думаем о том, как бы уехать. Надоело все, а пуще всего осиротела наша квартира. Ты помнишь, сколько народу всегда бывало у нас. А теперь никого.

Надя забрасывает меня письмами. Подозревает, что что-нибудь случилось. А у меня не хватает духу ей написать. Ее тетя не пишет ей. Она мне пишет: «Все мое счастье сосредоточено в маме, Алеше, Марисе и тебе». Валентины Алексеевны нет в живых, Алеша убит. Вспомню эту фразу, так и не могу писать. Сижусь и плачу, а тетя сердится и говорит: «Будто у нас своего горя мало». Но все же я счастливее Нади. У меня есть мама, а у Нади нет.

Недавно получили письмо от Муры, она с Левой в Беломорске.

Целую крепко. Таня

Т. Вагнер — Н. Шапировой
4–5.11.1942

Дорогой Индюк-Дюк!

Почему ты мне ни строчки. Дрянная девчонка! Я о тебе беспокоюсь. Что ты молчишь? Родная моя, не обижайся на то, что редко пишу, у меня нет времени, так как ухожу в 8 часов утра, а прихожу в 8 часов вечера. Целый день работаю. Ты знаешь, что все мои планы рухнули и я работаю не в госпитале, а на заводе. Уже я не подсобница, а настоящая работница, работаю на станке. И это вертящееся, фыркающее, полное неизвестного чудовище послушно в моих руках. Одним словом, трудно сказать, что я делаю, но просто можно сказать — обтачиваю снаряды. Сегодня работаю в ночь. Хорошо. В свободную минуту читаю. Как нет работы — за книгу. Сажу и оглядываюсь, как пугливый заяц, нет ли на горизонте начальника или мастера. Как в школе! Сейчас уже темнеет, напишу после работы, т. е. завтра, так как работаю в ночь.

Надюк, ты не можешь понять, какое у меня разочарование. Вместо чистого стерилизованного инструмента у меня в руках молоток, гайка и черт знает, какое дьявольское приспособление для измерения, точно ли по шаблону сделана деталь. В особенности этот инструмент мне ненавистен. Я работаю без него и к ужасу браковщицы даю немного брака. За эту неделю всего 4 штуки.

5 ноября. Сегодня получила два твоих письма. Надюк, ты мне завидуешь, а я тебе завидовала, когда пришла на производство первый раз. Ты не представляешь, как мне противен был станок и т. д. Но я потом решила, что так надо и твердо решила работать. Конечно, очень жаль, что нельзя учиться, но такое время, как вспомню о наших бойцах, борющихся за нас, так и говорю себе: «Надо, Таня, делать и не хнычь». Надя, ты понимаешь меня, но если бы ты видела все, что видела и почувствовала я, то верь мне, еще больше глухой злобы было в тебе. Картины страданий наших бойцов никогда не забудутся. Расскажу тебе по секрету, что в первый раз, как я попала в перевязную и увидела все ужасы войны, то у меня слезы были на глазах, когда я перевязывала рану. Раненый увидел их и говорит мне: «Ничего, сестричка, мне уже не больно». Не знаю, как я не разревелась. Знаешь, у меня в палате был один паренек, лет 17, с оторванной совершенно ногой. Я его всегда перевязывала и он всегда спрашивал, когда я снова буду его перевязывать и когда я в следующий раз приходила, он мне жаловался, что я поздно пришла и что он ждал меня целое утро. Вообще, отношение было хорошее. Я и Ида работали

иногда целый день, не выходя, и бойцы говорили: «Когда вы, сестрички, войдете, как будто солнце проглянет и веселей становится». Как приятно было это слышать.

Одному тяжелораненому я делала с помощью хирургической сестры Наташи переливание крови. Он был очень опасный больной. После я сидела около него и он рассказывал о своей родной Сибири и о своих детях. Все мельчайшие подробности я знала о его дочке и сыне. Врач обещал его отпустить на родину, как только он выздоровеет. Но выздоровеет ли он? Вот вопрос. Было мало надежды. Но, как я была рада, встретив недавно сестру Наташу, и узнав, что он поправляется.

Что тебе писать о Ленинграде. Он такой же, как и был. Только остались раны от бомб, но он красив по-прежнему. Да люди стали другими.

Близится зима! Не люблю я ее теперь, хуже нет времени года. Опять укутает она. Вот одна картина, которая войдет в историю: и пусть наши правнуки узнают все — я не забуду мертвой девушки, лежащей на снегу с рассыпавшимися золотистыми волосами, в которых играет солнце и с глазами синими и стеклянными, в которых отражается такое же небо. Я стояла как окаменелая. Не забудут этого наши воины и отомстят. Если есть на земле правда, то им будет оплачено сторицей. Но правда еще не восторжествовала.

Дюк, иди тоже работать и просись вместе со всеми своими ребятами. У нас все ребята по 15 лет и работают. Мы с тобой будем вместе работать, а кончится война, будем и работать, и учиться, так как американского дядюшки, на миллионы которого мы могли бы рассчитывать, у нас нет. Но это и хорошо, так как быть обязанным кому-нибудь, хуже нет. А мы будем вольными птицами!! Как это хорошо. Будем вместе жить. У меня, кроме тебя и мамы, да тети Нины, никого нет. А потом будем профессорами. Выдери меня за честолюбивые мечты!!

Знаешь, ты лучше меня в тысячу раз, так как без всяких колебаний хочешь идти работать, а я столько ругалась с теткой, сколько ревела и какого труда стоило мне себя переломать. Это все пережитки барства остались во мне. Татьяна Николаевна, «известный хирург», и вдруг, в грязи возиться? Видишь, какая я гадкая. <...>

Целую. Таня

Т. Вагнер — М.Ф. Вагнер
09.05.1945 11 часов. 30 минут вечера

Великий день Победы и Счастья!

Дорогая и родная мамочка! Поздравляю со всеми праздниками и крепко-крепко целую. В голове все перемешалось — кажется, что от сегодняшнего утра прошла вечность. Не верится, в голове все идет кругом. Возьмусь за книгу, не могу читать — так далеко все. Возьмусь за учебники — ничего в голову не лезет — ни история, ни математика.

Услышали мы с тетей в 2 часа ночи — она меня разбудила и слышали затаив дыхание известие о капитуляции Германии. Вот хочу писать — а чувствую, что словами не могу все выразить перед тем, что чувствуешь. Были у одних знакомых с тетей и, стоя на балконе — смотрели на фейерверк и мне казалось, что я вместе с огнями лечу высь — куда-то вдаль навстречу новому, блестящему, счастливому и бесконечно радостному. Заря новой счастливой жизни встала, эти четыре года стали для меня суровой школой борьбы и лишения. Уже давно тетя подала заявление в РОНО¹ о вызове, говорят, что положительно. Я боюсь отдаваться вся новому счастью. Надя, узнав, что дело о твоём вызове, дело, почти можно сказать, решенное, взмолилась — возьми меня маму встретить! Я в этот момент ее так пожалела — ведь ей некого ждать.

Утром сегодня у нас на работе митинг. Я сразу позвонила Наде — она кричит в трубку — жди, приеду. Я лечу домой, слоняюсь из угла в угол, не знаю, чем заняться — хватаюсь за геометрию — в голове каша. Звонок — Надя. Крепко-крепко обнялись и простояли минуту в темной передней. Потом не могли сидеть дома, отправились гулять. Отправились к Сфинксам на Неву. Эти наши загадочные друзья. В них полно тайны. Там мы часто сидим на гранитной скамейке, мечтаем, ведем задушевную беседу или треплемся. А наши друзья слушают, устремив взгляд в темную даль будущего. Тайной веет от них. Мудрые Сфинксы любят нас, но никогда не говорят с нами. Ведь 6 мая мы сидели там и они нам даже не шепнули, что конец войне сегодня. Я их сегодня упрекнула в этом, а они только улыбнулись, не посмотрев на меня.

Я не знаю, что пишу, у меня каша в голове. Тетя советует мне лечь спать.

(Никогда не забуду все пережитое. Кровь, смерть и страдания — все помнится. Хочется встать и помолиться за героев, погибших за нашу Родину.)

С утра сегодня ко мне гости — но я ушла с Надей к Сфинксам. Потом, спасаясь от гостей, отправилась к Нине заниматься. Но мы только пугали ее мать-старушку своей шумливостью, в переменках дикого галопа, учили немецкий. На 10 вопросов по билетам ответили. Слава Богу!

А вчера в школе чуть не ревела на уроке литературы, слушая Некрасова. Целый день напряженное состояние — весть о капитуляции облетела и взбудоражила весь город с утра, у репродукторов народ толпится. Окна не закрыты в классе — ждем известий.

Я вернулась домой усталая, разбитая, по выражению Нади (у нее было такое же состояние) точно с ночной оргии. Пришла, легла и провалилась.

Письмо нескладное, сумасбродное, все в автора, да и сам автор. Чудная музыка! Марши, вальсы, увертюры. А в небе — ракеты горят, а на смену им новые. Красив город, чудно-прекрасное небо!!

Да, мамочка, спасибо за посылку. Пришлось три раза съездить, но еще не все получила, но масло получила. Женя очень славная женщина. Большое, большое спасибо. Итак, ждем — в Ленинград. Встретить придем на Московский все вместе. Смотри, узнай свою дочку. Скажу ее приметы. Самая сумасшедшая и веселая.

Как хочется жить! Именно жить — широко и привольно, и свободно.

Крепко целую.

Боюсь переписывать, наверно, бред. Таня

¹ Районный отдел народного образования.

10.08.1945

Дорогая мамочка!

Давно я тебе не писала, все думала, что порадую тебя хорошей вестью. Из Смольного получила благоприятный ответ, меня направили в «Бюро распределения рабочей силы». А там мне сказал начальник, что пока до декабря месяца нет вызовов для тех, кто не жил в Ленинграде перед войной, будут делать вызовы в декабре месяце.

Тетья и я страшно огорчены этим. Так хотелось порадовать тебя, дать надежду, но, дорогая моя мамочка, крепись, если уж в Смольном разрешают приехать, то это уже мелочь. Мне начальник в Бюро объяснил, что еще не спущены лимиты на приезд сюда людей. Всегда и вечно какие-то затруднения, проблемы, до чего все надоело и как все же из-за этого тяжело чего-нибудь добиться.

Надо иметь связи и знакомства. К сожалению, среди сильных мира сего у нас нет знакомых. Таким образом, снова надо ждать декабря. Как это все тяжело. Я понимаю, как тебе тяжело и трудно ждать так долго.

Вот уже полмесяца как я отдыхаю от школы¹. И с ужасом думаю, что через 15 дней снова в школу. Думаю, первую четверть походить в театр — посмотреть некоторые вещи.

Отпуск мне дают в декабре месяце. Очень обидно это. Ну, да ничего, можно будет за город поехать или на каток. Ну да, это все ерунда.

Время идет так быстро, что я несмотря на то что целые дни... Обидно, что не хватает время читать. Взясась читать по-немецки. Уже прочитала две книги. Стараюсь читать только не переводное с русского на немецкий, эти переводы трудны и не верны. Сейчас читаю Heine «Флорентийские ночи». А еще в запасе «Робинзон Крузо» по-немецки. Сейчас читаю с удовольствием. На странице слов 10–8 непонятных, которые я смотрю в словаре. Ну а так, читаю Горького. Сейчас читаю «Фома Гордеев». Люблю я Горького. Люблю его романтизм, его потрясающий в своей наготе реализм.

Надина тетя² уехала на дачу, а Надюша осталась одна здесь. На днях я к ней приехала ночевать. Большая квартира и ни души, только в дальней комнате брат Надин сидит над книгами, как колдун. Мы с ней болтали, хохотали, носились в пятнашки по комнатам. Потом пошли гулять. Хорошо ночью на Кировском проспекте. Горят фонари, освещая прямой блестящий проспект. Мы пошли в сад — тишина, вечер теплый и тихий. Нева серебрится от огней, пахнет тополями. Мы сидели над самой водой на стволе громадного дерева, наклонившегося над водой, его ветви ясно отражались в воде. С час сидели так и молчали, только когда стали бить куранты³, пошли домой.

Вечером потом долго стояли, обнявшись, на балконе. Сумрак спустился, шум затих на улице. Ночь не приносила прохлады, было очень тепло, волны чудного аромата табака, раскрывшего свои цветы, врываются в комнату, а где-то рядом кто-то чудно играл на рояле. Чистые и красивые звуки неслись по всему двору, а мы все стояли очарованные, потерянные и удивленные. Наконец я стряхнула с себя этот дурман и легла спать, Надя тоже. Но еще долго говорили, уже погасли всюду огни, затих рояль и только запах цветов врывается в открытую дверь балкона. Не верилось мне, что завтра надо ехать опять в мою контору, казалось, что я где-то далеко-далеко от прошлой жизни.

Надин дядя уехал, и во всех книжных шкафах торчали ключи, и мы, забравшись в его кабинет, сидим на диване с ногами и читаем много интересного <...>

Ох! На будущий год тоже будем получать аттестат зрелости.

Крепко целую. Таня

¹ Речь идет о вечерней школе, в которой Т.Н. Вагнер училась, продолжая работать.

² Упоминаются тетя Н.А. Шапировой Т.Б. Лозинская, жена М.Л. Лозинского, и их сын Сергей Михайлович Лозинский, математик.

³ Уличные громкоговорители включались в 6 часов утра и передавали бой Кремлевских курантов.

Приложение

*Из воспоминаний Т.Н. Вагнер-Заднепровской о блокаде,
написанных в 1990-е гг.*

Словно сама прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

Анна Ахматова

В журнале «Родина» я прочитала дневниковые записи одного человека. Он пишет о том, что его вернула к жизни, после тяжелой болезни сердца, повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат». А передо мной стала жуткая, непонятная теперь жизнь в блокадном Ленинграде. Уверена, что мне также помог выжить и остаться человеком Л.Н. Толстой.

В страшную зиму 1941–1942 года я прочитала подряд все 20 томов сочинений Л.Н. Толстого (у дяди Феди было 12-е издание, М., 1912¹⁷). Я брала том за томом и читала, лежа в постели и закутанная всем теплым, что было дома. Когда наступали сумерки, приходилось кончать, и я лежала, включив свой волшебный фонарь воспоминаний. Закрыв глаза, переносилась в мир героев Толстого

¹⁷ См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1912–1913.

или в свой фантастический мир, могла создать картины и сама в этом мире действовать.

Но самое главное было дожидаться рассвета.

С трудом медленно мутный рассвет пробирался через заиндевевшие окна. Предвестником его был металлический звон от кастрюль и чайников. Это жители города везли на саночках посуду для воды на Неву к проруби. Наконец, рассветало, и если мне не надо было идти за хлебом или за водой и растапливать печку, то я опять погружалась в чтение. Оно отвлекало от страшной действительности, от холода и главное, от голода.

Меня еще мучила грязь, оттого что не было сил убирать и мыть, не было возможности самой вымыться из-за холода и отсутствия воды. За ночь вода в чайнике замерзала. Но еще было чувство униженности какой-то. Из-за того, что невозможно было избавиться от чувства голода. Смутно понимала, что если оно овладеет тобою полностью, то ты перестанешь быть человеком, потеряешь человеческий облик. Примеры тому я наблюдала.

Так вот Л.Н. Толстой и был моим спасением от темного, страшного, чему и названия нету. Я не молилась, не плакала. Только раз, когда нашу переднюю залили нечистоты сверху, из-за того, что замерзли и лопнули фановые трубы, я заплакала от бессилия и опять же от унижения. Успокоил меня дядя Федя, сказав, что это все замерзнет и я смогу это легко потом убрать. Меня это сразу успокоило.

Бывали дни, когда я одна была на ногах, т. е. была в состоянии пойти за хлебом, за водой или растопить буржуйку, которая стояла в комнате, где жила я и бабушка Прасковья Михайловна.

Походы в магазин, где по карточкам давали хлеб, были сопряжены с риском и трудностями. Меня тетя Нина закутывала, я была в валенках, в финской шапке брата Левы, очень теплой, Левиных брюках. Сверху на голове был повязан шерстяной платок или пестрый плед. Карточки я прятала в рукавицу, а мешочек с хлебом несла за пазухой, чтобы не вырвали. Хлеб выдавали в Соловьевской булочной. Раз была свидетелем тяжелой сцены. Мальчишка вырвал хлеб из рук у женщины и, видимо, не имея сил бежать, тут же начал его глотать. Поднялся крик, его начали бить, а он вобрав голову в плечи все ел и ел. Озлобленности в женщинах, набросившихся на него, я не чувствовала. Чем кончилось дело, не знаю, я быстро ушла, прижимая хлеб к груди.

Придя домой, я начинала делить хлеб. В столовой стояли у нас весы, и я развешивала хлеб на этих маленьких пружинных весах, а потом относила тете, бабушке, Николаю Николаевичу. Однажды

дядя Федя сказал, что я себя обделяю, так как последний кусок оставляю себе, а весы в булочной не совсем верны...

Это было правдой, я в этом убедилась, взвесив хлеб, принесенный домой. Бабушка мне всегда отдавала довески, говоря, что она лежит и меньше тратит сил, а я хожу и мне надо больше. Каюсь, я не заставляла себя упрашивать, брала эти довески, иногда даже делая их неоправданно большими.

У нас было заведено, что каждый ест хлеб свой отдельно. Николай Николаевич получал больше, а мы (его жена тетя Нина, бабушка и я) имели иждивенческие карточки¹⁸. Слово-то какое, унижающее человеческое достоинство. Иногда в столовой на карточки давали суп! Это была чуть замутненная чем-то водичка. Я приносила ее в бидоне и подогревала, а тетя давала ее Николаю Николаевичу и другим. Помню его жалкий голос с постели: «Супчику, супчику».

Очень острым было желание жить, выжить... Однажды, опустившись на колени перед обледеневшей прорубью, которая была у нас перед самыми воротами я, видимо, потеряла на минуту сознание и принуждена была ухватиться за ее ледяные края. Состояние быстро прошло. Но еще стоя на коленях, я испытала огромное желание выжить, преодолеть все невероятные трудности. Это был какой-то взрыв душевных сил. Теперь я понимаю, что это была воля Божия.

Жалоб, слез, истерик в доме не было. Никто в эту зиму не жаловался, а нес свой крест с достоинством.

В день моего 16-летия¹⁹ в страшный 1942 год 24 февраля бабушка Паша торжественно подарила мне свою голубую чашку с розами фарфорового завода братьев Корниловых²⁰. Она имеет форму яйца.

¹⁸ Карточки были введены 18 июля 1941 г., тогда норма составляла 800 г хлеба. 2 сентября 1941 г. нормы были снижены: рабочим и инженерно-техническим работникам — по 600 г, служащим — по 400 г, детям и иждивенцам — по 300 г. Затем было пять снижений норм. Самая минимальная норма действовала с 20 ноября по 25 декабря 1941 г.: рабочим 250 г хлеба, всем остальным — 125 г. Это привело к резкому росту голодных смертей: за декабрь 1941 г. в Ленинграде умерло от голода около 50 тыс. человек. С началом действия ледовой «Дороги жизни» (22 ноября 1941 г.) поступление продуктов в Ленинград увеличилось и нормы выдачи хлеба были повышены до 350 г рабочим и до 200 г остальным жителям города. В последующие месяцы блокады периодически нормы выдачи хлеба по карточкам повышались, но несмотря на это смертность первой блокадной зимы была огромна.

¹⁹ Через 6 месяцев 21.08.1942 г. Татьяна Николаевна Вагнер, как и все ее сверстники, получила Мобилизационное Предписание из Василеостровского Военного Комиссариата, подписанное Инструктором медицинской санитарной группы.

²⁰ Фарфоровый завод братьев Корниловых был основан в пригороде Санкт-Петербурга в 1835 г. В отличие от своего главного конкурента, М.С. Кузнецова, Корниловы сделали акцент не на массовость производства, а на качество исполнения, прежде всего росписи.

У нее когда-то была крышечка с ручкой в виде головы петуха. И рассказала, что эту чашку подарил ей поклонник и прочел французский стишок: «Mon amour finira quand se son chantera». В переводе это звучит так: «Этот петух пропоет, когда кончится моя любовь». Крышку разбили. Чашка сохранилась. В день 16-летия моей дочери Саши эта чашка была подарена ей.

Судьба уготовила бабушке Паше горький конец. Она пережила обоих своих младших детей — Нину и Федора — и умерла летом 1942 г. До конца сохраняла ясность ума и твердость: не роптала, не жаловалась даже мне. Ухаживала за ней Нина Александровна, которая ее не любила (впрочем, это видимо, было взаимно).

Незадолго до смерти она совершила удивительный поступок, который ее очень характеризует. Я не была этому свидетельницей и пишу по рассказу Нины Александровны.

Бабушка Паша поднялась с постели, с которой не вставала уже давно, вошла к Н.А. в комнату, держа в руке икону, и велела ей поклониться на иконе, что она меня не оставит и будет заботиться. Н.А. поклялась и клятву сдержала. Действительно, эта шекспировская сцена не могла не произвести впечатления: умирающая изможденная старуха призывает в свидетели Бога и требует клятвы.

Умерла бабушка Паша 1 июля 1942 года, и мы с Ниной Александровной отвезли ее тело на фанере в морг на 8-й линии Васильевского острова около реки Смоленки. Похоронена она в братской могиле на острове Декабристов, поблизости от места вечного упокоения дочери и сына.

Аминь.

Литература

1. *Заднепровская А.Ю.* Из воспоминаний дочери. Трагедия Н.П. Вагнера // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб.: Фил. фак-т СПбГУ, 2012. Кн. 12. С. 233–240.

Research Article and Publication of Archival Documents

“A Person Becomes Better after a Great Trial” (Tanya Wagner’s Letters, 1939–1945)

© 2022. Alexandra Yu. Zadneprovskaya
Independent researcher, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article contains letters (1939–1946) of a Leningrad teenage girl Tanya Wagner preserved in her family archive. Most of them were addressed to her mother Maria F. Wagner, deportee after her husband had been arrested and then shot. These letters are at the same time a diary, a chronicle of life in pre War and then besieged Leningrad. The appendix contains an extract from her unpublished memoir on the siege of Leningrad, written in later years.

Keywords: Repression in the Soviet Union, The Great Patriotic War, The siege of Leningrad, the soviet school.

Information about the author: Alexandra Yu. Zadneprovskaya — PhD in History, Independent researcher, Historian of the Russian culture in 19th–20th centuries, St. Petersburg, Russia.

E-mail: semenov@pdmi.ras.ru

For citation: Zadneprovskaya, A.Yu. “A Person Becomes Better after a Great Trial” (Tanya Wagner’s Letters, 1939–1945).” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 25–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-25-57>

References

1. Zadneprovskaya, A.Yu. “Iz vospominanii docheri. Tragediia N.P. Wagnera” [“From Daughter’s Memories. The Tragedy of Nikolay P. Wagner”]. *Russkoie proshloe. Istoriko-dokumental’nyi almanakh* [The Russian Past. Historical Documentary Almanac], book 12. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 233–240. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 21.06.2022
Одобрена после рецензирования: 11.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 21.06.2022
Approved after reviewing: 11.07.2022
Date of publication: 25.09.2022

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-58-109>
<https://elibrary.ru/HMBCIK>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Две жизни, две судьбы: по страницам переписки Н.С. Ашукина и С.Н. Дурылина

© 2022, В.Н. Торопова

Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация: Материал впервые публикует переписку Н.С. Ашукина (1890–1972) и С.Н. Дурылина (1886–1954), современников, выходцев из одной социальной среды, учившихся в одном и том же Археологическом институте, начинавших в качестве поэтов в 1910-е гг., чьи судьбы поначалу складывались похожим образом и чьи маршруты путешествий по России пролегли одними путями. Но то, что для Дурылина было поиском религиозным, для Ашукина — лишь «этнографическим». Пути корреспондентов после Октябрьской революции и в годы гражданской войны разошлись. Разными оказались и судьбы. В 1920 г. Дурылин стал священником, пережил аресты, ссылки, «внутреннюю эмиграцию», однако не прекратил писательскую и просветительскую деятельность. Ашукин же затерялся в мелкой издательской работе составителя, автора вступительных статей, текстолога, библиографа и комментатора, практически перестав писать и стихи, и прозу, стал вполне успешным советским чиновником от литературы. Их переписка постепенно становится все более редкой, менее сердечной и более деловой.

Письма сопровождаются комментарием.

Ключевые слова: Н.С. Ашукин, С.Н. Дурылин, забытые писатели, переписка поэтов.

Информация об авторе: Виктория Николаевна Торопова — независимый исследователь, биограф С.Н. Дурылина, исследователь его творчества, автор книг и статей о нем и его окружении. Лауреат Литературной премии им. С.Н. Дурылина, г. Москва, Россия

E-mail: torvinik@rambler.ru

Для цитирования: *Торопова В.Н.* Две жизни, две судьбы: по страницам переписки Н.С. Ашукина и С.Н. Дурылина // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 58–109. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-58-109>

Когда я заканчивала эту статью, на глаза попала книга, название которой очень понравилось, оно было как раз про моих героев: ««Неужели кто-то вспомнил, что мы были...». Забытые писатели» [18, с. 240].

Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972) — русский поэт, литературный критик, литературовед, историк литературы, специалист в области московского краеведения. Так пишут об Ашукине в словарях. Современным читателям Ашукин больше известен как автор «Словаря крылатых слов и выражений» (выдержавшего с 1955 г. несколько изданий), как библиограф, имя его тесно связано с именем В.Я. Брюсова, которым он занимался много лет.

Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954) — писатель, поэт, историк литературы и театра, религиозный мыслитель, археолог и этнограф, педагог, чье творчество, в большей своей части, было в советские годы под спудом, а затем после 50 лет забвения появилось много публикаций, опубликованы почти все его прозаические произведения, часть стихов и статей¹. Он вышел из забвения, чего нельзя сказать об Ашукине. Начинали оба как поэты, но судьбы сложились совершенно по-разному, и не одинаково прошли они через советские годы. Дурылин духовно выстоял, а Ашукин словно утратил себя, хотя испытания на долю Дурылина выпали более тяжелые.

Используя их неопубликованную переписку и дневниковые записи, постараемся рассказать, как люди в схожих обстоятельствах, вращаясь в одних кругах, прожили разные жизни.

Николай Ашукин и Сергей Дурылин принадлежали к одному поколению. Пережили одни и те же исторические катаклизмы: революции 1905 и 1917 гг., Гражданскую войну, две мировые войны, годы разрухи, голода. В их окружении было много общих знакомых. Но переживания и обстоятельства жизни были не одинаковые. А главное, они по-разному воспринимали события, относились к ним, и с разными результатами пришли к концу жизни.

Оба родились в купеческих семьях. «Мы из одного теста, старого, купеческого, московского» (из письма Дурылина к Ашукину от 12 июля 1916 г.).

¹ Основные публикации С.Н. Дурылина: «М.Н. Ермолова» (1943); «В своем углу» (1991 и 2006); «Нестеров в жизни и творчестве» (1965, 1976, 2004); «У Толстого и о Толстом» (1980, 2010); «Русь прикровенная» (2000); «Статьи по педагогическим вопросам» (2007); «Колокола. Избранная проза» (2008, 2009); «Собр. соч.: в 3 т.» (2014); «Рассказы, повести и хроники» (2014); «Статьи и исследования 1900–1920 годов» (2014). «В родном углу» (2017). О его жизни см.: [24].

У Дурылина до 10 лет — счастливое детство в доме отца, купца I-й гильдии, в Плетешках², в семье с твердыми православными традициями. После разорения (1896) и смерти (1898) отца — нищета, зарабатывание репетиторством. Фактически на иждивении Сергея Николаевича оказались мать Анастасия Васильевна, ее сестра Мария Васильевна, младший брат Георгий, да еще надо было платить за съемную квартиру в Переведеновском переулке, куда пришлось переехать из собственного дома. Нужда была страшная. К несчастью матери, Сергей бросил 4-ю гимназию после 1904 г., увлеченный, как сам выразился, «честнейшим и bestолковейшим народничеством»³, а также участием в революционных молодежных кружках. Он посчитал «стыдным» пользоваться привилегиями, которые дает образование и которых лишен простой трудовой народ. С этого времени и на долгие годы работа педагогом-воспитателем недорослей в семьях состоятельных людей будет основным источником его заработков. Сергей усиленно занялся самообразованием. Своими университетами он называет Румянцевскую библиотеку, Малый и Художественный театры. И он стал «одним из самых образованных людей», по определению митрополита Вениамина (Федченкова), выдающегося иерарха Русской Православной Церкви⁴.

Стихи писать Дурылин начал еще в гимназии: в газете «Московские ведомости» от 27 марта 1902 г. было опубликовано его стихотворение «Памяти В.А. Жуковского». В начале XX в. Дурылин уже считал себя поэтом, им написано много стихов, но он их никогда не стремился публиковать⁵. Свои ранние стихи Дурылин сжег, когда жил в Сергиевом Посаде в 1919 г. и готовил себя к принятию монашества (к счастью, не состоявшемуся).

² Плетешки — название местности в Басманном районе Москвы. В настоящее время это название сохраняет Плетешковский переулок.

³ Дурылин С.Н. Письмо Г.С. Виноградову б/д. Машинопись (Архив Г.Е. Померанцевой).

⁴ Вениамин (Федченков) Митрополит. О конце мира. Письмо 2. М.: Русское зеркало, 1998. URL: https://gololobovo-hram.ru/books_en/mitr-fedchenkov-o-konce-mira/Main.htm (дата обращения: 10.06.2022).

⁵ В настоящее время стихи Дурылина, сохранившиеся в разных архивах и в основном духовные, опубликованы в книгах: «Я никому так не пишу, как Вам...». Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой / сост., коммент., примеч. И. Бордаченкова, предисл. Ек. Гениевой, вступ. ст. В. Тороповой. М.: Центр книги Рудомино, 2010; «Ангелы поют на небесах». Пасхальный сборник Сергея Дурылина / сост. А.Б. Галкин. М.: Никея, 2019; Дурылин С.Н. Венец лета. Русские классики о православных праздниках: Проза. Стихи. Воспоминания / сост., коммент., вступ. ст. А.Б. Галкин. М.: Никея, 2019; Дурылин С.Н. «Венец лета» и другие стихотворения. Публикация Анны Резниченко и Михаила Гоголина; Предисл., примеч. Анны Резниченко // Восток Свыше. Духовный, литературно-исторический журнал. 2018. № 2–3. С. 124–143.

Дед Ашукина был московским купцом П гильдии, а отец — потомственным почетным гражданином Москвы, товарищем Гильдийского старосты. Николай был незаконнорожденным, мать его — вторая (гражданская) жена отца — Мария Степановна Яковлева, умерла, когда ее сын был еще совсем маленьким⁶, и воспитывался он в семье своего отца. Первоначальное образование он получил в Мещанском училище в память совершеннолетия Наследника Цесаревича Александра Николаевича, основанном Московским купеческим обществом. Это было училище для сирот и малоимущих, готовившее работников в торговой сфере. Здесь, в училище, он начинает писать стихи.

Как и Сергей Дурылин, Николай Ашукин с 15 лет вынужден был сам зарабатывать. По окончании училища он поступил на работу в контору винного завода паевого товарищества «Н.Л. Шустовъ съ Сыновьями»⁷. Служба конторщиком ради куска хлеба тяготила и удручала его. Своему другу он жалуется:

Милый мой друг, пишу тебе сидя в конторе под шелканье счет и выкрики винных марок. Сердце мучает тупая боль. Если бы ты мог себе представить, как мне омерзела эта служба. Жду не дожусь октября. Если не возьмут в солдаты — буду яростно искать другое место и обязательно другое дело, т. е. не торговое. Ибо там атмосфера ультра-пошлая, нездорово мещанская. У них только один путь, на котором верстовые столбы: 100 руб., 200 руб, 300 руб. и т. д.⁸

Немногие свободные часы он старается отдавать творчеству. Помимо стихов он написал свой первый рассказ «Егорка» и в 1906 г. опубликовал его под псевдонимом Николай Никин⁹.

Мечта Николая о поступлении в Университет не осуществилась. Для подготовки к экзаменам нужно было свободное время, а для

⁶ Ашукин уже в сознательном возрасте получил разрешение носить фамилию отца. См. примеч. Е.А. Муравьевой к публикации его дневников: [1, № 3 (31), с. 192–193].

⁷ Торговый дом «Шустов с сыновьями», с 1896 г. — «Товарищество коньячного и водочного заводов и складов русских виноградных вин Н.Л. Шустова с сыновьями» — один из крупнейших в Российской Империи производитель алкогольных напитков. Был удостоен звания Поставщика Двора Его Императорского Величества. К началу XX в. фирма владела винными заводами в Москве, Ереване, Варшаве, Одессе, Кишиневе и других городах. После Октябрьской революции предприятия Шустовых были национализированы.

⁸ Из письма Ашукина к Н.М. Мешкову от 5 июля 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 17.

⁹ *Никин Николай*. Егорка // Правда Божия / под ред. свящ. Гр. Петрова. Изд-во И.Д. Сытина. 1906. 1 января.

поступления и учения нужны деньги. Он обратился за помощью к отцу, но получил отказ. Удалось поступить в 1910 г. на архивное отделение в Московский Археологический институт имени Императора Николая II. Но зачислен он был с формулировкой: «допущен на слушание отдельных предметов». До 1915 г. он посещает занятия, но, видимо, нерегулярно. Приходится зарабатывать на жизнь публикациями в журналах. В основном это стихи, но не только. В его изложении выходит народная сказка «Царевна-крупеничка»¹⁰. Под псевдонимом Н. Новинский Ашукин публикует небольшую по объему рецензию на женскую поэзию (1913)¹¹. Один год (1913–1914) он работает в конторе журнала «Рампа и жизнь»¹² и публикует в нем свои стихи.

Дурылин начал слушать лекции в том же Московском Археологическом институте имени Императора Николая II в 1908 г., а в 1910 г. был зачислен вольнослушателем и учился до 1914 г. Он написал выпускную работу «Иконография Святой Софии», но из-за не сданного по какой-то причине экзамена диплом не получил.

Видимо в Институте и познакомились Дурылин с Ашукиным. На эти годы приходится начало их переписки¹³, но они в письмах даже не упоминают институт.

К началу переписки и знакомства с Ашукиным (1910) Дурылин уже шесть лет работает в толстовском издательстве «Посредник» и 20 октября 1909 г. проводит целый день в Ясной Поляне, общаясь с Львом Толстым. Он испытал обаяние личности Толстого, и вынес главный для себя принцип: «Не суди!». В журнале «Свободное воспитание» Дурылин ведет раздел «Из книги и жизни», изучает опыт передовых школ в разных странах и публикует педагогические статьи. В 1906 г. издана, а затем переиздана в 1907 г. его брошюра «В школьной тюрьме. Исповедь ученика». В журнале

¹⁰ Ашукин Н.С. Царевна Крупеничка // Тропинка. 1911. Июнь. № 11. С. 441–448; отд. изд.: Царевна Крупеничка. Народная сказка в изложении Н. Ашукина. Рисунок А. Малыгина. М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, [Б. д.].

¹¹ Новинский Н. Современные женщины-поэты // Мир Женщины. М., 1913. № 19. С. 5–6.

¹² «Рампа и жизнь» — еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Москве с 1908 по 1918 г. Журнал давал обширную информацию о главнейших событиях театрально-художественной жизни Петербурга, Москвы и провинции. Леонид Григорьевич Мунштейн (1867–1947) — редактор-издатель журнала, поэт, публицист, драматург, в театральном мире известен под псевдонимом Lolo.

¹³ См. письма С.Н. Дурылина к Н.С. Ашукину (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 256) и письма Ашукина к Дурылину (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 425; Оп. 2. Ед. хр. 416). Все письма публикуются впервые, в современной орфографии, с сохранением авторских особенности написания некоторых слов и пунктуации. Авторские подчеркивания сохранены. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

«Свободное воспитание» № 9 напечатана статья о В.М. Гаршине «Художник-праведник», с которой Дурылин исчислял начало своей литературно-научной деятельности. В журнале «Весы» опубликована статья «Последнее письмо о. Матвея к Гоголю» — начало работы над творчеством Гоголя.

Дурылин — участник кружка «Сердарда». Сотрудничает с издательствами «Путь» и «Мусaget». Участвует в кружке Эллиса «Молодой Мусaget» и в Ритмическом кружке Андрея Белого при «Мусagetе». Начинает посещать заседания московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (РФО), а с 1912 г. становится его бессменным секретарем. Он член «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой церкви», организованного М.А. Новоселовым¹⁴.

Он уже дважды (1906, 1908 гг.) совершает поездки по русскому Северу. Во время своих путешествий записывает фольклор, зарисовывает архитектуру церквей, делает записи как этнограф (впереди еще 3 экспедиции: 1911, 1914, 1917 гг.). В 1913 г. Дурылин избран действительным членом «Общества изучения Олонекской губернии». Издает ряд работ по результатам экспедиций¹⁵. Он постоянный посетитель «Общества свободной эстетики» (1907–1917) и «Литературно-художественного кружка», возглавляемых В. Брюсовым. В «Вагнеровском кружке» в студии скульптора К.Ф. Крахта читает доклад «Рихард Вагнер и Россия. О Вагнере и будущих путях искусства» (осень 1911), где впервые сформулировано его отношение к Китежу как символу Церкви-невидимой и к учению А.М. Добролюбова.

Дурылин — уже состоявшийся поэт. Потому Николай Ашукин посылает ему свои стихотворения как к мэтру и просит дать отзыв. Первое (ответное) письмо Дурылина к Ашукину выглядит как наставление начинающему поэту.

¹⁴ Новоселов Михаил Александрович (1864–1938) — богослов и писатель; религиозный просветитель, новомученик. Издатель Религиозно-философской библиотеки, в которой был опубликован отдельной брошюрой рассказ Дурылина «Жалостник» (1917). С 1922 г. жил на нелегальном положении. 17 мая 1929 г. арестован ОГПУ. Расстрелян в Вологодской тюрьме.

¹⁵ Дурылин С.Н. За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке (1913), Дурылин С.Н. Древнерусская иконопись и Олонекский край (1913), Дурылин С.Н. Кандалакшский «вавилон»: К изучению северных лабиринтов (1914), Дурылин С.Н. Под северным небом. Очерки Олонекского края (1915).

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину

29.VI.1910

Милый Николай Сергеевич, или Коля, как мне хочется Вас назвать! Пусть это письмо останется навсегда между нами¹⁶. Первые впечатления от человека ли, от книги ли — всегда самые близкие к истине, хотя внешне они могут быть не совсем точны. Я верю, что у человека и у книг есть свой особый закон, передающийся другому (не всегда, конечно). Вот об этом законе от Вас я и хотел бы Вам сказать несколько слов.

В Ваших стихах — детских, а не тех других, — есть милый, чистый запах юности, и простого, но истинного дарования. Мое впечатление проверяется мнениями Поликсены С.¹⁷ и Гиппиус¹⁸. Вспоминаю и мнение такого, в общем, чуткого и нежного человека, как <нрзб.>. Но когда Вам Мешков¹⁹ будет говорить, — он и говорит это — что Вы на верном пути художественного развития, что Вы — художественно — свободный человек и т. д. — не верьте. Ничего даром не дается. Искусство — есть труд, непрестанный, мучительный; не над словами и стихами лишь, но над собой прежде всего (искусство — суд над собой, говорил Ибсен), над своей религиозной и художественной верой, над своей культурностью, знаниями, — и, главное всего, над

¹⁶ Скорее всего, письмо не осталось между ними. По-видимому, его прочитал Мешков, раз между ним и Дурылиным возникло отчуждение. См. дальнейшие письма.

¹⁷ Соловьева Поликсена Сергеевна (1867–1924, псевд. Allegro) дочь историка С.М. Соловьева, сестра философа и поэта Вл. Соловьева. Училась живописи и впоследствии сама иллюстрировала свои книги. После выхода сборника «Стихотворения» (1899) вошла в литературные круги, сблизилась с писателями-символистами. В 1906–1913 гг. вместе с Натальей Ивановной Манасеиной (1869–1930) издавала журнал для детей «Тропинка», создала одноименное издательство. К работе в журнале привлекла многих писателей, в том числе А. Блока, К. Бальмонта, С. Городецкого, А. Куприна, А.Н. Толстого, С.Н. Дурылина. «Тропинку» иллюстрировали И. Библибин, М. Нестеров, Е. Кругликова. П. Соловьева и сама много писала для детей. Первая публикация «Алисы в стране чудес» Кэрролла в ее переводе вышла в этом издательстве.

¹⁸ Соловьева П.С. отправила «пометки» Зинаиды Гиппиус Ашукину, но найти их не удалось. В архиве Ашукина их нет.

¹⁹ Мешков Николай Михайлович (1885–1947) — поэт, редактор издательства «Земля и фабрика». Активно печатался в 1911–1927 гг. Автор не менее шести сборников стихотворений, входил в литературные объединения «Звено», «Дворец искусств». Мешков был признан учеником И.А. Бунина. Первая книга стихотворений Мешкова — «Снежные будни» (1911) — вышла в московском издательстве В.П. Португалова «Порывы». Мешков — соученик Дурылина по 4-й гимназии. Бросил гимназию после 5-го класса, видимо, по примеру Дурылина, который в те годы пользовался у него большим авторитетом. Посвятил Дурылину два стихотворения: «Канун Успенья» и «Я обручен с тобой, милый друг», которые записал в его альбом (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 276. Л. 10–11). По некоторым сведениям, в 1936 г. арестован, осужден на 5 лет лагерей, последние годы жил в Муроме в нищете.

своей чистотой, целостностью, целомудростью, душевностью [так в оригинале. — В. Т.]. В наше тяжелое, междурубежное время, поэт должен быть беспощадно строг к себе — к своей жизни как и к своей поэзии, но поэзии своей, как и к своей душе, как и к своему разуму. Поэт — послушник. Он должен стоять на строгом искусстве. Выдержав его, он — поэт. Нет — стихотворец, талант, <...> но не поэт. Право быть самым чутким, самым одухотворенным, право быть поэтом приобретается выполнением строжайшего долга перед людьми, Богом, самим собой; перед мыслью, культурой, знаниями. У поэта обязанностей больше, чем прав²⁰. Между тем, человек, имеющий по-видимому на Вас большое влияние, Мешков, признает лишь права поэта, но не его обязанности. Я знаю его близко восемь лет. Я знаю, что он талантлив. Но беда в том, что он только одно это про себя и знает. Вот отчего в его поэзии нет внутреннего движения вперед. У Мешкова не было того, что Гете называет «Lehrjahre» — т. е. годы учения, в глубоком, не внешнем (а отчасти, конечно, и внешнем) смысле слова. С таким запасом идей, мыслей, ощущений, не обновляемым знанием, религией, философией, мыслью, — который есть у Мешкова, — быть истинным поэтом нельзя. А между тем — он и не замечает этого. Я слушал вчера с тоской его выдержку из дневника о свидании с кем-то. Я ему ничего не сказал, но Вам скажу; духом пошлости веет от всей этой сцены, от бесконечной затертости их слов, от трафаретности описаний. М. заражен уже литературной сутолокой, он делает разные отзывы о Белом, Эллисе, Садовском, Брюсове и др. между тем не замечает, что в культурном, — уже не говоря про эстетическое, — отношении, он неизмеримо ниже них. У них он многому мог бы научиться, но учиться-то он и не хочет.

Я говорю здесь о нем только потому, что для меня он — живой пример от следования которому я искренне желал бы предостеречь Вас.

Все Ваше будущее, как поэта (я о Вас и о М. говорю только с этой стороны), — в немедленном, неустанном труде. Пушкин, Фет, Тютчев, ныне Брюсов, Мережк., В. Иванов, Белый, Сологуб — все вместе клады в поэзию, были блестяще образованными людьми. Наоборот, очень талантливый, но не культурный Л. Андреев спускается, при всем своем таланте, до таких пошлостей, как «Дни нашей жизни» или «Анатэма». Это — угрожающий пример. Некультурность, необразо-

²⁰ Это убеждение Дурьлин сохранил на всю жизнь. Возможно, поэтому и не публиковал своих стихов. В статье об актере М.С. Щепкине он записал в 1951 г.: «Талант есть не право, а долг; одаренность — не привилегия, а обязанность; искусство — не мимолетная случайность вдохновения, а взыскательный труд...» [16, с. 27]. Об отношении Дурьлина к поэтам и к поэзии см. письмо Дурьлина Эллису от 21–22 ноября 1909 г.: [19].

ванность, религиозная и философская безграмотность не искупаются никаким талантом. Для избежания же этого, есть одно средство — признать себя учеником, и учиться всегда — в жизни, в мысли, в поэзии. «Своим умом» ни в поэзии, ни в знании, ни в культуре ныне ни до чего не дойдешь. «Свой ум» — ум только тогда, когда он, не подчиняясь, соприкасается с чужим умом. Также и талант.

Пишу я это все — потому, что основное мое впечатление от Вас и Ваших стихов — милое и светлое. Но я боюсь за Вас — и не скрываю этого.

Если Вас огорчит мое письмо, простите меня.

Я переписываю для Вас свои стихи, — и та же просьба: они должны остаться между нами, т. к. я не люблю давать читать свои стихи никому.

Если бы Вы захотели поговорить со мной по этому или другому поводу, то я рад Вас видеть — напр. в пятницу или субботу вечером, часов от 7 ½.

С.Д.

P.S. Повторяю, говорю о Мешкове, как о культурном типе поэта прежде всего. Личные мои симпатии и давняя дружба к нему Вам известны.

P.P.S. Закончил письмо и вот строка из новой статьи Вяч.И. Иванова («Апол.» № 8): «Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности»²¹. Этого подвига я желаю Вам²² — и его нет у М<ешкова>²³.

²¹ «В заключение, несколько слов к молодым поэтам. В поэзии хорошо все, в чем есть поэтическая душевность. Не нужно желать быть «символистом»; можно только наедине с собой открыть в себе символиста — и тогда лучше всего постараться скрыть это от людей. Символизм обязывает. Старые чеканы школы истерлись. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности. О символе должно помнить завет: “Не приемли все”. И даже тот, кто не все примет символ, должен шесть дней делать — как если бы он был художник, вовсе не знающий о “realioga”, — и сотворить в них все дела свои, чтобы один, седьмой день недели отдать, в выше истолкованном, торжественном смысле, — для вдохновения, для звуков сладких и молитв». (*Иванов Вяч.* «Заветы символизма» // Аполлон. 1910. № 8 (май-июнь). С. 5–20. См. также: *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. С. 603).

²² 16 августа 1910 г. Ашукин пишет своему другу Н.М. Мешкову, переписка с которым в 1909–1922 гг. дает нам наиболее полную информацию о его жизни и душевном состоянии: «Я должен поработать (и как много!) над своей культурой: читать, изучать языки, и кроме того писать» (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 7)

²³ До встречи с Дурылиным Ашукин посылал свои стихи в детский журнал «Тропинка» Соловьевой Поликсене Сергеевне. Часть стихов она публиковала, но вот что писала ему: «Стихотворение “Качели” правильное», но в нем «мало своего оригинального», что бы отличало его «от множества стихов, которые теперь пишутся» (письмо от 21.10.1908 г.). «Присланные Вами стихи понравились нам больше “Качелей”. Они теплее и своеобразнее. Мы берем из них три: “Вечер”, “В небе тучи

Годом профессионального выступления Ашукина как поэта в печати стал 1909 г., когда в журнале «Тропинка» появилось его стихотворение «Зимой»:

Снегом белым, серебристым,
Как парчою, двор одет.
В бледном инее пушистом
Лучезарный солнца свет.

На дворе нас ждут салазки,
Будут нас с горы возить.
Мы Снегурку, словно в сказке,
Станем весело лепить.

А устанем — перемена:
Побежим домой играть.
Мама сказки Андерсена
Будет вечером читать²⁴.

Свои стихи для детей Ашукин размещал также в журналах «Родник», «Солнышко», «Проталинка». В 1910–1920 гг. выйдет несколько книг Ашукина: «Осенний цветник. Стихотворения» (1914), «Скитания» (1916), «Песенки» (1923), «Шкатулка с музыкой» (1924), историческая повесть «Декабристы» (1923) и др. Сборник 1919 г. «Золотые былинки. Стихи для детей»²⁵ открывается стихотворением «Колокольчики».

загуляли”, “Зимой” <...>» (письмо от 04.11.1908 г.). «Советую Вам писать как можно проще. Вам это и удастся в детских стихах, вот в этом стихотворении “Бабушка”, например, которое будет напечатано в следующем № “Тропинки” (№ этот я Вам пришлю). Старайтесь не утрачивать достоинств, которые есть в Ваших стихах для детей, когда пишете для взрослых. Поменьше тумана и грез, побольше жизненности и тогда дело пойдет на лад. Не берите для стихов того, что всем кажется поэтичным, отыскивайте поэзию там, где другие ее не видят. Поняли? До свидания. Желаю Вам всего хорошего. П. Соловьева» (письмо от 27.01.1909). «Многоуважаемый Николай Сергеевич. <...> Письмо Ваше меня опечалило. <...> Вы меня не поняли. Конечно, я говорила Вам о простоте формы. Простота формы при сложности и тонкости содержания — это идеал, к которому надо стремиться. Искать совершенства формы, работать над каждым стихом, иногда даже над каждым словом — необходимо. “Писать так, как сердце поет” — это ненавистное дилетантство. <...> “грезы” и “лазурная вечность” это удел банальных стихокропателей. Даже выражений этих себе не позволяйте, если серьезно относитесь к поэзии. О вечности и о мечтах надо говорить другими словами, в других выражениях <...>» (Письмо от 14.03.1910 г.) (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 433. Л. 1-10 об.).

²⁴ Ашукин Н. Зимой // Тропинка. СПб., 1909. Январь. № 1. С. 33.

²⁵ Ашукин Н. Золотые былинки. Стихи для детей. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1919. 48 с.

У читателей сразу возникает ассоциация с известным стихотворением А.К. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные». Ашукина упрекали в заимствованиях, в повторяемости уже давно известных образов. Так В. Ходасевич отмечал:

«Скитания», вторая книга стихов Николая Ашукина, очень похожа на первую книжечку [«Осенний цветник»] этого автора, вышедшую еще в самом начале 1914 года. Она вполне прилична и безнадежно скучна. Кажется, будто она состоит из реминисценций, будто когда-то, где-то мы уже давно читали ее. <...> Пишут другие, пишет и г. Ашукин. Но почему-то он видит и чувствует как раз то, что уже давно сотни раз перевидано и перечувствовано точно так же. Это уныло. Любит г. Ашукин русскую природу, хороший, должно быть, он человек, но совсем неталантливый. Он примыкает к той группе робких и неуверенных эпигонов символизма, которая давно уже составила из всевозможных Стражевых, Сухотиных, Поярковых и т. п. Будущий историк станет по этим поэтам изучать слабые места символизма [25].

Обложка сборника Н.С. Ашукина «Скитания». 1916
Nikolay Ashukin "The Wandering" (1916)

В.А. Бессонов в статье «Дом с мезонином...» старается поспорить с критиками стихов Ашукина. Он пишет:

Существовали, впрочем, и другие мнения. В сборнике «Времена года в русской поэзии» (1924) наряду с такими корифеями, как А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.А. Блок, И.А. Бунин, М.А. Волошин, представлен и Н.С. Ашукин. Значит, составитель сборника — Н.С. Ангарский — считал его достойным этой чести? <...> Валерий Брюсов, «сразу заметивший и оценивший юное дарование», выдал ему премию имени С.Я. Надсона... [2, с. 42–55].

В 1912 г. отношения Дурылина и Ашукина были подпорчены вмешательством Н.М. Мешкова. Он настраивал Ашукина против Дурылина, называя его «мерзавцем», «мелкотравчатым российским интеллигентом», и требовал от Ашукина прекратить с Дурылиным отношения, в противном случае, угрожает он, перекроет Ашукину возможность публиковаться в журналах, где публикуется он — Мешков (стоит упомянуть, что в 1914 г. Мешков, оклеветав Дурылина, пытался поспорить его с Борисом Пастернаком²⁶). К чести Ашукина, надо сказать, что он, поразмыслив, достойно ответил Мешкову. И хотя он признается, что «лично я Дурылина в мимолетные встречи узнал слишком мало, и свои взгляды на него, строю доверяя тебе», но все же: «считаю мой поступок²⁷ по отношению к нему хамским и унижительным для всякого человеческого достоинства и рад, что попросил прощения у него, как у человека»²⁸.

Эта тема продолжает звучать и в более позднем письме:

Он для меня — умный, начитанный интересный собеседник, с которым я охотно проведу всегда несколько часов. Как человека я его не знаю. Что будет тогда, когда я узнаю его ближе, не знаю. М. б. по пословице: гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится, у нас могут возникнуть и те близкие отношения, отно-

²⁶ Это было время, когда Б. Пастернак вслед за С. Бобровым ушел из издательства «Лирика» (в котором Дурылин опубликовал первые стихи Пастернака, распознав в нем поэта, а не музыканта) в «Центрифугу». Мешков, выбрав момент, когда у Пастернака с Юлианом Анисимовым была ссора, чуть не кончившаяся дуэлью из-за нетактичного намека Анисимова на еврейское происхождение Пастернака, сказал Пастернаку, что Дурылин, якобы, антисемит. Дурылину пришлось написать Пастернаку объяснительное письмо. Их дружба не разрушилась, она продолжалась до самой смерти Дурылина, но все же трещина в отношениях на то время появилась.

²⁷ Что это был за поступок, выяснить не удалось.

²⁸ Письмо Н. Ашукина к Н. Мешкову от 06.08.1912 // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 3.

сительно которых ты ставил мне ultimatium <...> Ни одно из своих убеждений я не принесу в жертву «на алтарь дружбы»²⁹.

Все выпады Мешкова против Дурылина были вызваны болезненным самолюбием Николая Михайловича, которого очень обидело то, что Дурылин не ответил на одно из его писем и не зашел к нему домой. Смешной повод. Но стоил нервов участникам этой истории. Как пишет Ашукин в комментариях 1960-х гг. к письмам Мешкова, тот был «Очень нервный. Неровный, истеричный в своих отношениях с людьми. Пациент психиатров»³⁰.

Дурылин никогда ни с кем не прерывал отношений по своей инициативе. Он был доброжелателен к людям, по-христиански прощал предательства друзьям, мог отдалиться от них, но ни о ком не говорил плохо. А если друзья обижались на него, старался объясниться и наладить отношения. Эта его черта явно прослеживается в отношениях с Ашукиным. Уже из первого письма Дурылина видно, с какой симпатией он отнесся к новому знакомому. Теплота его отношения проявляется в желании называть Ашукина не по имени отчеству, а дружески — Коля. Но Ашукин не поддержал в этом нового друга, и продолжал сохранять дистанцию в их отношениях.

*С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
Москва. 30 июня. [1912]³¹.*

Уважаемый Николай Сергеевич!

Ваше письмо застало меня в Москве, где я проездом из Нижнего³² в Малороссию³³ задержался на день. Простите за краткий и случайный ответ. Я никогда ничего против Вас не имел и всегда сожалел, что нелепость происшедшего между нами помешало нашему начавшемуся сближению. Я рад его возобновить. Быть может, Вам известно, что еще в январе этого года я послал Н.М. Мешкову письмо, в котором открыто заявил ему, что, как бы и что бы ни думал он обо

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Записка карандашом рукой Н. Ашукина вложена в письма Н. Ашукина к Н. Мешкову (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 39).

³¹ Письмо на бланке книгоиздательства «Мусaget».

³² Дурылин ездил на озеро Светлояр и заезжал в Нижний Новгород к А.П. Мельникову.

³³ Речь идет об имении Николаевка, принадлежавшем княжне Варваре Кавкасидзе — родной тетке друга Дурылина Алексея Алексеевича Сидорова. Они дружили в юные годы, и Дурылин часто бывал в Николаевке. Дружеские отношения с годами перешли в сферу профессиональных. Младший брат Алексея Сергей станет учеником и другом Дурылина, примет в 1921 г. сан священника и будет расстрелян в 1937 г. на Бутовском полигоне.

мне, я не питаю к нему никаких недружелюбных чувств. После этого он посетил меня, и наши добрые отношения возобновлены. Очень рад, что и наши с Вами отношения, прерванные так бессмысленно, возобновятся. С начала сентября я буду в Москве, адрес мой тот же [Покровка, 3-ий Переведеновский пер. д. 18, кв. 2.]. Рад видеть Вас у себя. Летний мой адрес: Курская губ. Почт. Ст. Бурьнь, Николаевка имение кн. В.Н. Кавкасидзе. Мне. Всего лучшего.

Уваж. Вас. С. Дурылин.

Дальнейшие отношения Дурылина с Ашукиным в 1910–1916 гг. складывались вполне дружески (но без особой теплоты, которая всегда была с духовно близкими друзьями: художником М.В. Нестеровым, П.П. Перцовым, М.А. Волошиным, К.Ф. Богаевским, Н.К. Метнером, В.В. Розановым, Г.И. Чулковым и др.). Они обсуждают книгу Дурылина «Вагнер и Россия...»³⁴. Ашукин не согласен с точкой зрения Дурылина на отношение искусства к религии. (Кстати, этот вопрос будет годы обдумываться Дурылиным, найдет отражение в его художественных произведениях и дневниках, и требует отдельного исследования)³⁵.

*Н.С. Ашукин — С.Н. Дурылину
Самара 23 мая 1913*

Дорогой Сергей Николаевич, с большим интересом прочитал Вашу книгу о Вагнере, с интересом еще большим потому, что вопросы, затронутые в ней, близки мне особенно теперь и волнуют меня. Религия и искусство.

Я всегда считал, что искусство (в высоком смысле, в смысле деяния) есть путь к религии. И мне не совсем ясно, как можно от религии идти к искусству?

Вы говорите, что тот будет великий художник мифотворец на Руси, кто от невидимого Китежа веры пойдет к цветущему во плоти Китежу искусства (стр. 56). И, как пример (приблизительный) приводите

³⁴ Дурылин подарил Ашукину книгу «Рихард Вагнер и Россия» с дарственной надписью: «Дорогому Николаю Сергеевичу Ашукину в знак дружеской привязанности от автора. 6.V.913».

³⁵ «“Уход” Толстого предreshал и, казалось, разрешал вопрос об отношениях религии и искусства. Если тот, кто обладал искусством “Войны и мира”, не мог ограничиться этим обладанием, а вот ночью, тайком, ушел в неведомую даль, не за искусством же!, а как пушкинский “Странник”, навстречу Божественному голосу, звавшему его неодолимо, — то к чему еще спорить о том, может ли искусство не нуждаться в религии и в силах ли художник подлинный обойтись без Бога?» [6, с. 519].

Добролюбова «Из книги невидимой»³⁶. Но думаю, что Добролюбов из Китежа религии если и пошел к искусству, то, конечно, перестал быть художником. Думаю, что и всякий другой, кто воистину услышит колокольный звон светлого озера, не захочет уже и не помыслит с музыкой этого звона в сердце — слагать музыкальные строфы своих, хотя бы и религиозных стихов. Или это будет что-то другое, не то искусство, которое я понимаю. Пушкин, Фет, Тютчев — одно. Духовные стихи, псалмы — другое. Я знаю, что и первое и второе искусство, Лирика, но смутно я ощущаю различия...³⁷

После чтения Вашей книги мне особенно хочется самому побывать на Светлояре, что я думаю исполнить в ближайшее время. Думаю попасть туда к Иванову дню. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы мне сообщили некоторые практические сведения о дороге, ночлеге и т. п. И кстати, что за книга Мельникова «К трехсотлетию Смутного времени»³⁸? Где ее можно купить и сколько она стоит?

Буду ждать Вашего ответа. Всего доброго.

Ник. Ашукин. <...>

В 1912 г. Дурылин впервые побывав на озере Светлояр (второй раз — в 1915 г.), почувствовал святость молитвы у стен Града Невидимого, побывал у раскольников. Он напишет две работы «Сказание о невидимом Граде Китеже» (1916) и «Церковь невидимого града» (1914) [10]. Последнюю он прочитает в 1913 г. на квартире С.Н. Бул-

³⁶ Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945?) — поэт-символист. Проповедовал отрицание собственности, «нищее житие» и простой ручной труд. В 1905 г. в издательстве «Скорпион» при помощи В. Брюсова вышел третий, и последний, сборник Добролюбова «Из книги невидимой», которую составили сестра (Н.Я. Брюсова) и жена (И.М. Брюсова) Валерия Брюсова. Сборник содержит религиозные гимны и духовные поучения, притчи, откровения, пророчества, стихи и письма Добролюбова. Добролюбов «ушел в народ», скитался по России. Точная дата и обстоятельства его смерти неизвестны. Дурылин одно время интересовался учением Добролюбова, дружил с «добролюбовцами»: Петром Картушиным и Николаем Сутковым. В книге Дурылина «В своем углу» (2006) им посвящено много страниц.

³⁷ Философ и священник С.Н. Булгаков, прочитав книгу Дурылина, писал ему 23 мая 1913 г.: «Дорогой Сергей Николаевич! <...> Еще раз спасибо Вам за очерк о Вагнере. Я прочел его не отрываясь и немедленно (это Вам лучшая читательская похвала!) и вполне сочувствую основной идее и основной тенденции его: и тому, что в Вагнере Вы подчеркиваете мифотворчество и тем сближаете его с Россией, и тому, что провозглашаете основной примат мифа. Если бы критиковать, то я сказал бы, что об этом сказано не слишком много, но слишком мало, т.е. отвлеченно, а между тем, для этих тем такое касание их может быть опасно, ибо обнажает до времени. <...> Всего Вам доброго. Не оставляйте своего замысла отн<осительно> народных житий святых, о которых мы говорили на Пасхе. Ваш С. Булгаков» [22, с. 53–54].

³⁸ Мельников А.П. К трехсотлетию Смутного времени: Нижний Новгород и Нижегородский край. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. VI. 177 л., карт., ил.

гакова, где познакомится со свящ. Павлом Флоренским. В Китеже Дурылин видит верховный символ народного религиозного сознания. Но считает, что истинная Церковь — в соединении церкви видимой и невидимой, в соединении тайной китежской молитвы у стен града Невидимого и явной молитвы служб оптинских.

Желание Ашукина побывать на Светлояре вызвано не только чтением книги Дурылина. Он переживает глубокий затяжной духовный кризис. Вызван он и долгой изнуряющей его душу работой в конторе Шустова, хроническим безденежьем, отказом отца в материальной помощи и невозможностью поступить в университет. У него возникают мысли о поломничестве в Палестину и об уходе из мира в монастырские стены. Из письма Ашукина к Мешкову 1911 г.: «Сейчас я нахожусь в каком-то заколдованном тупике и делаю все, чтобы из него выйти. <...> Я не отрицаю Бога, но ишу все время того, чтобы я мог в Него верить. Но сейчас этого нет»³⁹. В те годы многие молодые люди растеряли веру в Бога. Дурылин еще в гимназии вообразил себя атеистом и только к 1910 г., пережив духовный кризис, пройдя через духовные муки, вернулся к «вере отцов».

На вожделенные Соловки Ашукин так и не попал, но в 1913 г. посещает сначала Оптину пустынь, а потом — Светлояр.

*С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
1913 14/VI.*

Дорогой Н.С.

Вот как надо ехать на Светлояр: Пospеть туда надо к ночи с 22 на 23 июня, на Владимирскую. От Нижнего нужно ехать: 1) или на лошадях на город Семенов, до села Владимирского (иначе Люнда) — это и есть село около Светлояра, — всего верст 100, или 2) на пароходе по Ветлуге до прист. село Воскресенское, оттуда верст 20 пешком или на лошадке. Во втором случае надо ехать пораньше, ибо 1) ходят ли пароходы? (мелководье), 2) если да, то неаккуратно. Остановиться можно в Люнде в школе; учитель милый человек. В Нижнем Вы сходите к Андрею Павловичу Мельникову⁴⁰ (Губернаторский дом), сыну писателя, моему знакомому, он все Вам укажет и направит как

³⁹ Письмо Ашукина к Мешкову от 28 ноября 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 35.

⁴⁰ Мельников Андрей Павлович (1855–1930) — сын писателя П.И. Мельникова-Печерского. Окончил Академию художеств со званием «неклассный художник», в 1888–1917 гг. — чиновник особых поручений при нижегородских губернаторах. После 1918 г. занимал разные должности в архивах Нижнего Новгорода, преподавал в местном Педагогическом институте и Университете. В 1921 — учредитель Археолого-этнологической комиссии. Автор работ по истории старообрядчества, краеведению, этнографии, архивоведению. Дурылин оставил его характеристику

удобней. Поклонитесь от меня. Если б у Вас была бы бумажка от института — было бы очень хорошо: скидка с платы за лошадей⁴¹. Книга Мельникова ничего Вам не сообщит нового; у меня полнее о Китеже.

Вы пишете: «Пушкин, Тютчев — одно. Духовные стихи — другое». Но согласитесь — «Эти бедные селенья», Христос «удрученный ношей крестной» и дух<овные> стихи — это уже не одно и другое, а просто одно. Это мифотворческое искусство. В Данте духовные стихи слились с Пушкиным (простите и вычитите анахронизмы, но главное мысль): «Бож<ественная> комедия» *вся* вышла из народного творчества, но и *вся* же из гениального «Пушкина» в кубе — Данте. Вот образ тот, которому верю и к-го чаю. Если Вы скажете, что и у просто Пушкина, Фета и т. д. — искусство, я соглашусь, но скажу, что искусство Данте еще более искусство, хотя *уже* и религия. Простите, что обрываю письмо. Но наговоримся осенью. <...> Привет.

Ваш С. Д-н.

Ашукин пешком с котомкой за плечами отправился к Святому озеру, а там от села к селу среди древних Керженских лесов ходил или ездил на ямщицких лошадях и слушал «разиня рот» рассказы богомольцев и странников.

*Н.С. Ашукин — С.Н. Дурылину
Самара. 1 июля 1913.*

Дорогой Сергей Николаевич, только сегодня я вернулся из странствования к Невидимому Граду и только сегодня получил Ваше, не заставшее меня в Самаре, письмо. <...> Мельников дал мне самые обстоятельные указания и путешествие свое я совершил прекрасно. Еще сейчас, как говорится, в душе поет, когда я вспоминаю о Светлом озере, Невидимом Граде, о золотых огоньках тоненьких восковых свечей, о встречах и беседах с самыми различными людьми. Чувствую, что Светлояр и Керженские леса многое дали мне для творчества. Жалею только о том, что по нездоровью, приключившемуся со мной в пути, я не смог посетить все скиты и обители. Удалось мне побывать только в Керженском единоверческом монастыре.

в книге «В своем углу» [6, с. 605–606]. Художник М.В. Нестеров написал о нем воспоминания «Как женился Андрей Павлович [Мельников]» [17, с. 267–271].

⁴¹ Ашукин обзавелся такими документами: командировочное Свидетельство от Института для «исследования быта, религиозных верований, костюмировки инородческих племен и для изучения географической номенклатуры» и документом из Губернской Земской Управы о выдаче ему лошадей для передвижения по Нижегородской губернии.

Не сможете ли Вы мне сообщить за какой год в «Нов<ом>. П<ути>» была напечатана статья Гиппиус «Святое озеро» и в какой из книг Мережковского искать о Светлояре? В Вашей книжке о Вагнере есть ссылка на запись легенды о Китеже Мелединым; — где она напечатана?

Удалось ли Вам на Светлом озере видеть рукопись Китежского летописца? Я разыскал одного старообрядца, который с этой рукописи делает список и заказал ему (хотя и через вторые руки) сделать один такой список для себя.

Когда выйдет Ваша книга о религии невидимого града⁴²? О Пушкине, Тютчеве, и духовных стихах — я думаю, что это не одно и то же — даже после паломничества моего. Впрочем, действительно, об этом наговоримся осенью.

Всего доброго

Ваш Ашукин

Адрес мой прежний: Самара, около Постникова оврага, дачи Колесниковой, дача № 3.

О посещении Светлояра Ашукин напишет две статьи: «Град Китеж невидимый»⁴³ и «Невидимый град Китеж»⁴⁴. В тексте он упоминает книгу С. Дурьлина «Церковь невидимого града. Сказания о граде Китеже», называя ее интересной и указывая на ее религиозное значение. Описывая, то, что узнал о Китеже, и что услышал от местных жителей и богомольцев, Ашукин замечает, хотя у него и возникло желание идти вслед за богомольцами вокруг озера, но «Только зачем это? — Мне ли идти вокруг озера с этой тоненькой свечкой, мне, для которого все это: и озеро, и Китеж невидимый — только... интересная этнография. Не без грусти вспоминается, что недавно здесь сказал про меня старообрядец: — ты без карандаша и в лес не пойдешь»⁴⁵. Оказывается, хотя у него «душа поет» от посещения Светлояра, но Китеж для него только «интересная этнография», давшая много тем для творчества. И не более. В отличие от Дурьлина Ашукин остался равнодушен к религиозным смыслам Светлояра.

⁴² Дурьлин С. Церковь невидимого Града. Сказание о граде Китеже. М.: Путь, 1914. 69 с.

⁴³ Ашукин Н.С. Град Китеж невидимый // Путь. 1913. № 11. Ноябрь. С. 14–26.

⁴⁴ Ашукин Н.С. Невидимый град Китеж // Родина. 1915. № 8. Август. С. 111–118.

⁴⁵ Ашукин Н.С. Град Китеж невидимый // Путь. 1913. № 11. С. 26.

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
*Пирогово*⁴⁶. 14. VII — 1913.

Дорогой Н.С.

Простите за долгое молчанье. Я очень рад, что Светлояр не обманул Вас. На меня он произвел впечатление места подлинно — благодатного. Я попытался изложить свои впечатления и непосредственные, и ответные на то, чего я ждал от Китежа и что около него <нрзб.> пережил, — в «Церкви невидимого града», к-ая напечатана и выйдет в начале сентября. Там, в библиографии, Вы найдете все, что есть на рус. яз. о Светлояре. Интересующее Вас место о Китеже у Мережковского в статье «Религия и революция» в сб. «Не мир, но меч»⁴⁷. Очерк Гиппиус помещен в «Н. п.» 904 г. № 2–3, если не ошибаюсь, во всяком случае в 2-х из пяти первых №№ за эт. год, и в книге ея «Алый меч», СПб, 906⁴⁸. Грешный человек, очерк Гиппиус больше о Зинаиде Николаевне, чем о Светлояре. Очень интересная запись Меледина напечатана в старом «Москвитянине»⁴⁹, но ни года, ни № теперь не помню. Все это есть в моей книжке.

Я же ценю Китеж больше всего, как религиозную действительность, воочию свидетельствующую о том, что значит Бог и Богожажда в бытии, в «быть или не быть» русского народа. Кто побывал на Светлояре и не приметил этого, тот ничего не поймет в России⁵⁰. Если без Бога, то ничего нет; вся мука, боль, радость на Китеже — около Бога. — Это там поражает, заставляет краснеть за себя, за собственную религиозную праздность, — это же — не знаю, как для Вас — заставляет передумывать все, что раньше думалось и об искусстве, как и обо всем.

⁴⁶ Пирогово — имение Чернышевых под Москвой недалеко от Мытищ. Дурылин был учителем-воспитателем Николая Чернышева (1899–1942) — своего любимого ученика, впоследствии ставшего художником.

⁴⁷ *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. СПб.: М.В. Пирожков, 1908. С. 41–118.

⁴⁸ *Гиппиус З.Н.* Светлое озеро // *Гиппиус З.Н.* Алый меч. СПб.: М.В. Пирожков, 1906. С. 349–419. Ранее — в журнале «Новый путь» за 1904 г. Совр. переизд.: [4]. Путешествие к озеру Светлояр Гиппиус и Мережковский совершили летом 1903 г.

⁴⁹ Китеж на Светлоярском Озере. Из сведений, доставленных гражданином Семеновским-Мелединым // *Москвитянин*. 1843. № 11. Ч. VI: Внутренние известия. С. 507–511.

⁵⁰ «Горький был “на Китеж-озере”. И ничего о том, что там видел и слышал, не написал. Не по нутру ему, как и Короленке. Удивительно! Там, на Светлояре, религиозно-светло и ярко — так ярко и явно светло, что отрицать этого прямо нельзя, — и приходится зажмурить глаза: ничего не видел-де. Короленко и Горький оба и зажмурили. Удивительно!» [6, с. 107].

Светлояр для меня еще углубил, безмерно расширил ту канавку, которая отделяет меня от моего безрелигиозного интеллигентского прошлого. Я уже не перешагну через неё.

Если Вы любите художника Нестерова, то скажу Вам, что он — в беседе своей со мной на моем реферате — сказал мне, что он разделяет мой взгляд на Китеж и искусство...⁵¹

Пишите. Не сердитесь за поздний ответ.

Ваш С.Д.

Московский мой адрес новый: Гороховская ул., д. 21, кв. 5⁵².

Здесь в Пирогове я до 15/VIII.

Очень бы хорошо, если бы Вы согласились переписать для меня одно из последних Ваших стихов — в письме.

В 1913 г. Дурылин и Ашукин встретились на страницах журнала «Путь»: их стихи опубликованы на одной странице, объединенные общим названием «Два стихотворения»⁵³.

Николай Ашукин

В тоске весенней у окна
К стеклу холодному прижалась.
— Теперь одна. Совсем одна!..

Сняла и бросила кольцо
И долго на него глядела
И слушала, склонив лицо,
Как чья-то жалоба звенела.

К столу неслышно подошла,
Где тихо догорали свечи,
Потом шкатулку отперла,
(И вздрогнули невольно плечи).

⁵¹ М.В. Нестеров мог присутствовать на докладе С.Н. Дурылина о Китеже, который он читал в 1913 г. на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. В декабре этого года после доклада Дурылина о Лескове они с Нестеровым «впервые пожали друг другу руки», как вспоминает Дурылин. И с этого момента он исчисляет время дружбы с художником, продолжавшейся 30 лет — до смерти Нестерова в 1942 г.

⁵² Гороховская улица (в XVIII в. — Горохово поле) в 1939 г. переименована в ул. Казакова. Находится в Басманном районе Москвы.

⁵³ Путь. 1913. № 9–10. С. 45.

Достала маленький флакон, —
Губами бледными прильнула
И — уронив короткий стон, —
Упала... Умерла... Уснула...

Сергей Раевский⁵⁴

У тихой голубицы
Два белые крыла.
Для вас, Господни птицы,
Для вас весна светла.

Как иноки, чернеют
Суровые грачи.
Для вас одних светлеют
Небесные лучи.

Стремительной стрелою
Несетесь, журавли,
Для вас в лесах весною
Полянки зацвели.

Ты прилетел усталый,
О, милый соловей.
Тебе — и розан алый,
И тихий дом ветвей.

Для Дурылина в эти годы Ашукин «единопутник китежанин», человек, близкий по духу. Это потом их пути резко разойдутся.

*С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
31/III -1914.*

Спасибо, добрый мой поэт,
Единопутник китежанин
За неожиданный привет!
Я — той же церкви прихожанин:
Ей имя — Русь и тишина.

⁵⁴ Сергей Раевский — один из многих псевдонимов С.Н. Дурылина.

Она совсем пустынна стала,
 Она печальна и бедна
 И прихожан в ней верных мало. —
 И тем приветней твой привет.
 И пусть осенние цветы
 Ты в маленький собрал букет —
 Для верноподданной мечты
 Цветов безароматных нет!

Хочется и прозаически поблагодарить Вас, дорогой Н.С., за память обо мне. Я буду рад видеть Вас у себя в среду, часов в 6. У меня к Вам есть маленькое дело: нет ли у Вас стихов для детс<кого> журн<ала> «Проталинка»⁵⁵? — стихов того духа и типа, которые Вы помещали в «Тропинке» и перепечатали в книжке⁵⁶? Если есть, то захватите с собою. Я готов принять участие в «Мире женщины»⁵⁷; но хотел бы 1) из 2 обзоров в месяц один посвящать детской литературе; 2) знать плату. Обо всем переговорим в среду. До свидания.

Ваш С.Д.

Крупный издатель⁵⁸ К.Ф. Некрасов (1873–1940) — племянник поэта Н.А. Некрасова, в 1914 г. пригласил Ашукина в свое издательство⁵⁹ в Ярославль. Это было заманчивое предложение. Ашукин работал секретарем издательства до его закрытия в 1916 г. В эти годы он знакомится с В. Брюсовым, Андреем Белым, А. Блоком, Б. Зайцевым, К. Бальмонтом. Иногда лично, но чаще по переписке при подготовке к изданию книг этих авторов. Он публикует свои произведения, иногда выступает как переводчик стихов зарубежных авторов. Совместно с К.Ф. Некрасовым подготовит книгу «Архив

⁵⁵ «Проталинка» — ежемесячный журнал для детей от десяти до двенадцати лет (1914–1917). Выходил в Москве под редакцией поэта и переводчика с латыни и староитальянского Александра Петровича Печковского (188?–1944), в прошлом — участника кружка «Аргонавты». С Печковским Дурылин был знаком с 1910 г., если не раньше. В Типографии торг. дома «А.П. Печковский, П.А. Буланже и Ко», в 1907 г. вышла первая книжка Дурылина «В школьной тюрьме: исповедь ученика». В 1911, 1913, 1914 гг. Дурылин и Печковский издали несколько книг, посвященных Франциску Ассизскому. Дурылину доводилось гостить в имении Печковского.

⁵⁶ Имеется в виду сборник «Осенний цветник» (М.: Куранты, 1914. 53 с.).

⁵⁷ «Мир женщины» — богато иллюстрированный журнал «изящной литературы, общественной жизни, общепользующих знаний, прикладного искусства, новейших и практических мод и рукоделий», как он сам себя анонсировал. Издавался с 1912 г. 2 раза в месяц. Редакция находилась в Москве на Кузнецком Мосту, д. 3. Мы не обнаружили сведений о публикациях Дурылина в этом журнале.

⁵⁸ Подробнее см.: [3].

⁵⁹ Издательство существовало с 1911 по 1916 гг. Помимо книг русских и зарубежных авторов, издавалась газета «Голос» и периодическое издание «София: Журнал искусства и литературы» (1914).

села Карабихи. Письма Н.А. Некрасова и к Некрасову» (М., 1916), впервые выступив в качестве исследователя и публикатора. В эти годы Ашукин много ездит, скорее всего, по делам издательства: Москва, Самара, Кострома. Эти поездки нашли отражение в его стихах, опубликованных в сборнике «Скитания»⁶⁰.

Казалось бы, теперь у Ашукина интересная творческая работа, общение с интересными людьми. Но он по-прежнему грустит и жалуется на одиночество. Возможно, причина плохого настроения в том, что над ним постоянно висит угроза призыва в армию. Кроме того, в Ярославле Ашукина угнетает оторванность от литературных кругов Москвы, от шума литературных собраний.

Н.С. Ашукин — С.Н. Дурылину

Ярославль, Духовская, 61. 15 декабря 1914.

Милый и дорогой Сергей Николаевич, от Мешкова, который был проездом в Ярославле, я узнал о смерти Вашей матушки⁶¹. От него же я узнал, что адрес Ваш остается старым. Еще давно мне хотелось написать Вам, но я это откладывал, зная, что Вам не до «праздных» писем. Я не выражаю Вам никаких сочувствий «в постигшем горе», ибо твердо уверен, что в большинстве — все это и смешно и не нужно. От души желаю Вам спокойствия и бодрости!

Сегодня прочитал в газетах, что Вы читаете доклад «Лик России»⁶². Значит Вы по-прежнему продолжаете работать, а это, конечно, самое главное.

Напишите мне о себе, своих работах и стихах. В Ярославле я живу очень одиноко, не с кем «отвести душу», поговорить о стихах, о книгах. Работаю очень лениво, хотя досуг большой.

Раньше мне думалось, что выбила меня из колеи война, но теперь кажется виноватым какое-то мятежное и тоскливое состояние души. Написал несколько стихов — угрюмых и замогильных. Меня как-то

⁶⁰ *Ашукин Н.* Скитания. Вторая книга стихов (1913–1915 г.). М.: Изд-во К.Ф. Некрасова, 1916. 82 с.

⁶¹ Дурылина Анастасия Васильевна (урожд. Кутанова, 1852–1914) — мать Дурылина. «Со смертью мамы я потерял самую оправдывающую нужность своего существования» — напишет он. Смерть матери не только привела к потере душевного равновесия, но и лишила жизненной опоры, устроенности быта, своего угла. С этого времени мысли о монастыре как душевном приюте и «своем угле», а также постоянном жилье не оставляли Дурылина долгие годы. Подробнее см.: [5, с. 23].

⁶² *Дурылин С.Н.* Лик России. Великая война и русское призвание. М.: Творч. мысль, 1916. 47 с. Переизд.: [10, с. 232–290]. Эту лекцию Дурылин читает в Москве, в Рыбинске, Костроме, Твери.

не коснулась та свежая струя бодрости, которая, как ветер в окно, влетела в жизнь с началом войны.

Буду ждать Ваших писем. Ваш душевно

Николай Ашукин

«Свежая струя бодрости» в начале войны коснулась Дурылина, как и многих в то время. Но постепенно пришло прозрение. В понятии родины Дурылин различает *Россию* и *Русь*. В статье «Начальник тишины» он пишет: «Когда Россия в отчаянии льнет к газетному листу, к военной телеграмме Верховного главнокомандующего, к слуху, сообщающему, сколько изготовлено шрапнели, Русь льнет к молитве, к незримому Китежу, к зримой Оптиной пустыни, — к Богу» [10, с. 333].

*С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
Николаевск Самарской⁶³ 29 декабря (1914)*

Дорогой Николай Сергеевич!

Очень ждал Вашего письма, ибо не хотел потерять Вас и след Ваш. Я провожу святки здесь, в глуши, где азиобразно настолько, что <нрзб.>, но где русские люди, тишина, степь, опять тишина и опять степь.

В январе буду читать лекцию в Костроме и проездом непременно заеду к Вам и потолкуем. Дорогой друг! Чем дале живешь, тем боле дорожишь прошлым, ибо будущее выскакивает из-под ног, и не люблю я самого слова «будущее» — недаром на него охотники такие дураки как футуристы. Стихи мои замолкли; писать некогда; пишу — как знаете — книгу о Лескове⁶⁴; в «Рус. Мысли» поместили «Судьбу Лермонтова»⁶⁵ — лучшее, что я написал доселе: отыщите № 10 за 14 г. — и прочтите, если не лень.

⁶³ Уездный город Николаевск Самарской губернии стоит на реке Большой Ирғиз. В Самарской губернии было имение М.К. Морозовой. Там гостил Дурылин в 1914–1915 гг.

⁶⁴ Издательство «Путь» заказало в 1913 г. Дурылину монографию о Лескове для серии «Русские мыслители». Эта работа — «Н.С. Лесков. Личность. Творчество. Религия» — займет годы, но так и не будет закончена. В 1930-е гг. в пояснительной записке к докладу «Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества», прочитанному 1 декабря 1913 г. в РФО, он с горечью заметит: «Я работал над монографией в 1914–1915 годах. Война мешала, а революция оборвала работу навсегда... Он (текст о Лескове. — В.Т.) никогда не будет окончен и никогда не выйдет из стен моей комнаты» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 158). В настоящее время законченная часть работы опубликована: [9], [12, с. 334–447].

⁶⁵ *Дурылин С.Н. Судьба Лермонтова // Русская Мысль. 1914. № 10. Перизд.: [12, с. 272–333].* Дурылин здесь рассматривает внутреннюю связь поэта «с философией Платона и с учением о «вечно-женственном» у Гёте, немецких

Этот год доживу на старом месте, а там — не вею, что́ далё. Шлите стихи свои в Проталинку⁶⁶ и рассказы: нужда в том, и в другом.

Шлите вести о себе. Отвечать буду непременно. За малословие не сердитесь: ему соответствует маловремение, коим обладаю. Приехал сюда работать — писать статью — и вместо того заболел.

Итак, по прежнему жду писем на Гороховскую, 21, 5.

Как адрес Вашей редакции? Дабы писать туда в случае утери Ваш<его> адреса.

Привет и поклон. Любящий Вас

С. Дуры<лин>.

Читал в Голосе Ваш Китежский очерк, а в Пути так и не прочитал.

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину

9.И.1916

Милый Н.С.

Спасибо за стихи, спасибо за письмо, спасибо за память. Стихи Ваши, не потеряв прежней Вашей свежести и искренности (последнее я научился ценить!) приобрели какую-то прекрасную устойчивость — четкость и ёмкость образа и стиха.

Дороги-ль спутались глухие,
Иль виноваты ночь и мгла?

Отлично, ёмко и певуче, — т. е. то, что нужно.

Ты сердцем веришь ли в чудесный срок?

Молчишь? А в небе звездный огонек —

Серебряная незабудка.

— свежо, первично для образа, и опять ёмко для мысли и чувства лирических. Из стихов очень по душе: «Чужая» (пожалуй, лучшее в сборнике), В мае, Портрет, Другу, Над темной рекой. <...>

Как Ваши дела с призывом?⁶⁷

романтиков, у Вл. Соловьёва и русских символистов». Позже он записал: «Лермонтов — на земле — шагун, ходебщик, бездомник; земная жизнь для него — мгновение, перепуток, странное и недоброе “бойкое место”, до которого был длинный, длинный путь (“И я счет своих лет потерял”) и после которого сейчас же начинается новый, другой длинный-длинный путь... А Пушкин этого не знал. Он — весь на земле. Земля для него не перепуток, а оседлость, за черту которой он не хотел и не умел выходить, тогда как Лермонтов — явно без всякой оседлости на земле» [7, с. 240].

⁶⁶ Ашукин отослал в журнал «Проталинка» свои стихи для детей и сказку. Редактор АП. Печковский сообщил ему, что стихи они напечатают, а сказку не возьмут из-за того, что объем ее слишком велик для журнала.

⁶⁷ О призыве в армию Ашукин начинает упоминать в письмах к Мешкову с августа 1910 г. По документам в РГАЛИ (Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 510) можно проследить историю его призывов и отсрочек: в 1910 г. — отсрочка до 1911 г., в 1917 г. призван, но получил отсрочку «по земской службе», в 1923 г. принят на учет,

Простите за молчание долгое и неизвинительное. Не забыл Вас и не забуду, и очень помню все ваше доброе и дружеское, с чем вы шли ко мне всегда.

Ваш С. Дуры<лин>

Немецкая ул., д. 38.

Н.С. Ашукин — С.Н. Дурылину

Ярославль, Больш. Даниловская д. 26, кв. 2. 20. V 1916

Дорогой Сергей Николаевич!

Очень, очень прошу Вас сообщить мне не известно ли что-нибудь Вам о судьбе моего «Избр. песенника»⁶⁸, отосланного в Универсальную библиотеку⁶⁹. До сих пор я не получил от них никакого ответа. Очень меня обяжете, если узнаете обо всем и известите. Боюсь, как бы не затерялась рукопись; копии у меня нет. Я же предполагаю, ежели дело не выйдет в Универсальной, предложить книгу какому-либо другому издательству.

Некрасов с июня кончает типографское дело (но не издательство). Я бы мог ехать в Москву, но удерживает призыв, предстоящий 4 июля. Пока буду жить в Ярославле. Сейчас уже устроился на службу к Уполномоч<енному> Мин. Земледелия по закупке хлеба. Приходится вспоминать старинные времена своей конторской службы. Пишите мне, дорогой Сергей Николаевич! В Ярославле я одинок. Скучаю по литературе, вернее по литературной толпе; Вы осудите это?⁷⁰ А я все-таки люблю толпу, шум, и столичную сутолоку; одиночество (вдобавок провинциальное) в большой дозе мне тяжело.

В 1939 г. переосвидетельствован и снят с учета. В 1943 г. Ленинским РВК г. Ташкента освидетельствован и признан негодным к несению воинской обязанности и снят с учета. Значит, в действующей армии не служил никогда.

⁶⁸ Ашукин Н.С. Песенки. Стихи для детей. М.: ГИЗ, 1923. 18 с.

⁶⁹ Серию «Универсальная библиотека» издавал Владимир Морицевич Антик (1882–1972). В 1906 г. он основал свое издательство «Польза» (с 1907 г. — «Польза. В. Антик и Ко», с 1915 г. — акционерное общество «Универсальная библиотека»), где в числе прочих выпускал следующие серии: «Универсальная библиотека», «Народный университет», «Педагогическая академия в очерках и монографиях» и др. В течение 1922–1923 гг. издательство, уже по заказу «Госиздата», выпускало серию «Всеобщая библиотека», продолжившую традиции «Универсальной библиотеки».

⁷⁰ Ашукин имеет в виду известную нелюбовь Дурылина к шумихе, сутолоке литературных собраний. Он любил тишину и неоднократно писал об этом. Слово «Тишина» часто встречается в его работах, в мемуарах, в письмах, в записках-размышлениях. «Тишина» — необходимое условие творчества и желаемое состояние души. «В своем углу» (2006) есть такие записи 1926 г.: «Я не любил никогда «литературного круга» (С. 301); «Как мелочны и скучно мелочны «литераторы»! Конечно, литературный круг — это один из самых невыносимых, неблагоприятных и мелких, мелких» (С. 300). Дурылин пишет Эллису в 1909 г.: «Я всегда ценил Ваши статьи за проповедь уединения и отъединения поэта от толпы литературной и нелитературной, от “соборности” и “хора” как неперемного условия творчества.

Стихи мои в «Утро России» жестоко обруганы Ходасевичем. По его мнению я хороший человек, но совсем неталантливый.

Жалко, что начинающий поэт почти никогда не читает дельных отзывов: большинство или краткая и невразумительная ругань или похвалы провинциальных газет.

Буду ждать Вашего ответа. Душевно Ваш.

Николай Ашукин

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину

12/VII 1916

Дорогой Николай Сергеевич!

Что Вам сказать о себе? Давно потерял вкус и к собственной жизни, и к жизни вообще: живу, оттого что живется, и до тех пор, пока будет «житься» — и только. Это не значит, что нет смысла в жизни, это значит — что нет вкуса к ней⁷¹. В еде, напр, есть смысл, но если потеряешь вкус, то ничего в рот не возьмешь. Но это скучная материя. Антики⁷² — народ обделистый и у них против их коммерческого рожна не попрешь. Не предложить ли Вам сборник к-ву «Огни» в Петрограде? Там издают много из народной поэзии (Фонтанка, 80)⁷³.

Вы совершенно правы, говоря, что молодые поэты не встречают у нас основательной критики. Но кто способен на такую критику? Андрей Белый, пожалуй, Брюсов — да и обчёлся; и мыслима ли в газетах критика сколько-нибудь значительная и доказательная? И не поголовно ли невежественны у нас критики и вообще, и в области поэзии в частности. <...> Да что поэты?! Поэтам уж участь такая, но где критическая достаточная оценка таких замечательных прозаиков, как Ремизов, Сергеев-Ценский (последнего периода)? О Леониде Андрееве у нас томы, а попробуйте найти книгу о Баратынском, большую статью о Случевском, разбор беллетристики К. Леонтьева.

Хотим мы этого или нет, мучительно для нас такое отъединение или нет, но оно неизбежно, и поэт не уйдет от него, если останется поэтом» [14, с. 139].

⁷¹ У Дурылина бывали периоды или моменты хандры, тоски, чувства «умственного одиночества». Он часто в письмах жалуется на одиночество. Но при этом всегда творчески очень активен и окружен людьми, общение с которыми было необходимо его натуре. Лермонтов, Гоголь, протоиерей Иосиф Фудель были близки ему чувством внутреннего мыслительного одиночества.

⁷² Имеется в виду издатель «Универсальной библиотеки» В.М. Антик.

⁷³ Акционерное издательское общество «ОГНИ» основано в 1909 г. критиком и публицистом Е.А. Ляцким. В редакционный совет входили Б.Л. Модзалевский, В.И. Срезневский, П.Е. Щеголев. Выпуск книг начался в 1911 г. Среди иллюстраторов книг — А.Н. Бенуа, И.Я. Билибин, Д.И. Митрохин. В 1922 г. издательство прекратило существование.

Все вы будете трудиться. Давно уже мне представляется, что русские поэты и писатели, пишущие, помня пушкинский завет: «цель поэзии — поэзия», пишут в какое-то пустое жерло, в яму <...>.

«Русская мысль» еще в феврале приняла мой большой рассказ, страниц на 60, но не обещает скоро его напечатать⁷⁴. Непременно пошлю его Вам, ибо это единственно стоящее из всего, что я написал, писал же я вовсе не думая о печатании, а скорее думая именно о ненапечатании. В «Богословском Вестнике» в августе будет моя статья «Начальник тишины»⁷⁵, с впечатлениями из поездки на Светлояр в прошлом, 15-ом, году.

Китежем знаете кто заинтересован? Государь. Он читал мою книжечку и ему она пришлась по душе. (Я извещен о сем через Вел. Княгиню Елизавету Федоровну)⁷⁶. Оказывается, Он большой любитель и знаток Лескова: значит, Он знает о Руси нечто, чего интеллигенты не знают, ибо Лескова не читают.

Долго ли Вы думаете остаться в Ярославле? Москва теперь с каждым месяцем чужеет: что-то уходит из нее, какой-то добрый московский дух, и вместо него несет запахом европейского отеля. Какая это скука! «Нет, недоволен я Москвою».

А все таки люблю⁷⁷.

Я рад, что Вы меня время от времени вспоминаете: мы все-таки из одного теста, старого, купеческого, московского.

Я читал Аполлона Григорьева, стихи, и за исключением трех — четырех — пяти, они мне не очень понравились. Вероятно, с ним приятнее всего было попеть с гитарой и стихами, не спать до рассвета и обсудить за ночь все мировые вопросы, перецеловав двух-трех цыганок, — но теперь от всего этого остались только стихи, и, как стихи, они поблекли и потускнели: не хватает им вина, гитары, ночи. Но все же хорошо, что их переиздали⁷⁸.

⁷⁴ Рассказ «Жалостник» издан в 1917 г. дважды: в ж. «Русская мысль» и в «Религиозно-философской библиотеке». Это единственное прозаическое произведение Дурьлина, увидевшее свет при его жизни.

⁷⁵ Статья «Начальник Тишины» издана в 1916 г. дважды: в «Религиозно-философской библиотеке» в Сергиевом Посаде и в «Богословском вестнике» (№ 7–8. С. 417–445). Переизд.: [10, с. 291–334].

⁷⁶ Слова Великой Княгини наверняка передал Дурьлину его друг художник М.В. Нестеров, который в период росписи храма в Марфо-Мариинской обители часто общался с Елизаветой Федоровной.

⁷⁷ О дореволюционной Москве Дурьлин написал очерки «Москва», «В зале консерватории» [11, с. 355–445], а также воспоминания «В родном углу» [5].

⁷⁸ Совсем по-другому Дурьлин оценил Ап. Григорьева, когда перечитывал его в ссылке в Киржаче в начале 1930-х гг.: «Аполлона Григорьева читаю со слезами, с сердцебиением <...> Ах, какая судьба! Из него одного можно было бы выкроить троих Белинских, десяток Добролюбовых, дюжину Писаревых, — да еще осталось

Я в Симеизе числа до 20⁷⁹.

Затем мой адрес пока будет такой (и вообще всегда можно по нему писать мне): Москва, Ваганьковское кладбище, кварт. прот. В.И. Постникова, Александре Георгиевне Постниковой, мне.⁸⁰

Всего хорошего. Не забывайте.

Ваш С.Д.

*С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
Сентября 9-го, Москва. 1916*

Дорогой Николай Сергеевич!

Простите, что замедлил ответом на Ваше дорогое письмо. Я очень рад, что у Вас есть память на меня: нет-нет, да и отзоветесь. Будущее же мое столь же смутно, как и Ваше: в этом году буду обитать на кладбище, а что будет весной — не ведомо. К военной службе меня признали совершенно непригодным. А как Ваши дела в этом отношении? <...> № «Богослов<кого> В<естника>» с моей статьей не вышел еще, но сейчас же по выходе я пошлю Вам, китежанину записному и верному, оттиск. Сейчас что-то ничего не вспомню о западных сказаниях, родственных Китежу. Подумаю. А писать стихотворно о Китеже Вы должны. Для меня это — мечта, которая никогда уже не сбудется, а Вам, может быть, одбевская⁸¹ и тишина и просты'ня помогут ути'шиться до китежской тихости и простоты. Искренно говорю: дай Бог Вам тишины и сил для этой работы.

О Печковском ничего не знаю: полгода не видал и не получал известий. Постараюсь передать ему, что нужно. Ждите приглашения сотрудничать в новом детс. журн. в Петрограде, кажется прочный. Издают на субсидию от Мин. Н. П. при педагогич. курсах. Я пишу одновременно Ваш адрес редактору, З.К. Столица⁸², которой я гово-

бы на поэта меры Полонского, хватило бы на прозаика, художника такой же меры, на хорошего актера, на отличного музыканта <...> А. Григорьев, критик, мыслитель, поэтолюб, писатель, историк... <...> до боли в сердце ощущаю любовь к нему» [6, с. 822–826].

⁷⁹ В Крым С.Н. Дурылин поехал со своим учеником Николаем Чернышевым, которого там лечили от туберкулеза.

⁸⁰ Квартира протоепера Василия Ивановича Постникова — один из адресов Дурылина периода его бесприютности, когда он не имел своего жилья, и приходилось жить то у одних, то у других знакомых.

⁸¹ Ашукин живет в этот период в городе Одоеве.

⁸² Столица Зинаида Константиновна (1873–1956?) — действительный член «Религиозно-философского общества» в Санкт-Петербурге, автор книжки «Очерки по философии идеализма» (СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1908. 96 с.); педагог, автор ряда книг по педагогике. С 1901 по 1907 гг. вместе с В.А. Волкович Столица вела в московском журнале «Вопросы философии и психологии» отдел критики

рил о Вас. <...> Знаете ли Вы, что до гор. Семенова теперь проведена жел. дорога?

Шлю Вам свой привет.

Ваш С. Дурылин

Над Ашукиным с 1910 г. висит угроза призыва в армию. Он получает отсрочки, но все равно это его нервирует, так как лишает определенности в жизненных планах. В 1916 г. подает прошение в Земский Союз о зачислении заведующим питательным пунктом. В 1917 г. он живет в городе Одоеве Тульской области, где служит в канцелярии Уездной Земской Управы, «с нескрываемой скукой» читая деловые бумаги и циркуляры. Но эта работа также дает отсрочку от призыва.

После 1916 г. переписка друзей обрывается. Возобновится она в 1927 г., но отношения уже будут другие. Жизненные и, что главное, духовные пути Ашукина и Дурылина кардинально расходятся.

Прямой реакции Ашукина на события в стране в 1917–1920-го и последующих годов нет в дневниках его (впрочем, и в письмах мы их не обнаружили). Все «личное» он вымарал, когда в начале 1960-х гг. готовил свой архив, и в частности дневники, для потомков. К дневникам он делает приписку: «Я переписал в эту толстую тетрадь только то, что может представлять некоторый интерес для того, кто когда-нибудь обратится к ней в поисках материала при изучении литературного быта 20-х годов. Может быть, ему пригодятся мои отрывочные записи»⁸³. Оригиналы дневников он уничтожил⁸⁴.

Ашукин осторожен, он в 1921 г. уже второй раз (первый — когда жил в Одоеве) разбирает и сортирует свой архив, в т. ч. письма. С 1933 по 1944 гг. он дневников не вел. В дневниках последних лет часто только сообщает о событиях, оставляя их без комментариев. Например: «1953 г. 4 марта. Утром по радио сообщили о болезни Сталина. 6 марта. Утром в 6 час. утра по радио сообщили о смерти Сталина». Так же кратко он упоминает и о когда-то близких людях:

и библиографии. Видимо, предполагаемый журнал, о котором пишет Дурылин, не состоялся.

⁸³ Дневники Ашукина за 1914–1933 гг. опубликованы: [1]. Полный текст дневников — до 1957 г. — хранится в РГАЛИ. (Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 72, 74, 76, 77).

⁸⁴ «Ашукин <...> был свидетелем становления советского режима, и, как многие его современники, был напуган им до такой степени, что, видимо, даже перед самим собой не мог быть искренним до конца. Так время отпечаталось в его дневниковых записях. И время же, скорее всего «оттепель», заставило его подвергнуть записи автоцензурированию...» — пишет И.А. Едошина в статье «Человек, влюбленный в литературу»: Николай Сергеевич Ашукин // Литературоведческий журнал. 2021. № 2 (52). С. 125–126.

«16 апреля 1922 г. На Пятницкой встретил С.Н. Дурылина, — он стал священником», «9 января 1948 г. Узнал, что около месяца назад умер поэт Николай Мешков, отбывавший ссылку». И больше ни слова о бывшем друге. «14 декабря 1954 г. Сегодня узнал о смерти С.Н. Дурылина». И всё!

Но некоторые оставленные записи свидетельствуют о его если не лояльности к власти, но о полной адаптированности к ней.

«Впервые был у Никитиной на так называемом «Никитинском субботнике». <...> Теснота (больше 100 человек). Все собрались слушать Волошина. <...> Волошин читал отрывки из большой поэмы «Путями Каина» <...> У меня впечатление двойственное. Волошин старается ”парить” над революцией»⁸⁵.

В его дневнике тех лет сомнительная эпиграмма оказывается без комментария:

В журнале «Смехач» (№ 22) напечатана следующая эпиграмма на «Русский современник»⁸⁶

Откройте «Русский современник»
И вновь закройте от стыда.
Меж стульев двух, как некий пленник,
Он ни туда и ни сюда.
И в позитуре этой узкой,
Другим журналам не в пример,
Он, верно, современник русский,
Но только не СССР.

В.Н.⁸⁷

В то же время позднее Ашукин, записывая обстоятельства смерти и похорон М.А. Цявловского, упоминает, что в доме была панихида по православному обряду: «Старенький священник, чудесные

⁸⁵ Дневник Ашукина 1924 г., запись от 22 марта (см.: [1, № 4 (32), с. 180]).

⁸⁶ «Русский современник» — литературно-художественный журнал. Издавался в 1924 в Ленинграде в частном издательстве Н.И. Марагам, ответственным редактором был А.Н. Тихонов. Всего вышло 4 книги. Основной состав литературных сотрудников — Е. Замятин, Б. Пильняк, А. Толстой, А. Ахматова, Ф. Сологуб, О. Мандельштам, Н. Клюев, С. Парнок. М. Горький — вскоре вышел из состава редакции. Это единственный независимый литературный журнал, издававшийся в России в период НЭПа. Редакция отбирала для публикации тексты, исходя из их литературных достоинств, а не из их идеологической направленности. После резкой критики в официальной печати за враждебность советской власти, после ареста А. Тихонова журнал был закрыт.

⁸⁷ Дневник Ашукина. 1924 г., запись от 29 ноября (см.: [1, № 4 (32), с. 196]).

слова древних молитв»⁸⁸. Был он на похоронах патриарха Тихона⁸⁹ в Донском монастыре. Незадолго до смерти просит жену отслужить по нему панихиду. О похоронах Ленина только констатирующая запись в дневнике (без эмоций), но через год он опишет церемонию по минутам⁹⁰, а позже напишет о нем стихотворение. Пытался издать «Записки» Бориса Садовского⁹¹, не публикуемого в тот период. Составляя поэтическую антологию для детей⁹², Ашукин в конце книги после стихов профессиональных крупных поэтов помещает беспомощные стихи рабочих поэтов, напоминающие скорее советские лозунги. Это выглядит как скрытый протест.

Можно сделать вывод, что была в душе двойственность, не было лада и тишины. Писатель В.Г. Лидин вспоминает «те давние дни, когда молодой поэт Николай Ашукин печатал и в «Русской мысли», и в «Пути», и в других журналах того времени свои стихи, еще лишь вступая на ту стезю, которая определила в дальнейшем его призвание, — на стезю розысков, изысканий, находок в области литературы» [15, с. 79]. Только вот остается вопрос, была ли эта стезя его призванием.

А в молодости Ашукин был открытым и веселым человеком, любителем шумных литературных собраний, активным участником литературной жизни. В.Г. Лидин вспоминает «шумные дни» и «застольные беседы в традициях русских писателей, когда день нередко превращался в ночь или, наоборот, ночь превращалась в день, и тогда высокий залиvistый смех Ашукина с какими-то переливами нередко звучал часами... Но это было уже давно, и много лет не знал я затем Ашукина веселым и беспечным» [15, с. 79], — добавляет Лидин в конце 1970-х гг., когда пишет воспоминания.

Нелегко далось Ашукину насилие над собой, над своим призванием поэта и писателя, стремление примириться с новыми условиями жизни и обезопасить себя в атмосфере сталинских репрессий.

⁸⁸ Дневник Ашукина 1947 г., записи от 10, 14 и 15 ноября (РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 13).

⁸⁹ Патриарх Тихон, в миру Василий Иванович Беллавин (1865–1925) — патриарх Московский и всея России. Приветствовал Февральскую революцию, осудил убийство царской семьи, призывал остановить Гражданскую войну, подвергался преследованию советских властей. 1 ноября 1981 г. канонизирован.

⁹⁰ *Ашукин Н.С.* Красная площадь. М.: Огонек, 1925. С. 13–15 (глава «У кремлевской стены»). Видимо, в уничтоженном дневнике было подробное описание похорон, но в 1960-е гг. Ашукин счел нужным его убрать.

⁹¹ Поэт и прозаик Борис Александрович Садовский (Садовской) (1881–1952), одна из заметных фигур Серебряного века, в 1930-е гг. жил в забвении и бедности в одной из келий Новодевичьего монастыря.

⁹² *Ашукин Н.С.* Предисловие // Зарницы. Чтец-декламатор для детей / сост. Н. Ашукин. М.: В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1923. 77 с.

Дух его «мечется и томится». Изменился характер, потухла душа, стал нелюдим и необщителен. Его уже не привлекают шумные литературные собрания, которые любил в молодости. Лидин замечает, что теперь никак не удавалось оторвать Ашукина от рабочего стола, позвать его на прогулку с друзьями.

После 1917 г. Ашукин сменил несколько мест службы. Но это все не творческая работа. В 1917–1918 гг. он заведует книжным складом ярославского кооператива, удрученный «постоянной заботой о продовольствии, хлебных карточках». С 1918 г. он в Москве, работает в отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Комиссариате народного просвещения. В 1919 г. — в отделе печати Московского Совета инструктором по разбору национализированных книг букинистов. В 1920 г. работал в Московском союзе потребительских обществ, а затем заведовал библиотекой Литературного Отдела Наркомпроса. 1 мая участвует в субботнике по разбору книг в национализированном магазине Суворина.

В 1922 г. Ашукин участвует в написании статей для словаря «Писатели современной эпохи» (под ред. Б.П. Козьмина), изданного ГАХН в 1928 г. и вскоре изъятого из обращения из-за статей о репрессированных, эмигрировавших авторах и за слишком свободное, бесцензурное изложение сведений о писателях. С 1924 по 1932 гг. (согласно автобиографии) он служил в редакции журнала «Красная Нива» секретарем, исполняя в 1931 г. и обязанности редактора.

За это время он опубликовал много работ, но уже как составитель, автор вступительных статей, текстолог, библиограф и комментатор. Издал ряд научно-популярных биографий (А.Н. Радищев, А.В. Кольцов, М.В. Ломоносов), литературных экскурсий по московским адресам Л. Толстого, Пушкина, Грибоедова. Он все реже пишет стихи и прозу⁹³. Угас ли его талант? Или он почувствовал справедливость тех критиков, которые упрекали его во вторичности выбранных сюжетов, в отсутствии оригинальных мыслей и т. п. Скорее всего, он выбрал для себя более безопасную и спокойную стезю, обратившись в своих изысканиях к творчеству Пушкина, писателей, угодных советской власти (Некрасов, Блок⁹⁴, Брюсов), москвоведению, что, видимо, спасло его от репрессий сталинской эпохи.

⁹³ В 1919 г. напишет небольшую повесть «Декабристы» для лубочного издания в 3 листа. В 1920 г. — рассказ «Венеция». А в 1922 г. опубликует рассказ «Восточная сказка», где использует мотив пушкинской «Пиковой дамы».

⁹⁴ В 1923–1924 гг. он выпустит две книги о Блоке: «Александр Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880–1921. Библиография 1903–1923» (М.: Новая Москва, 1923. 68 с.) и «А.А. Блок в воспоминаниях современников и его письмах» (М.: В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1924. 80 с.).

В 1920–1935 гг. не менее семи работ Ашукин посвятил Некрасову. Это публикации его произведений, в том числе и для детей, статьи о поэте, «Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова», «Библиотека Некрасова» и др. Вряд ли поэт Некрасов был близок поэту Ашукину. Скорее всего, причина в том, что публикации приносили гонорар и не встречали преград цензуры. Поскольку единственным заработком на жизнь и у Ашукина, и у Дурылина были гонорары, они вынуждены были свои тексты для печати выстраивать в соответствии с требованиями советской идеологии. Так была написана книга Ашукина «Декабристы. История восстания 14 декабря 1825 года» (М.: Красная новь, 1921). Часто приходилось им, скрепя сердце, править статьи по требованию редакторов. А случалось, что редакторы сами правили тексты, не согласовывая с авторами. Так было с работой Дурылина «Об одном символе у Достоевского» (М.: ГАХН, 1928). Примеров можно привести много.

Жизнь Дурылина после 1916 г. пролегла совсем по другому пути. Он стал священником, пережил аресты, ссылки (1922–1924, 1927–1933), принудил себя жить «под тенью века сего», но дух его не был сломлен. Исследователи называют его жизнь в советские времена «внутренней эмиграцией».

В предреволюционные годы Дурылина все больше интересуют вопросы философские и все больше его занимают проблемы русской Церкви. Им опубликовано более 20 работ на религиозно-философские, религиозные, литературоведческие темы. Не меньше прочитано докладов на эти темы.

После февральской революции 1917 г., на короткий период освободившей Церковь от светской власти, Дурылин активно участвует в церковной жизни: в предсоборных дискуссиях, в организации церковных братств. В 1917 г. выпускает брошюры: «Приход, его задачи и организация», «Церковный собор и русская церковь». Он участник Всероссийского Поместного Собора Российской Православной Церкви, о котором оставил записи в дневнике «Олонецкие записки» [8], который вел с 12 августа 1917 г. по 21 апреля 1918 г. Дружеские отношения и единомыслие связывают его с о. Павлом Флоренским, М.А. Новоселовым, С.Н. Булгаковым, В.В. Розановым.

Дурылин остро переживает события 1917 г. Он прекрасно понимает, что происходит в стране:

Это та центробежная сила русской истории, которая воздвигала самозванцев, Федьку Андросова, Разина, Пугачева, максимали-

ста-экспроприатора 1905 года. Теперь она плещется по всему русскому простору — поджигает помещичьи усадьбы, оскверняет мощи в Киеве, вопиет о «контрреволюции». И не Керенским, и не Милковым её остановить! Нет, государство — узда, государство — сурово и тяжело, и опять, и опять — если суждено России быть — поднимется как-нибудь медный всадник — и «вздернет на дыбу». <...> За государство платят — и вот «Россию вздернул на дыбы» и есть такая плата [8, с. 134].

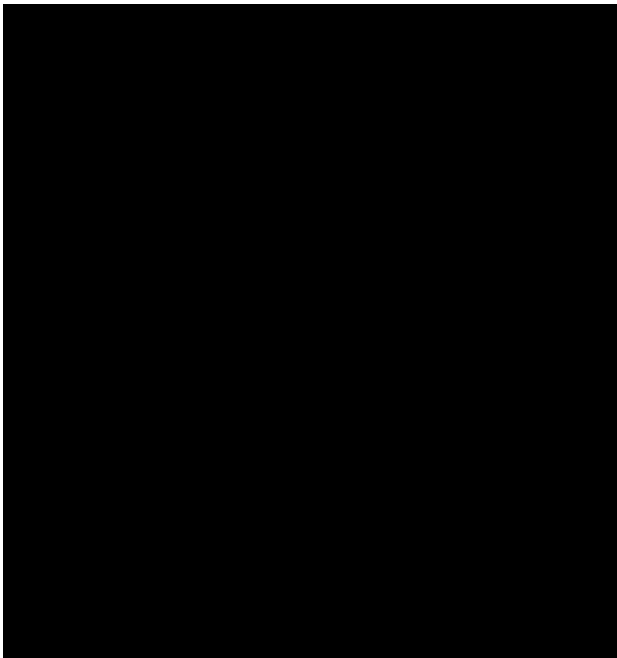
Несмотря на активную внешнюю жизнь, Дурылин внутренне очень угнетен происходящим в стране, ему трудно вписаться в резко меняющуюся жизнь, все острее он испытывает желание уйти в монастырь, укрыться в его стенах от кошмара действительности. Но его духовный отец, оптинский старец Анатолий (Потапов), понимая, что Дурылин не готов к принятию монашества, слишком сильна в нем жажда жизни, тяга к занятиям научными трудами, не дает благословения на монашество, а направляет Дурылина к московскому старцу, настоятелю церкви свт. Николая в Кленниках Алексею Мечёву⁹⁵. В марте 1920 г. по благословению обоих старцев Дурылин принимает сан священника и два года служит храму у о. Алексия.

В июле 1922 г. его арестовывают и после Владимирской тюрьмы отправляют в ссылку в Челябинск. Здесь он работает в Музее местного края как этнограф и археолог. Напишет «в стол» две первые тетради своей главной книги «В своем углу», повесть «Сударь Кот», несколько рассказов. Начал писать книгу о Нестерове, начав ее с цикла картин о Сергии Радонежском. Обращение к творчеству М.В. Нестерова было смелым поступком, тем более для ссыльного. Имя Нестерова замалчивалось из-за религиозной тематики его картин. Деятельность Дурылина находится под пристальным вниманием ОГПУ. На второй тетрадке «Заметок о Нестерове» сделана надпись: «Просмотрено Челяб. Окр. Г.П.У. (было на просмотре 18 янв. – 9 февр. 1924 г.)».

Благодаря хлопотам друзей и духовных детей ссылка в Челябинск была прекращена, и Дурылин в начале декабря 1924 г. возвращается в Москву. Его приняли на работу в ГАХН, но только внештатным сотрудником. Он с увлечением отдается работе: выполняет плановые работы академии, читает доклады по русской литературе, театру, изобразительному искусству, о Гаршине, Гоголе, А.М. Добролюбове, К. Леонтьеве, Лескове, Нестерове, Достоевском, пишет стихотворный

⁹⁵ Об этом периоде жизни Дурылина см.: [13]. Воспоминания Дурылина о протоиерее Алексии Мечёве, ныне причисленном к лику святых, см.: [20, с. 3–9, 139–148].

цикл «Старая Москва», восторженно оцененный М. Волошиным, но до сих пор не изданный, продолжает заполнять тетрадки «В своем углу». Близкий друг, М.В. Нестеров, написал в 1926 г. портрет Дурылина в рясе, назвав его «Тяжелые думы»⁹⁶.

Нестеров М.В. Тяжелые думы. 1926
Mikhail Nesterov. Brooding Thoughts. 1926

Переписка с Ашукиным, возобновившаяся в 1927 г. за 5 месяцев до нового ареста Дурылина, — уже не дружеская, а сугубо деловая. И пишет Дурылин не о себе, а по своему обыкновению хлопочет о другом человеке, который живет в бедности и нуждается в помощи⁹⁷.

⁹⁶ Портрет «Тяжелые думы» находится в ЦАК Троице-Сергиевой лавры, а копия, сделанная Ф.С. Булгаковым — в Мемориальном музее С.Н. Дурылина в Болшеве. В экспозиции ЦАК портрет был выставлен под названием «Портрет неизвестного священника». Это было желание И.А. Комиссаровой-Дурылиной, в советское время не афишировавшей священство Дурылина.

⁹⁷ Дурылин помогал многим людям, это была его естественная потребность. В советский период он материально поддерживал бедствующего П.П. Перцова, а бывшей меценатке М.К. Морозовой, жившей в нищете, выплачивал ежемесячную пенсию из своего кармана.

*Открытка С.Н. Дурылина от 06.01.1927 г.
секретарю редакции журнала «Красная нива» Н.С. Ашукину*

Дорогой Николай Сергеевич!

На открытии выставки А. Иванова⁹⁸ Вы говорили мне о возможности приобретения Союзом писателей писем В.Я. Брюсова к П.П. Перцову. Я тогда же сообщил об этом ему (очень нуждающемуся). Он готов их продать. Их всего ок. 125 писем, из коих лишь немногие напеч. в «Рус<ском>. Совр<еменнике>» и взяты для печ<ати>. в «Печать и рев.»⁹⁹ Писем 30–40 совсем неизвестны и полная новость. Не даст ли Союз за все рублей 175? Письма у меня. Пожалуйста, поднимите этот вопрос и уведомите меня о ходе дела. Где же, как не в Союзе, место этим письмам. О литер. дост<оинствах> коих Вы, конечно, отлично знаете. Итак, уведомите обо всем меня: Милютинский пер., д. 15, кв. 12.

Всего хорошего.

С. Дурылин¹⁰⁰.

⁹⁸ В 1926 г. после ремонта открылся Ивановский зал при Музее книги (в бывшем Румянцевском музее). 28 марта 1924 г. было принято Постановление коллегии Главнауки Наркомпроса о расформировании Румянцевского музея. Образованная Ликвидационная комиссия приняла решение (11 апреля 1925 г.), в котором русская школа передавалась в Третьяковскую галерею, за исключением картины А. Иванова «Явление Христа народу» и этюдов, временно оставляемых при Публичной библиотеке. В 1926 г. на совместном совещании представителей Третьяковской галереи и Музея книги было позволено экспонировать произведение А. Иванова еще в течение четырех лет.

⁹⁹ Десять писем Валерия Брюсова к П.П. Перцову. Предисл. Г. Лелевича, прим. П.П. Перцова // Печать и революция. 1926. Кн. 7.

¹⁰⁰ П.П. Перцов пишет Дурылину 22 декабря 1926 г.: «Дорогой Сергей Николаевич! Спасибо за присланные 25 руб. На днях писал Вам. Нет ли чего нового насчет писем Брюсова? Видели ли Вы Ашукина и говорили ли с ним насчет их издания под моей редакцией? Только кто же будет издавать? У Союза писателей ведь нет своего издательства, а у кружка Брюсова, верно, денег нет. Итак — реален ли этот проект? Что вообще нового в Москве? Хотелось бы знать. Пока всего хорошего! Сердечно Ваш П.П.». Месяцем раньше — 26 ноября 1926 г. — П.П. Перцов пишет Дурылину: «Что до писем Брюсова, то очень Вам благодарен за хлопоты с ними. Эти письма можно бы отдать и за 200 — особенно, если осуществится та комбинация, о которой Вы пишете (мое редактирование). Тут я опять мог бы использовать свой запас воспоминаний. Притом, однако, имейте в виду, что из этих писем (всех 173) 50 были уже напечатаны, или печатаются, или могут быть напечатаны. А именно: 8 были в «Русс<ком> Современнике» (№ 4, в декабре 1924 г.); 32 (самые ранние) печатаются сейчас в издании ГАХН; и, наконец, 10 куплены в «Печ<ать> и Рев<олюция>» и могут там появиться (хотя Полонского смущает их «империализм»)» (Архив Г.Е. Померанцевой).

Открытка С. Н. Дурылина Н.С. Ашукину от 31.01.1927 г.

Дорогой Н.С.! Пишу Вам в 3 раз: не выяснили ли Вы в Союзе писателей дела о покупке у Перцова писем Брюсова? Их 175. — за все он просит 175 р. Там есть огромные письма — трактаты. Ответьте поскорей. Он меня спрашивает.

Мой адрес: Милютинский пер., д. 15, кв. 12.

Ваш С. Дур<ылин>

*Ответ Н.С. Ашукина С.Н. Дурылину
1 II 27 г.*

Дорогой Сергей Николаевич,

Первое же Ваше письмо о продаже писем Брюсова мною тотчас же было передано в Союз писателей. Все промедление исходит из Союза, архивом которого ведаёт Дм.Дм. Благой¹⁰¹ — и который должен написать Вам.

Но дело-то в том, что необходимо выяснить сколько же писем из 175-ти опубликованы в издании академии¹⁰². Это вопрос, ответ на кот<орый> определяет возможность покупки писем Союзом. Вы сами понимаете, что интересно купить письма неопубликованные.

Было бы хорошо, если бы Вы удосужились повидаться с Благом, кот<орый> и живет в Союзе (Тверск<ая> № д. 25).

Жму руку

Н Ашукин

*Открытка С.Н. Дурылина от 10.2.27 г.
в редакцию «Красной нивы» Н.С. Ашукину*

Милый Н.С. У Благого тон не благой, и безнадежный: он думает, что Союз пожалеет 175 р. и не купит писем, и говорит: «Вот если б на заседание президиума пришел Николай Сергеевич!» Н.С., исполните благую мысль Благого и сделайте благое дело: придите и настояйте

¹⁰¹ Благой Дмитрий Дмитриевич (1893–1984) — пушкинист, педагог, академик, лауреат Сталинской премии второй степени.

¹⁰² Письма В.Я. Брюсова к П.П. Перцову (1894–1896) (К истории раннего символизма) / Тексты и материалы. Вып. третий. М.: ГАХН, 1927. 81 с. Здесь опубликованы первые 32 письма Брюсова к Перцову из 173, имевшихся в литературном архиве Петра Петровича. По стилю и содержанию они свидетельствуют о тесных дружеских и литературных отношениях между ними. Частично опубликованы также: Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 282–293.

на покупке. Деньги можно хоть в 2, в крайности даже в 3 срока, в течение 3–4 месяцев.

С.Д.

В дневнике Ашукина находим запись от 1926 г.: «18 января. Вечером пришел П.П. Перцов (мир прошлого). Я прочитал ему отрывки из дневников Брюсова; он сказал мне несколько указаний для примечаний. Перцов милый глухой старик. Вероятно, очень нуждается; пришел в холодном драповом пальтишке»¹⁰³. Ашукин понимает, что Перцов очень нуждается, но в отличие от Дурылина, не пытается ему помочь.

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину
[февраль 1927 г.]

Дорогой Николай Сергеевич!

6/III исполняется 75-летие со дня смерти Гоголя — юбилей предстоящий¹⁰⁴. У меня есть 3 *неизданные записки Гоголя* к Аксаковым, относящиеся к 50-ым г. Не пожелает ли Ваша редакция — по примеру «Огонька», где будет напечатано неизд. письмо Гоголя с предисл. Пиксанова, — напечатать 3 эти записки с небольшой моей статьей, сопровождающей их? На все потребно будет не более 1 1/2 страниц текста. Все вполне цензурно. Неужели у Вас № будет без «Гоголя» — я разумею, неизданного? Оплату я хотел бы получить так: мой текст — по обычному расчету, текст Гоголя — конечно, значительно дороже — (его немного) — как придумаете.

Прошу Вас дать мне самый скорый ответ¹⁰⁵. Если я получу его скоро, то статью я напишу в сутки и она поспеет вовремя¹⁰⁶.

Пожалуйста, быстро ответьте.

От Благого нет у меня вести ни благой, ни злой.

Ваш С. Дурыл<ин>. Милютинский пер., д. 15, кв. 12.

Изменился социальный статус обоих корреспондентов, изменился и тон их переписки. Обращения «милый» и «дорогой» — это уже форма, а не выражение чувств. Дурылин неблагонадежен, и ОГПУ

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 76 (2). Л. 144.

¹⁰⁴ Гоголь умер 21 февраля (4 марта) 1852 г. Ошибиться в дате Дурылин не мог. Скорее это описка.

¹⁰⁵ Я не обнаружила в журнале «Красная нива» этой публикации Дурылина. Публикация состоялась гораздо позже: *Дурылин С.Н. Гоголь и Аксаковы: (с тремя неизд. записками Гоголя)* // Звенья. 1934. № 4. С. 325–355.

¹⁰⁶ Дурылин обладал острой памятью и потрясающей работоспособностью. Писал быстро и мог одновременно работать над несколькими темами.

не оставляет его без внимания. Он нуждается в заработке, в публикациях. А это, в какой-то мере, зависит от Ашукина.

Ашукин вполне успешен, у него постоянный заработок и работа, он публикует свои труды. Активно участвует в жизни Союза писателей, состоит в Правлении Всероссийского союза писателей. Много публикаций подготовил Ашукин о творчестве В.Я. Брюсова, с которым его связывали не только творческие, но и дружеские отношения.

О знакомстве с Брюсовым Ашукин рассказывал еще в письме к Мешкову от 6 августа 1912 г.:

Он принял меня изысканно сухо и любезно. Подержал тетрадку моих стихов в руках, повертел ее и сказал, что нужно почитать, а ответ через месяц. Осведомился, знаю ли я иностр. яз., сказав: «поэт должен обязательно знать немецкий, французский, английский и итальянский». На что я ему брякнул: «Я самоучка». Знай наших!¹⁰⁷

Работая в издательстве Некрасова, Ашукин редактировал поэтический сборник Брюсова «Семь цветов радуги. Стихи 1912–1915» (М., 1916) и подготовил два библиографических раздела: «Книги Валерия Брюсова» и «Библиографию стихов из периодики». Брюсов пригласил Ашукина к участию в книге «Поэзия Армении», где тот перевел стихотворение А. Цатуряна¹⁰⁸ В 1920 г. Ашукин работал ответственным секретарем в журнале Брюсова «Художественное слово»¹⁰⁹. Он напечатал здесь свой рассказ «Венеция»¹¹⁰.

Большим горем для Ашукина была смерть Брюсова. Вместе с вдовой поэта И.М. Брюсовой он примет активное участие в создании Кружка памяти В.Я. Брюсова, на заседаниях которого будет выступать с докладами. Теперь он прикладывает все силы для публикации произведений поэта. В 1927 и 1928 гг. он участвует в подготовке

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 3 об.

¹⁰⁸ Поэзия Армении с древнейших времен в переводе русских поэтов / под ред., вступ. очерком, примеч. Валерия Брюсова. М.: Изд-во Московского Армянского комитета, 1916. С. 318–319.

¹⁰⁹ Журнал «Художественное слово» выходил в Москве в 1920 г. в издательстве «Книга» как Временник Литературного отдела Наркомпроса (ЛИТО, которым заведовал также Брюсов). <...> Однако пестрота авторского состава журнала и расплывчатость его идеологической платформы привели к быстрому закрытию журнала: на втором номере издание «Художественного слова» было приостановлено в связи с реорганизацией Наркомпроса. Начальником ЛИТО был назначен А.С. Серафимович. См.: [1, № 3 (31), с. 206].

¹¹⁰ Ашукин Н. Венеция // Художественное Слово. Временник Н.К.П. / отв. ред. В.Я. Брюсов. Книга I. М.: Изд-е Народного комиссариата по просвещению, 1920. С. 34.

к изданию книги Брюсова «Из моей жизни»¹¹¹ и сборника стихов¹¹². В 1929 г. составит и напишет предисловие к книге «Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики»¹¹³.

О своей переписке с Блоком в связи с подготовкой в 1915 г. книги «Стихотворения» Аполлона Григорьева под редакцией Блока Ашукин сделал публикацию в еженедельной литературно-художественной газете «Московский понедельник» (1922. № 8). После смерти Блока он издаст еще две книги (см. выше).

В 1920–1930-е гг. Ашукин активно публикует свои работы, в том числе в издательстве «Academia». Участвует в издании собраний сочинений Гоголя, Пушкина. О Пушкине у него за все годы не менее 14 публикаций. Но вот характерный пример из его дневника от 25 июня 1923 г. о том, как приходилось работать:

Я составил для издательства «Красная новь» популярную книжечку о Пушкине¹¹⁴. Выбрал стихи политические и из лирики, что доступно крестьянину, как и было мне указано. Отзыв о книжечке дал Антонов-Овсеенко. Требуется: детально рассказать об отношении Пушкина к самодержавию, тоже — в отношении декабристов, подробно рассказать о дуэли, изобразив всю пошлость светского общества. Выбор стихов забракован. Я отправился <...> к Антонову¹¹⁵. ПУР. Пропуск. Часовой. Секретарь. Заполняю листок — фамилия, адрес, по какому делу. Вхожу в большой пустынный кабинет:

— Садитесь. Имею немного времени. Говорите кратко. — Сажусь и говорю.

Он требует дать Пушкина с критикой (как я понял, писаревской), «Евгения Онегина» изложить своими словами, показать «какой это барин, бездельник...» <...> Я молчал [1, № 4 (32), с. 173].

Интересно предвидение Дурылина, в каком направлении будет развиваться советская литература:

¹¹¹ Брюсов В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти / предисл. и примеч. Н.С. Ашукина. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. V.

¹¹² Брюсов В. Неизданные стихи. 1914–1924. Собранные И.М. Брюсовой / под ред. Н.С. Ашукина и А.А. Ильинского-Блюменау. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 3.

¹¹³ Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929. С. 3–5.

¹¹⁴ Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и стихотворения / сост. Н.С. Ашукин. М.: Главполитпросвет, 1923. 784 с.

¹¹⁵ Антонов-Овсеенко В.А. (1883–1938) на тот момент начальник Политуправления РСФСР (ПУР).

Будет «стандарт» мысли. Шума, противоборства мысли, одновременных мыслительных ручьев, рек, потоков не будет — <...> а будет — равнина с одним увалом, с которого все реки и ручьи будут течь параллельно в одно и то же замкнутое озеро без бурь и без глубины... Будет «тихо» и гладко с мыслью. «Стандартный» формат и объем мысли, обеспечивающий «тишину» и «гладь» стока её в одну сторону, в один неглубокий, безвыходный водоем, тепленький и пахнущий гнильцой [7, с. 300–301].

Дурылин любил бродить мимо книжных лавочек и с наслаждением покупать книги:

Покупаешь целый мир, особый, никак на другой не похожий, и можно выбирать эти миры — тот взять, а этот не брать. <...> И тут человек пока еще волен: кто заставит купить меня «Разумника», когда я хочу «Перцова». А если будут заставлять, я просто ничего не куплю. Буду без «мира», но не с тем «миром», который мне постыл <...>. *Это еще какая-то свобода. Одна из последних* (Выделено мной. — В.Т.) <...> Так уж судьбой определено, что историки литературы своих мыслей не имеют. Они их берут у критиков. Но почему всегда и вечно у Белинского, Добролюбова, Михайловского — и никогда у К. Леонтьева, Страхова, Говорухи-Отрока, Розанова, Перцова? <...> Когда же просочатся те подспудные мысли Розанова и других и войдут в историко-литературное суждение о Пушкине, Гоголе и других? Нам не дожидаться [6, с. 209].

И Дурылин и Ашукин были заядлыми библиофилами. Они страстно собирали свои библиотеки, покупая и на развалах, и «по случаю» издания, часто изъятые из библиотек¹¹⁶.

Второй раз Дурыллина арестовали в июне 1927 г. После Бутырской тюрьмы он отбывал ссылку в Томске — три года, и в Киржаче — три года. За время этих ссылок он, несмотря на болезни, тяжелые условия жизни, отсутствие службы для заработка, продолжал писать — иногда для публикаций под псевдонимами (устраивали в печать друзья), но чаще «в стол» для себя. Да и не мог он сидеть без творческой работы, без пера в руке. В ссылке в Киржаче Дурылин при керосиновой лампе написал за полгода 30-листный труд «Русские писатели у Гёте

¹¹⁶ После смерти Ашукина его библиотека была сдана в РГБ. Часть библиотеки Дурыллина легла в основу фонда библиотеки им. С.Н. Дурыллина в Болшеве.

в Веймаре»¹¹⁷. А «в стол» в советские годы было написано много и прозы, и статей, и собраны материалы для будущих задуманных работ. В связи с письмом Н.К. Гудзия, высоко оценившего работу С.Н. Дурылина «Из семейной хроники Гоголя», Дурылин в Томске с горечью писал:

Вот какие книги — не хуже «Гоголя» — я мог бы немедленно издать: 1) «Лермонтов», 2) «Лесков», 3) «Три очерка о Достоевском», 4) «Художники живого слова» [Гоголь, И. Горбунов, Садовские], 5) «Константин Леонтьев», 6) «Из эпохи русского символизма», 7) «Воспоминания» (Толстой, Вас. Вас. [Розанов], Артем, Кожевников, о. И[осиф Фудель] и т. д., 8) «Нестеров» + два–три тома рассказов + томик стихов. Это могло бы быть предметом новогодних мечтаний, — вот потому-то я и вспоминаю все это в последние часы старого года. Отмечтал я ... [6, с. 444].

В письме поэтессе В.К. Звягинцевой осенью 1928 г. Дурылин сетовал на подспудность своих трудов: «Я — всё “в стол”, а то, что печатается, это 1/100 меня...»¹¹⁸. На протяжении нескольких лет Дурылин писал духовные стихи и стихи для циклов «Венец лета» и «Старая Москва». То, что он писал «для души», в советское время публиковать было невозможно.

В 1934 г. Дурылину было разрешено вернуться в Москву, но жилья там у него не было. Через два года удалось получить участок в Болшеве, где стараниями и трудами его жены Ирины Алексеевны Комиссаровой-Дурылиной (1899–1976) был построен дом. Болшевский период (1937–1954) — относительно спокойный в жизни Дурылина. Впервые после смерти матери у него появился свой угол. Он много пишет и печатает за гонорары (эта работа отнимает много времени и не оставляет сил для своих художественных произведений, но это его единственный источник существования). Работает в Институте истории искусств, преподает в театральном институте (ГИТИСе). Заработков хватает на содержание дома, большой семьи (5 человек) и на помощь нуждающимся. В Болшеве написаны монографии о М.Н. Ермоловой, Марии Заньковецкой, Н.М. Радине, книга «В родном углу», литературные портреты артистов Малого и Художественного театров, работы по истории русского театра, ряд мемуаров, закончена большая книга о М.В. Нестерове, не

¹¹⁷ Дурылин С.Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Лит. наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. Т. 4–6. С. 81–504.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1720. Оп. 1. Ед. хр. 135.

изданная при жизни автора. Для Института мировой литературы им. А.М. Горького выполняет научно-исследовательские работы по творчеству М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Всех его работ здесь не перечислить¹¹⁹. В 1944 г. Дурылину присуждена ученая степень доктора филологических наук по совокупности работ без защиты диссертации. Н.К. Гудзий написал характеристику с подробным анализом творческого пути Дурылина.

В первые годы после возвращения из Киржача Дурылина очень поддерживал В. Бонч-Бруевич, привлекая его к работе созданного им Литературного музея. Он и И.С. Зильберштейн, редактор «Литературного наследства», способствовали возвращению Дурылина в Москву, выдавая «нужные» справки¹²⁰. Оба пишут, что он является их сотрудником, в то время как еще не закончилась его ссылка в Киржач. Но эти справки нужны, чтобы выхлопотать разрешение о его возвращении в Москву и для получения возможности работать в архивах и библиотеках.

После возвращения в Москву деловое общение с Ашукиным возобновляется. Ашукин — член Фондовой комиссии Государственного литературного музея (1932–1941)¹²¹. Он проводит экспертизы приобретаемых музеем материалов (А. Ахматовой, Г. Чулкова, А.В. Дружинина, Нины Петровской), готовит для «Летописи» музея том «Русские символисты». Но этот его том так и не выйдет из печати. Причина, скорее всего, заключается в изменившихся ориентирах советских редакторов. К тому же Ашукин на несколько лет задержал сдачу этого тома в печать и, видимо, упустил тем самым время публикации.

Не ясно, почему том «Бюллетеня», или «Летописи» (в переписке Ашукина и В.Д. Бонч-Бруевича фигурируют оба эти названия¹²²), том эпистолярия А.В. Дружинина¹²³, который готовил в 1934–1935 гг.

¹¹⁹ См.: [23].

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Ед. хр. 183. 33 л. (м/ф).

¹²¹ Справка, подписанная Директором ЦМЛ Влад. Бонч-Бруевичем: «Настоящим удостоверяю, что Николай Сергеевич Ашукин является деятельным членом Фондовой Комиссии Центрального Музея художественной литературы, критики и публицистики с самого первого ее заседания. Справка дана для предоставления в МОСНР». 14 января 1934 г. (РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 3).

¹²² РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Ед. хр. 153. (Переписка В.Д. Бонч-Бруевича с Н.С. Ашукиным).

¹²³ Дружинин Александр Васильевич (1824–1864) — писатель, критик, публицист, переводчик Байрона и Шекспира; инициатор создания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, просуществовавшего 60 лет. Наиболее известны его повесть «Полинька Сакс» (Современник. 1847. № 12), «Рассказ Алексея Дмитрича» (Современник. 1848. № 2). Возглавив журнал «Библиотека для чтения», Дружинин вел борьбу с революционно-демократической

Ашукин¹²⁴, а комментарии к ряду писем сделал Дурылин, вышел из печати в 1948 г. в «Летописях» под именем редактора и комментатора П.С. Попова¹²⁵. Хотя работа Ашукина над этим томом шла активно¹²⁶.

Во время войны 1941–1945 гг. Дурылин оставался в Болшеве, решив никуда не уезжать, т.к. не сомневался, что немцы в Москву не войдут. Ашукин с осени 1941 г. до осени 1943 г. был в эвакуации в Ташкенте. В послевоенные годы Дурылин и Ашукин, конечно, общались, по крайней мере встречались на литературных мероприятиях. Но документальных следов их личного общения мы не нашли. В 1945 г. их работы были помещены в служебный экземпляр стеклографии о пьесе «Последняя жертва» А.Н. Островского¹²⁷. Дурылину принадлежит большая статья (77 страниц), Ашукин составил словарь к пьесе (7 страниц). Была ли эта работа совместной, или это работа составителя — неизвестно.

Положение в обществе Ашукина и Дурылина, по сравнению с 1910 г., кардинально изменилось. Ашукину принадлежит право решать, кого и когда публиковать, а Дурылин, живущий на гонорары, полностью зависит от редакторов и издателей.

критикой и пропагандировал теорию «чистого искусства». Дружинин умер от чахотки. Похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Имя его никогда не подвергалось полному забвению, но отношение к нему как к крупному литературному деятелю менялось, в зависимости от господствующей идеологии в стране. Только в 1983 г. и 1988 г. вышли отдельным изданием собрания основных статей критика, а в 1989 г. — «Полинька Сакс» и дневниковые записи.

¹²⁴ Из письма В.Д. Бонч-Бруевича Ашукину от 1 июня 1934 г.: «...Прошу Вас <...> сообщить мне, в каком положении у Вас работа над двумя томами «Летописи»: 1) эпистолярная Дружинина, 2) Литература 90-х гг...». (РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 7.

¹²⁵ Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1–13. М., 1936–1949. Кн. 9: Письма к А.В. Дружинину. 1850–1863 / ред. и коммент. П.С. Попова. М.: ГЛМ, 1948. 423 с.

¹²⁶ Из письма Ашукина к В. Бонч-Бруевичу от 30.06.1935 г.: «Но против чего я решительно возражаю, это — против описания в «Бюллетене» материалов эротического содержания <...> Рисунок, находящийся в архиве Дружинина и одна шуточно-непристойная рукопись описаны в «Бюллетене» глухо. Предлагаю это так и оставить и даже уничтожить имена Григоровича, Дружинина в описании рисунка. Другого «чернокожию» в архиве Дружинина нет» (РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 17). Интересна запись об этом же в дневнике Н.Н. Пунина: «Сегодня в редакции был отвратительный А. Толстой, племянник или внук Дружинина, принес выдержки из архива и дневника Дружинина; неприличные стихи Некрасова, Тургенева, Логинова, самого Дружинина; Корней Чуковский читал вслух, все ржали, мне непонятно и больно — над 60-ми годами плакать надо; эти стихи и этот архив съечь надо». 15 июня 1924 г. См.: [21, с. 213].

¹²⁷ «Последняя жертва»: комедия А.Н. Островского // Материалы к пьесе А. Островского «Последняя жертва» / Каб. театра Островского и рус. классики. М.: Стеклогр. Отд. распространения ВУОАП, 1945. С. 4–89.

С.Н. Дурылин — Н.С. Ашукину

10.V.1934

Дорогой Николай Сергеевич!

Еще в декабре 1933 г. Владимир Дмитриевич [Бонч-Бруевич] предложил мне принять участие в разработке и подготовке к печати какой-нибудь группы документов из Дружининского архива. Я выбрал тогда же письма к Дружинину Писемского¹²⁸, Щербины¹²⁹ и Кохановской¹³⁰. Тогда же мне были перепечатаны на машинке все эти письма.

Неприятности, преследующие меня (у меня погибли книги и рукописи при пожаре пакгауза, при переезде в Москву, — а затем я заболел и лежал в клинике)¹³¹ не позволили мне тогда же переговорить с Вами и оформить это дело. 8-го я виделся с Вл.Дм. И он предложил мне написать официальное заявление, передав его предварительно Вам на отметку, как редактору Дружининского выпуска «Летописи», чтобы затем я мог заключить договор на работу. Заявление у меня готово, но когда и где могу я Вас увидеть.

Будьте друг, известите меня об этом по адресу: Москва центр, Маросейка, д. 13, кв. 68¹³² — и назначьте место, день, час, где бы мы могли встретиться. Разумеется, рад был бы Вас видеть у себя. Я бы показал Вам материал, из коего увидели бы Вы, как Ваши считалки перешли в детский фольклор, наряду с стихами Пушкина, Ершова, Ф. Миллера¹³³, Басова-Верхоянцева¹³⁴ и немногими другими. Днем

¹²⁸ Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881) — писатель.

¹²⁹ Щербина Николай Федорович (1821–1869) — поэт и переводчик.

¹³⁰ Кохановская Надежда Степановна (наст. фам. Соханская, 1823/25–1884) — прозаик, критик, публицист, драматург.

¹³¹ В декабре 1933 г. при переезде в Москву весь архив Дурылина (рукописи, письма, книги с автографами, заготовки для работ) погиб при пожаре пакгауза на станции Киржач. После нервного потрясения он лежал в Клинике нервных болезней на Девичьем поле.

¹³² После возвращения в Москву в 1934 г. Дурылин вынужден был поселиться в комнате сестры Ирины Алексеевны и ее мужа на Маросейке. В тесной комнате в коммунальной квартире оказалось шесть человек. Места для работы не было. Дурылину с большим сердцем приходилось пешком подниматься на восьмой этаж. Несмотря на усиленные хлопоты комнаты в Москве ему не дали. Но в 1936 г. удалось выхлопотать участок в Болшеве под постройку дома.

¹³³ Миллер Фёдор Богданович (1818–1881) — поэт, прозаик, переводчик. В 1859 г. Миллер основал и до своей смерти был издателем и редактором юмористического журнала «Развлечение» (выходил до 1905 г.), в котором помещал статьи под псевдонимами Гиацинт Тюльпанов и Заноза. Он автор детского стихотворения «Раз, два, три, четыре, пять — вышел зайчик погулять...».

¹³⁴ Басов-Верхоянцев Сергей Александрович (1869–1952) — поэт-сатирик. Революционер. С 1919 г. — член РКП(б). Работал в ВЧК–ОГПУ (1920–1925), в Главлите (1925–1929), Музеях Л. Толстого в Москве и Ясной Поляне (1930–1939). Автор революционно-сатирических сказок, в которых высмеивал самодержавие.

я всегда дома до 4, но Вы можете назначить мне любой час и день, если вздумаете посетить меня, чему я был бы очень рад. Но Вы — занятой более меня человек, и можете назначить встречу в любом месте, удобном для Вас. Крепко жму руку.

Ваш С. Дурылин.

Последнее письмо Ашукина, вернее записка на листке малого формата, без даты. Можно предположить, что это 1940 г.

Н.С. Ашукин — С.Н. Дурылину

Дорогой Сергей Николаевич.

Спасибо за присланный очерк о театральной Москве. К сожалению его пришлось сократить, так как место в «Моск. календаре»¹³⁵ для всех очерков очень ограничено.

Гонорар можно получить в след. «платежный день», т. е. 23 или 24. (Нужно позвонить по телефону). Необходимые сведения: № паспорта и пр.

Привет

Н. Ашукин

С 1933 г. Ашукин не вел дневника, он возобновил свои записи лишь в 1944 г., когда вернулся в Москву из эвакуации. Записи последних лет в дневнике носят телеграфный характер. Коротко сообщается, кто умер, чей юбилей состоялся и т. п. без подробностей и комментариев. Видимо, поэтому публикаторы его дневника ограничились 1933 г.

Дурылин в своих дневниках («Олонецкие записки», «Троицкие записки», «Оптинский дневник») и в художественных произведениях, написанных в ссылках (в основном на религиозную тему), никогда ничего не менял. Из страха новых обысков, а также из-за отсутствия у него постоянного жилья он до большевского периода свои рукописи хранил у друзей. Конечно, он понимал, в какой стране живет, и свои труды, предназначавшиеся для публикации писал так, как это надо было советским редакторам. Но продолжал писать и «в стол». О его скрытой стороне жизни тайного священника знали очень немногие из близких и надежных друзей. Никто его не выдал.

Среди его сказок — «Конек-Скакунок. Русская сказка» (СПб, 1906), написанная по мотивам сказки П. Ершова, «Сказка дядюшки Тараса. Русская история в стихах» (1907), «Чёрная сотня. Сказка» (1907), «Сказ — отколь пошли цари у нас».

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Дурылин. Оп. 2. Ед. хр. 416. 1 п., 1 л. б/д [1940-е]. Автограф фиолетовыми чернилами. Сверху синими чернилами (рукой Дурылина?) четко написано: изд-во АН. Не удалось найти сведения об этом календаре.

В то время, когда Ашукин собирал свой архив из писем людей известных и официально признанных, Дурылин собирал архивы неугодных: К. Леонтьева, П.П. Перцова (платил ему за документы), В.В. Розанова, Н.С. Лескова.

Вот в чем разница этих двух людей, начинавших свой путь в литературе в одинаковых условиях, вращавшихся в одних литературных кругах: Ашукин сдался, подавил в себе писателя. В душе его — разлад и, видимо, мука. Страх заставляет вычищать свой архив. Из веселого, общительного человека превратился в нелюди-ма. Дурылин не сломался, даже пережив аресты, тюрьмы и ссылки, постоянный надзор ОГПУ. Сохранил свою внутреннюю независимость, не изменил своему призванию, сохранил интерес к людям и доброжелательное отношение к ним, был общителен, приветлив, хлебосолен, гостеприимен.

Литература

1. *Ашукин Н.С.* Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / публ. и комм. Е.А. Муравьевой; вступ. заметка Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1998. № 3 (31). С. 175–219; № 4 (32). С. 173–196; № 5 (33). С. 223–262; 1999. № 2 (36). С. 136–164; № 4 (38). С. 180–211.
2. *Бессонов В.А.* Дом с мезонином в Замоскворечье // Московский журнал. 2013. № 11. Ноябрь. С. 42–55.
3. *Ваганова И.* Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. 5. С. 463–473.
4. *Гиппиус З.Н.* Светлое озеро. Дневник // *Гиппиус З.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Рус. кн., 2001. Т. 3. 576 с.
5. *Дурылин С.Н.* В родном углу. М.: Никая, 2017. 592 с.
6. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост., примеч. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
7. *Дурылин С.Н.* В своем углу. Из старых тетрадей / публ. А.А. Виноградовой; сост., примеч. Е.И. Любушкиной; вступ. ст. Г.Е. Померанцевой. М.: Московский рабочий, 1991. 336 с.
8. *Дурылин С.Н.* Из «Олонецких записок» / публ., коммент., вступ. ст. М.А. Рашковской // Наше наследие. 2011. № 100. С. 133–155.
9. *Дурылин С.* Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики и религиозного творчества. К 180-летию со дня рождения Н.С. Лескова / публ. А.А. Аникина, А.В. Лукьянова, А.Б. Галкина // Москва. 2011. № 2. С. 114–137.
10. *Дурылин С.Н.* Русь прикровенная / сост., вступ. ст. Сергей Фомин. М.: Паломник, 2000. 336 с.
11. *Дурылин С.* Собр. соч.: в 3 т. сост. А.Б. Галкин. М.: Москва, 2014. Т. 1. 544 с.
12. *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост., вступ. ст. и коммент. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

13. Дурьлин С.Н. Троицкие записки. Дневник / публ., примеч. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых // Наше наследие. 2015. № 116. С. 74–103; 2016. № 117. С. 94–111, № 118. С. 82–107.
14. С.Н. Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. М.: Модест Колеров, 2010. Кн 1: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. 512 с.
15. Лидин В.Г. Люди и встречи. Страницы полдня. М.: Московский рабочий, 1980. 288 с.
16. Михаил Семенович Щепкин. Записки. Письма. Современники о М.С. Щепкине / сост. А.П. Клиничин; вступ. ст. к письмам М.С. Щепкина к И.И. Сосницкому, редакция проф. С.Н. Дурьлина. М.: Искусство, 1952. 372 с.
17. Нестеров М.В. Давние дни. М.: Искусство, 1959. 400 с.
18. «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...». Забытые писатели / сост. и ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2019. 240 с.
19. Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...». Переписка С.Н. Дурьлина и Эллиса (1909–1910) / публ., подгот. текста, предисл., коммент. Г.В. Нефедьева // С.Н. Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. 1: Исследования. С. 138–142.
20. Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва / сост. С. Фомин. М.: Серда-Пресс, 2000. 778 с.
21. Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / сост., предисл., примеч. и коммент. Л.А. Зыкова. М.: Артист. Режиссёр. Театр, 2000. 527 с.
22. Рашковский Е.Б., Рашковская М.А. «Кафолическая красота». Письма С.Н. Булгакова С.Н. Дурьлину // Рашковский Е.Б. Профессия — историограф: материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 42–58.
23. Сергей Николаевич Дурьлин: библиогр. указ. трудов (1906–2016) / ред.-сост. Л.Л. Маянц; библиогр. ред. В.А. Писарева. М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2021. 234 с.
24. Торопова В.Н. Сергей Дурьлин. Самостояние. М.: Молодая Гвардия, 2014. 349 с. (серия ЖЗЛ).
25. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1. Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреевой, Н.А. Богомолова. 592 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Two Lives, Two Destinies: the Pages of Correspondence between Nikolay Ashukin and Sergey Durylin

© 2022. Victoria N. Toropova
Independent Researcher, Moscow, Russia

Abstract: The article is the first publication of the correspondence between Nikolay Ashukin and Sergey Durylin, who were contemporaries. Being both from the same social medium they studied at the Archaeological Institute and began

writing poetry in the 1910s. They started travelling around Russia using the same routes and seemed to have similar fates. But their intents were different from the very beginning: a religious search for Durylin, an “ethnographic” for Ashukin. They were drifted apart after the October Revolution and the Civil War. Durylin became a priest in 1920, then experienced arrests, exile, “internal emigration,” but did not give up his writing and educational activities. Ashukin, on the other hand, becoming a successful Soviet literature official lost himself in the petty publishing work as a compiler, introductory articles author, textual critic, bibliographer and text commentator and stopped writing poetry and prose in fact. All evident of this split from their correspondence: it gradually became more and more rare, less cordial and more businesslike. The correspondence is accompanied by a commentary.

Keywords: Nikolay Ashukin, Sergey Durylin, forgotten writers, poets’ correspondence.

Information on the author: Victoria N. Toropova — Independent researcher, Sergey Durylin’s biographer and his works researcher, the author of articles and monographs about him and his circle, Durylin Award winner, Moscow, Russia.

E-mail: torvinik@rambler.ru

For citation: Toropova, V.N. “Two Lives, Two Destinies: the Pages of Correspondence between Nikolay Ashukin and Sergey Durylin.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 58–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-58-109>

References

1. Ashukin, N.S. “Zametki o vidennom i slyshannom. 1914–1933” [“Essays about what I Saw and what I Heard. 1914–1933”], publ. and comm. by E.A. Murav’eva, introd. by N. Bogomolov. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 3 (31), 1998, pp. 175–219; no. 4 (32), 1998, pp. 173–196; no. 5 (33), 1998, pp. 223–262; no. 2 (36), 1999, pp. 136–164; no. 4 (38), 1999, pp. 180–211. (In Russ.)
2. Bessonov, V.A. Dom s mezoninom v Zamoskvorech’e [The House with the Mezzanine in Zamoskvorechie]. *Moskovskii zhurnal*, no. 11, November, 2013, pp. 42–55. (In Russ.)
3. Vaganova, I. Knigoizdatel’stvo K.F. Nekrasova i russkie pisateli nachala XX veka [K.F. Nekrasov’s Publishing House and Russian Writers of the Early 20th Century]. *Rossiiskii arkhiv: Istoriiia Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al’manakh [Russian Archive: History of the Motherland in Testimonies and Documents of 18th–20th Centuries: Almanac]*, vol. 5. Moscow, Studiiia TRITE: Rossiiskii Arkhiv Publ., 1994, pp. 463–473. (In Russ.)
4. Gippius, Z.N. Svetloe ozero. Dnevnik [The Bright Lake. A Diary]. Gippius, Z.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t. [Collected Works: in 15 vols.]*, vol. 3. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2001. 576 p. (In Russ.)
5. Durylin, S.N. *V rodnom uglu [In My own Corner]*. Moscow, Nikeia Publ., 2017. 592 p. (In Russ.)
6. Durylin, S.N. *V svoem uglu [In My Corner]*, comp., notes by V.N. Toropova, foreword by G.E. Pomerantseva. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 879 p. (In Russ.)
7. Durylin, S.N. *V svoem uglu. Iz starykh tetradei [In My Corner: From the Old Notebooks]*, publ. by A.A. Vinogradova, comp., notes by E.I. Liubushkina, introd. by G.E. Pomerantseva. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1991. 336 p. (In Russ.)

8. Durylin, S.N. "Iz 'Olonetskikh zapisok'." ["From 'The Olonets Notes'."], publ., comm., introd. by M.A. Rashkovskaya. *Nashe nasledie*, no. 100, 2011, pp. 133–155. (In Russ.)
9. Durylin, S. Nikolai Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki i religioznogo tvorchestva. K 180-letiiu so dnia rozhdeniia N.S. Leskova [Nikolay Semenovich Leskov. Experience of Characterization and Religious Creativity. To the 180th Anniversary of N.S. Leskov's Birth], publ. by A.A. Anikin, A.V. Luk'ianov, A.B. Galkin. *Moskva*, no. 2, 2011, pp. 114–137. (In Russ.)
10. Durylin, S.N. *Rus' prikovnnaia [Conceales Rus]*, comp., introd. by Sergei Fomin. Moscow, Palomnik Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
11. Durylin, S. *Sobranie sochinenii: v 3 t. [Collected Works: in 3 vols.]*, vol. 1. Moscow, Moskva Publ., 2014. 544 p. (In Russ.)
12. Durylin, S.N. *Stat'i i issledovaniia 1900–1920 godov [The Articles and Studies of 1900–1920]*, comp., introd. and comm. by A.I. Reznichenko, T.N. Rezvykh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p. (In Russ.)
13. Durylin, S.N. "Troitskie zapiski. Dnevnik" ["The Troitsk Notes. A Diary"], publ., notes by A.I. Reznichenko, T.N. Rezvykh. *Nashe nasledie*, no. 116, 2015, pp. 74–103; no. 117, 2016, pp. 94–111; no. 118, 2016, pp. 82–107. (In Russ.)
14. S.N. Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty. Bibliografiia [Sergey Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography], book 1: Issledovaniia [Research], comp., ed., foreword by Anna Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010. 512 p. (In Russ.)
15. Lidin, V.G. *Liudi i vstrechi. Stranitsy poldnia [People and Meetings. Midday Pages]*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1980. 288 p. (In Russ.)
16. Mikhail Semenovich Shchepkin. *Zapiski. Pis'ma. Sovremenniki o M.S. Shchepkine [Mikhail Semenovich Shchepkin. The Notes. The Letters. Contemporaries about M.S. Shchepkin]*, comp. by A.P. Klinchin, introd. for letters by M.S. Shchepkin to I.I. Sosnitsky, ed. by prof. S.N. Durylin. Moscow, Iskusstvo Publ., 1952. 372 p. (In Russ.)
17. Nesterov, M.V. *Davnie dni [Old Days]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1959. 400 p. (In Russ.)
18. "Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli..." *Zabytye pisateli* ["Did Somebody Recalled We had Existed..." *The Forgotten Writers*"], comp., ed. by E.F. Shafranskaya. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2019. 240 p. (In Russ.)
19. Nefed'ev, G.V. "Moia dusha raskrylas' dlia vsego chudesnogo..." *Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910)* ["My Soul has Opened for Everything Wonderful." *The Correspondence between Sergey Durylin and Ellis (1910–1910)*"], publ., text prep., foreword, comment. by G.V. Nefed'ev. *S.N. Durylin i ego vremia: Issledovaniia. Teksty [Sergey Durylin and His Time: The Research. The Texts]*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 138–142. (In Russ.)
20. *Pastyr' dobryi. Zhizn' i trudy moskovskogo startsa protoiereia Alekseia Mecheva [A Good Shepherd. Life and Works of the Moscow Elder Archpriest Alexey Mechev]*, comp. by S. Fomin. Moscow, Serda-Press Publ., 2000. 778 p. (In Russ.)
21. Punin, N. *Mir svetel liubov'iu. Dnevniki. Pis'ma [The World is Bright with Love. The Diaries. The Lettes]*, comp., foreword, notes and comm. by L.A. Zykov. Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 2000. 527 p. (In Russ.)
22. Rashkovskii, E.B., Rashkovskaia, M.A. "Kafolicheskaia krasota." *Pis'ma S.N. Bulgakova S.N. Durylinu* ["Catholic Beauty." *Sergey Bulgakov's Letters to Sergey Durylin*]. Rashkovskii, E.B. *Professiiia — istoriograf: materialy k istorii rossiiskoi mysli i kul'tury XX stoletiiia [The Profession of Historiographer: Materials for the History of Russian Thought and Culture of the 20th Century]*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001, pp. 42–58. (In Russ.)

23. *Sergei Nikolaevich Durylin: bibliograficheskii ukazatel' trudov (1906–2016)* [*Sergey Nikolaevich Durylin: Bibliographic Index of Works*], ed. and comp. by L.L. Maiants, bibliogr. ed. by V.A. Pisarev. Moscow, State Historic Public Library of Russia Publ., 2021. 234 p. (In Russ.)

24. Toropova, V.N. *Sergei Durylin. Samostoianie* [*Sergey Durylin. Self-identification*]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2014. 349 p. (In Russ.)

25. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [*Collected Works: in 4 vols.*], vol. 1: *Stikhotvoreniia. Literaturnaia kritika 1906–1922* [Poems. Literary Criticism of 1906–1922], comp., text prep. by I.P. Andreeva, S.G. Bocharov, comment. by I.P. Andreeva, N.A. Bogomolov. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 592 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.03.2022

Одобрена после рецензирования: 14.05.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 02.03.2022

Approved after reviewing: 14.05.2022

Date of publication: 25.09.2022

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>
<https://elibrary.ru/FQEPUF>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина во французском травелоге 1920–1930-х гг.

© 2022, Е.А. Легенькова

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается изображение Мавзолея Ленина и связанного с ним культа вождя в травелогах французских писателей и журналов второй половины 20-х и начала 30-х гг. XX в. Мавзолей — неизменное место паломничества как советского народа, так и иностранных гостей. Для французских путешественников он представляет интерес как московская достопримечательность, отражающая идеологию советского строя, средство его пропаганды, место насаждения нового культа и религии, странных в провозгласившей атеизм Москве. Авторы отмечают азиатский характер этого культа, демонстрирующего непроницаемость ментальностей Запада и Востока. Споря с советской пропагандой, эффективной в стране, где подавляющая часть населения малограмотна, они приходят к выводу о невозможности создания мифа о бессмертии вождя в цивилизованных странах с давней демократической традицией. Опираясь на вошедшие в сознание французов со времен маркиза де Кюстина стереотипы восприятия французами России и создавая новые, авторы пытаются осмыслить Мавзолей как явление культуры. На подробные экфрастические описания и зарисовки стоящей в очереди в Мавзолей толпы накладываются философские размышления и публицистический пафос. Контраргументом советской пропаганде становится метафора выдаваемого за живого человека мертвеца, распространенная не только на образ Ленина, но и на господствующую идеологию построенного им государства. В Приложении приводятся переводы выдержек из травелогов французских авторов.

Ключевые слова: Мавзолей, Ленин, травелог, французские писатели и журналисты, советская пропаганда, миф, Запад и Восток.

Информация об авторе: Елизавета Александровна Легенькова — кандидат филологических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой, кафедра немецкого и романских языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, ул. Фучика, д. 15, 192236 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ussrrus133@yahoo.com

Для цитирования: *Легенькова Е.А.* «Великая могила»: Мавзолей В.И. Ленина во французском травелоге 1920–1930-х гг. // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 110–141. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>

С момента смерти В.И. Ленина вопрос о формах увековечения его памяти всегда оставался спорным. Первоначально Мавзолей был задуман как временный павильон для продления срока прощания народа и иностранных делегаций с большевистским вождем [10, с. 40–41]. В дальнейшем в ансамбле Красной площади Мавзолей стал особым местом поклонения и паломничества. Его посещение было одним из обязательных пунктов широкой культурной программы для иностранных гостей, предлагаемой им ВОКСом, а затем его преемником «Интуристом». В послеоктябрьской России Мавзолей превратился в главное место памяти¹, новый центр интереса, привлекавший внимание москвичей и гостей столицы, своеобразное явление советской культуры, широко используемый пропагандистский символ.

1924. «Великая могила: Ленин умер, но дело его живет»

(плакат, неизвестный художник)

1924. "Great grave: Lenin is dead, but his work lives on" (poster, unknown artist)

¹ Концепт, предложенный известным французским историком П. Нора, представителем современного направления французской историографии «Новая история» (как преемника «школы Анналов»). См.: [7].

В 1920–1930-х гг. советская Россия после установления дипломатических отношений с Францией (1924 г.) распахнула свои двери и для французских гостей. Среди них были писатели и журналисты, приезжавшие с целью познакомиться с молодой советской страной и поделиться с французской читательской аудиторией своими впечатлениями о жизни в России в новых исторических обстоятельствах. Их репортажи часто появлялись во французской прессе еще в ходе путешествия, а потом издавались отдельной написанной в жанре травелога книгой с ярко выраженным публицистическим началом. Увидеть своими глазами СССР стремились далеко не только сторонники Октябрьской революции, среди иностранных гостей было достаточно много так называемых «попутчиков» или вовсе недоброжелателей режима, оставивших о своих путешествиях любопытные свидетельства.

Травелоги об СССР журналистов Анри Бери (1925), Андре Виоллиса (1927), Альфреда Фабр-Люса (1927), Жозефа Дюбуа (1932), писателей Жоржа Дюамеля (1927) и Люка Дюртена (1927)², несмотря на то, что в свое время были весьма резонансными и неоднократно переиздавались значительными для французского книгоиздательства тиражами, сразу же после своего выхода в свет и до начала второй мировой войны, впоследствии оказались забытыми. Не оправдавшие возложенных на них принимающей стороной надежд, они так и остались непереуслышанными на русский язык.

Путешествие в чужую страну подразумевает знакомство с ее достопримечательностями. С середины 1920-х гг. в СССР достопримечательностью № 1 был Мавзолей В.И. Ленина. В травелоге каждого из упомянутых авторов есть рассказ о посещении Мавзолея, который стал поводом высказаться по широкому кругу тем и отразить многие ассоциации, вызванные этим никем из них не оставившим равнодушным мемориалом.

Наблюдая за формированием нового культа, где Мавзолею отводилась особая идеологическая роль, они задавали те вопросы, которые и сегодня продолжают волновать общество и историков³. Осмысливая механизм, социальные условия и идейные предпосылки

² В скобках указаны даты путешествия. Преобладание поездок в 1927 г. объясняется тем, что часто они были приурочены к торжествам по случаю празднования в Москве десятилетия Октябрьской революции. Как правило, гости публиковали свои впечатления в прессе и только затем издавали отдельной книгой. Поэтому само путешествие и полную публикацию травелогов разделяет некоторое время.

³ Сегодня проблема культа В.И. Ленина довольно хорошо изучена в разных аспектах. См.: [1; 9; 11].

создания культа Ленина, авторы травелогов опирались на сложившиеся еще до революции за пределами страны стереотипы о культурной отсталости населявших царскую Россию народов, таинственной славянской душе, роли православия в поддержке самодержавия и т. п. Их наблюдения, которыми они делились со своей аудиторией, порождали в ее сознании стереотипы видения советской России и ее основоположника и зачастую укрепляли прежние, сложившиеся до 1917 г. При этом авторы травелогов декларируют объективность своих наблюдений за происходящими на их глазах изменениями, связанными с возникновением нового строя и зарождением культа вождя.

1931. «Великая могила: Мавзолей В.И. Ленина» (лубок, неизвестный художник)
1931. "Great grave: Mausoleum of V.I. Lenin" (epinal print, unknown artist)

Большинство авторов видели второй деревянный Мавзолей⁴, и только Ж. Дюбуа пишет о третьем — новом каменном строении, которое называет «душой Красной площади». Деревянный Мавзолей, а затем построенный на века новый гранитный предстает перед читателями как главное культовое сооружение страны, символизирующее смену идеологических парадигм (целенаправленное вытеснение

⁴ Деревянный Мавзолей был построен за три дня сразу после кончины В.И. Ленина по проекту архитектора А.В. Щусева, затем перестроен им в августе 1924 г. Знакомый нам облик усыпальница получила позже. Она была отстроена в камне по проекту того же архитектора и открыта к октябрю 1930 г.

православия — коммунизмом, поклонения Христу — поклонением Ленину)⁵.

В первую очередь авторы обращают внимание на лаконичную архитектуру Мавзолея, которая, по выражению А. Боро, является «попыткой первобытного простейшего зодчества» [12, с. 46], радикально отличающего его ото всех остальных культовых и гражданских строений на Красной площади. Отмечая особую строгость его конструкции (это касается авангардной эстетики как деревянного, так и нового гранитного Мавзолея), некоторые авторы не без основания проводят параллели с вавилонскими храмами или египетскими пирамидами, воплощающими в себе мысль о вечности. Дюамелю это «деревянное здание» кажется «странным». А на Дюртена кубистические «массивные формы» выполненного «из темного дерева» здания «производят впечатление гранитных». В связи с именем Ленина помимо Мавзолея Дюртен и Дюамель упоминают и Институт, специально созданный для изучения его наследия⁶. В обоих описаниях прослеживаются отмеченные авторами мрачные черты конструктивистской архитектуры, роднящие здание, где изучается доктрина вождя, с его могилой. Дюртену Институт видится как «строение в виде куба металлического серого цвета с жесткими ребрами. Архитектура похожая на гробницу, но больше выступающая над землей: как и подобает, когда речь идет о произведении искусства» [17, с. 321]. Дюамель, не слишком жалующий «оголяющий скелет» конструктивистский стиль, называет это здание «мрачным, составленным из прямоугольных объемов и не лишенным красоты, если б оно внезапно нарисовалось на белом снегу или выросло на фоне голубого неба» [16, с. 170].

Экфрастическое описание самого монумента и окружающего его ансамбля Красной площади, «куда Советы поместили главный объ-

⁵ Напомним, что автор Мавзолея был не только гражданским архитектором, с 1901 г. он служил в канцелярии оберпрокурора Святейшего синода и до революции создал ряд проектов церковной архитектуры в неорусском стиле, например, Марфо-Мариинскую обитель в Москве (1907–1912).

⁶ Здание Института марксизма-ленинизма построено в Москве в 1926–1927 гг. по проекту архитектора С. Чернышева. Создание Института по инициативе РКП(б) в 1923 г. непосредственно связано с формированием культа В.И. Ленина. Там были собраны документы, автором которых он был. Одной из задач Института было издание его полного собрания сочинений. В конце 1925 г. там была начата работа на переводом на иностранные языки (английский, немецкий, французский) собрания сочинений почившего вождя. Над французским переводом работали эмигрировавшие в советскую Россию владевшие русским языком французы (М. Боди, П. Паскаль, В. Серж). В 1927 г. было официально объявлено о публикации этого издания в 30 томах из расчета четыре тома в год, в конечном итоге по ряду причин было издано всего 8 томов [13, с. 260–265; 14, с. 248–254].

ект своего изобразительного искусства» [15, с. 146], призвано дать читателю полное представление о местонахождении гробницы Ленина и об особенностях ее архитектуры. В 1925 г. это «примитивный деревянный куб», выделяющийся своей простотой по сравнению с замысловатыми разноцветными куполами Василия Блаженного и флорентийскими зубцами Кремлевской стены (Беро). А в 1932 г. каменный Мавзолей описывается так: «эта внушительная масса из красного мрамора с уступами и строгими геометрическими линиями выделяется объемом и мощной простотой, будучи лишена всякого украшения. <...> На фронте большими черными буквами написано имя Ленина» [15, с. 146].

Невозможность создать у читателя эффект присутствия иными средствами, кроме словесных (издания не иллюстрированы), вынуждает авторов травелогов подробно описывать Мавзолей. Рассматривая здание снаружи, они описывают решетку ограждения, заснеженный или цветущий партер и меняющееся в зависимости от времени года обмундирование охраняющих вход суровых красноармейцев, змеящуюся нескончаемую очередь из разношерстной многонациональной толпы паломников, торговцев сувенирами и пр. Внутри восхищаются искусным напоминающим свет лампы освещением и торжественным убранством в красно-черных тонах.

У части авторов описания не всегда совпадают в деталях. Так, защищающая тело Ленина стеклянная рака видится им как хрустальный короб (Дюртен), стеклянная клетка или ящик (Дюамель), стеклянная рака (Виоллис), хрустальный саркофаг (Дюбуа)⁷. Побывавшие в усыпальнице в один и тот же год Дюамель и Виоллис описывают погребальную камеру по-разному: «маленький квадратный зал» (Дюамель) и «маленькая, круглая камера» (Виоллис). Виоллис ошибается — зал с гробом Ленина был прямоугольным [10]. При этом ей нельзя отказать в точности воспроизведения царящей у тела Ленина особой траурной атмосферы, подчеркнутой красно-черными драпировками и коммунистической символикой: укрывающее гроб знамя Парижской коммуны, высвеченные ярким лучом света золотые Серп и Молот⁸.

В своих размышлениях у гроба пролетарского вождя авторы, кроме Дюртена, почти не обращаются к личности Ленина, хотя она, несомненно, представляет для них некую загадку. При посещении Мавзолея они не стремятся проникнуть в тайну «человека, которого

⁷ Автором стеклянного саркофага был архитектор К.С. Мельников (1890–1974).

⁸ Внутреннее убранство траурного зала было разработано театральным художником И.И. Нивинским (1880–1981).

часть человечества считает жестоким демоном, а другая — добродетельным гением, одно только имя которого вызывает такой взрыв ненависти и любви» [25, с. 259]. Дюртен, пытается дать свое видение совершенной вождем революции и, опираясь на его статьи и выступления, рассказать о значении Ленина как теоретика и практика революционного строительства государства диктатуры пролетариата, подчеркнуть его политическую гибкость, обратить внимание на его манеру письма и ораторские способности. Некоторым (Беро, Фабр-Люс, Виоллис) достаточно назвать Ленина «жестоким» диктатором в духе уже складывающегося на Западе стереотипа.

Во Франции — и прежде всего в среде французских левых интеллектуалов — личность Ленина вызывала большой интерес, но литературы о нем там было мало. В самом начале 1920-х гг. коммунистическая «Юманите» напечатала о нем статьи Горького и Троцкого, после смерти вождя в рабочих издательствах выходили брошюры В. Сержа, А. Гильбо [22; 19], также на французском языке вышли воспоминания о Ленине его вдовы [20]. О том, насколько сложной для изображения французам представлялась фигура Ленина, можно судить по переписке главного редактора «Эроп» (1929–1936) Жана Геенно и жившего тогда в России Пьера Паскаля. Паскаль, предупреждая своего корреспондента о возможных трудностях при работе над книгой о Ленине, отмечал как главное препятствие необходимость лавировать между «Сциллой коммунистов и Харибдой буржуазного общественного мнения» [21]⁹. В ходе работы Геенно отказался от этого проекта. Примечательно, что в этой же непростой ситуации находилось большинство авторов травелогов. Размышляя над «истинными характеристиками этой личности», им приходилось брать в расчет, что на нее «заодно обрушиваются и самая яростная ненависть, и обожествление» [17, с. 321].

Жанру травелога свойственны публицистическое и описательное начала, их пропорции определяются самим автором. Травелоги 1920-30-х гг. зарубежных авторов зачастую ориентированы на публицистику, примером может служить травелог Т. Драйзера «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Некоторые французские авторы отдавали первостепенную дань описаниям, предпочитая сосредоточиться на внешнем облике покойного, его костюме, драпировках и т. п., и стремились создать посмертный физический портрет мертвого Ленина, подчеркивая сохранность тела и видимость жизни, от которой «пробирает дрожь» (Виоллис). Посетителей Мавзолея

⁹ См. подробнее: [3].

поражает искусство бальзамировщиков, сумевших создать иллюзию отдыхающего после напряженного рабочего дня человека.

В центре внимания авторов не столько личность Ленина, сколько создающая его культ советская пропаганда, которую все они стремятся разоблачить. Говоря о широко растиражированном образе Ленина, Беро подчеркивал: «Пропаганда навсегда ввинчивает его в вашу память» [12, с. 46]. В память не одного поколения советских людей врезались ставшие лозунгом знаменитые строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924) В. Маяковского «Ленин и теперь живее всех живых» и слова «Ленин умер, но дело его живет», начертанные на плакате 1924 г. с изображением деревянного Мавзолея.

Пропагандистское применение к новой действительности пасхального тропаря «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех Жизнь даровав» позволяет стереть границы между жизнью и смертью вождя, продолжающего жить, как утверждает, в памяти и сердцах советских людей. Первым из приведенных здесь авторов это отметил Беро, назвав главу о Ленине и его усыпальнице «Ленин и мертвый продолжает жить». Главе предпослан эпитафия из «Истории России» Ламартина о Петре Великом, продолжавшем царствовать в народном сознании и после своей смерти¹⁰.

Не только Беро, но и другие, такие же не обманутые советской пропагандой авторы травелогов, понимают, что в случае ее успешности «Ленин останется живым как легенда» [16, с. 164]. Но если Дюамель, проявляя лояльность к режиму, нейтрально констатирует, что «с каждым днем чудесная легенда стремительно растет и распространяется все шире» и Ленин обретает «свое место в великих народных мифах» [16, с. 164], то Фабр-Люс, убежденный антибольшевик и оппонент Дюамеля, возлагает надежды на провал советской пропаганды. «Если те, кто эксплуатирует труп на Красной площади, потерпят поражение, мы увидим, как он так же незамедлительно истлеет вплоть до исчезновения из народной памяти, повторив судьбу прежних царей. Сколько же еще времени Ленину оставаться бессмертным? Ответ на этот вопрос определит все будущее России» [18, с. 132].

В антитезе бессмертия и смерти как акцентированного советской пропагандой мотива вечной жизни вождя у большинства авторов травелогов преобладает образ мертвого Ленина. Приемом

¹⁰ Напомним, что свойственному русским кумиропочитанию удивлялся еще в середине XIX в. Луи Виардо, когда в своих очерках о России (1844, 1845) писал о культе Петра I: «Кажется, русские превратили его в святого» [23, p. 103].

этой контр-пропаганды становится неоднократно повторяющееся упоминание «забальзамированного Ленина», призванное усилить у французского читателя чувство оторопи перед лицом массового поклонения покойнику, образ и личность которого в СССР возводятся в абсолюте. Виоллис напоминает читателям, что именно умело использующая древние верования и набожность народа пропаганда является причиной «театрального выставления напоказ трупа и древнего погребального культа, который как-то отвратителен нашей латинской чувствительности» [25, с. 29]. Авторами разоблачаются фальшивые советские лозунги, внушающие доверчивому народу иллюзию вечности диктатора, его идей и дела. Как очевидцы они свидетельствуют, что в Мавзолее представлена всего лишь «мумия, труп, мертвец, бедная мертвая маска, спокойный заgrimированный прекрасный труп...» [25, с. 29].

Вся метафорика описаний посещения Мавзолея связана с мотивом смерти и запаха тления: «затянутый красным шелком душный коридор» [25, с. 259]; «на спускающейся к мертвецу красно-золотой лестнице удушающий запах пролетариата мало отличается от миазмов смерти» [18, с. 129]; «Азиаты в каракулевых папах или в огромных лохматых шапках воскуривают новому пророку фимиами своего кислого запаха» [17, с. 319].

Раскрывая смысл ежевечерне разыгрывающегося на Красной площади спектакля¹¹, Виоллис объясняет, что советские руководители «взяли на вооружение древние верования, чтобы привлечь толпу деревенских легковверных в новое святилище» [25, с. 29]. Авторы убеждены, что коренящиеся в дореволюционных временах забитость, неграмотность, набожность и суеверность сохраняются и продолжают культивироваться в народных массах и при новом режиме, который ловко ими пользуется в своих политических интересах: «В один момент потерявшему и своего царя, и своих святых мистическому русскому народу дали Ленина» [25, с. 29].

Стоящая в очереди в Мавзолее народная толпа «благочестивая» (Беро) и, как внушают иностранным гостям, «благочестивая» (Дюамель). Эта «терпеливая, мистическая и убогая толпа», представляющая «смиранный народ» (Беро), является залогом успехов

¹¹ Авторы отмечают, что Мавзолее открыт для посещения по вечерам и приводят график его работы: «Каждый вечер с 8 до 10 часов толпу допускают лицезреть эти останки и каждый вечер тут стоит очередь.» [12, с. 44]; «Мавзолее, действительно, открыт для посещения с семи до девяти часов, за исключением тех дней, когда Красная площадь превращается в поле для маневра при прохождении коммунистических шествий. Каждый вечер с пяти часов толпы начинают собираться в длинные очереди...» [15, с. 148].

коммунистической пропаганды в насаждении новой идеологии. Бéro и Фабр-Люс по меньшей мере иронизируют, если не издеваются над ней, когда показывают, что советская агитация способна обратить в свою веру только малокультурный, безграмотный и покорный народ. Но даже у менее радикально настроенных наблюдателей, стремящихся сохранить вежливую неангажированность (Дюртен и Дюамель), превращение покойного в объект массового созерцания вызывает недоумение и большие сомнения в его целесообразности. А Вильдрак сравнивает мировоззрение социально «взрослого» народа Франции, осуществившего мечту о социальной справедливости еще в XVIII в., с наивными верованиями «русского народа-ребенка», которому еще предстоит долгий путь взросления [24, с. 242–243] и объясняет этой разницей вызывающую у французов насмешки грубость, прямолинейность и несовременность методов советской пропаганды¹².

Восприятие в травелогах «другого» через противопоставление «мы» и «они», латинского и славянского, западного и восточного, Франции и России включает в себе потенциал не только для сопоставления, но и для критики «чужого». Этой критике подвергается сама идея построить на главной площади страны поблизости от созданного итальянскими мастерами Кремля гробницу для забальзамированного вождя. Как представляется многим, Мавзолей символизирует и евразийскую судьбу России, обреченную своим географическим положением на роль некоего посреднического инструмента, сводящего вместе в новом качестве Запад и Восток. Оценка наблюдаемой французскими гостями жизни в СССР зависит не только от их зачастую настроенного отношения к новому большевистскому режиму, но и от этих уходящих в далекую историю представлений. Россия для этих французов, а значит и для их читателей, не Европа, но и не Азия, в крайнем случае это «другая Европа» (название травелога Дюртена) с очень прочными азиатскими корнями. Об этих корнях им говорят не только «калмыцкое лицо», «раскосые глаза» (Бéro) или «калмыцкие скулы» Ленина (Виоллис), его «массивная челюсть, широкие скулы азиата» и его «азиатский мистицизм» (Дюртен), но и причудливая архитектура храма Василия Блаженного (Бéro) и сама терпеливая толпа у входа в Мавзолей, представляющая «пестрый Восток, но, как всегда, не

¹² Французский детский писатель Ш. Вильдрак побывал в СССР дважды: в 1928 и 1935 гг. и опубликовал во Франции травелог «Новая Россия. Путешествие в СССР» [24]. В книге нет описания Мавзолея, но в связи с размышлениями по поводу методов советской пропаганды писатель упоминает Мавзолей как пример, свидетельствующий о различиях в менталитете французского и русского народов.

чистый Восток» (Дюамель). Да и сам Мавзолей, место погребения в духе восточных верований, продолжающий древнюю традицию азиатского царя Мавсола, они сравнивают с «черным камнем в Мекке» (Дюртен), храмом Соломона (Беро). «Возведенный в ранг героя Ленин <...> бдит из-за стекол своего гроба и наблюдает за этим созданным им самим новым Востоком» [12, с. 45].

Однако при посещении Мавзолея ощущается не только воплощение в нем восточных традиций и обычаев страны, где велико значение ее азиатских земель и населяющих их народов, говорящих на разных языках и поклоняющихся разным божествам. Описывая Мавзолей, французские авторы сравнивают его с местом отправления религиозного культа, подчеркивая, что смена объекта поклонения не слишком изменила обрядность и обычаи: как и прежде, толпа «бормочет свои отченаш» (Беро), в очереди много женщин в платках на голове и с младенцами на руках, как при посещении храма (Виоллис). Этим «умиленным матерям» уличные торговцы предлагают в качестве сувенира «безобидного Ленина-ребенка с круглой головой и маленьким бантом», а остальным фанатикам — агиографические брошюры (Фабр-Люс). Таким образом, как им представляется, новый культ, совсем другой по своей идеологии, легко воспринимается малограмотным населением, мистический настрой которого позволил ему в своей вере быстро переориентироваться с православия на коммунизм.

Размышляя о принципах создания и распространения культа вождя, авторы травелогов приходят к сходным с более близкими к нам по времени выводам, сделанным зарубежными и отечественными исследователями [1; 8; 10]. Для Дюртена Мавзолей это «странно примененная к новому сознанию новая форма мифа...» [17, с. 321]. Сакрализация персонифицированной власти большевиков нуждалась в создании сначала посмертного, а затем и прижизненного культа вождя, с сопутствующими ему широко использовавшимися пропагандой коммеморациями и заимствованными у церкви религиозными обрядами, вплоть до почитания икон, на смену которым, как отмечают французские авторы, пришло невообразимое число портретов вождей, украшающих фасады государственных зданий, рабочие помещения, детские ясли и даже психиатрические больницы¹³.

¹³ В той или иной степени это констатируют все авторы, но наиболее жестко и предметно Беро [12, с. 46] и Вильдрак [24, с. 240].

Авторы травелогов поражены тем, как беззастенчиво молодое советское государство, создавая новый культ, заимствует у церкви ее методы распространения религии. Говоря о господствующей в советской России идеологии, Беро утверждал: «Коммунизм это религия. Это вера со своими мучениками и фанатиками. Современная жизнь спешит. Вот почему в Москве Инквизиция так быстро последовала за Катакомбами» [12, с. 133]. Теме «новой религии», сменившей одну ортодоксальность (православие) другой (коммунизм), Дюртен посвятил отдельную главу «Новая религия» [17, с. 291–325]. Так же, как и опиравшийся на православие царизм, свергнувшие его и провозгласившие безбожие большевики возводят коммунизм в ранг веры, следовательно, им нужны свои святые, свои храмы, свои священнослужители и свои ритуалы. Виоллис отмечает, что для православного сознания нетленные мощи являются условием канонизации святого. Поэтому для превращения Ленина как «сверхчеловека, покоящегося в своей раке» [25, с. 29] в объект поклонения и понадобились его забальзамированные «мощи».

Журналистка привлекает внимание читателя к противоречащей здравому смыслу уникальности ситуации: «в так называемой столице атеизма — Москве» утверждается новая религия и появляется новое божество. О том же пишет Фабр-Люс, поражаясь, как старые (вера в бессмертие) и новые (вера в чудеса науки) предрассудки парадоксальным образом накладываются друг на друга в этом «странном культе» поклонения новому «божеству», в котором он видит не только «прославление коммунизма», но и «созерцание смерти», «ритуалы минуты молчания» и «воздаяния почестей» [18, с. 266]¹⁴. Ни один из рассматриваемых нами авторов не может допустить мысль о возможности создания подобного культа у себя на родине. Вильдрак, размышляя о вытеснении в СССР старой мистики новой и одного культа другим, пишет, что французам не пришло бы в голову ради того, «чтобы почтить память великого человека бальзамировать его труп и выставлять его, как святые мощи, на всеобщее обозрение» [24, с. 240].

Но, пожалуй, никто из них, даже весьма ироничные Беро и Фабр-Люс, живи они в эпоху постмодерна, не решился бы в целях развенчания советского режима во всех его проявлениях, назвать соответствующую главу своего травелога «Мертвый парень в сте-

¹⁴ Современные отечественные исследователи тоже отмечают это противоречие и показывают, что в советской России поклонение ленинским «мощам» шло вразрез с провозглашенной режимом борьбой с церковными практиками и шарлатанством [2, с. 266].

клянном гробу», как это сделал современный канадский турист из Ванкувера, с насмешкой поделившийся в интернете своими впечатлениями от посещения Мавзолея: «“Мертвый парень в стеклянном гробу”. Читали сказку “Спящая Красавица”? Так вот, это — то же самое. Ну, точнее, совсем не то же. Ленин находится здесь уже почти 100 лет, можно наблюдать много охранников и довольно хорошо сохранившуюся мумию самого Ленина» [6]. Что ж, *Tempora mutantur et nos mutantur in illis...* Выставленный напоказ «вечно живой» Ленин вызывает у наших иностранных современников несколько иные ассоциации нежели те, о которых шла речь в данной статье.

В Приложении переводы выдержек из травелогов французских авторов даются в той хронологической последовательности, в какой с ними мог знакомиться французский читатель. Так, Дюамель и Дюртен путешествовали вместе, но книга первого вышла в 1927 г., а второго — в 1928. Дюамель побывал в СССР на несколько месяцев раньше Фабр-Люса, и это позволило последнему полемизировать с ним в своем травелогe.

Приложения

1. Анри Беро. «Что я видел в Москве»

Béraud A. Ce que j'ai vu à Moscou. Paris: Les Editions de France, 1925. 250 p.

Глава VI. Ленин и мертвый продолжает жить. С. 43–50.

*После смерти его имя имело такой вес в Империи,
что он царствовал и на смертном одре.*
(Ламаргин, История России. Петр Первый)

Торжественное и ритмичное пение становится все громче. Из моего окна я вижу роту солдат в тяжелых сапогах. Они пересекают площадь Революции и идут через Иверские ворота в сторону таинственного сердца Москвы — Кремля. Красногвардейцы возвращаются с учений.

Своим ровным и тяжелым шагом они доходят до Красной площади, название которой Советам менять не пришлось: Красная площадь. Вот стены в духе флорентийского зодчества, зубцы, ворота с подъемной решеткой, купола, золотые цепи, иконы. И вот, за огра-

дой в самом конце площади — восхитительный, громадный, веселый и пышный собор Василия Блаженного, приземистая невысокая постройка, безумство формы и цвета. Вблизи его напоминающие ананас двенадцать куполов, подобные витым луковицам, золотым дыням, каплям карамели, вытянутым плодам цитрона, его спиральные сигнальные башни и украшенные полихромным орнаментом стены напоминают изготовленное феями пирожное для стола восседающего на Кавказе великого царя¹⁵.

Если удастся отвести взгляд от этого сказочного памятника, то посреди площади увидишь совсем другую постройку. Она нарочито современна, то есть примитивна. Посреди обнесенного черной металлической преградой островка стоит куб из обработанных морилкой досок. Только двойной лестничный марш и ряд ниш нарушают его однообразие. Можно подумать, это часть Ковчега. Его корма из соединенного встык дерева ничем не украшена. На уровне земли — ведущая в красноватые сумерки подземелья дверь. Перед ней неподвижно лицом к лицу, с приставленным к ноге оружием, глядя друг другу в глаза, стоят два солдата.

Это могила Ленина.

Почивший вождь лежит здесь в стеклянном гробу. Каждый вечер с 8 до 10 часов толпу допускают лицезреть эти бранные останки и каждый вечер тут стоит очередь. Тьма посетителей растягивается далеко за собор Василия Блаженного до самого берега Москва-реки. В основном это солдаты и *партийки*¹⁶, скрывающие волосы под тугими кумачовыми косынками, и красные служащие в люстриновых *рубашках*¹⁷. Но также это и настоящая русская толпа, терпеливая, мистическая и убогая, такая же как та, что бормочет свои отченаш¹⁸ перед золочеными образами и мерцающими желтоватым пламенем свечами. И все они проходят перед трупом того, кто убил Царя-батюшку и, после смерти, в свою очередь, превратился в Командора ордена обращенных в новую Веру.

Возведенный в ранг героя Ленин, умерший полтора года тому назад, бдит из-за стекол своего гроба и наблюдает за этим созданным им самим новым Востоком.

¹⁵ Аллюзия на царя Ивана Грозного, женатого вторым браком на дочери кабардинского князя Марии Темрюковне — этот брак укреплял позиции России на северном Кавказе.

¹⁶ По-русски латиницей.

¹⁷ По-русски латиницей.

¹⁸ По-русски одним словом и латиницей.

Бывший ссыльный, жалкий скиталец, Ленин в свои последние дни стал похож на царя. Мужики называли его Батюшка. Действительно, он был последним царем. Великая, чудесная история! Этот путь из мебелишки на Монпарнасе до Кремля! Смиренный народ, тот самый, что только что содрогнулся при виде пергаментного калмыцкого лица, чует это. На него давит это подземелье в приглушенном зареве света, этот геометрический спереди украшенный пятиконечной звездой храм, эта попытка первобытного простейшего зодчества, уж не первое ли это здание Израиля — первое в мире со времен разрушения храма Соломона?

И, может быть, из двух противостоящих у подножья Кремля памятников — построенного при Иване Грозном собора и сколоченного из дерева в 1924 году мавзолея — старейшим окажется вовсе не храм с несущими кресты куполами.

Однако в Москве повсюду видны изображения Ленина. Это какое-то наваждение. Эти круглый череп, борода, раскосые глаза, задумчивое отрешенное лицо встречаются на каждом шагу. Пропаганда навсегда ввинчивает его в вашу память. Он везде, во всех витринах, каким бы ни был предлагаемый покупателям товар. Ленин на литографиях, Ленин пастелью, Ленин выжженный на деревянной доске, мозаика с Лениным, линогравюра с Лениным, Ленин-чернильница, Ленин-бювар. Целые магазины отведены под продажу его бюстов: всех размеров, из разных материалов, за любую цену, из бронзы, мрамора, камня, фарфора, алебаstra, гипса, не считая Лениных, запечатленных через объектив — от парадной фотографии до моментальных снимков и фильмов. Миллион портретов! А, возможно, и больше.

Как будто этого не достаточно, есть еще и двойники, экзальтированные или находчивые граждане, гримирующиеся под Ленина. Их неисчислимое множество и они чудесно преуспевают. Думаю, что в Москве десять тысяч фальшивых Лениных с тщательно подстриженной в соответствии с лучшими портретами модели бородкой в стиле «рояль».

Где мы могли наблюдать такой разгул изображений и такой расцвет чудесных двойников? В Риме. Лицо, тиражируемое в огромном количестве экземпляров, после лица Ленина это, конечно же, лицо Муссолини. Еще одно сходство между Фасцией и Красной звездой. Несомненно, диктатуры, все диктатуры порождают вкус к образности и подражательству подобного рода.

Определенно, на советской земле Ленин выглядит пророком. Его сочинения это Евангелие и Коран. В трудных случаях ссылаются на его слова, как на священное писание. НЭП (новая экономическая политика) расширенное применение которого во всех этих местах преобладает во всех навязчивых идеях, НЭП прикрывается авторитетом Ленина. Правда, что с 1921 г. он вдохнул его дух в знаменитой речи «необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад».¹⁹

С тех пор отступление усилилось и русские армии экономической войны продолжают отходить на заранее подготовленные позиции. Надо посмотреть, что останется от коммунизма и марксизма в нынешней жизни страны Советов. От имени Ленина, от имени сурового неподкупного и мрачного апостола заново отчеканенные монеты все еще обращаются на прилавках. Ленин умер бедняком — богатым бедняком, сохранили ли эти слова какой-нибудь смысл для того чистого социалиста, каким он был? Ленин спит в самом сердце Москвы. Но хоровод appetitов кружится вокруг места его погребения. В ста шагах отсюда открывается вид на *Ряды*²⁰, московские торговые галереи, под высокими стеклянными крышами которых находятся переходы, где ютятся спекулянты. На *Никольской*²¹ прохожие шепотом спрашивают фунты и доллары. Люди играют на бирже, начинают наслаждаться жизнью. Неужели это заря Директории? Кто знает? Поэт Тютчев сказал: «Умом Россию не понять». Будущее здесь в руках древних киммерийских богов. В этой стране, где века пролетают за часы, все кажется эфемерным. Россия неспешными шагами вразвалку идет к своим неизвестным судьбам. Что можно понять? Как отделить вчера от завтра?

На самой торговой улице Москвы я вижу продавца церковной лавки. У нее две витрины. Справа — венцы, дароносицы, дарохранительницы, ковчежцы. Слева — красные знамена, расшитые обязательными эмблемами: серпом и молотом. Советы пишут на стенах: «Религия — опиум для народа». Но они закрывают глаза на торговлю этими набожными наркотиками. Неважно, что будет завтра! *Ничего!*²² Возможно, вступая в тень вечности, Ленин наилучшим образом

¹⁹ Ленин В.И. Доклад о новой экономической политике 29 ноября 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 44. Июнь 1921–март 1922. С. 207. URL: <http://uaio.ru/vil/44.htm> (дата обращения: 27.05.2022).

²⁰ По-русски латиницей.

²¹ По-русски латиницей.

²² По-русски латиницей. Многие авторы обращают внимание на широкое распространение в России выражения «ничего», имеющее значение «нормально»,

растворил свой дух в русской душе, терпеливой, непостоянной, томной русской душе.

2. Жорж Дюамель «Московское путешествие»

Duhamel Georges. Le voyage de Moscou. Paris: Mercure de France, 1927. 258 p.

Из главы XVII. С. 159–164.

Мы пойдем на Красную площадь. Нет! не бойтесь. Она так называлась и в царские времена. Иногда «красный» по-русски означает и «красивый», как для нас «зеленый» может значить «молодой». Это красивая площадь. Во времена Петра она была еще и кровавым местом, на ней стоял эшафот.

Здесь покоится Ленин. Об этом говорят пять больших бронзовых букв, прибитых к фронтому странного деревянного здания, под которым вырыт погребальный склеп. Зеленый садик за решеткой придает особый вид всему ансамблю. Толпа ждет у охраняемой красноармейцами двери. Мне рассказывали о благоговейной толпе, подобной той, что прежде падала на колени перед останками Святого Сергия.²³ У меня такого впечатления не сложилось. Для благоговейного вида этой толпе не хватает единства. Там, конечно, есть досужие горожане, приехавшие издалека крестьяне с детьми на руках, но еще татары, грузины, китайцы, лопари, кочевники из Туркестана в длинных халатах и невероятных меховых шапках, короче, люди прибывшие из всех точек Союза и еще из более дальних краев. Это пестрый Восток, но, как всегда, не чистый Восток. Как же ей быть благоговейной этой толпе, когда разные составляющие ее люди не говорят на одном языке и у них нет пока одинаковых богов? Я говорю пока, отложив на потом будущее и Ленина.

Войдем. Вслед за толпой? Нет! Это было бы долго. У меня в бумажнике специальное разрешение, оно должно нам помочь пройти без очереди. Мария Павловна²⁴ требует, чтобы его предъявили караульному.

Но караульный неподкупен. Он не хочет даже взглянуть на бумагу с официальными печатями. Он просит нас встать в очередь вместе с другими. Тогда я повышаю голос и по-французски твердо «не страшно», «не беда», характеризующее покорность русского национального характера.

²³ Во время поездки в марте-апреле 1927 г. Жорж Дюамель и сопровождавший его Люк Дюртен посетили Свято-Троицкую Сергиеву лавру в Сергиевом Посаде.

²⁴ Мария Павловна Кудашева (будущая жена Р. Роллана) — московский гид Дюамеля и Дюртена.

объясняю, что намерен пройти немедленно, так как мы очень спешим. Солдат ничего не понимает, кроме того, что мы иностранцы. Он приоткрывает дверь и пропускает нас.

На пороге Мавзолея снимают головной убор. Не вся толпа хранит молчание; люди тихо переговариваются; в присутствии Молоха она не выглядит терроризированной, а чувствует себя как дома, спокойная, едва ли любопытная, она проходит по небольшому с поворотами коридору, потом спускается по ступенькам. Стены голые; из всех украшений только термометр. Наверное, для хорошей сохранности мумии необходимо следить за температурой. Еще один поворот и вдруг — крипта. Это маленький квадратный зал. Электрические лампы освещают точно рассчитанным светом длинный стеклянный ящик. По обе стороны стоит по солдату со штыковой винтовкой. Мы поднимаемся на несколько ступеней в ногах у мумии, чтобы ее обойти, и смотрим.

Ленин тут. Я не представлял себе его таким. По фотографиям и картинам я ожидал увидеть чуть курносого брюнета. А это маленький, почти лысый рыжеволосый человек. Нос кажется заострившимся. Цвет лица, освеженный какими-то химическими препаратами, выглядит естественным. Голова покоится на подушке. Руки сложены на животе. Человек одет во френч цвета хаки. Нижнюю часть тела скрывают драпировки. Он так прекрасно сохранился, что можно подумать, что сделан из воска. Не будь общих заверений, я бы засомневался. Но это мумия.

Я уже заканчивал свой обход, как вдруг в ярком освещении увидел нечто огромное и почти чудовищное: лоб, лоб мертвеца, где в двух одинаковых выпирающих грозных выпуклостях сосредоточена вся тяжесть его головы.

Вот и все. Мы снова в коридоре, посреди карабкающейся к выходу толпы. Я думаю о судьбе этого человека. Чем была его жизнь? Чем же стали те жаркие годы его правления, что принесли ему эту удивительную славу, которая продолжится в веках? Вернись завтра цари, легкомысленная гипотеза, и сожги они, если осмелятся, мумию с Красной площади, прах которой они развеют по всем уголкам степи, отныне Ленин останется живым как легенда. Может, он и был, во что я не верю, мелким неизобретательным агитатором, теперь он призрак гения. Миллионы людей питают его своей плотью и кровью. Его слова, его поступки, какое они могут иметь значение перед лицом тех слов и поступков, которые ему станет приписывать целый народ? С каждым днем чудесная

легенда стремительно растет и распространяется все шире. Ленин не лежит в стеклянной клетке: он уже восседает на Олимпе будущего. У него свое место в великих народных мифах.

Мы снова вернулись на неровную мостовую Красной площади, но я продолжаю грезить. Ненасытный Дюртен хочет еще раз посмотреть на мушкетера и толпу, мы охотно подождем его здесь.

3. Андре Виоллис. «Одна в России: от Балтики до Каспия»

Viollis Andrée. Seule en Russie de la Baltique à la Caspienne. Paris: Gallimard, 1927. 332 p.

1. Из главы II. Первый взгляд. С. 28–30.

Еще несколько шагов и внезапный шок: освещенный неровным светом дуговых ламп из сумерек своей высокой зубчатой красноватой стеной выступает Кремль, потрясающий великолепием остроконечных башен, куполов, дворцов и лукович, над которыми возвышаются двуглавые орлы и кресты.

Но сперва над его центральной частью различаешь трепещущий, как пламя, и развевающийся даже без малейшего дуновения ветерка непреодолимо притягивающий взгляд алый стяг. Изобретательно подсвеченный снизу рефлектором, оживленный искусственным дыханием, он реет над городом как суверенный символ нового порядка.

Конечно, прием немного театральный, но, должно быть, покоряющий душу и взгляд той толпы, бесконечная лента которой медленно разворачивается к мавзолею, где, как говорят, на ложе из пурпурного шелка покоится забальзамированный Ленин.

Ибо этот мавзолей находится тут, у подножия исторической стены, под полощущимся полотнищем знамени. Это простой деревянный с геометрическими линиями куб, над которым возвышается саркофаг. Большой ларец, по форме напоминающий Ковчег Завета на старых иллюстрациях священной истории.

По обе стороны низкой двери, откуда исходит мощный поток медно-красного свечения, стоят два окаменелых огромных солдата с ребячьими лицами под ужасными монгольскими шлемами, в длинных и тяжелых шинелях, жесткими складками спадающих до земли.

Почти все бедные люди, паломники, закутавшиеся в тулупы, должно быть, приехали издалека, так как у них в руках жалкие чемоданы из натертого мастикой дерева и завязанные узлом тюки. У женщин, как у наших крестьянок в церкви, на головах платки; у многих на руках склонившие головку им на плечо маленькие дети. На пороге они выпрямляются, будят детей, легонько прикоснувшись

рукой к губам, чтобы подавить их крики; мужчины резко срывают с головы фуражки или меховые шапки; лица сосредоточенные, глаза опущены или же раскрыты в пустоту и сияют мистическим жаром.

Я думаю о старом русском суеверии, согласно которому монах или анахорет мог быть канонизирован только нетленным. До последних лет общественное мнение требовало этого достаточного и необходимого для святости знака. «Тленный не может быть святым», — гласит народная поговорка²⁵.

Так вот, холодильные установки, кажется, поддерживают сохранность останков диктатора, специалистам поручено следить за их свежестью, периодически пластифицировать, гримировать, как старую кокетку, эту бедную мертвую маску. Разве так чудесно преуспевающие в пропаганде советские руководители не взяли на вооружение древние верования ради того, чтобы привлечь толпу деревенских легковерных в новое святилище? И разве не в этом заключена скрытая причина театрального выставления напоказ трупа и погребального культа, который как-то отвратителен нашей латинской чувствительности?

В один момент потерявшему и своего царя, и своих святых мистическому русскому народу дали Ленина, сверхчеловека, покоящегося в своей раке. И это необычное ночное паломничество под колыхающимся в чудесном сиянии знаменем можно увидеть не где-нибудь, а в так называемой столице атеизма — Москве.

2. Из главы XXVIII. Что такое русская коммунистическая партия. С. 259–261.

Я хотела увидеть в его мавзолее человека, построившего это творение, человека, которого часть человечества считает жестоким демоном, а другая — добродетельным гением, чье одно только имя вызывает такой взрыв ненависти и любви.

Было совсем темно. Высокие розоватые крепостные стены терялись в сумраке, а над ними слегка колыхалось красное знамя. Уже собирались закрывать железные ворота. Толпа выходила. По обе стороны мавзолея стояли два высоких солдата, взгляд их скрывал остроконечный монгольский шлем со звездой. Затянутый красным шелком душный коридор, свет, как в аквариуме, стоящий в ряд караул, затем несколько ступеней, новая дверь, а там... Это погребальная

²⁵ Перифраз первого послания к Коринфянам апостола Павла, Гл. 15, стих 53: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

камера, маленькая, круглая и с низким потолком, полностью обтянутая шелком, рубиново-красная; прямо падающий неестественный яркий свет, поднимаясь от образующих театральную рампу электрических ламп, разбивается о стеклянную раку, где лежит Ленин. Раку отделяет деревянная ограда. В головах и ногах — еще два застывших солдата с примкнутыми к стволам штыками.

Я ожидала увидеть желтую высохшую мумию. Явленный мне человек до такой степени сохранил видимость жизни, что меня от волнения и почти от ужаса пробирает дрожь. В глубине я сначала замечаю только погруженную в пунцовую подушку голову с огромным куполом обнаженного лба цвета слоновой кости, потом часть груди в бежевой гимнастерке со сверкающими знаками отличия, тело спрятано под складками красного знамени, это знамя Парижской коммуны, сверху — высвеченные ярким лучом Серп и Молот.

Потом глазами я возвращаюсь к лицу: кажется, веки подрагивают над внутренним взглядом, легкая улыбка витает вдоль подкрашенных щек, таинственным образом приподнимает над редкой бородкой уголки розовых губ. Это не та улыбка, какую я так часто видела на портретах, бюстах, в кино, та перерезающая овал лица улыбка была с двойной складкой сарказма, и это не тот острый, как лезвие, проникающий и возбуждающий взгляд.

Нет, выражение лица борца исчезло. Странное выражение безмятежности, чуть ироничное и мечтательное, царит над чертами покойного. Руки просто вытянуты, видна только та их часть, которая от гнева или в угрожающем жесте так часто сжималась в кулаки, а теперь открыта и расслаблена.

Ах! Они знают, что делают, когда представляют толпам для почитания этот спокойный заgrimированный прекрасный труп! Тот, чья доктрина потрясла и продолжает потрясать мир, передал тяжелое наследие. Он передал светоч или вернее факел. Основоположник русской Коммунистической партии мирно спит без угрызений совести, без сожалений, как добропорядочный рабочий вечером в конце трудового дня...

4. Альфред Фабр-Люс. «Россия 1927»

Fabre-Luce Alfred. Russie 1927. Paris: Grasset, 1927. 241 p.

Из главы «Панорама Москвы». Раздел «Заgrimированный труп». С. 128–132.

Уже темнело, когда я пришел на Красную площадь, до закрытия оставалось три часа. Гробница Ленина своими нисходящими коричневыми деревянными прямоугольниками под небольшой черной колоннадой возвышается у кремлевской стены. Поблизости теснятся приехавшие поклониться ему со всех уголков России группы рабочих и крестьян. Они провели весь день в очереди, терпеливо сидя семьями на скамейках. Их осаждают уличные торговцы сувенирами, в розницу продавая этого заставляющего всех их ждать мертвеца: умиленным матерям — безобидный Ленин-ребенок с круглой головой и маленьким бантом; фанатикам — Ленин как человек действия в краткой агнографии.

Захожу с последней партией экскурсантов. На спускающейся к мертвецу красно-золотой лестнице удушающий запах пролетариата мало отличается от миазмов смерти. Потолкавшись, волнующаяся толпа выстраивается у входа в усыпальницу, мы медленно проходим поодиночке перед лицом и профилем мумии. Обман! В этом стеклянном гробу лежит не жестокий диктатор. Я вижу лишь безымянное тело, которому смерть придала его образ. Борода и волосы неестественно светлые. Бескровные руки истончали. Грудь больше не откинута вызывающе назад, лицо больше не оживлено «героическим и детским» смехом, большие пальцы рук больше не засунуты в проймы жилета, а вытянуты, имитируя покой. Выступающий лоб и плоский череп хранят нечто грозное, но скулы покрыты розовым химическим гримом... Зачарованные пролетарии, медленно шествуя, с сожалением удаляются, подталкиваемые к выходу наружу прибывающей толпой. Их взгляд прикован к Божеству, и они продвигаются на ощупь, держась руками за перила. На обратном пути эти неуверенно идущие слепцы создают ему живой и переменчивый ореол. Станный культ, где причудливо смешались прославление коммунизма, созерцание смерти, ритуалы минуты молчания в день заключения Перемирия и воздаяния почестей неизвестному солдату. (Прежде всего, Ленин это такой пролетарий и победитель). Тайна потустороннего мира накладывается на определенность бальзамирования; самые древние предрассудки сближаются с боготворящим чудеса науки современным предрассудком. Уничтожив царизм и православие, большевики воскресили в сознании каждого старую основу политической религии точно так же, как оттерев закопченные кремлевские иконы, они обнаружили более древние лики.

Загримированный труп — выбранный большевизмом символ. Ежедневно ученые с партбилетом делают ему осмотр, инъекции, ибо мертвые такие же хрупкие, как и живые. А другие поддержи-

вают коммунистическую экономику, впрыскивая в нее иностранный или крестьянский капитал... Мне рассказывали историю убитого в Сибири фаворита Ивана Грозного, тело которого замерзло во льду и сохранялось нетленным несколько веков. Случайно найденное, оно попало на воздух и разложилось в одно мгновение. Если те, кто эксплуатирует труп на Красной площади, потерпят поражение, мы увидим, как он так же незамедлительно истлеет вплоть до исчезновения из народной памяти, повторив судьбу прежних царей. Сколько же еще времени Ленину оставаться бессмертным? Ответ на этот вопрос определит все будущее России.

5. Люк Дюртен. «Другая Европа. Москва и ее вера»

Durtain Luc. *L'autre Europe. Moscou et sa foi.* Paris: Gallimard. 1928. 351 p.

1. Из главы III. На Красной площади. С. 319–321.

Приземистое здание выполнено из темного дерева. Его массивные формы производят впечатление гранитных. Этот небольшой мавзолей все же привносит в саму идею нечто колоссальное: кажется, что здесь кубизм соединяется с величием ассирийских храмов. Колоссальный черный алмаз в глубине Красной площади, кажется, кристаллизовался сам по себе. Ни изображений, ни надписей, на фронтоне — бронзовые буквы: ЛЕНИН.

Два солдата, стоя за решеткой с приставленным к ноге ружьем, днем и ночью несут караул: зимой длиннополые тулупы придают им массивно-монументальный вид.

Ежедневно часами длинная очередь приверженцев ждет у дверей гробницы. Затем, как земляной червь, она погружается в подземелье усыпальницы... Суровые люди с заводов и из деревень; кепки или тулупы. Старые морщинистые *бабы*²⁶ держат за руку ребенка в красном галстуке. Азиаты в каракулевых папахах или в огромных лохматых шапках воскуривают новому пророку фимиами своего кислого запаха и подносят обол своих наивных глаз. Встаньте в эту череду молчаливых людей. В темном вестибюле вы покинете дневной свет и с непокрытой головой окажетесь под лампами, которыми все культы любят заменять солнце и звезды. Вы спуститесь глубоко по лестнице. На стене два ряда огнетушителей: любопытная символическая предосторожность в гробнице того, кто подожг мир. Эти вертикальные цилиндры выстроены в ряд, как органые трубы.

²⁶ По-русски латиницей.

Вот вы и в подземной камере. Молчаливые паломники. Солдаты, несущие караул.

Хрустальный короб.

Лежащий маленький рыжий человек, окутанный алым шелком — знаменем Коммуны, складки которого достигают груди, кажется, спит.

Перед всеми знаменитыми личностями всегда возникает некое замешательство, момент подготовки. Надо выбрать между разными характерными чертами лица. Перед этим человеком никаких сомнений. Вы даже не думаете измерить взглядом под формой цвета хаки размер ширины его плеч. Точно так же вы забываете о массивной челюсти, широких скулах азиата. Ни рыжеватые волоски странного разлета бровей, подскакивающих к степям висков, ни слегка расширяющиеся у основания ноздри, ни выдающаяся на всех портретах нижняя губа, которую сплющила смерть; ничто из этого не задерживает вашего внимания. Пропустите эти силой тяжести прочерченные на щеках складки у ушей; пропустите этот непостижимый покой, которому раскосый разрез глаз придает характер улыбки. Ваша мысль совсем не стремится к мертвым чертам; а к тому, что в мертвце есть еще от живого. Это широкий лоб, где выдается в двух местах черепная кость, кажется, не сумевшая устоять перед натиском внутренней мощи. Продолжающий лоб лысый череп делает его огромным. Он похож на набитое яйцами брюшко насекомого, иногда даже после смерти все еще их откладывающее.

2. Из главы III. Фигура Ленина. Выступления и тексты Ленина. С. 321–324.

В центре новой России этот лоб мертвца, хранящий всю деятельность его жизни, — предмет культа, простота которого выявляет огромную власть. Таков черный камень в Мекке.

Странно примененная к новому сознанию новая форма мифа...

В СССР ежегодно выходит несколько сотен книг о Ленине. Изучению его доктрины посвящен целый Институт, строение в виде куба металлического серого цвета с жесткими ребрами. Архитектура похожая на гробницу, но выступающая выше над землей, как и подобает, когда речь идет о произведении искусства.

Можно считать, что подобные почести, этот колоссальный посмертный успех, непропорционально велики для человеческого значения Владимира Ильича Ульянова, именуемого Лениным. Разве

политика не игра теней? Бóльшее значение, чем величие личности, которое в искусстве является всем, в истории, наоборот, играет близость к очагу — света или пожара, — и именно эти дополнительные качества позволяют человеку удержаться рядом с ним и придают тому или иному силуэту такие необычайные размеры на стене пещеры.

Какими были истинные характеристики этой личности, на которую заодно обрушиваются и самая яростная ненависть, и обожествление?

Ее разнородность приводит в замешательство. Проявляющий художественный вкус абстрактный доктринер; конспиратор и аристократ; человек смелых инициатив и сторонник умеренности. Оставим эту напрасную игру контрастов. Так же, как на лице Ленина, физические черты подчиняются чертам, отмеченным мыслью, все факты его жизни оказываются определены одной страстью — абсолютной преданностью новому порядку вещей.

Человеческие пороки, действия, которые для любого другого стали бы падением, у него не затрагивают той чистоты, тверже которой не существует. Нравственное чувство? Гуманность? Для Ленина это недостаточная группа мотивов, все сосредотачивается за ее пределами. Опаснейшая склонность из всех взглядов на будущее. Ужасный и совершенный тип абсолютного революционера... Меня приводит в ужас любой человек, предпочитающий что бы то ни было самому человеку.

Азиатский мистицизм, возведенный в высочайшую степень и примененный не к религиозному культу, а к социальным формулам, облеченным для него в очевидную геометрию, — таков Ленин.

Этот вызывающий такую веру человек сам был прежде всего верующим.

В Музее Голоса²⁷ в Ленинграде можно поочередно услышать голоса двух вождей первых лет революции: Ленина и Троцкого. Троцкий говорит как лидер. Тембр голоса теплый, безудержное, мощное, ритмичное, нюансированное с разными паузами красноречие. У Ленина речь непрерывная: все слова равноценны, ни одно не пропустить. Временами точно в том месте, где смысл требовал бы от говорящего заминки, указывал бы точку в голосовой линии, слоги еще больше уплотняются, стремятся к следующему абзацу.

²⁷ Так Дюртен называет научную лабораторию «Кабинет изучения художественной речи (КИХР)» в Ленинграде, которую они с Дюамелем посетили во время своей поездки в СССР. Об этом см.: [4, с. 382–401].

Так, в «Золотом скарабее» По²⁸ прекращающееся в зашифрованном документе развитие смысла угадывается по сжатию текста... Эта растягивающаяся во времени текучесть абсолютного порыва, как линия реки от истока, растекается по земному шару, эта текучесть — характерная черта написанного Лениным. Откроем некоторые из его произведений: борьба с ересями, защита своих воззрений, призыв к действию. Теперь это скучное чтение. Однако его монотонность не лишена величия; часто во многих блестящих формулировках там проявляется энергия (и сегодня не утратившая силу краткость слов), с которой он неустанно резко нападает на своих друзей-оппонентов, критикуя их произведения.

Качества его деятельности? Некоторые осуждают дерзость и способности революционера, но никто бы не смог их отрицать. Все предвидеть и заранее все описать... Этот человек, вынужденный в семнадцатом прятаться в шалаше в Сестрорецке, сумел в течение месяцев притормаживать нетерпение своих соратников, заставляя их выжидать; потом, когда наступило время, подстегнуть их, дать им пинка, уловить точный момент свержения режима пятьюдесятью штыками, у такого человека наверняка было чувство своевременности.

В 1921 г. в момент введения НЭПа он продемонстрирует самые любопытные, самые редкие таланты. Возможно, чтобы меня поняли, необходимо предисловие.

Кормите лабораторных мышей совершенно чистыми продуктами, сахаром, или тщательно очищенным зерном — они зачахнут и вскоре умрут. Добавьте к этому слишком схематичному питанию либо отруби, либо такую сложную смесь, как молоко; если не слишком поздно, подопытные животные восстановятся, начнут развиваться.

Если химическая чистота убивает животных, идеологическая чистота убивает общества. Сложность, возможно, это главный закон человека. Без некоторого основного противоречия, без «жизненных примесей», всегда приводящих теоретиков в отчаяние, никакая политическая или религиозная система не сможет это снести. Инквизиция, поддерживая в Испании непререкаемые догмы, погубила ее; пуританство убило бы Америку, если бы нравы там тайно не оставили себе возможность поквитаться. Таким образом, чистый

²⁸ «Золотой жук» (англ. The Gold-Bug), рассказ Эдгара Аллана По (1843), где подробно описан криптографический метод решения простого шифра подстановки. Это история о сокровищах, определение местонахождения которых связано с расшифровкой ключа. Один из героев разгадал его, применив систему подсчета знаков шифра и сопоставление с частотой использования букв в английском языке.

марксизм времен военного коммунизма чуть было не уничтожил не только Россию, что в глазах Ленина, возможно, не имело бы большого значения, чем смерть подопытного животного для биолога, но и саму революцию.

Может быть, будущее в первую очередь увидит в Ленине совсем не человека действия, с необычайной точностью сумевшего внедрить свою деятельность в конъюнктуру своего времени и обстоятельств, когда сокрушительный успех доказал справедливость его расчетов, но клинициста, взгляд которого четыре года спустя доказал свою правоту.

В странном зле, умерщвлявшем тело Государства, язвах и параличе Ленин диагностировал некоторые жизненные составляющие, как говорят врачи, «болезнь бездеятельности». Никакого самолюбия! Отказ от теории! На кон поставлена жизнь революции! Лимонный сок личного интереса — о! совсем чуть-чуть, всего несколько капель — и незначительное закачивание золота, применяемого в лабораториях в коллоидном состоянии, — и агонизирующая страна вновь обрела силу. В этом заключался настоящий смысл НЭПа.

Такой поступок служил не только спасению революции: он отделил ее от интегрального и геометрического марксизма. Фактически это значило установить новую доктрину. Ленинизм гораздо более непоследовательное построение, чем система ученика Гегеля, он изобретательно приспособлен к человеческой природе и, в частности, к характеру славянина.

6. Жозеф Дюбуа. «СССР. Новое человечество»

Dubois Joseph. U.R.S.S. Une nouvelle humanité. Paris: Librairie Valois. 1932. 256 p.

Из главы XXIII. Сцены публичной жизни. Раздел «Красная площадь и могила Ленина». С. 146–148.

На самом деле, эта площадь — нависающее над Москва-рекой настоящее плато, которое круто к ней обрывается, образуя обычный для русских рек перепад уровней. По широким пересекающим его со всех сторон проспектам огромные толпы могут стекаться туда во время манифестаций, сценой которых она всегда была и пребывает поныне.

Посреди этих заботливо сохраняемых и почитаемых декораций Советы поместили главный объект своего изобразительного искусства: усыпальницу Ленина. Эта внушительная масса из красного

мрамора с уступами и строгими геометрическими линиями выделяется объемом и, будучи лишена всякого украшения, — мощной простотой. Установленный у подножия и по центру кремлевской стены этот мавзолей наделен символическим смыслом: он скрепляет судьбы новой России под самым оком Исполнительного комитета, который не может избежать его тиранического присутствия, потому что расположен в самой древней крепости. Между ними огромные партер из цветов и широкое пространство для размещения официальных лиц во время всех церемоний, ареной которых является площадь, они окружают мавзолей и образуют некий «квартал Ленина». Гораздо более обширный, чем большинство наших парижских площадей. На фронте большими черными буквами написано имя Ленина.

Во все времена, когда случались общественные потрясения, Москва сбегалась в Кремль, но сегодня Красная площадь — это какой-то огромный клуб под открытым небом, предназначенный для зажигательных демонстраций коммунистической жизни. В этом смысле гробница Ленина возбуждает постоянное благочестие: солдаты на посту обеспечивают почетный караул, для этого двое военных постоянно стоят у дверей мавзолея. Этому посту поручена также ежевечерняя охрана порядка с пяти до девяти часов, тогда она становится более многочисленной.

Мавзолей, действительно, открыт для посещения с семи до девяти часов, за исключением тех дней, когда Красная площадь превращается в поле для маневра при прохождении коммунистических шествий. Каждый вечер с пяти часов толпы начинают собираться в длинные очереди наподобие покорных змей, извивающихся мимо сада с цветами и специальными трибунами. В семь часов голова змеи погружается в темноту мавзолея, минут через десять толпа, как выплеснутая через клапан отработанная заводом вода, уже выходит через правую боковую дверь усыпальницы. Сифонная труба запущена, два часа непрерывно поток будет течь. Не все правоверные туда попадут. В центре памятника, на довольно большой глубине нарочито помпезно охраняемое лабиринтом лестницы на почетном одре в сверкающем под огнями крипты хрустальном саркофаге находится тело Ленина. Только голова и руки выделяются на фоне темной блузы; маска с жесткими рыжими волосками на подбородке, по правде говоря, отражает неукротимую энергию.

Могила Ленина, таким образом, это душа Красной площади, играющая в русской революции роль, аналогичную той, которую в наших анналах в эпохи гражданских потрясений и политического волнения играли площадь Нации, площадь Согласия или Марсово поле.

Перевод Е.А. Легеньковой

Литература

1. *Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Щербины. М.: АИРО–XXI, 2020. 632 с.
2. *Каишеваров А.Н.* Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб.: СПбГТУ, 1999, 327 с.
3. *Легенькова Е.А.* Об одном московском письме Пьера Паскаля Жану Геенно // Материалы международной конференции ИМЛИ РАН «Литература как автономия: интеллектуалы и идеология в XX веке (Россия и Запад)». 10–11 сентября 2015 г. URL: <http://imli.ru/arkhiv-2015/1612-tezisy-i-annotacii-dokladov-na-russkom-i-frantsuzskom> (дата обращения: 28.05.2022).
4. *Легенькова Е.А.* Советские музеи глазами французских писателей: «места памяти» или места забвения? // Статьи о французской литературе. К столетию Леонида Григорьевича Андреева. М.: Литфакт, 2022. С. 382–401.
5. *Майга А.А.* Литературный травелог. Специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 3 (37). С. 254–258.
6. Мертвый парень в стеклянном гробу. URL: <https://ru-open.livejournal.com/308088.html> (дата обращения: 20.05.2022).
7. *Нора П.* Франция — память. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.
8. *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 577 с.
9. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. СПб.: Академический проект, 1997. 285 с.
10. *Хан-Магомедов С.О.* Мавзолей Ленина. История создания и архитектура. М.: Просвещение, 1972. 127 с.
11. *Энкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе / пер. с нем. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 438 с.
12. *Béraud H.* Ce que j'ai vu à Moscou. Paris: Les éditions de la France, 1925. 250 p.
13. *Vouju M.-C.* Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956 // Nouvelles fondations. 2007. No. 7–8. P. 260–265.
14. *Coeuré S.* Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. Lausanne: Noir sur blanc, 2014. 416 p.
15. *Dubois J.* Une nouvelle humanité. URSS. Paris: Librairie Valois, 1932. 256 p.

16. *Duhamel G.* Le Voyage de Moscou. Paris: Mercure de France, 1927. 258 p.
17. *Durtain L.* L'autre Europe. Moscou et sa foi. Paris: Gallimard, 1928. 351 p.
18. *Fabre-Luce A.* Russie 1927. Paris: Grasset, 1927. 241 p.
19. *Guilbeaux H.* Le portrait authentique de Vladimir Illitch Lénine. Paris: Librairie de l'Humanité, 1924. 167 p.
20. *Kroupskaia N.K.* Souvenirs sur Lénine. Paris: Le bureau d'édition, 1930. 206 p.
21. *Pascal P.* Lettre à Jean Guéhenno du 12 décembre 1928, Moscou / Fond J. Guéhenno à BNF, NAF 23297.
22. *Serge Victor.* Lénine 1917. Paris: Librairie du travail, 1924. 70 p.
23. *Viardot L.* Souvenirs de chasse / 2e édition, augmentée de cinq nouveaux chapitres. Paris: Paulin et Le Chevalier, 1849. 370 p.
24. *Vildrac Ch.* Russie neuve. Paris: Emile-Paul frères, 1937. 254 p.
25. *Viollis A.* Seule en Russie. De la Baltique à la Caspienne. Paris: Gallimard, 1927. 332 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

“Great Grave”: Mausoleum of V.I. Lenin in French Travelogue of the 1920–1930s.

© 2022. Elizaveta A. Legen'kova

St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article deals with the image of the Lenin's Mausoleum and the cult of the leader associated with it in the travelogues of French writers and journalists in the second half of the 1920s and early 1930s. The Mausoleum is the constant place of pilgrimage for both the Soviet people and foreign guests. For French travelers it is of interest as a Moscow sight reflecting the ideology of the Soviet system, a means of propaganda, a place for planting new cults and religions, which seemed strange in Moscow that proclaimed atheism. The authors note the Asian character of this cult, which demonstrates the impenetrability of the Western and Eastern mentalities. Arguing with Soviet propaganda, which is effective in a country where the vast majority of the population is illiterate, they come to the conclusion that it is impossible to create a myth about the leader's immortality in civilized countries with a long democratic tradition. Based on the stereotypes that have entered in the minds of the French since the time of Marquis de Custine and creating new ones, the authors try to comprehend the Mausoleum as a cultural phenomenon. The detailed ephrastic descriptions and sketches from crowd standing in line at the Mausoleum are overlaid with philosophical reflections and journalistic pathos. The counter arguments to Soviet propaganda is the metaphor of a dead man masqueraded in a living person, extended not only to the image of Lenin, but also to the dominant ideology of the state he has built. The Appendix contains Russian translations of excerpts from travelogues by French authors.

Keywords: Mausoleum, Lenin, travelogue, French novelists and journalists, Soviet propaganda, myth, West and East.

Information about the author: Elizaveta A. Legen'kova — PhD, Professor, Head of Department, Department of German and Romance Languages, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Fuchika 15, 192236 St. Petersburg, Russia.

E-mail: ussrrus133@yahoo.com

For citation: Legen'kova, E.A. “Great Grave’: Mausoleum of V.I. Lenin in French Travelogue of the 1920–1930s.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 110–141 (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-110-141>

References

1. Bordiugov, G.A., Kotelenets, E.A. *Lenin: kul't i antikul't v prostranstvakh pamiati, istorii i kul'tury. S Prilozheniem S.P. Shcherbiny* [*Lenin: Cult and Anti-cult in the Spaces of Memory, History and Culture. With Appendix by S.P. Shcherbina*]. Moscow, AIRO–XXI Publ., 2020. 632 p. (In Russ.)

2. Kashevarov, A.N. *Tserkov' i vlast'. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v pervye gody sovetской vlasti* [*Church and Power in the First Years of Soviet Power*]. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University Publ., 1999. 327 p. (In Russ.)

3. Legen'kova, E.A. “Ob odnom moskovskom pis'me P'era Paskalia Zhanu Geenno” [“On a Moscow Letter from Pierre Pascal to Jean Guéhenno”]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii IMLI RAN “Literatura kak avtonomiia: intellektualy i ideologiya v XX veke (Rossija i Zapad).” 10–11 sentiabria 2015 g.* [Proceedings of the International Conference of IWL RAS “Literature as Autonomy: Intellectuals and Ideology in the 20th Century (Russia and the West).” September 10–11, 2015]. Available at: <http://imli.ru/arkhiv-2015/1612-tezisy-i-annotatsii-dokladov-na-russkom-i-frantcuzskom> (Accessed 28 May 2022). (In Russ.)

4. Legen'kova, E.A. “Sovetskie muzei glazami frantsuzskikh pisatelei: ‘mesta pamiati’ ili mesta zabvenija?” [“Soviet Museums through the Eyes of French Writers: ‘Places of Memory’ or Places of Oblivion?”]. *Stat' i o frantsuzskoi literature. K stoletiiu Leonida Grigor'evicha Andreeva* [Articles about French Literature. To the Centenary of Leonid Grigorievich Andreev]. Moscow, Litfakt Publ., 2022, pp. 382–401. (In Russ.)

5. Maiga, A.A. “Literaturnyi travelog. Spetsifika zhanra” [“Literary Travelogue. Genre Peculiarities”]. *Filologiya i kul'tura*, no. 3 (37), 2014, pp. 254–258. (In Russ.)

6. *Mertvyi paren' v stekliannom grobu* [Dead Guy in a Glass Coffin]. Available at: <https://ru-open.livejournal.com/308088.html> (Accessed 20 May 2022). (In Russ.)

7. Nora, P. *Frantsiia — pamiat'* [Memory Spaces]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999. 328 p. (In Russ.)

8. Ponomarev, E.R. *Tipologiya sovetского puteshestviia: “Puteshestvie na Zapad” v russkoi literature 1920–1930-kh godov* [Typology of the Soviet Journey: “Journey to the West” in Russian Literature of the 1920s–30s: DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2014. 577 p. (In Russ.)

9. Tumarkin, N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoi Rossii* [*Lenin is Alive! The Cult of Lenin in Soviet Russia*], trans. from English. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 285 p. (In Russ.)

10. Khan-Magomedov, S.O. *Mavzolei Lenina. Istoriia sozdaniia i arkhitektura* [*Lenin's Mausoleum. History of Creation and Architecture*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 127 p. (In Russ.)

11. Ennker, B. *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soiuzе* [*Formation of Lenin's Cult in the Soviet Union*], trans. from German. Moscow, ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina” Publ., 2011. 438 p. (In Russ.)

12. Béraud, H. *Ce que j'ai vu à Moscou*. Paris, Les éditions de la France, 1925. 250 p. (In French)

13. Bouju, M.-C. “Les maisons d'édition du PCF, 1920–1956.” *Nouvelles fondations*, no. 7–8, 2007, pp. 260–265. (In French)

14. Coeuré, S. *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme*. Lausanne, Noir sur blanc, 2014. 416 p. (In French)

15. Dubois, J. *Une nouvelle humanité. URSS*. Paris, Librairie Valois, 1932. 256 p. (In French)

16. Duhamel, G. *Le Voyage de Moscou*. Paris, Mercure de France, 1927. 258 p. (In French)

17. Durtain, L. *L'autre Europe. Moscou et sa foi*. Paris, Gallimard, 1928. 351 p. (In French)

18. Fabre-Luce, A. *Russie 1927*. Paris, Grasset, 1927. 241 p. (In French)

19. Guilbeaux, H. *Le portrait authentique de Vladimir Illitch Lénine*. Paris, Librairie de l'Humanité, 1924. 167 p. (In French)

20. Kroupskaia, N.K. *Souvenirs sur Lénine*. Paris, Bureau d'édition, 1930. 206 p. (In French)

21. Pascal, P. “Lettre à Jean Guéhenno du 12 décembre 1928, Moscou.” *Fond J. Guéhenno à BNF*, NAF 23297. (In French)

22. Serge, Victor. *Lénine 1917*. Paris, Librairie du travail, 1924. 70 p. (In French)

23. Viardot, L. *Souvenirs de chasse*, 2e édition, augmentée de cinq nouveaux chapitres. Paris, Paulin et Le Chevalier, 1849. 370 p. (In French)

24. Vildrac, Ch. *Russie neuve*. Paris, Emile-Paul frères, 1937. 254 p. (In French)

25. Viollis, A. *Seule en Russie. De la Baltique à la Caspienne*. Paris, Gallimard, 1927. 332 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 28.05.2022

Одобрена после рецензирования: 11.07.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 28.05.2022

Approved after reviewing: 11.07.2022

Date of publication: 25.09.2022

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-142-162>
<https://elibrary.ru/GQVCIK>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Церковь пьяниц: таверна в лирике вагантов

© 2022, Н.М. Долгорукова, К.В. Бабенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-067) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Аннотация: В статье представлен анализ застольных песен из латинского сборника XIII в. «Carmina Burana». В выбранных стихотворениях выделены мотивы, характерные для описания таверны и связанных с ней сюжетов (азартные игры, вино, плотская любовь, Венера, Деций, Вахх, радость и смерть). Песни вагантов рассматриваются не только в связи друг с другом, но и в контексте официальной церковной литературы и Священного Писания. Исследование показало, что таверна в вагантской литературе представлена одновременно и как пародийный аналог Церкви, и как ее противоположность: почти каждое явление церковной жизни в вагантских текстах переосмысливается и заменяется пародийным дублетом (молитвы — тосты, Вахх — Христос, литургическое вино — профанное вино). Однако цель такого пародирования не исчерпывается осмеянием церковного культа или насмешкой над ним, пародийные механизмы вагантской поэзии устроены сложнее: смех в лирике голиардов амбивалентен (в терминологии М.М. Бахтина), он направлен одновременно и на уничтожение, и на возвеличение. Последовательный анализ текстов показывает, как именно функционирует эта сложная пародийная система в самом большом сборнике вагантской поэзии. Статья представляет собой раздел обширной работы, другие главы см. в: Долгорукова Н.М., Бабенко К.В. Трактир, кабак, таверна: Три русских перевода «In taberna quando sumus...» // Вопросы литературы. 2022. № 4. С. 155–172; Долгорукова Н.М., Бабенко К.В. «In Taberna Quando Sumus» как *parodia sacra* // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 199–210.

Ключевые слова: Бахтин, ваганты, голиарды, таверна, *parodia sacra*.

Информация об авторах: Наталья Михайловна Долгорукова — кандидат филологических наук, PhD, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5553-0581>

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Ксения Вадимовна Бабенко — независимый исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9101-2098>

E-mail: ksieniya.babenko@gmail.com

Для цитирования: Долгорукова Н.М., Бабенко К.В. Церковь пьяниц: таверна в лирике вагантов // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 142–162. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-142-162>

Творчество вагантов — уникальный феномен средневековой словесности. На протяжении более чем столетия с момента открытия «*Carmina Burana*» (СВ), одного из самых больших сборников сочинений вагантов, к этим текстам относились по-разному: как к источнику по истории социальных и классовых отношений в средневековом обществе, как к части церковной и университетской истории, как к доказательству продолжения традиции античной лирики в Средние века, но очень редко — как к литературе. Однако необходимо осознавать, что игнорирование литературно-пародийной природы этих текстов приводит к искажению их понимания.

«*Carmina Burana*» датируется первой половиной XIII в. И традиционно разделяется на четыре части: моралистические и сатирические песни, любовные песни, застольные песни и драмы [21, с. 1514–1515].

К третьей части (застольным песням) относят тексты под номерами СВ187–226 [21, с. 1514–1515]. Это сочинения, описывающие таверну, азартные игры, употребление вина и прочие явления кабацкой жизни.

Мысль о том, что творчество вагантов последовательно и системно пародирует христианское учение и церковный быт, уже высказывалась М.М. Бахтиным [1, с. 20], М. Бэйлесс [14, с. 98], Э.Дж. Коуэллом [18, с. 12], Г. Паоли [20, с. 369] и другими исследователями. Тем не менее до сих пор не существует работы, в которой была бы наглядно показана системная связь между аспектами церковной жизни и их пародийными дублетами в средневековой латинской литературе. Цель настоящей статьи — продемонстрировать эту связь.

Быт и обитатели таверны

Таверна — важный социальный центр средневекового города [15, с. 380]. С одной стороны, она является средоточием скверны, и посетители ее — люди глубоко порочные. Архипиита Кельнский, завсегда трактиров и один из самых известных вагантов, пишет: «...ищу себе подобных и присоединяюсь к порочным»¹ [15, с. 268]. В СВ193, которая представляет собой спор воды и вина, вода восклицает, обращаясь к вину: «А кто твой почитатель? / Убийца, сладострастник, / Дав, Гета, Буррия! / Вот кто тебе прислуживает, / вот кто тебя прославляет / во дворе таверны» [15, с. 282]. Дав, Гета и Буррия — типичные имена рабов в римской комедии, которая считалась низким жанром [15, с. 685].

¹ Здесь и далее тексты «*Carmina Burana*» даны в нашем переводе.

С другой стороны, таверна — это экклезия, всеобщее собрание. В СВ196 целых две строфы посвящены перечислению обитателей таверны: в их числе люди разного пола, сословий, социального статуса и возраста [15, с. 304]. Эта песня перекликается с СВ219, своеобразным «уставом» вагантского ордена, который так же принимает людей разных национальностей, сословий, качеств, в том числе тех, «кого благочестивые монахи толкают за ворота» [15, с. 360].

Таким образом, различные, на первый взгляд, описания посетителей таверны могут быть сведены к одной из двух моделей — речь идет либо об отъявленных грешниках, либо обо всех слоях населения. Сначала может показаться, что в описании завсегдатаев таверны сильна дидактическая составляющая и призыв отказаться от посещения подобных заведений. Однако не стоит забывать, что хотя Архипиита и исповедуется, делает он это в шутливой и немного издевательской манере, ведь, несмотря на признание в своих грехах и просьбу о прощении, он пишет: «В-третьих, припоминаю таверну. / Ее я никогда не отвергал и не отвергну» [15, с. 270].

Что касается образа таверны как экклезии, то, с одной стороны, таверна здесь уподоблена Церкви, потому что, во-первых, в ней можно найти самых разных людей, а во-вторых, здесь, как и во Христе, все равны (Гал. 3:28, Кол. 3:11). С другой стороны, таверна противопоставлена земной Церкви с ее официальной иерархией и строгими правилами поведения.

Впрочем, свои правила есть и в таверне, однако они, разумеется, противоположны церковным. Типичные занятия посетителя трактира перечислены в СВ196: «Кто-то пьет, кто-то играет, / кто-то ведет нескромный образ жизни» [15, с. 302]. В этих же пороках — пьянство, азартные игры и разврат — признается и Архипиита в СВ191 [15, с. 270–272].

В таверне, в отличие от церкви, всячески порицается раннее пробуждение. Хотя в Библии нет четкого указания на необходимость раннего подъема, многие праведники и даже сам Христос встают рано — зачастую, чтобы общаться с Господом. В «Уставе святого Бенедикта», который в Средние века являлся основой для уставов многих монашеских орденов, ранний подъем осмысливается уже как необходимость — в числе его правил читаем: «Не быть охочим до сна» (перевод наш) [17, с. 31]. Однако в СВ219, первая строка которой перефразирует Евангелие от Марка [15, с. 704], провозглашается противоположное правило: «Наш орден полностью запрещает утреннюю службу» [15, с. 362]. Отголоски этого же мотива можно наблюдать и в СВ222, где «аббат Кокани» (вымышленной страны ве-

селья и беззаботности) говорит: «...кто утром ищет меня в таверне, / вечером уйдет оттуда голым» [15, с. 370]. Таким образом, герой этой песни по утрам (и, вероятно, в любое другое время) предпочитает таверну церкви.

Пост обитателям таверны тоже чужд. Так, например, в СВ211 живот объявляется богом, который «никогда не постится», а храм его — кухня [15, с. 340]. В СВ219 тоже говорится о еде — сразу после позднего пробуждения нужно вкушать «вино и курицу» [15, с. 362], а чуть ниже сообщается, что «никто не должен покидать трактир голодным» [15, с. 364]. Риск остаться без пищи в Средние века был постоянной угрозой, человеку этой эпохи приходилось постоянно то «выживать во время жесточайшего голода», то «при любой возможности предаваться обжорству» [10, с. 172]. Пост, проповедуемый христианской Церковью, плохо принимался не только в миру, но и в монастырских стенах [10, с. 172]. Тексты «*Carmina Burana*» призывают к отказу от умеренности и в еде, и в выпивке. Так, например, в СВ195 говорится: «...и кто только что выпьет, / пусть пьет больше, чем ему подобает» [15, с. 300], а СВ202 вообще предписывает выгонять того, кто отказывается пить вино [15, с. 318].

Помимо отказа от вина причиной изгнания из таверны может стать жадность. Мотив денег, щедрости и гостеприимства в текстах вагантов двойственный. С одной стороны, бедность может стать причиной для отверженности (как, например, в СВ188 [15, с. 260]), а гостеприимство хозяина и богатство угощения обуславливаются наличием денег (например, в СВ197 — «Пусть Вахк развеселит, / а Венера смягчит сердца / благодаря власти кошельков» [15, с. 306]; в СВ196 — «Что творится в таверне, где монета — виночерпий?» [15, с. 302]). Однако более популярно противоположное развитие этого мотива: бедность не пугает завсегдатаев таверн (в той же СВ196 — «...пусть мы обнищаем» [15, с. 304], в СВ219 — «Не надо идти против ветра / и ходить с несчастным лицом из-за нищеты» [15, с. 364]), а бескорыстное гостеприимство объявляется высшим благом. Так, например, СВ217 представляет собой восхваление щедрого хозяина, а последняя строфа отведена угрозам тем, кто обманывает и не предоставляет обещанного [15, с. 354–356]. В СВ218 говорится, что место в раю обеспечивается гостеприимством: «Нужно всегда держать дверь открытой для странствующих и нуждающихся, / так ты получишь место на небесах / и вечную радость, / только так, только так» [15, с. 358]. Стоит отметить, что вагантство было не только литературным, но и социальным феноменом: бродячие поэты часто писали стихотворения епископам и крупным феодалам, выпрашивая

деньги или покровительство. Так, христианское гостеприимство было весьма кстати для всех, кто промышлял подобным, поэтому данная христианская истина в их творчестве осталась без изменения.

Подобный способ заработка — следствие бродячего образа жизни, который, во-первых, являлся неотъемлемой частью вагантского быта (само слово «вагант» с латыни переводится как «бродячий»), а во-вторых, был тесно связан с таверной. Так, в СВ195 сообщается: «Если ты разбогател благодаря азартным играм, / и веселишься в компании бродячих студентов, / то никогда не отказывайся от вина / и люби таверны» [15, с. 292]. В СВ199 говорится о том, что счастлив может быть только бродяга [15, с. 310], а СВ219 вообще представляет собой устав бродячего ордена. Архипиита в СВ191 пишет: «Ношусь я подобно кораблю без моряка» [15, с. 268]. Образ корабля и моряка (кормчего) был популярен в Средние века. Корабль ассоциировался с Церковью, а кормчий — с Христом. Это сравнение встречается в «Послании к Иакову» в «Псевдо-Климентинах» [19, с. 501]. Похожий образ можно найти и у Ипполита Римского: «Крылья кораблей (суть с парусами) суть церкви, море же есть мир, в котором Церковь, как корабль, обуревается в пучине, но не погибает, ибо имеет с собою опытного кормчего — Христа» [9, с. 248]. Так, образ «корабля без моряка» из СВ191 может трактоваться как «заблудшая душа без Христа», что демонстрирует символический подтекст бродяжничества — отсутствие твердой духовной опоры, пристанища, своего места. Несмотря на «мобильность» средневекового общества, Церковь относилась к бродяжничеству настороженно. Даже уподобление бродяг странствующему Христу или такое благое дело, как паломничество, не всегда оправдывало путешественников в глазах церковных иерархов. Так, в XII в. Гонорий Августодунский в трактате «Светильник» писал, что единственной приемлимой причиной паломничества может быть покаяние, в остальных же случаях он советовал отдать бедным деньги, которые могли бы быть потрачены в дороге [6, с. 164]. Бродячих же певцов-жонглеров и менестрелей он и вовсе причислял к слугам Сатаны [3, с. 112]. Похожую мысль высказывал в XIII в. францисканец Бертольд Регенбургский, утверждая, что жонглеры и бродяги составляют «семью дьявола» [6, с. 382].

Таким образом, таверна в вагантских текстах предстает как «перевернутая» Церковь: она одновременно и уподоблена, и противопоставлена ей. С одной стороны, ее посетители противопоставлены церковным прихожанам, с другой — таверна принимает всех, ей чужда сама идея какой бы то ни было иерархии. Хотя многие хри-

стианские истины (гостеприимство, отказ заботиться о завтрашнем дне) в этих текстах не искажаются, они все же утрачивают свое духовное значение и сводятся исключительно к земному. Иные же заповеди добродетельной христианской жизни переворачиваются — приведенные тексты призывают отказаться, к примеру, от раннего пробуждения и поста.

В ходе дальнейшего анализа мы подробнее рассмотрим, как элементам церковной жизни противопоставляются элементы трактирного быта.

Деций, Фортуна и азартные игры

Одним из главных занятий посетителя таверны были азартные игры, самая популярная из которых — кости. В СВ196 говорится, что играющие «мечут жребий» [15, с. 302]. Можно предположить, что это не столько название конкретного занятия, сколько синоним любой азартной игры и одновременно отсылка к евангельскому эпизоду с солдатами, которые мечут жребий о ризах Христовых. К этому же фрагменту Писания может отсылать и СВ215, более известная как «Месса игроков» [14, с. 119].

Одним из важных мотивов, связанных с игрой, является ее устойчивая ассоциация с наготой: «...игра оставляет меня голым» [15, с. 270], «Из-за игры / у меня уже какое-то время / голая спина, / как и у моих соигроков» [15, с. 310] и множество других примеров. Остановимся на наиболее выразительных. В нескольких текстах встречаются красочные описания замерзающих людей, проигравших свою одежду. Так, например, в СВ203 сообщается: «Нагой восклицает: “Увы увы увы!” / стучат зубы» [15, с. 322]. Другой пример находим в СВ195: «“Брр!” восклицает на морозе нагой, / у которого от холода коченеет в груди / и озноб в теле» [15, с. 296]. Однако если Фортуна благосклонна к человеку, то таверна согреет его: СВ203 начинается с того, что игроки с мороза отогреваются за игорным столом таверны [15, с. 322], а в СВ195 после горячительных напитков никто уже не думает о Боре, холодном северном ветре [15, с. 300]. Другой случай упоминания наготы встречаем в СВ221: «Если кто пропьет тунику, / пусть после проиграет и рубаху» [15, с. 370]. Эти строки можно сопоставить со словами Иисуса: «...и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5:40). Таким образом, высмеивается учение о жертвенности: если Христос призывает распрощаться с одеждами добровольно ради ближнего, то автор стихотворения говорит о вынужденной потере собственных вещей вследствие порочных занятий. Схожий мотив есть и в СВ219:

порицается наличие двух комплектов одежды, а если таковые имеются, то один стоит проиграть [15, с. 362]. Это, возможно, отсылка к Евангелию от Луки: «Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3:11). Евангельское наставление снова переосмысливается: призыв поделиться второй одеждой с нищим сменяется призывом проиграть ее. Иногда после поражения проигравшие оплакивают свою судьбу, проклиная соигроков, Фортуну, Деция (бога азартных игр), саму игру и т. д. В СВ195 проигравший восклицает: «Горе твоим дарам, Деций, / тебе обман и западня; / многих заставляешь рыдать, / вызывая скрежет зубов» [15, с. 296]. Таким образом, Дециева кара сопоставима с библейской — плач и скрежет зубов. Тем, кто проигрывается в пух и прах, суждено облачиться во вретище (СВ195 [15, с. 300], СВ196 [15, с. 302]). Возможность обогатиться за счет игры, конечно, тоже подразумевается, однако о ней пишут значительно реже. В качестве примера можно привести СВ219, где сообщается: «Для обогащения часто нужна лишь одна монета, / когда за игру садится правильный игрок» [15, с. 364]. Выиграть можно не только деньги или одежду, но и выпивку (СВ195 [15, с. 300], СВ196 [15, с. 302]).

Кроме наготы, игра также устойчиво ассоциируется с обманом. Так, например, в СВ207 читаем: «Спутники игры — ложь, ссоры, нагота, / недоверие, воровство, нищета, ущерб имуществу» [15, с. 334]. То же сообщается и в СВ195: «В таверне / вечное жульничество / всегда во время игры» [15, с. 296].

Помимо бытовых аспектов игры, тексты сборника отражают также ее символическое восприятие. Так, например, имя Деция — вагантского бога азартных игр – порой может использоваться как синоним игры в целом [15, с. 687]. СВ215 является пародийной «Мессой игроков», в которой Деций занимает место христианского Бога. Деций тесно связан с Фортуной, богиней удачи, он ее «вестник» (СВ195) [15, с. 294]. Самая большая и красивая миниатюра рукописи изображает колесо Фортуны: она в царственном одеянии восседает на троне в виде колеса, которое вращается, то возвышая зацепившихся за него людей, то низвергая их на землю. Конечно, в застольных песнях «*Carmina Burana*» Фортуна фигурирует в первую очередь как удача в игре, что, впрочем, не отменяет ее непостоянства: «Изначально добрая Фортуны / воля изменилась; / она повернулась ко мне спиной / и вела себя, как мачеха» (СВ195) [15, с. 296]. Колесо Фортуны упоминается Бозцием во второй книге «Утешения Философией», там же встречается и другой популярный топос — двуликость богини удачи [2, с. 205–206]. Этот образ тоже нашел отражение в «*Carmina*

Virana», хотя речь идет скорее не о втором лице, а о страшном виде с затылка: «...сейчас у нее уши аспиды, / а затылок лысый» (CB195) [15, с. 296].

Миниатюра «Колесо фортуны» из рукописи «Carmina Virana»
The Wheel of Fortune from “Carmina Burana”

Церковь осуждала азартные игры. Одной из первых речей против игроков является проповедь Псевдо-Киприана «Об игроках в кости», датированная приблизительно III – началом IV в., в которой он говорит о связи игры в кости с идолопоклонничеством, пьянством, воровством, завистью и многими другими грехами, называет игральную доску копьём дьявола [16, с. 97–98] и негодует о том, что проигранные в кости деньги надо было пожертвовать Церкви [16, с. 103]. Идея о «дьявольском» происхождении костей оставалась актуальной и в XIII в. Каждой из отметок на гранях кости приписывалось символическое значение: одна точка — против Бога, две — против Бога и Богородицы, три — против Троицы и т. д. [13, с. 400]. Тем не менее азартные игры оставались неотъемлемой частью трактирного быта. Несмотря на все признаваемые недостатки игры (проигрыши, обманы, ссоры), она оставалась культовым действием, символически осмысляемым как «антицерковное». В таверне (церкви игроков) звучат свои особые мессы, проигрыш денег зачастую осмысляется как своеобразное «пожертвование» или «милостыня», а молитвы возносятся Децию и Фортуне.

Вахх и вино

Вино, наравне с азартными играми, является одним из самых важных мотивов, связанных с таверной. Подобно тому, как Деций иногда может становиться синонимом игры вообще, Вахх зачастую служит метонимической заменой вина. Этот прием известен еще со времен античности [15, с. 686]. Он также неоднократно встречается в текстах вагантов — например, в СВ196 играют «на Вахха», т. е. на вино [22, с. 67].

С античных времен Вахх ассоциировался с освобождающей силой. Так, одним из его эпитетов было «Лизэй» — «освободитель». Этот концепт остается значимым и для вагантской лирики. Например, в СВ194 Вахх так и называется — Лизэй [15, с. 290]. В СВ196 упоминается, что в таверне пьют «освобожденные» [15, с. 304], а в СВ202 Вахх описывается как «тот, кто зовется Свободным» [15, с. 318]. СВ201 предоставляет красочное описание освобождения: «Вахх был пойман и крепко веревками связан; / Бог не захотел быть тюремным обвиняемым. / в сладком заточении он разорвал путы / и, сломав двери, вырвался за порог» [15, с. 3186]. О празднике Рождества, где присутствует Вахх, говорится: «...правило это сама свобода» (СВ205) [15, с. 330]. В этой песне Вахх через присутствие на празднике Рождества сближается с Христом, который также многократно назван «освобождающим» или «дарующим свободу»

в Библии (Гал. 5:1, Ин. 8:31–32 и т. д.). С одной стороны, Христос тоже избавляет от «устаревших» правил и установок (Кол. 2:20–23). Однако можно заметить, что Иисус освобождает только от внешних правил, мешающих истинной нравственности: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти...» (Гал. 5:13). В то время как Вахх «побуждает к недозволенному» (СВ199) [15, с. 310], библейские слова гласят: «Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (Рим. 6:18). Тем не менее нельзя сказать, что эти две «свободы» — от Христа и от Вахха — противоположны, ведь у них есть нечно общее. Иисус дарует свободу не только от греха, но «от закона греха и смерти» (Рим. 8:2). Как Христос освободил людей от самой смерти и от страха смерти, так от последнего (пусть и по-другому) освобождает и Вахх, однако подробнее данный мотив будет рассмотрен ниже.

Последствия употребления вина описываются в сборнике весьма красочно: в СВ193 сообщается, что от вина у людей заплетаются ноги и язык, путаются слова, а там, где всего два огонька, пьяницам видится сотня [15, с. 282]. Однако не следует забывать, что все эти описания исходят из уст воды, которая, конечно, в споре с вином проигрывает. Основным посылом данного стихотворения является запрет на смешение этих двух жидкостей, завершается же оно практически заклинанием: «Да будет тот, кто их смешивает, проклят, / и от Христа отлучен / во веки веков. Аминь» [15, с. 290]. Есть и менее ультимативные стихотворения с тем же мотивом. Так, в СВ194 вода названа Фетидой (в древнегреческой мифологии — морская нифма), а Вахх — Лизем, и про них говорится, что «у Господа в кубках вода — не супруга вину» [15, с. 292]. Похожий мотив находим в СВ202: «Так как [вода] — царица в море, / она может называться богиней, / но она недостойна такого супруга [Вахха], / которого собирается целовать» [15, с. 320]. Помимо вполне насущных причин, у таких предписаний есть и другое, символическое объяснение. Строки о поцелуях вина и воды продолжают следующим образом: «Вахх никогда окропляться / не хотел / и никогда добровольно крещения / не выдерживал» [15, с. 320]. Автор песни учит своих слушателей, что не стоит разбавлять вино водой, «крестить» Вахха, т. е. превращать в церковное вино. И в католической, и в православной Церквях принято разбавлять евхаристическое вино водой. Это связано с тем, что в момент крестной смерти из раны Спасителя истекли кровь и вода (Ин. 19:34). Данный фрагмент трактуется богословами по-разному. Анастасий Синаит считал, что кровь символизирует божественную природу Христа, а вода — человеческую, поэтому причастие нераз-

бавленным вином — это ересь, отрицающая Христа-Богочеловека [8, с. 198]. Рабан Мавр полагал, что вода символизирует людей, а вино — кровь Христа, поэтому их смешение означает союз людей с Христом [12, с. 445]. Подобное противопоставление — вина в таверне и вина в церкви — наблюдается и в СВ191. Архипиита пишет: «Мне на вкус слаще вино таверны, / чем то, что с водой смешал епископ виночерпий» [15, с. 272]. Таким образом, литургическому вину противопоставляется профанное, причастию в церкви — пьянка в таверне, дарам Христа, его крови — дары и «кровь» (сок лозы) Вакха.

Однако происходит не только замена сакрального вина обычным, последнему также приписываются божественные свойства. Так, например, тот же Архипиита пишет о связи поэтического таланта и вина: «Мне никогда дух поэзии не дается, / если прежде не будет живот хорошенько наполнен; / пока в крепости мозга Вакх заправляет, / в меня Феб спешит и чудеса творит» [15, с. 274]. Помимо помощника в написании стихов, вино является также проводником всякой мудрости, красноречия и учения. Оно говорит о себе следующее: «Через меня дается / всякая мудрость. / Когда меня не пьют, учителя / сами ничего не понимают, а ученики / далеки от познаний» (СВ193) [15, с. 284]. В СВ200 читаем: «Величественный Вакх делает человека веселым, / но также превращает его в образованного и красноречивого» [15, с. 314]. Идея о том, что вино — проводник знаний и вдохновения, возникает также в СВ206: «Когда я хорошенько выпью, то весь переполняюсь стихами. / Когда жажду, склонять “это”, “эта”, “этой” душа не лежит» [15, с. 332]. При этом в Писании неоднократно говорится о том, что источник истинной мудрости — это Господь (3Цар. 4:29, Пс. 50:8, Притч. 2:6). Однако дар разума и поэтическое вдохновение это еще не самое удивительное из всего, на что способен Вакх. В СВ193 вино говорит о себе так: «Только тот может ложь от правды / отделить, кто неразбавленным / меня пьет. / Хромой бежит, слепой видит, / лежачий встает, горящий смеется, / Благодаря мне, немой говорит» [15, с. 284]. Подобные же мотивы встречаем в СВ201, где о Вакхе говорится: «Даешь слепому зрение, даешь хрому ноги попрыгуньи» [15, с. 316]. Перечисленные чудеса, приписываемые вину, полностью совпадают с чудесами Христа в Новом Завете [15, с. 686]. Таким образом, снова происходит замена: вместо Христа и его апостолов чудеса творит Вакх (вино), он же является проводником всякого знания и мудрости.

Итак, если в пространстве вагантских текстов Вакх подобен Христу в своей роли освободителя, если его пьянящее вино заменяет

собой евхаристическое, если теперь именно он — а не Христос и апостолы — выступает чудотворцем, то можно ли сказать, что в данной системе координат между Вакхом и Христом стоит знак равенства? в достаточно большом количестве текстов сборника именно это и происходит. Так, например, в СВ193 вино заявляет: «Я есть бог, и свидетель / мне Назон» [15, с. 284]. В СВ205 игра с текстом становится еще более смелой: «Таким образом, когда приветствуем / вино, поем так: / “Тебя, Бога, хвалим”» [15, с. 330]. Известный церковный гимн обращен в данном случае не к христианскому Богу, а к вину. Другой пример, когда сказанное первоначально о Христе, применялось к Вакху, можно найти в СВ197: слова «на престоле славы» взяты из Евангелия от Матфея [15, с. 690]. СВ205 — не единственный случай, когда Вакх (или вино) становятся объектом молитв и гимнов. Так, СВ200 целиком представляет из себя гимн, прославляющий Вакха. Молитвы и хвалы богу вина встречаются также в СВ197 («Распластанные в грязи говорят: “Молитесь”. / Позади них слышен голос: “Встаньте! / Ибо Вакх внял вашим покаянием, / услышаны теперь ваши молитвы!”» [15, с. 308]) и в СВ199 («Вакха почитаю, / чистого, / ибо хочу, / чтобы рот мой пил» [15, с. 310]). «Чистый», «без хитрости» (“*sine dolo*”) также является библейской цитатой. Эта фраза встречается в послании апостола Петра: «...как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (1Пет. 2:2). Под «чистым словесным молоком» в данном случае следует понимать христианское учение, которое в этой песне заменяется вином [15, с. 691]. Также необходимо упомянуть пусть и не входящую в «*Carmina Burana*», но все же одну из самых известных пародийных молитв Средневековья, существующую в многочисленных вариациях — «*Potus noster*» (мы выбрали вариант из списка манускрипта XIII в.) [14, с. 356–357]. Сам текст является пародией на «*Pater noster*», где «отец» («*pater*») меняется на созвучное на латыни «питие» («*potus*»), хлеб насущный — на белый воздушный хлеб, а лукавый — на плохую таверну.

Таким образом, тема вина и Вакха в текстах о таверне идеально встраивается в «перевернутую» картину мира: в Церкви пьют разбавленное пресуществленное вино (кровь и дар Христа), а в таверне пьют вино, не смешанное с водой («кровь» и дар Вакха); в Церкви Христос освобождает от «закона греха», в таверне Вакх освобождает от моральных устоев; в таверне Вакх, а не Господь, Христос или апостолы, дарит мудрость, вдохновение и попросту творит чудеса, а часто и вовсе заменяет собой христианского Бога. Интересный пример перевернутого художественного пространства представляют

СВ193 и СВ215. В первой песне вода обвиняет вино: «Так, с бутылью / знающий становится Блинецом» [15, с. 286]. «Блинецом» называли апостола Фому неверующего. Речь идет о том, что алкоголь заставляет сомневаться даже в том, что человеку известно наверняка, когда тот трезв [15, с. 686]. Особенно любопытен этот случай в сочетании с фрагментом из «Мессы игроков» (СВ215), где в «Евангелии от Марки Серебра» Примасу (имя одного из самых известных вагантов) говорят, что видели Деция, на что Примас отвечает, что, пока не приложится ртом к кубку, не поверит в это [15, с. 350]. Сцена пародирует эпизод из Евангелия от Иоанна — «уверение Фомы», когда Фома сказал, что, откуда не вложит рук в Христовы раны, не поверит в Его воскресение [15, с. 701]. Примечательно, что в «нормальном» мире, который в споре вина с водой представляет последняя, вино препятствует вере, тогда как в «перевернутом» мире оно способствует ее укреплению, что в обоих текстах обыгрывается с помощью одого и того же образа Фомы.

Приведенных выше сопоставлений достаточно, чтобы продемонстрировать, насколько мотив Вакх — Христос был устойчивым в пародийной литературе Средних веков.

Венера, любовь и разврат

Одним из самых популярных в «*Carmina Burana*» мотивов, связанных с плотской любовью, является тандем Вакха и Венеры. В вагантских текстах Вакх осмысливается как нечто, подталкивающее людей к Венере, заставляющее их поклоняться богине любви. В качестве примера можно привести СВ200, где говорится, что Вакх подчиняет женщин Венере и заставляет их скорее соглашаться на любовную связь, иногда даже в тех случаях, когда мужчина вообще не может склонить их к данному действию без помощи вина [15, с. 314]. Подобный же мотив встречается в СВ205: «Вакх к любви / подталкивает юношу, / обычно сдержанного» [15, с. 330]. В СВ193 вино заявляет воде: «Благодаря мне восполняется мир, а благодаря тебе никогда ни у кого не родится / ни дочь, ни сын» [15, с. 286]. Таким образом, вино приписывает себе роль помощника в продолжении рода человеческого. Эту строку можно трактовать и символически — Вакх также считался богом плодородия, продолжения рода, ведь одним из его символов был фаллос [11, с. 30].

Тема любви — не самая главная в разделе застольных песен, ей посвящена вторая часть рукописи — любовные песни. Любопытно, что отношения между мужчиной и женщиной в любовных и застольных песнях сборника описываются по-разному. Если любовные

песни, с одной стороны, наследуют традиции античных (в частности, стихов Овидия) и библейских («Песнь песней») текстов [7, с. 425–428], а с другой — перекликаются со складывающейся параллельно в стихотворениях трубадуров традицией куртуазной любви, то в застольных песнях сборника тема любви предельно снижена и ограничивается описанием плотских отношений. Так, например, среди любовных песен можно встретить множество обращений к возлюбленным и любовных историй, наполненных традиционными поэтизмами. В случае с застольными песнями нет ни одного примера, где речь бы шла о каком-то конкретном объекте страсти, слово «женщина» всегда использовано либо во множественном числе, либо как обобщенное существительное. Нет здесь и описаний женской внешности, лишь единожды Архипиита употребляет слово «красота» (СВ191) [15, с. 270]. Заимствования из классиков и Писания также не присущи застольным песням, а если и встречаются, то в несколько ином смысле, чем в любовных стихотворениях. Так, например, Архипиита сообщает, что если сегодня поместить Ипполита в Павию, то уже на следующий день он не будет Ипполитом [15, с. 270]. Павия в XII в. была одним из самых крупных итальянских городов. Ландульф Миланский в начале XII в. писал: «Милан славен духовенством, Павия — забавами, Рим — постройками, Равенна — церквями» [7, с. 527]. Вероятно, строки Архипииты следует понимать так: даже самый целомудренный юноша утратит невинность, попав в «город Венеры». В СВ191 также содержится аллюзия на Писание: «Мою грудь ранит красота девушек, / и тех, до которых не могу дотронуться, по крайней мере в сердце желаю» [15, с. 270]. Эта фраза может отсылать к Нагорной проповеди, в которой Христос завещал: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» [15, с. 682]. Так, если в любовных песнях заимствуются цитаты из «Песни песней» — стихи о благословенной любви, то в СВ191 есть аллюзия на стихи о грехе прелюбодеяния.

Нельзя сказать, что все любовные песни «*Carmina Burana*» повествуют исключительно о возвышенной платонической любви. Среди них можно найти довольно ироничные и воспевающие плотские связи тексты. Однако описание любви в них не лишены чувственности, речь чаще всего идет о конкретной женщине, даже если ее имя не названо. В застольных же песнях любовь обезличена, каждый из обитателей таверны жаждет не своей возлюбленной, а лишь самого плотского удовольствия. Любовь здесь (естественно, внебрачная)

осмысляется как одна из разновидностей порока. Архипиита говорит, что в Павии «в опочивальню Венеры ведут все дороги, / но среди такого количества башен нет башни Алетейи» [15, с. 270]. В этом тексте Алетейя, греческая богиня истины, противопоставлена Венере, олицетворяющей здесь греховную плотскую любовь. Таким образом, порочная любовь — это часть «перевернутого» мира, что-то, что в «нормальном» мире (наравне с азартными играми и пьянством) считается недопустимым.

Радость и смерть

Удивительный, на первый взгляд, тандем радости и смерти вовсе не является редкостью. Достаточно вспомнить лирику Анакреонта, давшую впоследствии название целому жанру, или первый куплет знаменитого студенческого гимна «*Gaudeamus igitur*».

Песни вагантов, разумеется, не являются в буквальном смысле анакреонтической поэзией — их сходство с лирикой греческого поэта типологическое, а не генетическое. Вагантской литературе было, откуда позаимствовать мотив радости и смерти, ведь это, по сути, одни из главных понятий христианской веры.

Разумеется, радость в Библии отличается от радости в текстах вагантов. Новозаветная радость связана с приходом Спасителя в мир, прощением грехов, обретением жизни вечной и преодолением смерти. Вагантская же радость связана не с абсолютной, а с сиюминутной победой над смертью. Добрый христианин отрицает смерть физически. В «Апостольском символе веры» читаем: «Верую в Святого Духа, Святую Вселенскую Церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение тела, жизнь вечную». Слова о воскресении тела недвусмысленно дают понять, что жизнь вечная — это вовсе не метафора бессмертной души. Вместе с тем посетитель таверны не отрицает физическую смерть. В СВ196 читаем: «Пока мы в таверне, / нас не заботит, что есть прах» [15, с. 302]. Посетители таверны не отрицают существование смерти, однако могут себе позволить не думать об этом, пока они находятся в особом кабацком пространстве. Необходимо помнить и о том, что не было строгой оппозиции между человеком, проводящим дни в таверне, и человеком, усердно молящемся во храме. То есть она, несомненно, существовала в пространстве вагантских текстов или в назидательных речах епископа, однако оба этих явления не вступали в конфронтацию друг с другом. Пожалуй, их даже нельзя назвать «двумя сторонами одной медали», т. к. это подчеркивало бы их равнозначность. Более корректным нам кажется сравнение с миниатюрами средневековых манускриптов:

как причудливые монстры и изобилие эротических символов на полях рукописей обрамляют благочестивые изображения евангельских сюжетов, так и пародийная литература занимает «рамочную», маргинальную позицию по отношению к официальной церковной — она ей противопоставлена, но является при этом ее частью и едва ли конкурирует с ней [5, с. 41]. Так, например, на протяжении столетий проводились карнавальные празднества, в ходе которых в церковь могли ввести осла в папском облачении, кадить в храме из старого башмака и зачитывать у алтаря пародийные мессы [7, с. 452–453]. Хотя высшее духовенство и пыталось запретить подобные мероприятия, эти притязания не имели успеха, потому что «в травестирующих переработках высокого не усматривали профанации святынь, либеральной оппозиции или политической сатиры» [4, с. 162]. Не стоит также забывать о том, что средневековый человек — это в первую очередь верующий христианин, и он не переставал быть таковым, входя в таверну. И все же, несмотря на веру в жизнь вечную, страх смерти давал о себе знать. Способом временно избежать его было вино — напиток, на краткий миг дарующий «бессмертие», который, конечно, не отменял неминуемой кончины, но, по крайней мере, позволял ненадолго о ней забыть. Так, в СВ196 есть следующая строка: «Здесь [в таверне] никто не боится смерти» [15, с. 302]. Апогеем вагантского забвения в вине можно считать, возможно, одну из самых известных строк средневековой поэзии вообще: «Мое желание — умереть в таверне» (СВ191) [15, с. 272].

Вместе с избавлением от гнетущего страха смерти приходят радость, смех и шутки. Главным источником радости, конечно, является Вакх. Наиболее эксплицитно это выражено в СВ200: «Вакх мягко смягчет заботы и горести, / приносит шутки, радость, смех и любовь» [15, с. 312]. СВ205 делится простым рецептом человеческого счастья: «Веселье обыкновенно там, / где продается выпивка» [15, с. 328]. Не менее важная вещь сообщается в СВ197: «...малой будет радость, если чрево не будет полным» [15, с. 308]. Радость, таким образом, сводится к полному желудку. Однако не стоит, как можно было бы заключить из предыдущих рассуждений, считать это чувство примитивным. Это не просто счастье от сытости, тепла и опьянения в холодном и голодном мире, это маленький побег — побег от тяжелой работы, от строгих правил, от нудных речей епископа, от «тяжести сердца» (СВ191) [15, с. 268], страха смерти в маленький уютный мир таверны, мир «вверх дном».

Если Деций и Фортуна будут милостивы к ваганту, если в кармане у него найдется монета на кубок вина, а девица проявит к нему

интерес, то, стало быть, он сможет немного отдохнуть и порадоваться, сидя в таверне, прежде чем продолжит свой тернистый путь.

Заключение

Приведенные примеры демонстрируют, что застольные песни «*Carmina Burana*» создают свою особую версию мира, искаженное отражение реальности, в котором основные явления христианского учения и церковного быта заменяются пародийными дублетами.

Таверна изображается как Церковь пьяниц, где не нужно поститься и рано вставать. Настоящим счастьем провозглашается бродяжничество и жизнь за счет чужого гостеприимства, но под этим понимается не скромное подавание, а изобилие еды и питья.

В таверне есть свои боги — Вакх, Деций и Венера — главным из которых является, конечно, Вакх. Именно он чаще всего сопоставляется с Христом. Функции христианского Бога — карающего и милующего одновременно — раздваиваются. В таверне в роли благого, дарующего радость и счастье бога выступает Вакх, тогда как Децию скорее отведена роль грозного и карающего божества.

Таверна является особым локусом, формирует свое художественное пространство, которое, с одной стороны, может показаться замкнутым и ограниченным стенами самой таверны, но на самом деле является предельно открытым: сама по себе вагантская жизнь предполагает непрерывное путешествие, в котором таверны — это точки на воображаемой карте, соединенные бесчисленными следами школярских башмаков. Когда поэт пишет об очередном кабаке, он не считает нужным указывать город или регион, в котором тот находится, потому что это пространство универсально. Нет нужды упоминать и наречие, на котором там говорят, ведь есть единый европейский язык, который используют в любой стране — латынь. Вагантская поэзия — это поэзия ученая, она рассчитана на образованного читателя, но это вовсе не означает, что явления, которые она описывает, так же элитарны, как и повествующие о них тексты. Наоборот, таверна является универсальным пространством не только географически, она универсальна и по составу людей, посещающих ее.

Вагантские тексты отражают одну из средневековых коцепий времени — христианское, линейное время, т. е. движение от сотворения мира к Страшному суду. Эти события не упоминаются напрямую в текстах анализируемых песен, идея движения от начала к концу выражается в сборнике иначе — во многих стихотворениях проскальзывает тема смерти. Вместе с тем трактирное время не вполне тождественно церковному. Главное отличие состоит в том, что

в таверне оно как бы не движется. Время линейно, оно как большая дорога: на ней нельзя повернуть назад, а на горизонте неизбежно маячит смерть. В этом смысле таверна стоит как бы на обочине этой дороги, уставший путник может заглянуть туда ненадолго и, пока он там, смерть его не пугает.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. *Бозций.* «Утешение Философией» и другие трактаты / сост., ред. и вступ. ст. Г.Г. Майорова. М.: Наука, 1990. 414 с.
3. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
4. *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья. М.: Наука, 1988. 344 с.
5. *Зотов С., Майзульс М., Харман Д.* Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии. М.: АСТ, 2019. 482 с.
6. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. под ред. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
7. *Поэзия вагантов* / подг. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1975. 606 с.
8. *Преподобный Анастасий Синаит.* Избранные творения / вступ. ст., пер. и коммент. И.А. Сидорова. М.: Паломник, 2003. 480 с.
9. *Святой Ипполит, епископ Римский.* О Христе и антихристе. СПб.: Библиополис, 2008. 400 с.
10. *Словарь средневековой культуры* / под ред. А.Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 632 с.
11. *Тахо-Годи А.А.* Дионис // Большая российская энциклопедия: в 36 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 9. С. 30–31.
12. *Шафф Ф.* История христианской церкви: в 7 т. СПб.: Библия для всех, 2008. Т. 4: Средневековое христианство / пер. О.А. Рыбаковой. 510 с.
13. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона:* в 86 т. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. Т. 31. 495 с.
14. *Bayless M.* Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1996. 425 p.
15. *Carmina Burana:* in 2 vols. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2018. Vol. 2 / ed. and trans. by D. Traill. 794 p.
16. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum:* in 107 vols. Vindobona: Apud C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1871. Vol. 3: S. Thasci Caecili Cypriani Opera omnia / resc. G. Hartel. 462 p.
17. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum:* in 107 vols. Vindobona: Hoelder-Pichler-Tempsky, 1960. Vol. 75: Benedicti regula / resc. R. Hanslik. 376 p.
18. *Cowell J.A.* Tavern, Inn, Brothel: The Semiotics of Profit and Desire in Thirteenth-century Urban France. Berkley: Univ. of California, 1993. 596 p.

19. New Testament Apocrypha: in 2 vols. Louisville, Ky.: Westminster John Knox Press, 2003. Vol. 2: Writings relating to the Apostles, Apocalypse and Related Subjects / ed. by W. Schneemelcher. 784 p.
20. Paoli G. La Taverne au Moyen Age: Arras et l'espace picard, thèse soutenue à l'Université de la Sorbonne Nouvelle en 1987 (non éditée). 1085 p.
21. Schaller D. Carmina Burana // Lexikon des Mittelalters: in 9 bd. München; Zürich: Artemis-Winkler, 1983. Bd. 2. S. 1512–1515.
22. Walsh P.G. Thirty poems from the Carmina Burana. London: Bloomsbury Academic, 1976. 142 p.

Research Article

The Church of Drunkards: Tavern in Goliardic Poetry

© 2022. Natalia M. Dolgorukova, Kseniia V. Babenko
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant no. 2-00-067).

Abstract: Goliardic poetry is an extraordinary phenomenon of medieval literature. These texts were treated in many different ways, i. e. as a historical source of social and class relationships of medieval society, or as a part of the church, university, or marginal culture history. However, few scholars are inclined to perceive them as literature. This work is focused on the section of drinking and gambling songs from *Carmina Burana*, most famous goliardic manuscript. It traces a common trend in the descriptions of the tavern and its inhabitants to outline some specific system applicable for those descriptions. Goliardic songs are analyzed not only in connection with each other, but also in the context of official church literature and Holy Scripture. The study revealed that the tavern in goliardic poems is presented both as a parodic analogue of the Church and as its opposite: almost every phenomenon of church life in goliardic texts is rethought and replaced by a parody doublet (prayers — toasts, Bacchus — Christ, liturgical wine — profane wine). The results of this work is applicable to better understanding of the medieval people's mentality and reconstruction of daily life in Western Europe of the Middle Ages.

Keywords: Bakhtin, vagants, goliards, tavern, parodia sacra.

Information about the authors: Natalia M. Dolgorukova — PhD in Philology, Docent, National Research University Higher School of Economics, Miasnitskaia 11, 101000 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5553-0581>

E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Kseniia V. Babenko — Independent researcher, National Research University Higher School of Economics, Miasnitskaia 11, 101000 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9101-2098>

E-mail: kseniya.babenko@gmail.com

For citation: Dolgorukova, N.M., Babenko, K.V. “The Church of Drunkards: Tavern in Goliardic Poetry.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 142–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-142-162>

References

1. Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednekov'ia i Rennansa [Rabelais and His World]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
2. Boethius. “*Uteshenie Filosofiei*” i drugie traktaty [*On the Consolation of Philosophy and Other Treatises*], ed. by G.G. Maiorov. Moscow, Nauka Publ., 1990. 414 p. (In Russ.)
3. Gurevich, A.Ia. *Srednekovyi mir: kul'tura bezmolstvuiushchego bol'shinstva [Medieval World: Culture of the Silent Majority]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 396 p. (In Russ.)
4. Darkevich, V.P. *Narodnaia kul'tura srednekov'ia [Folk Culture of the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 344 p. (In Russ.)
5. Zotov, S., Maizul's, M., Kharman, D. *Stradaiushchee Srednekov'e. Paradoksy khristianskoi ikonografii [Suffering Middle Ages. Paradoxes of the Christian Iconography]*. Moscow, AST Publ., 2019. 482 p. (In Russ.)
6. Le Goff, Jaques. *Tsivilizatsiia srednekovovogo Zapada [Eastern Medieval Civilization]*, trans. from French under the editorship of V. Babintsev. Yekaterinburg, U-Factoria Publ., 2005. 560 p. (In Russ.)
7. Gasparov, M., editor. *Poeziia vagantov [The Poetry of Goliards]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 606 p. (In Russ.)
8. Anastasius Sinaita. *Izbrannye tvoreniia [Selected Works]*, introd., trans. and comm. by I.A. Sidorov. Moscow, Palomnik Publ., 2003. 480 p. (In Russ.)
9. Hippolytus of Rome. *O Khriste i antikhriste [About Christ and Antichrist]*. St. Petersburg, Bibliopolis Publ., 2008. 400 p. (In Russ.)
10. Gurevich, A.Ia., editor. *Slovar' srednekovoi kul'tury [Dictionary of the Medieval Culture]*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2003. 632 p. (In Russ.)
11. Takho-Godi, A.A. “Dionis” [“Dionysus”]. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia: v 36 t. [Great Russian Encyclopedia: in 36 vols.]*, vol. 9. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 30–31. (In Russ.)
12. Shaff, Philip. *Istoriia khristianskoi tserkvi: v 7 t. [The History of the Christian Church: in 7 vols.]*, vol. 4: Srednekovoe khristianstvo [Medieval Christianity], trans. by O.A. Rybakova. St. Petersburg, Bibliia dlia vsekh Publ., 2008. 510 p. (In Russ.)
13. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. [Brokgauz and Efron's Encyclopedic Dictionary]*, vol. 31. St. Petersburg, Tipo-Litografiia I.A. Efrona Publ., 1895. 495 p. (In Russ.)
14. Bayless, Martha. *Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1996. 425 p. (In English)
15. Traill, David, editor. *Carmina Burana: in 2 vols.*, vol. 2. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2018. 794 p. (In English)
16. Hartel, Wilhelm, editor. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum: in 107 vols.*, vol. 3: S. Thasci Caecili Cypriani Opera Omnia. Vindobona, apud C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1871. 462 p. (In Latin)

17. Hanslik, Rudolf, editor. *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum: in 107 vols.*, vol. 75: *Benedicti regula*. Vindobona, Hoelder-Pichler-Tempsky, 1960. 376 p. (In Latin)
18. Cowell, James Andrew. *Tavern, Inn, Brothel: The Semiotics of Profit and Desire in Thirteenth-century Urban France*. Berkley, Univ. of California, 1993. 596 p. (In English)
19. Schneemelcher, Wilhelm, editor. *New Testament Apocrypha: in 2 vols.*, vol. 2: *Writings relating to the Apostles, Apocalypse and Related Subjects*. Louisville, Ky., Westminster John Knox Press, 2003. 784 p. (In English)
20. Paoli, Guy. *La Taverne au Moyen Age: Arras et l'espace picard*, thèse soutenue à l'Université de la Sorbonne Nouvelle en 1987 (non éditée). 1085 p. (In French)
21. Schaller, Dieter. *Carmina Burana. In Lexikon des Mittelalters: in 9 bd.*, bd. 2. München, Zürich, Artemis-Winkler, 1983. S. 1512–1515. (In German)
22. Walsh, Patrick Gerard. *Thirty poems from the Carmina Burana*. London, Bloomsbury Academic, 1976. 142 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 28.05.2022
Одобрена после рецензирования: 11.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 28.05.2022
Approved after reviewing: 11.07.2022
Date of publication: 25.09.2022

Голгофа*

© 2022, И.З. Сурат

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена теме распятия в русской лирике XIX–XXI вв., в ней рассмотрено пять стихотворений, по-разному представляющих поэтический образ Голгофы. При анализе «Мирской власти» А.С. Пушкина выявлена лексическая связь стихотворения с молитвами и богослужебными текстами. Стихотворение А.А. Блока «Когда в листве сырой и ржавой...» рассмотрено в двух ракурсах: в ряду других его христологических стихов и на фоне общесимволистской тенденции к эротизации христианских образов. Показано, что тема со-распятия органична для Блока, что она вызревала постепенно в его лирике 1900-х гг. Стихотворение О.Э. Мандельштама «Неумолимые слова...» анализируется в контексте его лирики 1910-х гг., а также в сопоставлении с более поздней вариацией образа в стихотворении «Как светотени мученик Рембрандт...». «Материнская проекция» темы Голгофы рассмотрена на примере стихотворения В.В. Набокова «Мать», отрывков из поэмы А.А. Ахматовой «Реквием» и стихотворения И.А. Бродского «Натюрморт». Экфрастические версии евангельского сюжета представлены стихотворением Ел.А. Шварц «Офорт Рембрандта — Христос и разбойники».

Ключевые слова: русская поэзия, Голгофа, Пушкин, Блок, Мандельштам, Набоков, Ел. Шварц.

Информация об авторе: Ирина Захаровна Сурат — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

Для цитирования: Сурат И.З. Голгофа // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 163–194. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-163-194>

* Глава из книги «Мотивы русской лирики»; другие главы напечатаны в журналах «Новый мир» (2006, № 11; 2007, № 4; 2009, № 1; 2018, № 6, № 11; 2019, № 5, № 11; 2020, № 3; 2021, № 10; 2022, № 3), «Знамя» (2018, № 11), «Урал» (2019, № 8).

Евангельские сюжеты всегда питали и продолжают питать русскую поэзию. Мы будем говорить здесь о главном из них — о сюжете распятия. Следуя по хронологии от Александра Пушкина к Иосифу Бродскому, вспоминая стихи Александра Блока и Владислава Ходасевича, Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама, Арсения Тарковского и Юрия Левитанского, Сергея Стратановского и Елены Шварц, можно увидеть, как менялось проживание евангельских страстей в поэтическом слове, как событие Голгофы у разных поэтов то приближалось, то отодвигалось далеко в историю, то переносилось в будущее, то совмещалось с темой любовной страсти, то оказывалось метафорой творчества.

Александр Пушкин. Мирская власть

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? —
Иль мните важности придать Царю Царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

5 июля 1836¹

¹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. [М.; Л.]: Изд-во Академии наук, 1948. Т. 1. Ч. 1. С. 417.

Стихотворение не доработано, правка текста не завершена, 5 строка осталась неполной — Пушкин вначале написал: «Стояли бледныя, две слабыя жены», но потом зачеркнул эпитеты, ничем их не заменив. Стихотворение, видимо, предназначалось к публикации (в автографе над текстом проставлена цифра «IV», означающая место в составе гипотетического цикла), однако не было напечатано не только при жизни Пушкина, но и в последующие десятилетия, — по цензурным причинам [5, с. 551].

В историко-литературном плане соединение религиозного сюжета с социальной инвективой воспринимается как поздний рефлекс декабристской гражданской поэзии в духе Федора Глинки или Вильгельма Кюхельбекера — Пушкин поддержал было эту линию в «Пророке» (1826), но в окончательном варианте стихотворения (без последней строфы, о которой известно от ряда мемуаристов) убрал политическую инвективу и тем радикально изменил первоначальный замысел. В стихотворении «Мирская власть» (1836) тон другой, и горизонтальный контекст у него совсем другой, — это контекст условного «духовного цикла 1835–1836 гг.» (определение Е.А. Тоддеса [16, с. 53]), к которому, кроме «Мирской власти», относятся «Странник», «На Испанию родную...», «Чудный сон мне Бог послал...», «Когда владыка ассирийский...», «Отцы пустынники и жены непорочны...», «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», «Подражание италиянскому». Эти стихи объединяет тема христианских ценностей и попытка соотносить с ними личную духовную жизнь и внешнюю реальность, в частности — устройство верховной власти (напомним о теме милости в близких по времени «Капитанской дочке» и «Пире Петра Первого»).

В «Мирской власти» сопоставлены две картины, одна — из прошлого, другая — из настоящего времени. Первая картина — собственно распятие, поэт как будто видел его своими глазами, как будто сам он был свидетелем того, что с опережением названо в первом стихе «великим торжеством», хотя речь идет еще о крестной муке, — пренебрегая хронологией евангельских страстей, Пушкин говорит сразу о самой сути события. Слово «Божество» в этом контексте звучит не слишком убедительно для современного читателя — в современном русском языке оно обычно относится к языческим богам или употребляется в переносном значении. В языке Пушкина и пушкинского времени было не так — слово «Божество» употреблялось в том числе и как синоним слова «Бог» в христианском его понимании.

Соединение в одном контексте эпитетов «животворящий» и «честный» в применении к кресту («древу») — отсылает к одной

из самых известных православных молитв, читаемой в опасности и на сон грядущим: «...радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад шедшаго и поправшаго силу диаволу, и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь», или, в краткой версии: «Огради мя, Господи, силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста, и сохрани мя от всякаго зла». Пушкин в третьем стихе написал сначала: «таинственного древа», но зачеркнул и исправил на «животворяща» [5, с. 550–551], намеренно усилив связь своего стихотворения с молитвой, с церковной традицией. Напомним, что с молитвой прямо связано и стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны...», написанное тогда же, в июле 1836 г.

О других источниках «Мирской власти» можно говорить не так уверенно. Картина распятия, воссозданная Пушкиным, не совпадает ни с одним из евангельских рассказов, ближе всего она соотносится с Евангелием от Иоанна, согласно которому возле креста стояли не «две жены», а три: «Мать Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина» (Ин 19: 25), согласно трем другим Евангелиям, женщины стояли вдаль, среди них Мария Магдалина упомянута, а Богородица — нет. Пушкинское достаточно конкретное описание позволяет предположить какой-то конкретный визуальный образец — скорее всего, это трехфигурный вариант иконы распятия с Богородицею и Иоанном Богословом, распространенный в русской традиции. Вероятно, Пушкин принимал безбородого длинноволосого юношу Иоанна на иконе за Марию Магдалину [2, с. 119]; важнее однако не ошибка Пушкина, не точность воспроизведения им иконописного сюжета, а самый смысл его экфрасиса: в стихотворении у креста уравниваются в своей «неизмеримой печали» «Мария-грешница» и «пресвятая дева», и дальше обе они объединяются под именем «жен святых» — так Пушкин лаконичными средствами поэтического языка закрепляет определенные ценностные представления поверх евангельского источника.

В лексико-грамматической структуре стихотворения преобладают две тенденции: нарочитая, сгущенная архаизация текста («честнаго», «градскаго», «зрим», «копию», «мните»)² и риторические приемы оформления поэтической мысли — 12 стихов из 22-х

² Подробный стилистический анализ см.: [3, с. 194–202].

представляют собой серию риторических вопросов, обнажающих нелепость, абсурдность того, что поэт непосредственно видит перед собой и что он сопоставляет с евангельскими рассказами о распятии.

Относительно того, что он видит и что предъявляет читателю, высказывались разные предположения. Среди них единственно правдоподобным выглядит объяснение П.А. Вяземского: стихи эти, «вероятно, написаны потому, что в Страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах у плащаницы»³. Пушкин наверняка ходил в Казанский собор на службы Страстной недели в марте 1836 г. (он жил тогда неподалеку, в доме Баташева) — об этом свидетельствует уже упомянутое стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» с парафразой молитвы Ефрема Сирина, которую «священник повторяет / Во дни печальные Великого поста». Как пишет В.П. Старк, «только одна молитва повторяется в течение всего Великого поста, во все дни недели, кроме субботы и воскресенья, — это молитва Сирина», «ни в какие другие дни года, кроме дней Великого поста, эта молитва на службах не произносится» [15, с. 196]. В те великопостные дни Пушкин и мог видеть часовых у плащаницы — в «Мирской власти» они превращены в часовых у креста. Для понимания этих стихов неважно, что в реальности охраняли часовые в Казанском соборе — крест или плащаницу; важнее другое — под впечатлением от увиденного Пушкин создает новую, поэтическую реальность, в которой эта деталь приобретает символический смысл.

Находясь на Страстной неделе, и в частности в Страстную пятницу, в храме, участвуя в службе, человек слышит подробный евангельский рассказ о распятии и погружается в переживание тех событий. От лица такого человека и написана «Мирская власть». Эта точка зрения закреплена стилистически — поэт говорит языком, приближенным к языку богослужебных текстов и отрывков из Евангелия, читаемых во время службы. В пушкинских описаниях отчетливо слышны их отголоски, так, «терние», «гвозди», «копии» упоминаются во время пятничной службы десятки раз, тогда же звучит и сочетание «животворяще древо»⁴. Стихотворение построено на ощущении острого диссонанса между тем, что поэт слышит в храме, и тем, что он видит перед собой. На словесном уровне этот диссонанс передан столкновением церковнославянского пласта лексики и фразеологии с контрастным ему

³ Князь Вяземский и Пушкин / публ. Н. Барсукова // Старина и новизна. М.: Синодальная тип., 1904. Кн. 8. С. 39.

⁴ Службы Страстной седмицы Великого поста. М.: Московская патриархия, 1994. 358 с.

«бытовым» словесным рядом — «в ружье и кивере», «казенная поклажа», «воров или мышей».

В советское время возобладала социальная трактовка «Мирской власти», повод к ней дают последние стихи — в сильной финальной позиции у Пушкина оказывается противопоставление «гуляющих господ» и «простого народа». В стихотворении видели «негодующий протест, против грубого вмешательства военно-полицейской силы во внутренний мир человека и — еще более — протест против отрицания со стороны самодержавной власти человеческих прав “простого народа”» [5, с. 554]. В свободном западном литературоведении сформулировано другое мнение: Пушкин в «Мирской власти» «противопоставляет драму Распятия ложному ритуалу официальных Церквей» [12, с. 349], но и эта формулировка нуждается в уточнении.

Главная оппозиция стихотворения — оппозиция подлинного и мнимого: подлинно прежде всего само событие Голгофы, но также подлинным оказывается переживание евангельской истории поэтом, — именно это переживание наполняет стихи смыслом, оно передается через лексику, интонацию и всю ткань стиха (надо сказать, что раньше, вплоть до 1835–1836 гг. подобные переживания в лирике Пушкина не встречались). С этой точки зрения мнимой кажется поэту сегодняшняя реальность — в ней он видит профанацию подлинного события. «Мните» — знаковое слово, и важно понять, к кому, собственно, оно относится, к кому обращает поэт недоуменные риторические вопросы. Под именем «мирской власти» неразлично слиты здесь власть государственная, грубо вторгающаяся в религиозное таинство, но вместе с ней и церковь, принимающая такое вторжение. И хотя стихотворение названо «Мирская власть», пафос его направлен на утверждение истинной, духовной власти на фоне социальных институций, стремящихся эту власть подменить собой. Противопоставление двух властей восходит к Евангелию: «Царство мое несть от мира сего» (Ин 18:36) [2, с. 119], но у Пушкина оно звучит и развивается не как цитата, а как глубоко личная, лирическая тема.

Мирская власть в целом поставлена поэтом под сомнение с точки зрения христианской — отсюда освобождающая сила этих стихов, и в таком ракурсе видна их связь с написанным в тот же день (5 июля 1836 г.) стихотворением «(Из Пиндемонти)», в котором развернута тема свободы человека от любых общественных установлений.

Александр Блок

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалеет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывёт в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на Нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

3 октября 1907⁵

Стихотворение входит в цикл «Осенняя любовь», включенный Блоком во вторую книгу собрания стихов; в составе цикла оно попадает в контекст любовной темы, что создает дополнительные смысловые обертоны, не различимые при изолированном чтении. Сюжет стихотворения отнесен в будущее и имеет визионерский характер: лирический герой видит себя распинаемым на кресте (строфы 1–2), затем будущее сменяется настоящим (строфа 3), лирический герой вживается в свое видение и дальше говорит уже с креста. Центральное событие стихотворения — встреча страдающего на кресте героя со Христом; сама возможность такой встречи определяется положением героя: высота распятия и «кровь предсмертных слез» дают ему дальнейшее зрение и возможность видеть плывущего в челне

⁵ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 2. С. 263.

Христа, — плывущего именно к нему, к распятому. В описании Христа (строфа 4) есть некоторая двусмысленность: «В глазах — такие же надежды, / И то же рубище на нем» — такие же, какими они описаны в Евангелии, или такие же, как у него самого? Лексический повтор указывает на второе: стих первого катрена «Вобьет в ладонь последний гвоздь» откликается в 4-й строфе: «Ладонь, пробитая гвоздем» — распятие уравнивает героя со Христом, и, более того, пробитая ладонь Христа ему кажется жалкой; превосходительная позиция закреплена финальным стихом: «К моей распятой высоте». При этом в последней строфе высказано сомнение в возможности желанной встречи.

Итак, лирический сюжет стихотворения несет мысль о том, что сораспятие обещает герою встречу со Христом. Эта общехристианская мысль, органичная для Блока, вызревала постепенно в его лирике середины 1900-х гг.; наиболее прямо она выражена в стихотворении 1905 г.:

Евгению Иванову

Вот он — Христос — в цепях и розах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот Агнец Кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо.
Но Лик и синее небо — одно.

Единый, Светлый, немного грустный —
За Ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего Ока,
Пока не станешь сам как стезя...

Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой овраг,

Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый злак.

10 октября 1905⁶

Сам Блок пояснил, что «стихотворение навеяно теми чертами русского пейзажа, которые нашли себе лучшее выражение у Нестерова»⁷. Христос у Блока сливается с этим русским пейзажем, с синим небом, превращается в «синее Око» (ср. с названием иконы «Спас Ярое Око»), путь к нему лежит через самоуничтожение и в конечном итоге через смерть. Андрей Белый в рецензии на блоковский сборник «Нечаянная радость» назвал блоковского Христа «оборотнем», опираясь на это и на другое стихотворение сборника — «Старушка и чертенята» (1905):

И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль:
«Ты прости нас, старушка ты божия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа»⁸.

«Здесь рыскает леший, а Блок увидел “своего полевого Христа”. Не надо нам полевых Христов. Христос Бог да сохранит нас от таких пришествий!» — восклицает он по поводу этих строк, и дальше: «Страшно, страшно, идти больше некуда в отчаянии, когда и в “Нечаянной Радости” <...> из огорода капустного приходит к поэту все тот же оборотень “Единый, Светлый — немного грустный”...»⁹. Андрея Белого десакрализованый, «полевой» и «огородный» Христос пугает и отталкивает, а Блок гораздо свободнее в своем личном восприятии и личном отношении к Христу, который в его стихах оказывается таким, каким он нужен — для каждого свой. Вспомним:

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 402.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ *Белый Андрей*. Арабески. Книга статей. М.: Мусарет, 1911. С. 461, 462.

Задебренные лесом кручи:
 Когда-то там, на высоте,
 Рубили деды сруб горячий
 И пели о своем Христе.

.....
 И капли ржавые, лесные,
 Родясь в глуши и темноте,
 Несут испуганной России
 Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1907 – 29 августа 1914¹⁰

«Деда»-староверы строят себе срубы для самосожжения и поют о своем «сжигающем Христе», ради которого они идут на добровольную мученическую смерть; а для самого поэта «свой Христос» — тот, кто плывет к нему, распятому, в челне «по реке широкой» (заметим, что в ряду этих поэтических метаморфоз не так уж неожиданно выглядит Христос как предводитель красногвардейцев в финале поэмы «Двенадцать»).

Андрей Белый заключает свои наблюдения над образами Блока тревогой о «путях жизни» поэта¹¹. Действительно, тема Христа в его стихах связана с преследовавшим его ощущением близкой гибели, которое хорошо описал Корней Чуковский по опыту личного общения с Блоком [18, с. 159–161], — это ощущение непосредственно переживаемой гибели и воплотилось в стихотворении о собственном распятии.

Но кроме поэта и Христа есть в этих в стихах третий герой, неизменно важнейший герой лирики Блока, — родина, «родной простор». «Пред ликом родины суровой» изнемогает на кресте лирический герой стихотворения. Родина и Христос наделяются у Блока общими чертами нищеты и смиренности: Христос ему является в «рубище», родина — в «лохмотьях» («Русь», 1906), и по существу это две проекции единого образа. То же сближение находим у Ф. Тютчева в его знаменитом «Эти бедные селенья...» (1855), где родина и Христос не просто уподоблены, но неразличимо слиты.

Однако напомним, что блоковское стихотворение о распятии входит в цикл с названием «Осенняя любовь», и третье стихотворение цикла — эротическое:

¹⁰ Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 3. С. 248.

¹¹ Белый Андрей. Арабески. Книга статей. С. 463.

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отратно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

А финальная строфа этих стихов о страстной любовной встрече возвращает сюжет цикла к его начальной, смертной теме:

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои¹².

Распятие и страсть совмещаются и замыкаются в общий сюжет, и в лирике Блока такой пример не единственный — в стихотворении того же 1907 г. «На снежном костре» (из сборника «Снежная маска») на кресте горит «рыцарь милый», а героиня поет ему песни любви:

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?¹³

Вообще, образ Христа в лирике Блока вырастает из культа Прекрасной Дамы: «Я в лучах твоей туманности / Понял юного Христа» («Ты была светла до странности...», 1902), так что некоторая эротизация этого образа не кажется неожиданной, однако эротизация собственно распятия (или во всяком случае появление темы распятия в эротическом контексте) — это уже радикальное наступление на границы сакрального, отмена этих границ. Все это показательно для «нового религиозного сознания» рубежа веков, в русле которого формировался Блок. «Старые критерии для отличения христианского от антихристианского или хотя бы религиозного от антирелигиозного отменялись, новых не давалось, кроме все того же: “гори!” Поэтому для символизма в некотором смысле все — религия, нет ничего, что не было бы религией (то есть, выражаясь более трезво, нет ничего, что не поддавалось бы религиозной стилизации по некоторым правилам игры). Эротический экстаз можно было отождествить

¹² Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. С. 265.

¹³ Там же. С. 252.

с мистическим (“путь в Дамаск”), а боготворчество включить в систему религиозной топики», — так сформулировал особенности символистской религиозности С.С. Аверинцев [1, с. 25].

У других символистов страсти любовные и страсти Христовы сближаются еще решительнее, чем у Блока, вплоть до прямого отождествления, как в стихотворении «Пытка» Валерия Брюсова (1901):

Эта боль не раз мной испытана,
 На кресте я был распят не раз,
 Снова кровью одежда пропитана
 И во взорах свет солнца погас.

 О, приди, без улыбки, без жалости,
 Снова к древу меня пригвозждать,
 Чтоб я мог в ненасытной усталости
 Снова руки твои целовать¹⁴.

Более тонко соотнесены любовь и крестная мука у Андрея Белого («Там... в низинах... ждут с верой в денницу...», 1901) и у раннего Владислава Ходасевича («Опять во тьме. У наших ног...», 1907)¹⁵; так или иначе во всех названных случаях распятие переживается героем от первого лица в прямой связи с любовной темой — дерзость, невозможная для поэта предшествующих литературных эпох.

Осип Мандельштам

Неумолимые слова...
 Окаменела Иудея,
 И, с каждым мигом тяжелея,
 Его поникла голова.

Стояли воины кругом
 На страже стынувшего тела;
 Как венчик, голова висела
 На стебле тонком и чужом.

¹⁴ Брюсов Валерий. *Urbi et Orbi*. Стихи 1900–1903. М.: Скорпион, 1903. С. 88.

¹⁵ Эти параллели отмечены П.Ф. Успенским [17, с. 64, 76].

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

*Лето 1910*¹⁶

Это стихотворение, как и ряд других стихов на религиозную тему, Манделъштам не включил в свой первый сборник «Камень»; по этому поводу С.С. Аверинцев писал: «...стыдливость возбраняла ему обнажать перед читателем свои переживания подобного рода; религиозная топика допускается у него при условии объективации, вывода из личной эмоциональной сферы. Злейший враг, которому объявлена война не на жизнь, а на смерть, — нескромность мистического чувства. В подходе к сакральному поэт может быть одически важен, как в “Евхаристии”, или охлажденно описателен, как в “Аббате”; но исключена даже тень страшного подозрения, что он — интимен» [1, с. 28]. Все так, но почему в таком случае оказалось возможным напечатать «Неумолимые слова...» в составе небольшой подборки в петроградском журнале «Голос жизни» (1915, № 25)? Ответ, кажется, прост: напечатанное и воспринимаемое отдельно, стихотворение никакой интимности в себе не содержит, но в контексте сборника эта интимность обнаруживается — множество нитей связывает его с другими, не религиозными стихами «Камня», написанными от первого лица.

И все же остережемся прямых суждений, вроде того, что высказано в книге В.В. Мусатова «Лирика Осипа Манделъштама»:

О тщетной попытке выйти в «космос» европейской, христианской культуры и о боязни возврата в лоно, из которого он вышел, говорило одно из самых мучительно-конфликтных стихотворений этого периода: «Неумолимые слова...» <...> Жертвенное погружение Христа в смерть означает одновременно и торжество «закона». <...> Евангельская коллизия обнаруживает здесь явную автобиографическую подоплеку. Стихи были рождены горестным сознанием несостоявшегося прорыва в европейскую духовную традицию [7, с. 49].

Ничего «мучительно-конфликтного» в этих стихах не чувствуется, как нет в них и «тщетной попытки выйти в “космос” европей-

¹⁶ Манделъштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. С. 273–274.

ской, христианской культуры», скорее наоборот: для их восприятия и понимания важно увидеть позицию внаходимости и как будто безучастности поэта.

Мандельштам не отождествляет себя с Распятием и не вносит в евангельский сюжет ничего стороннего — это отличает его стихотворение от цитированных выше сомнительных с религиозной точки зрения стихов Блока, Брюсова, Ходасевича. Но и собственно христианского у Мандельштама не много. В трех катренах он дает «классически строгий образ Распятия» [1, с. 28], его описание Голгофы обходится без крови, без страданий, без драматизма, его интонация ровна и бесстрашна. Стихотворение строится на развитии одного пластического образа — постепенно увядающего цветка, в этом образе акцентированы черты нежности, слабости, обреченности; по контрасту возникают важные для раннего Мандельштама темы тяжести и камня. Сюжет казни решается как коллизия тяжести и нежности, если воспользоваться антиномией, оформленной в более позднем стихотворении «Сестры тяжесть и нежность...» (1920). Тяжесть торжествует, закон убивает, распятый возвращается в «родимый омут» — «о Воскресении и искуплении нет и мысли», как пишет об этих стихах М.Л. Гаспаров¹⁷. На христианскую идею указывают лишь два слова: «окаменела» и «царствовал» — с приговором Христу Иудея окаменела, то есть потеряла жизненность (ср. позже в частично сохранившемся докладе с условным названием «Скрябин и христианство» 1915 г.: «Все римское бесплодно, потому что почва Рима камениста, потому что Рим — это Эллада, лишенная благодати»); распятый «царствует», согласно Евангелию, он Царь Царей, и при этом «никнет», — тема нисходящего движения проводится последовательно через все три строфы стихотворения. Карающий «закон» здесь отождествляется с Иудеей, с ней же связан и «омут», хотя это образ более сложный, объемный, меняющий свое наполнение в более поздних мандельштамовских стихах.

С «омута» начинаются два стихотворения того же 1910 г., включенные Мандельштамом в сборник «Камень»:

Из омута злого и вязкого
Я вырос, тростинкой шурша,
И страстно, и томно, и ласково
Запретною жизнью дыша.

¹⁷ Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 732 (комм.).

И никну, никем не замеченный,
В холодный и топкий приют...

И второе:

В огромном омуте прозрачно и темно,
И томное окно белеет;
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно тяжелеет?

То всею тяжестью оно идет ко дну,
Соскучившись по милом иле...

В обоих текстах «омут» — это исходная и конечная точка движения, лирический герой то вырастает из него, то вновь «никнет» в «топкий приют», «милый ил», собственное сердце «тяжелеет» и влечет его назад, на дно. Как видим, общий глубинный сюжет объединяет эти два стихотворения со стихами о распятии, с той разницей, что там он совмещен с евангельской историей. И еще с той разницей, что в стихах от первого лица речь идет скорее о попытках нового рождения, чем о смерти¹⁸. Юный Мандельштам находит поэтическую форму для самонаблюдений и параллельно проецирует этот опыт на картину Голгофы. В этих трех стихотворениях видим ранний пример, характерный для художественного мышления Мандельштама, — и позже, в лирике 1920–1930-х гг., будут случаи синхронной разработки какой-либо поэтической темы с вариациями в двух или трех близких текстах.

Но есть среди стихов 1910 г. и контрастная пара к стихотворению о распятии:

С.Я. Каблукову

Убиты медью вечерней
И сломаны венчики слов.
И тело требует терний,
И вера — безумных цветов.

Упасть на древние плиты
И к страстному Богу воззвать,
И знать, что молитвой слиты
Все чувства в одну благодать!

¹⁸ Детальный сопоставительный анализ трех стихотворений см.: [20, p. 50–53].

Растет прилив славословий —
И вновь, в ожиданьи конца,
Вином божественной крови
Его — тяжелеют сердца;

И храм, как корабль огромный,
Несется в пучине веков.
И парус духа бездомный
Все ветры изведать готов¹⁹.

Здесь многое определяется адресатом — Сергей Платонович Каблуков, секретарь Религиозно-философского общества в Петербурге и председатель его Христианской секции, был человеком глубоко православным и имел в это время некоторое влияние на Мандельштама. Стихотворение написано вскоре после их знакомства и отражает, вероятно, желание поэта как-то поэтически оформить духовную связь с новым старшим другом. При жизни Мандельштам этих стихов не печатал, окрасившая их религиозная экзальтация не свойственна его поэтической речи. Черты лексического сходства со стихотворением «Неумолимые слова...» давно отмечены [14, с. 102–104], но важнее различия: тема распятия здесь присутствует осколочно, в отношении к ней поэта не видим ни первого лица, ни третьего — это отношение выражено инфинитивами («упасть», «воззвать»), за неопределенной формой глагола стоит неопределенность авторского присутствия в сюжете, и в общем остается непонятным, насколько лирический герой готов «упасть на древние плиты» и разделить с молящимися в храме «прилив славословий».

В этих стихах впервые появляется вторая часть оппозиции «закон / благодать», известной Мандельштаму скорее всего со школьных лет из «Слова о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона — «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, а Благодать и Истина всю землю наполнили...» (древнерусскую литературу в Тенишевском училище изучали достаточно подробно). Позже слово «благодать» наполнится у Мандельштама личным опытом («В хрустальном омуте какая крутизна!», 1919), пока же оно звучит скорее как элемент поэтической риторики и, кажется, отражает не столько религиозный поиск и попытку самоопределения между иудаизмом и христианством, сколько поиск героя собственной лирики, — поиск того лица, от имени которого поэт говорит с читателем.

¹⁹ Там же. С. 271.

Поздний образ Голгофы у Мандельштама окрашен в совсем иные тона, чем в стихах 1910 г.:

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
И резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозою спят...

.....
4 октября 1937²⁰

Фактическую основу стихотворения раскрыла Надежда Яковлевна, связавшая его с картиной из Воронежского музея изобразительных искусств: «Рембрандтовская маленькая Голгофа, как и греческая керамика черно-красного периода — остаток богатств Дерптского университета, — находились тогда в воронежском музее, куда мы постоянно ходили»²¹; и в комментарии к этим стихам: «Картина Рембрандта находилась в Воронеже, сейчас она, кажется, в Эрмитаже. ОМ часто ходил ее смотреть»²². Здесь нужны два уточнения: на золоченой раме этой картины, которая и сегодня находится в экспозиции воронежского музея, крупно написано: «REMBRANDT», но автор ее — не Рембрандт, а Якоб Виллемс де Вет Старший (ок. 1610 – ок. 1671), Мандельштамы тогда не могли этого знать, и сюжет ее — не Голгофа, а шествие на Голгофу, несение креста. Но все это важно для истории текста, само же стихотворение имеет собственный сюжет — разговор поэта с Рембрандтом об искусстве в его отношениях с временем. Этот разговор ведется поэтом с креста, он обращен к «мученику», и таким же мучеником ощущает себя говорящий, на что указывает сильная деталь — «резкость моего горящего ребра», она прямо восходит к Евангелию: «...придя к Иисусу, как увидели его уже умершим, не перебили у Него голеней, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин 19:33–34).

Вторая деталь, создающая здесь картину Голгофы, — стража, охрана креста. Вокруг этой детали строится, напомним, сюжет пушкинской «Мирской власти», присутствует она и в мандельштамовской Голгофе 1910 г., но в стихотворении 1937 г. стража включена в отрицательную конструкцию: «не охраняется ни сторожами теми, ни

²⁰ Там же. С. 224.

²¹ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 244–245.

²² Мандельштам Н.Я. Третья книга. М.: Аграф, 2006. С. 403.

этим воином, что под грозою спят». Попытки привязать «сторожей» к теме политических репрессий, которым подвергался ссыльный Мандельштам, не выглядят убедительно [13, с. 87–88], да стихи и не требуют такой конкретизации. Важно, что власть внешней силы над распятым тут отрицается или, точнее, игнорируется — он свободен в своем крестном страдании. Мы говорим «он», но стихотворение написано от первого лица, поэт «прямо говорит о себе — “резкость моего горящего ребра” — и о своей Голгофе, лишенной всякого великолепия», — так пояснила эти стихи Надежда Яковлевна²³.

Владимир Набоков. Мать

Смеркается. Казнён. С Голгофы отвалив,
спускается толпа, виазь между олив,
подобно медленному змию;
и матери глядят, как под гору, в туман
увещавающий уводит Иоанн
седую, страшную Марию.

Уложит спать ее и сам приляжет он,
и будет до утра подслушивать сквозь сон
ее рыдания и томленье.
Что, если у неё остался бы Христос
и плотничал, и пел? Что, если этих слёз
не стоит наше искупленье?

Воскреснет Божий Сын, сияньем окружён;
у гроба, в третий день, виденье встретит жён,
вотще купивших ароматы;
светящуюся плоть ощупает Фома,
от веянья чудес земля сойдет с ума,
и будут многие распяты.

Мария, что тебе до бреда рыбарей!
Неосяземо над горестью твоей
дни проплывают, и ни в третий,
ни в сотый, никогда не вспрынет он на зов,
твой смуглый первенец, лепивший воробьев
на солнцепёке, в Назарете.

1925, Берлин [10, с. 196–197]

²³ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. С. 244.

«Мать» примыкает к ряду набоковских стихотворений первой половины 1920-х гг. о Святом семействе — «На Голгофе» (1921), «Легенда о старухе, искавшей плотника» (1922), «В пещере» (1924). Два последних фабульны — в полном соответствии с набоковскими представлениями о том, что «фабула так же необходима стихотворению, как и роману» [9, с. 640]. «Легенда о старухе...» повествует о том, как старуха в Назарете ищет плотника Иосифа, чтобы поправить свой старый почерневший домик, не застаёт его, вспоминает его юную жену, а вернувшись, обнаруживает свой домик обновленным, белым, сияющим; соседи пересказывают ей слухи о чуде в Вифлееме. «В пещере» — рассказ пастуха: в поисках заблудшей овцы он заглядывает ночью в вифлеемскую пещеру, видит плотника Иосифа и Марию с младенцем, а рядом — свою потерянную овцу. Оба эти сюжета явно связаны с апокрифами, но конкретные источники их не установлены. Два других стихотворения — «На Голгофе» и «Мать» — завершаются воспоминаниями о детстве Иисуса, восходящими к протоевангелиям, в обоих сюжет выстроен вокруг Голгофы, увиденной глазами Марии, — очевидно, что Набокова как-то по-особому волновала «семейная» сторона евангельской истории и особенно — трагедия матери, потерявшей сына. В первом стихотворении о Голгофе эта тема лишь намечена:

На Голгофе

Восходит благовоние сырое
 со дна долин, и в небе, над холмом,
 на трех крестах во мгле белеют трое...
 Там женщина, в унынии немом,
 на среднего, на черную вершину
 глядит, глядит... провидеть ей дано,
 что, в горький час, ее земному сыну
 всего живей вспомнилось одно...
 Да, — с умиленьем сладостным и острым
 (колени сжав, лицо склонив во мглу...)
 он вспомнил домик в переулке пестром,
 и голубей, и стружки на полу [10, с. 164].

Женщина и ее «земной сын» даже не названы в этих стихах, религиозная тема редуцирована, событие Голгофы полностью сведено к семейной трагедии. Главное происходит между матерью и сыном с их общими воспоминаниями.

Стихотворение 1925 г. звучит совсем иначе, материнская тема в нем заострена до парадокса, до нравственной дилеммы: с одной стороны — всеобщее спасение, с другой — горе одной конкретной матери, земной женщины, с которой солидаризируется поэт в этих стихах. Стоит ли спасение мира материнских слез? как тут не вспомнить «слезинку ребенка» Ивана Карамазова... Этот вопрос — на поверхности, а по существу речь идет о земном и небесном, что отражено в стройной двухплановой композиции стихотворения: в первом шестистишии дана картина Голгофы, описание страстей Христовых вмещено в два односложных предложения («Смеркается. Казнен»), все внимание переведено на мать, «седую, страшную Марию» — образ резкий, далекий от канонического; во втором шестистишии развивается новеллистический нарратив и формулируется главный вопрос о цене «искупленья»; в третьей строфе развернут, условно говоря, небесный план событий — история Воскресения Сына Божьего и последующих чудес; в четвертой строфе все это названо «бредом рыбаей» — ему противопоставлено огромное горе матери.

Финальные стихи — «твой смуглый первенец, лепивший воробьев / На солнцепеке в Назарете» — основываются на эпизоде из апокрифических «Евангелий детства»:

...Иисус взял ил из запруды, которую сделал, и слепил при народе двенадцать воробьев. Был день субботний, когда Он сделал их, и было много детей с Ним. И некоторые из иудеев видели, что сделал Он, и сказали Иосифу: или не видишь ты, Иосиф, что Младенец Иисус работает в день субботний, что недозволено Ему? Он сделал двенадцать воробьев, слепив из ила их. Тогда Иосиф укорил Иисуса: зачем делаешь Ты в день субботний то, что недозволено нам? Но Иисус, услышав Иосифа, ударил руками Своими и сказал воробьям: летите! И по велению этому они начали летать. И когда все были там и смотрели, и слушали, Он сказал птицам: идите и летайте по всему миру и по вселенной, и живите. Тогда все, кто были здесь и видели это чудо, были охвачены изумлением. Одни прославляли Его и удивлялись Ему; другие порицали Его. И некоторые пошли к первосвященникам и вождям фарисейским и поведали им, что Иисус, сын Иосифа, сотворил великое чудо и проявил великое могущество при всем народе израильском

(«Евангелие от псевдо-Матфея», тот же эпизод есть в «Евангелии детства от Фомы»²⁴).

²⁴ Указано М.Э. Маликовой [10, с. 562].

В протоевангелиях эта история описана в ряду чудес, явленных мальчиком Иисусом, а героиня Набокова вспоминает не о чуде оживших воробьев, а о своем сыне, который никогда не вернется. Его смерть на Голгофе разделяет их необратимо и проводит границу между небесным и земным — мать остается по эту сторону, и он навсегда для нее «смуглый первенец», который «не воспрянет» на зов, а не Божий Сын, который воскреснет. Сам же поэт удивительным образом совмещает две точки зрения, переходя от описания евангельских чудес к оценке «брёда рыбарей» — в последней строфе авторский голос сливается с голосом героини. В целом же стихотворение читается как семантическая инверсия поэтической формулы Ходасевича: «Земное, что о небесном знаешь ты?» («Искушение», 1921) — «Небесное, что ты знаешь о земном?»

Финал «Матери» имеет еще один источник — поэтический, также восходящий к протоевангелиям, — это стихотворение Ивана Бунина «Христос» (1907), позже получившее название «Новый храм». На него обратил внимание А.А. Долинин в связи с прилагательным «кубовый» в «Других берегах» — по мнению исследователя, это стихотворение «Набокову, безусловно, было отлично известно» [4, с. 340]. Оно завершается строфой о детских воспоминаниях Христа:

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит Он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

Совпадение с набоковским «на солнцепеке в Назарете» очевидно, но важнее другое — важнее сам поэтический ход, замыкающий стихи воспоминанием о детстве Иисуса, именно этот ход строит всю композицию обоих набоковских стихотворений о Голгофе. Совпадение не кажется случайным, если учесть особое внимание молодого Набокова к поэзии Бунина. Скорее, это пример прямого ученичества — вспомним, каких оценок удостоивал Набоков поэзию Бунина в 1920-е гг.: «Стихи Бунина — лучшее, что было создано русской музой за несколько десятилетий» [8, с. 672].

Через много лет Набоков дезавуировал свои ранние стихотворения на религиозные темы, утверждая, что «интерес к религии» для него «ограничивался литературной стилизацией»²⁵.

²⁵ *Набоков В.В.* Стихи. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 4.

Материнская проекция сюжета Голгофы получила развитие в позднейших стихах Анны Ахматовой и Иосифа Бродского. Последняя, перед эпилогом, часть ахматовского «Реквиема» (1935–1940) называется «Распятие»:

Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи.

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел²⁶.

Эпиграф — цитата из ирмоса 9-й песни канона Великой Субботы: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Его же во чреве без семени зачала еси Сына: встану бо и прославлюся...» и одновременно отсылка к иконе «Не рыдай Мене Мати», изображающей Христа во гробе и оплакивающую его Марию. В двух четверостишиях у Ахматовой дана как бы двусторчатая картина Голгофы — первый катрен отведен распятому, второй говорит о матери. Ее горе передано апофатически, двумя деталями: она молчит и никто на нее не смотрит — вспомним, у Набокова, наоборот, женщины провожают взглядом Марию. У Ахматовой горе матери выходит на первый план, она сораспята вместе с сыном — именно так (на фоне личных, биографических обстоятельств) воспринимаются эти строфы. Борис Зайцев, прочитав «Реквием», писал:

Я-то видел Ахматову «царкосельской веселой грешницей» и «насмешницей», но Судьба поднесла ей оцет Распятия. Можно ль было предположить тогда, в этой Бродячей Собаке, что хрупкая эта и тоненькая женщина издаст такой вопль — женский, материнский, вопль не только о себе, но и обо всех страждущих — женах, матерях, невестах, вообще обо всех распинаемых?²⁷

²⁶ Ахматова А.А. Requiem. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 310.

²⁷ Зайцев Б.К. Собр. соч.: в 11 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 9. С. 396.

Набокову и Ахматовой отвечает в большом резонантном пространстве русской поэзии заключительный фрагмент стихотворения Бродского «Натюрморт» (1971):

Мать говорит Христу:
— Ты мой сын или мой
Бог? Ты прибит к кресту.
Как я пойду домой?

Как ступлю на порог,
не поняв, не решив:
ты мой сын или Бог?
То есть, мертв или жив?

Он говорит в ответ:
— Мертвый или живой,
разницы, жено, нет.
Сын или Бог, я твой²⁸.

Оставив в стороне вопрос о месте этого фрагмента в семантической структуре большого стихотворения, посмотрим, на фоне предыдущих примеров, как строится сама картина Голгофы и диалог матери и сына. У Ахматовой мать стоит молча — у Бродского она вызывает к распятому, ставит перед ним главные вопросы, по существу это вопросы о земном и небесном, о жизни и смерти. В ответе сына с креста переиначены слова из Евангелия от Иоанна: «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Ин 19:26–27); песнопение «Не рыдай мене, Мати...» тоже отзывается в этих стихах, но суть их в другом: с Голгофы с силою последнего слова утверждается, что сыновство — превыше всего, что оно уничтожает границу жизни и смерти. В каком-то смысле это зеркальное отражение материнской Голгофы Набокова и Ахматовой; в более общем смысле тут звучит «тема любви как спасения» — так комментирует эти стихи Лев Лосев [6, с. 172].

²⁸ Бродский Иосиф. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд-во «Вита Нова», 2011. Т. 1. С. 319.

Елена Шварц. Офорт Рембрандта — Христос и разбойники

Распятые разбойники
Раскинув руки — как по канатам ринга
Друг против друга,
А между ними — Судья.

Или три птицы —
Феникс и два петуха бойцовых.
Темный как ястреб навис над светлым,
Рембрандт четвертою птицей
Вокруг Голгофы кружил.
Если иначе взглянуть —
Он — дерево Жизни, ель рождества
Ветви оттянуты тяжестью двух,
Тянут они к земле,
А Он — к небесам.

Я всегда забываю о них —
О распятых разбойниках,
Будто их не было вовсе.
А они недалеко — внутри
Правое — левое легкое —
Как левый и правый кат,
Друг против друга,
Во тьме розовея.
Висят.

2006 [19, т. V, с. 7]

Стихотворение связано с офортом Рембрандта «Христос на кресте между разбойниками» (1639) — это известно из дневниковых записей Елены Шварц апреля 2006 г.: «...была в Эрмитаже на выставке Рембрандта, которая, конечно потрясает. Особенно пейзажи и евангельские гравюры» (12 апреля); «На выставке гравюр Рембрандта есть одна поразительная — овальная, распятие. Но с такой странной точки зрения — сбоку, из-за спины разбойника. Два разбойника как будто висят в небе. Тот, что ближе — он и выше, друг против друга. А Христос слева. В стороне. Он похож, страшно сказать, на рефери, а разбойники — на двух борцов. Как три птицы» (16 апреля); «Написала стихотворение первый раз в жизни о картине, верней, об офорте Рембрандта. Живое» (19 апреля). И еще одна дневниковая запись помогает понять, какие чувства владели поэтом в те дни:

Страстная пятница. Идет дождь. И всегда в этот день какая-то тягость в воздухе. Хочется, чтобы Господь скорей воскрес. Мир без Бога. День смерти Бога. Как киевские язычники кричали тонушему идолу: «Выдубай Перуне, выдубай!» — так же хочется и Господу крикнуть — «Воскресай, Христе Боже наш, воскресай!» (21 апреля) [19, т. V, с. 132, 135, 136].

*Рембрандт. Христос на кресте между разбойниками (1639)
Rembrandt van Rijn. Christ crucified between the two thieves (1639)*

Офорт Рембрандта, так поразивший Елену Шварц, стал поводом для очень личного поэтического высказывания. Шварц не описывает стихами гравюру, а осмысляет сам сюжет, ищет образные эквиваленты для его восприятия. В стихотворении последовательно развивается четыре ряда ассоциаций, четыре вида Голгофы с тремя крестами, четыре трехфигурных композиции, передающие остроту запечатленной Рембрандтом трагедии, в которой мученическую смерть принимает не один Христос, а трое распятых. Во всех этих воображаемых картинах скрыт вопрос о смысле тройного распятия, о связи разбойников с Христом.

Первые две аналогии намечены уже в дневнике — борцы на ринге и птицы. Автору дневника «страшно сказать», что Христос похож «на рефери», а поэту ничего не страшно, но он находит сино-

ним для «рефери» — Судья, с большой буквы, — и этим переводит зрительную ассоциацию в метафизический план. Распятые разбойники у Рембрандта напоминают борцов тем, что обнаженные тела их с раскинутыми руками передают наивысшее напряжение сил. Тему борьбы развивает вторая картинка — петушиный бой, с Рембрандтом она связана лишь прилагательными «темный» и «светлый» — на офорте левый крест затемнен, а на правую фигуру падает свет. Христос назван «Фениксом» — это название породы петухов с длинными хвостами, одновременно это и птица-феникс, способная восставать из пепла, т. е. воскресать. В этой второй воображаемой картине с петухами есть место и самому Рембрандту, который, летая птицей вокруг Голгофы, увидел это все, чтобы потом запечатлеть.

Третья картина-метафора — традиционная: крест распятия как древо жизни, только у Шварц она осложнена тяжестью двух разбойников, тянущих древо к земле; здесь впервые в текст прорывается прямое лирическое Я: «Я всегда забываю о них, / О распятых разбойниках», — говорит поэт, притом что все стихотворение как раз о том, что распятых было трое. Последняя визуальная аналогия — это полная интериоризация картины: Голгофа оказывается у поэта внутри — не в плане духовном или душевном, а буквально внутри, в теле, говорящий физически сливается с тремя крестами, так что распятые разбойники ощущаются как левое и правое легкое, они «друг против друга, во тьме розовея, висят».

«Розовея» — первая и единственная краска в стихотворении; принятый внутрь монохромный офорт Рембрандта окрашивается в цвет человеческого тела. Третий распятый, Христос, уже не упоминается, все внимание перенесено на разбойников, и фигура умолчания позволяет читателю заполнить лакуну по своему усмотрению: что у человека между легкими? сердце? Разбойники названы «катами», то есть палачами, — Елена Андреевна Шварц в 2006 г. еще не знает, что через четыре года умрет от рака легких, но поэт уже знает всё. К финалу оказывается, что разбойники не просто уравнены с Христом в своей участи, а выведены в лирическом сюжете на первый план, при том, что они «каты», — гуманистическая мысль здесь нарочито заострена.

Физическое переживание Голгофы вплоть до полного телесного слияния с ней — предельное выражение эмпатии, главной движущей силы поэзии Елены Шварц. Ее стихи вообще помогают взглянуть на поэзию как на высшую форму эмпатии, — форму сочувствия миру, человеку, всему живому. Сострадание у Шварц не знает границ, в другом стихотворении о Голгофе — «Крест после распятия»

(2006) — оно распространяется и на сам крест, и на пень того дерева, из которого он был вырезан:

.....
А крест покинутый
Чернел, как бы сожженный,
Уже не помня, где его срубили, где пилили,
А кипарисный пень-отец по сыне тосковал,
Раскинув лапы и глубоко в землю вгрызшись.
А крест был ближе всех,
И он поддерживал страдающего Бога —
Сын-кипарис, Бог Сын, они слились
Божественным он прокален огнём
Кровь Бога светлая на нем.
Он помнит Его прикосновение
И тяжесть Бога,
А Бог — его шершавую древесность,
И жалость деревянную, и нежность.
И ночью видели — взошла луна
Она была крестом разделена.
Четыре красные куса,
Была разрезана она.
Когда случилось Воскресенье —
Крест вздрогнул и вспотел огнем,
И вдруг воскрес,
И вот он снова кипарис
В саду небес²⁹.

Не только крест проникается страданием Христа, но и Христос чувствует его, креста, «жалость деревянную и нежность»; как живой, страдает «кипарисный пень-отец», его «сын-кипарис», сторя, воскресает — поэт чувствует за всех, проникается всей болью мира. Страдание и сострадание с одной стороны и жестокость с другой — на этом перекрестье возникает тема Голгофы у Шварц: «Человек придет и срежет, потому что он жесток», — так поэт говорит о распятии в стихах, посвященных крещению Иисуса:

²⁹ Шварц Е.А. Китайская игрушка // Знамя. 2006. № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2983> (дата обращения: 01.06.2022).

Иоанн сжимает руку, будто уголь там, огонь,
И над Богом размыкает свою крепкую ладонь.
Будто цвет он поливает и невидимый цветок,
Кровь реки летит и льётся чрез него, как водосток.
Расцветай же, расцветай же, мой Творец и Господин,
Ты сгорал в жару пустынном, я пришел и остудил.
Умойся, освежайся, мой невидимый цветок,
Человек придёт и срежет, потому что он жесток.
Ты просил воды у мира и вернул её вином,
Кровью — надо человеку, потому что он жесток.

*«Воспоминание о фреске Фра Беато Анжелико
“Крещение” при виде головы Иоанна Крестителя
в Риме», 2002–2004 [19, т. III, с. 43]*

«Через эти строки просвечивает — оставаясь неназванным — и образ распятия, где склоненная голова Спасителя подобна венчику увядающего цветка. Так уже в Крещении прочитывается Крестная мука, и неслучайно стихотворение, в своем начальном импульсе, сохраненном в названии: “при виде головы Иоанна Крестителя в Риме” — отсылает не к радости купания в Иордани, но — к мученичеству», — пишет об этих стихах Антон Нестеров [11]. Тема Иисуса-цветка возвращает нас к образу увядающей лилии у Мандельштама («Неумолимые слова...»), только у Шварц метафора более жесткая: распятый Христос видится как срезанный цветок на фоне отрезанной головы Крестителя. Человек жесток и мир жесток, этому противостоит поэтическое слово и сама героиня поэзии Шварц с ее болью и сочувствием всему живому.

Из ближайших параллелей к разобранным стихам Елены Шварц назовем «Икону распятия» Анри Волохонского из книги «Известь» (1990) и стихотворение «Те кресты на Голгофе...» Сергея Стратановского из сборника «Смоковница» (2010).

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Манделъштама // *Манделъштам О.Э.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 5–64.
2. *Виролайнен М.Н.* «Мирская власть» // Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3. С. 117–120.
3. *Григорьева А.Д.* Язык лирики Пушкина 30-х годов // *Григорьева А.Д., Иванова Н.Н.* Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. 340 с.
4. *Долинин А.А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
5. *Измаилов Н.В.* Стихотворение Пушкина «Мирская власть» (Вновь найденный автограф) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1954. Т. XIII. Вып. 6. С. 548–556.
6. *Лосев Л.В.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008. 479 с.
7. *Мусатов В.В.* Лирика Осипа Манделъштама. Киев: Эльга-Н, Ника-Центр, 2000. 560 с.
8. *Набоков В.В.* Ив. Бунин. Избранные стихи // *Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2009. Т. 2. С. 672–676.
9. *Набоков В.В.* Новые поэты // *Набоков В.В.* Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2009. Т. 2. С. 640–644.
10. *Набоков В.В.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 674 с.
11. *Нестеров А.* Рим в четыре руки. Olga Martynova, Jelena Schwartz. Rom liegt irgendwo in Russland // Критическая масса. 2006. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2006/3/tim-v-chetyre-ruki.html> (дата обращения: 01.06.2022).
12. *Нива Жорж.* Пушкин: между просветительством и христианством // Континент. 1999. № 2 (100). С. 345–351.
13. *Полякова С.В.* «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. 384 с.
14. *Сегал Д.М.* Осип Манделъштам. История и поэтика: в 2 кн. М.: Водолей, 2021. Кн. 1. 816 с.
15. *Старк В.П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Наука, 1982. С. 193–203.
16. *Тоддес Е.А.* Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 760 с.
17. *Успенский П.Ф.* Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг.–1917). [Тарту], University of Tartu Press, 2014. 214 с.
18. *Чуковский К.И.* Александр Блок // *Чуковский К.И.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 5. С. 152–194.

19. Шварц Е.А. Сочинения. СПб.: Пушкинский фонд, 2002. Т. III. 352 с.; СПб.: Пушкинский фонд, 2013. Т. V. 410 с.

20. Freidin G. A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley etc.: University of California press, 1987. 422 P.

Research Article

Calvary

© 2022. Irina Z. Surat

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article is dedicated to the subject of the crucifixion in Russian lyric poetry of 19th–21st centuries. It studies five poems that present different images of Calvary. Analyzing A.S. Pushkin’s “Worldly power” we discover a lexical connection of the poem to prayers and liturgical texts. The poem “When rowan leaves are dank and rusting...” by A.A. Blok requires consideration from two angles: among his other Christological poems and in the light of a general among symbologists tendency of eroticizing Christian images. We demonstrate that the subject of co-crucifixion is natural for Blok, that it was slowly emerging in his lyric poetry of the 1900s. The article analyzes O.E. Mandelstam’s poem “The implacable words...” in the context of his lyric poetry of the 1910s, as well as in comparison to the later variation of the image (“Like chiaroscuro’s martyr Rembrandt...”). The research reveals “maternal projection” of the subject of Calvary on the example of the poem “Mother” by V.V. Nabokov, passages from A.A. Akhmatova’s poem “Requiem” and I.A. Brodsky’s poem “Still-life.” El.A Shvarts’s poem “Rembrandt’s etching — Christ and the thieves” represents ekphrastic versions of the biblical story.

Keywords: Russian poetry, Calvary, Pushkin, Blok, Mandelstam, Nabokov, El. Shvarts.

Information about the author: Irina Z. Surat — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

For citation: Surat, I.Z. “Calvary.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 163–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-25-163-194>

References

1. Averintsev, S.S. “Sud’ba i vest’ Osipa Mandel’shtama [“Osip Mandelstam’s Word and Destiny”]. Mandel’shtam, O.E. *Sochineniia: v 2 t. [Works: in 2 vols.]*, vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1990, pp. 5–64. (In Russ.)

2. Virolainen, M.N. “Mirskaiia vlast’.” [“Worldly Power”] *Pushkinskaia entsiklope-diia. Proizvedeniia* [*Pushkin Encyclopedia: Works*], issue 3. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 117–120. (In Russ.)
3. Grigor’eva, A.D. “Iazyk liriki Pushkina 30-kh godov” [“The Language of Pushkin’s Lyric of the 30s”]. Grigor’eva, A.D., Ivanova, N.N. *Iazyk liriki XIX v. Pushkin. Nekrasov* [*The Language of the Lyrics of 19th Century. Pushkin. Nekrasov*]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 340 p. (In Russ.)
4. Dolinin, A.A. *Istinnaia zhizn’ pisatel’ia Sirina: Raboty o Nabokove* [*The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)
5. Izmailov, N.V. “Stikhotvorenie Pushkina ‘Mirskaiia vlast’ (Vnov’ naidennyi avtograf)” [“Pushkin’s Poem ‘Worldly Power’ (The Newly Found Autograph)”]. *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 13, issue 6, 1954, pp. 548–556. (In Russ.)
6. Losev, L.V. *Iosif Brodskii: Opyt literaturnoi biografii* [*Joseph Brodsky: an Experience of Literary Biography*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008. 479 p. (In Russ.)
7. Musatov, V.V. *Lirika Osipa Mandel’shtama* [*Osip Mandelstam’s Lyric Poetry*]. Kiev, El’ga-N, Nika-Tsentr Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)
8. Nabokov, V.V. “Iv. Bunin. Izbrannye stikhi” [“Iv. Bunin. Selected Poems”]. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t.* [*Works of the Russian period: in 5 vols.*], vol. 2. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2009, pp. 672–676. (In Russ.)
9. Nabokov, V.V. “Novye poety” [“New Poets”]. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t.* [*Works of the Russian period: in 5 vols.*], vol. 2. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2009, pp. 640–644. (In Russ.)
10. Nabokov, V.V. *Stikhotvoreniia* [*Poems*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. 674 p. (In Russ.)
11. Nesterov, A. “‘Rim v chetyre ruki.’ Olga Martynova, Elena Schwartz. Rom liegt irgendwo in Russland” [“‘Rome Four-hand.’ Olga Martynova, Elena Shvarts. Rom Liegt Irgendwo in Russland”]. *Kriticheskaia massa*, no. 3, 2006. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2006/3/rim-v-chetyre-ruki.html> (Accessed 01 June 2022) (In Russ.)
12. Niva, Zhorzh. “Pushkin: mezhdru prosvetitel’stvom i khristianstvom” [“Pushkin: between Enlightenment and Christianity”]. *Kontinent*, no. 2 (100), 1999, pp. 345–351. (In Russ.)
13. Poliakova, S.V. “‘Oleynikov i ob Oleynikove’ i drugie raboty po russkoi literature” [“‘Oleynikov and about Oleynikov’ and Other Works on Russian Literature”]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1997. 384 p. (In Russ.)
14. Segal, D.M. *Osip Mandel’shtam. Istoriia i poetika: v 2 kn.* [*Osip Mandelstam. History and Poetics: in 2 books*], book 1. Moscow, Vodolei Publ., 2021. 816 p. (In Russ.)
15. Stark, V.P. “Stikhotvorenie ‘Ottsy pustynniki i zheny neporochny...’ i tsikl Pushkina 1836 g.” [“The Poem ‘Hermit Fathers and Immaculate Women’ and Pushkin’s Cycle of 1836”]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Research and Materials*], vol. X. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 193–203. (In Russ.)

16. Toddes, E.A. *Izbrannye trudy po russkoi literature i filologii* [*Selected Works on Russian Literature and Philology*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 760 p. (In Russ.)
17. Uspenskii, P.F. *Tvorchestvo V.F. Khodasevicha i russkaia literaturnaia traditsiia (1900-e gg.–1917)* [*V.F. Khodasevich's Work and Russian Literary Tradition (1900s–1917)*]. Tartu, University of Tartu Press Publ., 2014. 214 p. (In Russ.)
18. Chukovskii, K.I. “Aleksandr Blok” [“Alexander Blok”]. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*], vol. 5. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd Publ., 2012, pp. 152–194. (In Russ.)
19. Shvarts, E.A. *Sochineniia* [*Works*], vol. V. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2013. 410 p. (In Russ.)
20. Freidin, Gregory. *A Coat of Many Colors: O. Mandelstam and His Mythologies of Self-presentation*. Berkeley etc., University of California press Publ., 1987. 422 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 02.07.2022
Одобрена после рецензирования: 19.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 02.07.2022
Approved after reviewing: 19.08.2022
Date of publication: 25.09.2022

НЕОМИФОЛОГИЯ УСАДЬБЫ

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-195-210>
<https://elibrary.ru/GCGBZM>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Соревнователи» А.Н. Толстого: к вопросу о формировании образа усадьбы в прозе писателя

© 2022, А.С. Акимова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Аннотация: Черновой автограф рассказа А.Н. Толстого под названием «Соревнователи» публикуется впервые по тексту рукописной тетради писателя 1909 г., которая хранится в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. В нее вошли стихотворные и прозаические тексты, наброски и заметки к произведениям, написанным в 1910-х гг. Под названием «Соревнователь» (в единственном числе) рассказ был опубликован в петербургском альманахе «Любовь» в 1910 г. Текстология первых прозаических произведений Толстого, новелл-стилизаций «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», не привлекала внимание исследователей. В черновом автографе зафиксирован не только первоначальный вариант заглавия рассказа, но и детали усадебного быта и характеристики главного героя, дядюшки Кобелева, от которых автор отказался при подготовке текста к публикации. В преамбуле к публикации рассматриваются примеры авторской правки: при помощи динамической транскрипции воспроизводится работа над образами старого гусара и его племянника, восстанавливается созданный первоначально образ усадьбы (с садом, белой колоннадой). Сопоставление чернового автографа с опубликованным рассказом позволяет описать движение текста, охарактеризовать образы главных героев и особенности изображения образа усадьбы в ранней прозе писателя. А.Н. Толстой неоднократно возвращался к рассказу «Соревнователь» и в исправленном виде включал его в собрания сочинений, что свидетельствует о значимости этого текста, одного из первых, посвященных усадебной теме и описанию быта дворянской усадьбы, в творчестве писателя.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, усадебный текст, предметный мир, черновой автограф, рукописная тетрадь, динамическая транскрипция.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук Российской академии наук,
ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Для цитирования: *Акимова А.С.* «Соревнователи» А.Н. Толстого: к вопросу о формировании образа усадьбы в прозе писателя // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 195–210. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-195-210>

„ДВА АНЕКДОТА ОБЪ ОДНОМЪ И ТОМЪ ЖЕ“.

К. Сомову.

Меланхолия, мечтательность и отвага—
спутники счастливаго любовника и горе
тому, кто, не чувствуя въ себѣ одного изъ
этихъ качествъ, отважится на похождение,
достойное быть осябаннымъ.

Соревнователь.

Дядюшка выкатилъ свинцовые съ багровыми жи-
лами глаза, повель усами и басомъ отчеканилъ:

— Я, братъ, дуракъ, а тебя, братъ, въ люди вы-
веду.

И многозначительно помахалъ трубкой, которая,
какъ и все въ дядюшкиномъ дому, была крѣпка и
двузначенна: ею бивалъ онъ бургомистра, осенью
однажды расправилъ въ оврагѣ съ тремя бѣглыми, и
заѣзжий живописецъ изобразилъ его держащимъ трубку
чубукомъ внизъ, придавъ глазамъ отвагу и высокое
чувство.

Послѣ высказаннаго, дядюшка прошелся, ни слова
не прибавляя, по залѣ, гдѣ сидѣлъ съ молодымъ пле-
мянникомъ Нарцисомъ Львовымъ и, повертываясь спи-
ной, представлялъ какъ бы двухспальную перину съ

В РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранится рукописная тетрадь А.Н. Толстого, которую он начал вести в августе 1909 г. в Коктебеле в доме М.А. Волошина¹. В нее вошли как стихотворные, так и прозаические тексты, а также наброски, планы и эссе: чаще всего черными (реже синими) чернилами выполнены черновые автографы рассказов «Соревнователи», «Злосчастный», «Смерть Налымовых», «Мечтатель», «Однажды ночью», «Катенька» (под заглавием «Из дневника Петра Зарубного»), «Казацкий штос», «Прогулка», «Поэма в семнадцать лет» (под заглавием «Раз в жизни» впервые опубликован: [1]), «Эшер», план и наброски к роману «Чудаки» и другим произведениям.

Черновой автограф, озаглавленный «Соревнователи», написан черными чернилами, название подчеркнуто, многочисленная правка внесена также черными чернилами. На листе 3 об. изображен мужской профиль². Под общим подзаголовком «Два анекдота об одном и том же» рассказ «Соревнователь», вместе с другим рассказом «Яшмовая тетрадь», с посвящением художнику-миriskунику К.А. Сомову, эпиграфом и в значительно переработанном виде был опубликован в петербургском альманахе «Любовь» в 1910 г. [4].

Давая оценку рассказам «Соревнователь» и «Яшмовая тетрадь», в очерке 1935 г. А. Старчаков писал:

В другой новелле, «Соревнователь», о восемнадцатом веке напоминают лишь отдельные подробности. Дворянин Нарцисс Львов перед зеркалом завивает локоны каштанового парика. В «Соревнователе» мы уже явно ощущаем автора будущего «Заволжья». Дядюшка Кобелев, неудачно соперничающий в любви с племянником Нарциссом Львовым, богатырского телосложения детина, одетый в караковый персидский халат, удивительно напоминает Мишуку Налымова [3, с. 11–12].

Однако суждение критика основано, вероятно, на изучении текста рассказа, опубликованного в собрании сочинений [6, т. 1, с. 266–272]. К этому времени Толстой значительно переработал рассказ. Представляет интерес черновой автограф, который отличается и от первой публикации в альманахе, и от опубликованного в третьем томе «Сочинений» [5, т. 13, с. 160–166].

¹ РО ИРЛИ. Ф. 172. № 322. Л. 1–133.

² В рукописной тетради отсутствует архивная пагинация, поэтому учитывается только авторская — сверху страницы.

Текст черного автографа отличается от первой публикации в альманахе «Любовь» рядом деталей, связанных, прежде всего, с описанием владельца усадьбы, дядюшки Кобелева, его внешнего облика и окружавших его вещей. (Далее текст чернового автографа дан в динамической транскрипции: текст, не подвергавшийся правке, набран прямым шрифтом; вычеркнутый — светлым курсивом в квадратных скобках; вычеркнутый текст первого слоя рукописной правки набран полужирным курсивом и заключен в квадратные скобки; вставленный текст первого слоя рукописной правки набран полужирным прямым шрифтом. Проставленные нами знаки препинания даны в угловых скобках.) Авторская правка свидетельствует о поиске эпитетов, описывающих глаза и голос Кобелева: «Дядюшка выкатил [*свои бе³ и без того почти белые оловянные*] **свинцовые**<,> с [*налитыми*] **багровыми** жилами глаза» и «[*хриплым*] басом отчеканил»⁴. В альманахе в уже измененном виде было опубликовано: «Дядюшка выкатил свинцовые с багровыми жилами глаза, повел усами и басом отчеканил...» [4, с. 249]. В сцене за столом, когда Кобелев триумфально достает упавший под стол платочек гостыи, прекрасной Настеньки, в черновом автографе после слов «держал в руке трофей» были слова: «Вот! — сказал дядюшка и обвел всех, не исключая Федьки и Оглобли [*налитыми кровью*] налившимися глазами...»⁵. Слова эти Толстой снял при подготовке первой публикации. Для альманаха 1910 г. автор особо работал над изображением смеха героя:

Дядюшка захватил рукою усы и произошло необычайное, к чему [<i>правда</i>] племянник привык изрядно... [<i>Что-то с шипом поднялось</i>] А именно поднялось [<i>что-то</i>] нечто грузное и ударило, опустясь громом, как из пушки [<i>громом</i>], и затем закатилось тончайшим смехом [<i>причем от глаз вокруг причем глаза</i>]...⁶.	Дядюшка захватил рукою усы, и произошло необычайное, к чему племянник привык вполне, а именно, всколебав табачное облако, поднялось нечто и ударило громом, как из пушки, и закатилось затем тончайшим смехом [4, с. 250].

³ Так в черновом автографе.

⁴ РО ИРЛИ. Ф. 172. № 322. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 4.

В облике Кобелева подчеркивалось военная выправка старого гусара: при виде гостя он «повернулся по-военному и скрылся»⁷ или в сцене бравады перед Настенькой Кобелев выстрелил из пушки, «напугав одними военными ухватками»⁸, в альманахе эпитеты «повернулся по-военному» и «военными» отсутствуют. В напечатанном тексте автор снял и упоминание времен «государыни Елизаветы» в связи с описанием камзола дядюшки: «[*Племянник его*] Нарцис⁹ Львов нежно улыбнулся, склонив [*голову*] к плечу **голову** и меланхолично поглядел [*в <нрзб.> будущее*] на **все** то<,> что было прикрито еще при [*матушке*] **государыне** Елизавете сшитым [*кафтаном*] **камзолом**» (ср.: в альманахе: «Нарцис Львов нежно улыбнулся и, склонив к плечу голову, меланхолично поглядел на все то, что не было прикрито» [4, с. 250]). По всему тексту Толстой заменил вписанное ранее «кафтан» на «камзол»: «...[и представил тогда из себя дядюшка] **представил дядюшка** как бы двухспальную перину [*с надетым*]<,> **на которую** поверх [*кафтаном*] **надет камзол** из [*коричневого*] **синего** бархата...»¹⁰. Устаревшее определение «нанковый», т.е. из нанки, хлопчатобумажной грубой ткани, в описании штанов дядюшки Кобелева Толстой также вычеркнул в черновой автографе: «Снизу [*на перину одеты*] натянуты необычайной ширины [*нанковые красные пантал*] штаны<,> а сверху приставлена тыква, т.е. голова, похожая на тыкву»¹¹.

В черновом автографе подробнее был выписан предметный мир усадьбы, в частности, принадлежавшие ее хозяину вещи. Писатель работал над изображением трубки Кобелева:

...и [*стукнул по столу трубкой*] **многозначительно помахал трубкой**<,> которая<,> как и все [*пожалуй*] в дядюшкином дом[е] **у**<,> **была** крепка и [*замечательна*]<,> если позволят выразит<ь>ся двусмысленна. [*Трубкой чрезвычайно массивной*]<,> *выточенной из пенки с пристойным изображением трех пьющих женщин он дрался*<,> как кистенем] **Трубкой** [*этой*]<,> **искусно выточенной с** [*легкомысленной*] **соблазнительным на ней изображением греческой девки**<,> бивал он бургомистра...¹².

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Так в черновом автографе.

¹⁰ РО ИРЛИ. Ф. 172. № 322. Л. 3 об.—4.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 3 об.

Толстой снял упоминание непристойного изображения на дядюшкиной трубке в опубликованном тексте, оставив лишь ее историю:

И многозначительно помахал трубкой, которая, как и все в дядюшкином доме, была крепка и двусмысленна: ею бивал он бургомистра, осенью однажды расправился в овраге с тремя беглыми, и заезжий живописец изобразил его держащим трубку чубуком вниз, придав глазам отвагу и высокое чувство [4, с. 249].

В черновом автографе, по сравнению с текстом альманаха, была прописана добротность и основательность мебели в доме Кобелева, например, стола, возле которого он беседовал с племянником Нарциссом Львовым:

После высказанного дядюшка [*встал из кресла и*] прошелся<> ни слова ни прибавляя по [*ко*] зале<> где [*мы отобедав сидели на ова*] **сидел с молодым племянником [Никитой] Нарциссом** <sic!> Львовым на диване у овального **с одной ножкой** красного стола [*с одной ножк*]<> на который без опасения [*сломать*] можно [*было*] поставить горячую лошадь...¹³.

В альманахе упоминания дивана и описания стола нет.

Для публикации рассказа в альманахе автор продолжил работу над описанием самой усадьбы и находящихся на территории имения Кобелева построек. В сцене хвастовства дядюшки в черновом автографе есть упоминание «белой колоннады дома», которая в публикации заменена на «белые столбы»:

но не успокоился [<i>схво</i>] <> увлек гостей в сад [<i>велел принести пистолы и</i>], из пистолета стрелял без промаха в кошек<> сидящих на воротах [<i>кошек</i>], потом велел привести всех коней что есть на конюшне [<i>и</i>]<> на самого крепкого пегой масти [<i>он</i>] вскочил [<i>он</i> без седла], обозвал Нарциса бабой<>... за что смотрел в лорнет, [<i>сидя</i>] [<i>почтительно около дамы</i>] [<i>от томно откинувшейся на</i>	... но не успокоился; уведя гостей в сад, показал стрельбу по коту, спавшему на воротах; потом привели всех коней, что есть на конюшне; на самого крепкого, пегой масти, дядюшка вскочил, обозвал Нарциса бабой за то, что лорнируя, бездействовал близ дамы; хотел даже перескочить через забор, причем некрашенный забор тут же сломался и, напугав одними ухватками, браво выстрелил из

¹³ Там же.

скамейке дамы] стоя слишком близко от <дамы>, махнул через забор<> причем. некрашенный забор тут же сломался [<i>и под конец весь мокрый</i>], напугав одними военными ухватками с треском выстрелил из чугунной пушки [<i>стоящей</i>] на площадке перед белой колоннадой дома...²	чугунной пушки, прикованной у белых столбов на площадке перед домом... [4, с. 254].

В черновом автографе большая работа была проведена А.Н. Толстым над описанием вечернего пейзажа:

Тем временем солнце, замечая [2 сл. нрзб.] чудеса в сонной **до сего времени** усадьбе [*деревянная [красная] крашенная в красное и покатая крыша которой тонула*]<> где в раскидистых кущах [*зеленых*] лип [, *тополей*] и акаций, **заманивая с горки проголодавшегося помещика**, протянув [*розовую полосу*] **золотистую зыбь** вдаль от [*тихого*] пруда, поиграв [*на*] белой корме задвинутой в камыши лодки, склонилось **к холмам** усталое [*от всего что видело за день на белом свете за холмы и холмами и оттуда*] **навстречу ему** поднялась [*навстречу*] **розовая** вечерняя пыль пахнущего молоком **крикливого стада**¹⁵.

Это описание подверглось незначительному сокращению сначала в альманахе, а затем и в результате правки для первого собрания сочинений Толстого, где уже не было упоминания сада и крыши гостеприимной усадьбы:

Тем временем солнце, замечая чудеса в сонной до сего времени усадьбе, где в раскидистых кущах лип и акаций заманивала с горки проголодавшегося помещика красная крыша, протянув зыбь вдоль пруда, поиграв на корме задвинутой в камыши лодки, сонное, склонилось к холмам, и навстречу ему поднялась, розовая, пыль пахнущего молоком стада [4, с. 254].	Тем временем солнце, замечая чудеса в сонной до сего времени усадьбе, протянуло зыбь вдоль пруда, проиграло на корме задвинутой в камыши лодки и, сонное, склонилось к холмам, и навстречу ему поднялась, розовая, пыль пахнущего молоком стада [5, т. 13, с. 165].

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же.

Говоря о достоинствах рассказа, Старчаков отмечал:

Стилизаторские новеллы Ал.Н. Толстого выгодно отличались пониманием их условного характера. Писатель не относился всерьез к изображаемому, догадываясь о его несоответствии с действительностью. В его стилизаторской прозе нет приторного любования далеким прошлым, он не растворялся в нем, не идеализировал его, не тонул в изысканных, по преимуществу эротических, описаниях. Стилизации Ал.Н. Толстого скорее походили на изящную шутку, они были ближе к пародиям Кузьмы Пруtkова, чем к манерной, галантной прозе «Аполлона»... [3, с. 11].

Действительно, «непосредственное веселье, жизнерадостность, избыток морального здоровья», переполняющие новеллы-стилизации Толстого, а также элементы сатиры в изображении обитателей усадьбы, Кобелева и Нарцисса Львова, о чем в своей монографии писал впоследствии Ю.А. Крестинский [2, с. 65–66], как видим, складывались постепенно. В черновом автографе есть и тщательно выписанный образ старого гусара елизаветинских времен и его галантного племянника, сохранились и эротические описания (сцены ночного свидания, например), над которыми автор много работал, готовя рассказ к публикации в альманахе.

Рассказ «Соревнователи» публикуется по черновому автографу в рукописной тетради (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 172. № 322. Л. 3 об.–9) по последнему слою правки по современной орфографии.

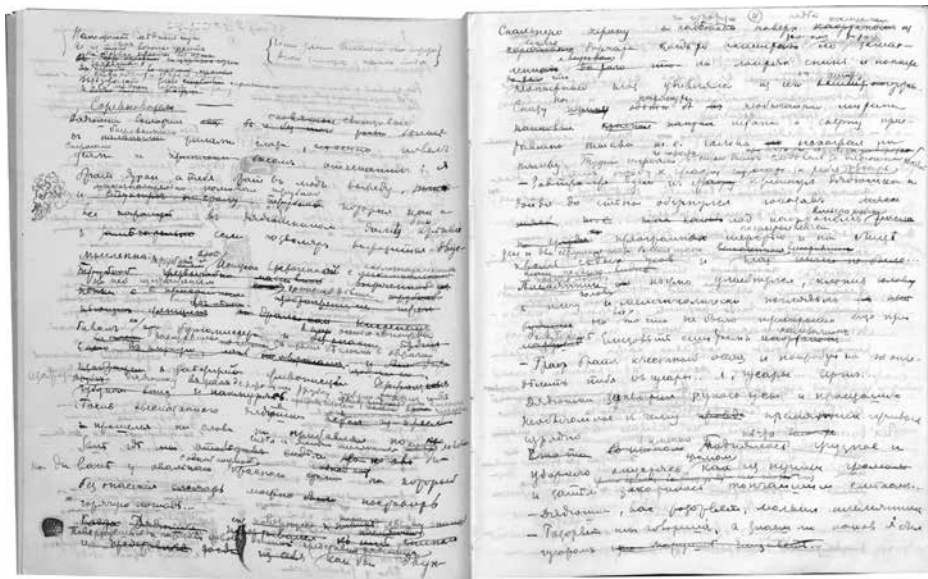
СОРЕВНОВАТЕЛИ

Дядюшка выкатил свинцовые, с багровыми жилами глаза, повел страшно усами и басом отчеканил:

— Я, брат, дурак, а тебя, брат, в люди выведу, — и многозначительно помахал трубкой, которая, как и все в дядюшкином доме, была крепка и, если позволят выразиться двусмысленна.

Трубкой, искусно выточенной с соблазнительным на ней изображением греческой девки, бивал он бургомистра¹⁶ и осенью однажды расправился с тремя беглыми в овраге, и заезжий живописец изобразил дядюшку держащим трубку чубуком вниз, придав глазам отвагу и высокое чувство.

¹⁶ Бургомистр (бурмистр) — в России в XVIII–XIX вв. управляющий именем.

А.Н. Толстой. Страницы рукописной тетради с автографом рассказа «Соревнователи». 1909 г. РО ИРЛИ РАН

A.N. Tolstoy. Pages of the handwritten notebook with the story "The Competitors." 1909. Manuscript Department of Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences

После высказанного дядюшка прошелся, ни слова ни прибавляя по зале, где сидел с молодым племянником, Нарциссом Львовым на диване у овального с одной ножкой красного стола, на который без опасения можно поставить горячую лошадь...

Повернувшись к Нарциссу Львову спиной, представил дядюшка как бы двухспальную перину, на которую поверх надет камзолом из синего бархата когда-то вышитого золотом, но до того замасленного на локтях, спине и понизу, что неопытный глаз удивлялся, из чего он шит. Снизу натянуты необычайной ширины штаны, а сверху приставлена тыква, т. е. голова, похожая на тыкву. Туфли шаркали по паркету, и сизый дым следовал за дядюшкиной головой.

— Сам поеду к графу за тебя просить, — крикнул дядюшка и, дойдя до стены, обернулся, показав под кафтаном вместо рубахи преогромную шерстью покрытые <1 слово неразборчиво. — А.А.> и на лице усы и два круглых глаза, больше ничего.

Нарцисс Львов нежно улыбнулся, склонив к плечу голову и меланхолически поглядел на все то, что было прикрыто еще при государыне Елизавете шитым камзолом.

— Граф, брат, крестный отец и попробуй-ка не определить тебя в гусары... А, гусары... Черт...

Дядюшка захватил рукою усы, и произошло необычайное, к чему племянник привык изрядно...

А именно поднялось нечто грузное и ударило, опустясь громом, как из пушки, и затем закатилось тончайшим смехом.

— Дядюшка, вас разорвет, — молвил племянник.

— Разорвет, ты говоришь, а знаешь ли, каков я был гусаром.

Прекратя страшные звуки, расставил дядюшка ноги посреди комнаты и впал в задумчивость.

— Стояли мы в сельце Дьяковке¹⁷, генерал-фельдмаршала покойного вотчина, и полковник наш граф Сибич...

— Однако, дядюшка, — перебил Нарцисс Львов, — кажется, едут гости...

— Где? — крикнул дядюшка и перегнулся, сколько мог, в окно. Нося фамилию крепкую Кобелев, любил он принять хороших гостей.

— Гостю рад! — кричал дядюшка. — Эй, холопы, лошадей отпречь и в табун, а карету в пруд, чтобы не рассохлась.

Нарцисс Львов перед зеркалом завил на палец раскрутившийся локон каштанового парика, обдернул к чулкам белые панталоны и над головой встряхнул пальцами, дабы побелела их кожа и кружева голубого кафтана легли приятными складками.

Парень сутулый оттого, <что> был высок чрезмерно, по имени Оглобля, отворил дубовые половинки двери гостям и встал, глядел сверху, как глупая птица, и гость, бритый в суховатых морщинах вошел без шубы, но не один. За ним, склонив голову в соломенной с цветами корзиночкой, шурша робронами¹⁸, вошла девица, на лицо которой нельзя было смотреть без чувствительности вследствие тонкого румянца и вьющихся золотых локонов<ов>, ниспадающих на покатые и неприкрытые шелковой шалью плечи.

Готовый принять в естественное свое лоно незнакомца, раскинув руки, остановился дядюшка Кобелев при виде несравненной красоты и, внезапно закричав «Мишка, Федька», повернулся по-военному и скрылся..

А Нарцисс Львов, приложив левую руку к сердцу, ступил назад три шага и учтиво склонился, откинув слегка в сторону и вверх правую руку.

¹⁷ Дьяковка — известное с конца XVIII в. село в Заволжье.

¹⁸ Роброны (от франц. *robe rond*, круглое платье) — модное в XVIII в. платье из прочной ткани колоколообразной формы.

— Приятно видеть, — поспешно заговорил по-французски гость, — племянник моего старого служаки, подполковника Кобелева... Узнаю... Душенька, это Львов... Никодим...

— Нарцисс, — томно закатив глаза, пролепетал молодой человек и хотел добавить учтивость, но выкатившись сбоку, закричал дядюшка, успев поверх всего накинуть персидский халат.

— Ах, я старый кобель, узнаю, узнал... то-то вижу... Мм... мм... — замычал он, спрятав в себя худощавого гостя.

— Настенька, воспитанница...

— Узнаю, узнаю... — обнимал дядюшка и Настю.

Гость, освобождаясь, из заднего кармана вынул фуляр¹⁹, протер очки, вытер себе губы и щеку.

— Я проездом к тебе из Петербурга в вотчину.

— Хвалю, брат, отлично, ура! Эй, холопы, обед да вин, все, что есть в погребе... Из Петербурга, что так?

— Да стар становлюсь, хочу совершить последний променад по вотчинам...

Дядюшка весело на всех посматривал, грузно переваливался на своем стуле..

— Проживешь у меня две недели...

— Э, нет, завтра тронемся далее...

— Завтра не тронемся, а дней через десять отпущу. Нарцисс, ты что глаза <n>а девицу выкатил... Будущий гусар...

И дядюшка принялся смеяться столь же сильно и почти сломал стул... Нарцисс, покрасневшись, склонил голову вниз и на бок, а старичок сказал:

— Вдовушка она, мужа Преображенского полка лейб-гвардии поручик полгода как отошел... Да-с! — и вздохнул. А Настя поднесла к глазам сиреневый платочек, надушенный «Вздохом королевь», что было весьма прилично для молодой женщины.

Дядюшка Кобелев закрутил усы и крикнул, но казачки Мишка, Федька и Оглобля принесли кушанья на синих блюдах и резного дерева черный обитый железом погребец²⁰...

Настенька, не поднимая глаз, деликатно кушала, едва касаясь подаваемых блюд, и всего полбокала отпила крепкого венгерского²¹; шорох ног ее в шелковых юбках до того смущал Нарцисса, что, блед-

¹⁹ Фуляр (франц. *foulard*, платок).

²⁰ Погребец — дорожный сундучок с едой или напитками.

²¹ Венгерское — здесь: вино региона Токай-Хедьялья, впервые завезенное в Россию через Польшу в начале XVI в., отличавшееся темно-золотистым цветом и насыщенным медовым вкусом.

нея, ронял он поминутно стакан, ложку, забыв о дорогих манжетах, смоченных виной влагой; дядюшка зато опрокидывал в горло кружку с надписью: «Пей три и еще трижды три», кричал и придумывал приличный тост ...

— Вот видишь, — обратился он к старичку, задумчиво жевавшему не то индейку с грушами, не то что-то вроде нее, преогромное и мясистое, — вот видишь, дама, вследствие деликатной натуры, не употребляя пищи и вина, уподобляется, так сказать, ангелу, облеченному в совершенную оболочку... Дядюшка запутался и, увидя смущенье напротив сидящей дамы, окончил:

— Старый гусар пьет здоровье несравненной!

— Ах, вы неправду говорите, причем несравненная, — вспыхнув, молвила Настенька и уронила из рук платочек.

Нарцисс, откинув стул, кинулся дабы услужить, а дядюшка полез под стол и, закачав его, так что зазвенели графины и хрустальная ваза уронила фарфоровое яйцо на парчовую скатерть, вылез красный оттуда, но держал в руке трофей.

— Вот! — сказал дядюшка и обвел всех, не исключая Федьки и Оглобли налившимися глазами...

— Какой вы ловкий кавалер, — нежно улыбнулась Настенька и задела Нарцисса локтем, и он кинул на дядюшку взор, от которого тот скомкал салфетку и воскликнул:

— А давай-ка, Нарцисс, покажем даме, как гусары на саблях дерутся.

— К чему показывать, ах, какие пустяки, — сказала Настенька.

Но бойцы уже стояли на середине комнаты. Нарцисс, ловко согнув талию, а дядюшка Кобелев, засучи<v> мохнатую руку²², принялись колотить друг друга так, что почти без чувств лежавшая в кресле Настенька поминутно вскрикивала, а старичок одобрительно клевал носом.

— Что, попало! — кричал дядюшка и, получив по голове, ткнул Нарцисса в жилет. — Уф! — сказал, но не успокоился, увлек гостей в сад, из пистолета стрелял без промаха в кошек, сидящих на воротах, потом велел привести всех коней, что есть на конюшне, на самого крепкого пегой масти вскочил, обозвал Нарцисса «бабой», за что смотрел в лорнет, стоя слишком близко от <дамы>, махнул через забор, причем некрашенный забор тут же сломался; напугав одними военными ухватками с треском выстрелил из чугунной пушки на площадке перед белой колоннадой дома... и, вспотев, остановился

²² Над словом «руку» вписано 1 слово неразборчиво.

перед Настенькой, раздвинув ноги и крутя усы в недоумении, чем бы еще похвалиться...

Тем временем солнце, замечая чудеса в сонной до сего времени усадьбе, где в раскидистых кущах лип и акаций, заманивая с горки проголодавшегося помещика, протянув золотистую зыбь вдаль от пруда, поиграв <на> белой корме задвинутой в камыши лодки, склонилось к холмам усталое, навстречу ему поднялась розовая вечерняя пыль пахнущего молоком крикливого стада.

Время тихому ужину и отдыху на кровати, резного дерева тяжело стоящей на медных ножках, где под атласным пологом легко кружатся сны, притворно пугаясь натянутой стрелы купидона и забытый светильник стелет мягкие лучи на нежным румянцем зацветающие щеки и золотые локоны так беспечно открывающие тонкую грудь и нежную мушку в виде сердца, положенную небрежно и кокетливо...

Но не спала Настенька, с улыбкой взглядывая на мраморного купидона, может быть назвала его глупым... может быть обернула щеку навстречу его стреле.

И прислушивалась.

Напротив, в комнате Нарцисса ходил, скрипя половицами, дядюшка Кобелев и шепотом, который слышали на деревне, отчитывал:

— Ты, молокосос и щенок, брат, рано тебе на баб заглядываться, выслужи с мое, тогда тово... Гм... Думаешь, не знай какой сантимент глядеть на твой желтый рот, и худ, как черт знает что, просто щепа... Молчи, я говорю.

— Завтра чуть свет отвезу тебя к графу и раньше трех лет не смей показываться на глаза... Вот как. Собирайся... И дядюшка, ударив дверь, вышел, но, должно быть, заглянул в щелку другой двери, так как вдруг комната Настеньки вся наполнилась густым его сопеньем.

Обождав пока затихли вдалеке коридора грузные шаги дядюшки, прыгнула Настенька на пол и, поддерживая на груди тонкую рубашку, босая подбежала к двери и сняла крючок...

— Как вы смеете, ах, что обо мне подумаете, — негодуя, шептала, прикрывая локонами нежную грудь, лукавая Настенька, сидя на кровати.

Нарцисс без башмков, приложив к сердцу ладони, на коленях стоял подле стыдливо босых ног ее...

— Не в силах бороться с чувствительностью, пораженный стрелой купидона, униженно падаю к ногам вашим, не отвергайте убитого нежным чувством...

— Ах, какое вы разрываете сердце, — отталкивала его дама.

В ночи влюбленным свой таинственный факел, питаемый любовными вздохами и музыкой, зажигает голубая луна.

Сквозь влажные листья, заливая белый подоконник, глядит она в томные лица двух любовников, облокотившихся на балюстраду окна, зажигает в сердцах смутные и новые ласки, нежно холодея нечаянно прильнувшие ее уста к его скрытым под надушенным усом губам.

У Нарцисса не было усов, и он тихо воскликнул, охватив под рубашкой ласковую грудь дамы.

— Смотри на крышу флигеля, что напротив.

По крыше флигеля, что напротив окна, с одного бока освещенное луной, ползло нечто огромное и темное, осторожно передвигаясь, и крыша гнулась и скрипела...

Когда это доползло настолько, что видно в окно Настенькиной комнаты кровать, поднялось, покачиваясь, и вынуло из кармана подзорную трубу...

Глаза встретили глаза, Настенька быстро скользнула на ковер, а то заревело, как бы укушенное строкой²³ в интимное место:

— Нарцисс, не ожидал... — и с шумом обрушилось с крыши в кусты...

Литература

1. *Акимова А.С.* А.Н. Толстой. «Раз в жизни». Черновой автограф из рукописной тетради // Русская литература. 2020. № 2. С. 105–114. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-105-115

2. *Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (Краткий очерк). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 314 с.

3. *Старчаков А.* Ал.Н. Толстой. Критический очерк. Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1935. 116 с.

4. *Толстой А.Н.* Два анекдота об одном и том же // Любовь. СПб.: Нов. журн. для всех, 1910. С. 249–256.

5. *Толстой А.Н.* Сочинения: в 10 т. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1911–1918.

6. *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1927–1931.

²³ Строка — здесь: овод.

Research Article and Publication of Archival Documents

“The Competitors” by A.N. Tolstoy: the Question of the Developing the Image of the Estate in the Writer’s Prose

© 2022. Anna S. Akimova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051).

Abstract: The article presents the first publication of the draft autograph entitled “The Competitors.” It based on the text from a manuscript written by A.N. Tolstoy in 1909, which is now kept in the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences and contains poetry and prose, sketches and notes to the works of the 1910s. The novel “The Competitor” (singular) was published in the Saint Petersburg almanac “Love” in 1910. The textology of Tolstoy’s first works, the novel-stylizations “The Competitor” and “The Jasper Notebook”, did not attract the attention of researchers. Meanwhile the draft autograph contains not only the original version of the title of the story but also details of the description of manor’s life and characteristics of the main character uncle Kobelev. Preparing the text for publication, the author abandon them. The examples of author’s edits are studied in the introduction. The dynamic transcription helps us to show Tolstoy’s work on the images of the old hussar and his nephew. The comparison of the draft autograph with the published story makes it possible to describe the development of the text, to characterize the images of the main characters and the features of the image of the manor in the writer’s early prose. Tolstoy returned to the story “The Competitor,” corrected it and included in the collected works which attests to the value in the writer’s work one of the first texts devoted to the ‘manor theme’ and to the description of the estate’s life.

Keywords: A.N. Tolstoy, ‘manor text’, world of things, draft autograph, manuscript, transcription.

Information about the author: Anna S. Akimova — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0732-1854>

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

For citation: Akimova, A.S. ““The Competitors’ by A.N. Tolstoy: the Question of the Developing the Image of the Estate in the Writer’s Prose.” *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 195–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-195-210>

References

1. Akimova, A.S. “A.N. Tolstoi. ‘Raz vzhizni.’ Chernovoi avtografiz rukopisnoi tetradi” [“A.N. Tolstoy. ‘Once in a Lifetime.’ A Rough Autograph from a Handwritten Notebook”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 105–114. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-105-115 (In Russ.)
2. Krestinskii, Iu.A. *A.N. Tolstoi. Zhizn' i tvorchestvo (Kratkii ocherk)* [*A.N. Tolstoi. Life and Work (Brief Story)*]. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1960. 313 p. (In Russ.)
3. Starchakov, A. *Al.N. Tolstoi. Kriticheskii ocherk* [*Al.N. Tolstoy. Critical Essay*]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1935. 116 p. (In Russ.)
4. Tolstoi, A.N. “Dva anekdota ob odnom i tom zhe” [“Two Anecdotes about the Same”]. *Liubov'* [*Love*]. St. Petersburg, 1910, pp. 249–256. (In Russ.)
5. Tolstoi, A.N. *Sochinenia: v 10 t.* [*Works: in 10 vols.*]. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve, 1911–1918. (In Russ.)
6. Tolstoi, A.N. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [*Collected Works: in 15 vols.*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1927–1931. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2022
Одобрена после рецензирования: 20.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 18.07.2022
Approved after reviewing: 20.08.2022
Date of publication: 25.09.2022

Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества: вымысел versus прагматика

© 2022, Е.Е. Дмитриева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051.

Аннотация: В 1824 г. Пушкин оказывается в ссылке в имении своей матери Михайловское, где ему предстоит оставаться до 1826 г., когда он будет освобожден взойшедшим на престол Николаем I. Почти единственными соседями, с которыми Пушкин общается в это время, становится хозяйка Тригорского Прасковья Александровна Осипова-Вульф и ее многочисленное семейство. Постепенно в сознании читателей и почитателей Пушкина формируется миф, согласно которому в деревенских главах «Евгения Онегина» поэт изобразил Тригорское, тригорские барышни и их матушка стали прототипами женских образов романа, а сын Осиповой Алексей Вульф, в ту пору дерптский студент, стал прообразом Ленского. Начало этому мифу, на самом деле игнорирующему эстетическую самоценность художественного текста, положило сочинение М.И. Семевского «Поездка в Тригорское», равно как и «Дневник» самого Алексея Вульфа. Статья посвящена рассмотрению эволюции данного мифа, который в дальнейшем из эссеистики и мемуаристики становится достоянием научных работ, а также ложится в основу концепции музейного пространства в пору создания дома-музея в Тригорском. В приложении публикуется протокол научного совещания сотрудников Пушкинского заповедника 1960 г., наглядно демонстрирующий механизм внедрения в музейную экспозицию бытующих вокруг Тригорского мифов.

Ключевые слова: Тригорское, мифотворчество, Пушкин, Семевский, Гейченко, музейная экспозиция.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Для цитирования: Дмитриева Е.Е. Пушкинское Тригорское как источник мифотворчества: вымысел versus прагматика // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 211–232. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232>

В 1972 г. в Пушкинском сборнике, выпускавшемся сотрудниками кафедры русской и зарубежной литературы Псковского педагогического института, была опубликована статья Л.И. Вольперт «Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах»)» [4, с. 84–114]. Темой статьи стало игровое поведение Пушкина и его бытовое жизнетворчество в период михайловской ссылки, творческая игра по модели французской литературы, — сюжет, который чемпионке СССР 1954 г. по шахматам, гроссмейстеру Ларисе Вольперт был житейски не чужд и который исследовательски она облекла в продуктивную модель: *текст — жизнь — текст*¹. Возможность подобной игры открывал самый «театральный» и самый «игровой» роман просветительской эпохи — «Опасные связи» Шодерло де Лакло, определивший, как показывала Л.И. Вольперт, характер шутивно-серьезных отношений и переписки Пушкина с тригорскими барышнями, позже претворившимися в собственный пушкинский текст, а именно в «Роман в письмах».

Понятие игры и исследование ее роли в творческой биографии Пушкина и вместе с тем во французской литературе XVIII–XIX вв. вписало и все дальнейшие работы Л.И. Вольперт в историю исследования феноменологии игры, имевшей, как известно, столь огромное значение для европейской культуры Нового времени². Новым направлением в пушкинистике назвал подобный подход (по свидетельству самой Л.И. Вольперт) В.Н. Топоров. Ю.М. Лотман сказал, что перед читателем в результате предстал «нехрестоматийный, поразительно живой, игровой Пушкин» [3, с. 8].

Работы Вольперт стали не только новым словом в пушкинистике, но и в музееведении, во многом инициировав в частности и то, что условно можно назвать тригорским и михайловским мифотворчеством — описанием времяпрепровождения Пушкина в михайловской ссылке как строящегося по законам художественного текста. И даже независимо от того, ссылаются сейчас экскурсоводы на

¹ О Л.И. Вольперт, в жизни которой увлечение шахматами шло параллельно увлечению литературой, см.: [7, с. 220–236].

² Последующие работы Л.И. Вольперт, посвященные теме «Пушкин и Франция», одно перечисление которых составило бы немало страниц, естественно формировали главы монографии, материальным воплощением которой стала книга «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе: (К проблеме русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XIX вв.)» (Таллин: Ээстираамат, 1980). Две последующие пушкинские монографии — «Пушкин в роли Пушкина: Творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль» (1998) и «Пушкинская Франция» (2007, 2-е изд. — 2010) — лишь расширяли каждый раз исследовательское поле, которое вбирало в себя все новые и новые тексты и новые аспекты.

работы Вольперт или нет, рассказы о Пушкине-Вальмоне (главном герое «Опасных связей»), ведущем достаточно изощренную любовную игру с тригорскими барышнями, стали общим местом местной мифологии.

Но если вдуматься, истоки этого явления гораздо более ранние. «Дом Лариных», как традиционно в этих местах именуют тригорский дом, «скамья Онегина», «аллея Керн», «аллея Татьяны»... Часто ли мы задумываемся, откуда берут начало все данные метафорические переносы? (Помню, в какой ужас пришел один мой французский коллега, услышав о том — а в этот момент мы приближались к пресловутой скамье Онегина — что именно здесь произошло решительное объяснение Татьяны с Онегиным. Французская музейная практика таких мифотворческих вольностей не допускает). Связано ли это было с необходимостью, возникшей после 1917 г., привязать то или иное место к громкому и славному имени, обеспечив ему получение охранной грамоты, будь то реальной или символической? Так, первый директор Остафьева и последний его хозяин П.С. Шереметьев именует именно из этих соображений одну из центральных аллей парка «Русским Парнасом»: тем названием, которое ей дал, якобы, Пушкин. Сработала ли эта логика и в Тригорском, и в каком году одна из его аллей стала носить имя пушкинской героини? Об этом, насколько мне известно, документов не сохранилось.

Однако если обратиться к «классическому» тексту, который, в еще большей степени, чем работы Л.И. Вольперт, является сегодня источником экскурсий по Тригорскому и нашего знания о тригорском быте — я имею в виду знаменитую «Прогулку в Тригорское» М.И. Семевского, впервые увидевшую свет в 1866 г. (см.: [17]), — то мы увидим, что все элементы мифотворчества, как и поэзии и поэтики литературной игры, здесь уже налицо.

Приехав в Голубово, имение, в котором с 1830-х гг. проживала ставшая баронессой Вревской Евпраксия Николаевна Вульф, младшая дочь от первого брака П.А. Осиповой, Семевский отправляется в Тригорское, которое со всей подробностью позже и опишет, рассказав заодно о событиях давно минувших дней, когда одним из наиболее частых посетителей Тригорской усадьбы был А.С. Пушкин. Текст, как уже было сказано, был написан в 1866 г., события, о которых же повествуется, относились в основном к 1824–1826 гг., т. е. времени ссыльного пребывания Пушкина в Михайловском.

Обратим внимание на то, что в 1866 г. в Тригорском из всех тригорских обитателей, некогда знавших Пушкина, в живых оставалась одна Марья Ивановна, младшая дочь Осиповой, которая и становит-

ся основным респондентом и информантом Семевского. Именно с ее слов он повествует в своем тексте о Тригорском быте — и описания эти, как уже было сказано, стали одним из главных источников нашего знания о Тригорском пушкинской поры. Проблема только в том, что когда Пушкин бывал гостем этой усадьбы, было Марье Ивановне Осиповой не более 6 лет (род. в 1820 г.). А потому и рассказывать она могла, скорее всего, с чьих-то слов, что делает ее повествование во многом вторичным. В определенном смысле можно сказать, что в «Прогулке в Тригорское», скорее всего даже вне зависимости от намерения ее автора, сработал чисто литературный прием «рассказа о том, как рождаются рассказы» — тот самый прием, который Пушкин, вполне сознательно, использовал в своих «Повестях Белкина», а Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»³. А потому и не случайно, что у Семевского уже появляются если не все, то многие из мифологем, что будут тиражироваться и в хорошем, и в плохом смысле в пушкинских местах позже. И, наверное, главнейшая из них, та, что лежит подспудно в основе иных мифов, — это представление о том, что в деревенских главах «Евгения Онегина» поэт отобразил жизнь Тригорского и его обитателей.

В зале тригорского дома Семевский рассматривает картину, сюжет которой — искушение св. Антония, и тут же (со слов Марьи Ивановны) объясняет, что именно с нее был списан сон Татьяны:

...копия чуть ли не с картины Мурильо: пред святым Антонием представлен бес в различных видах и с различными соблазнами; так, между прочим, лукавый в образе красавицы (лик ее, равно как и черты прочих персонажей картины, мухи нимало не пощадили), итак, бес в образе красавицы — подносит святому чару — надо быть — зелена вина; впрочем, тут не все черти в приличном виде, некоторые бесенята изображены художником *au naturel*... Картина не бог весть какого замечательного достоинства, но — на нее смотрел Пушкин, и вспоминая ее, как сам сознавался хозяйкам (о чем одна из них мне и заявила), навел чертей в известный сон Татьяны {...Сидят чудовища кругом:

Один в рогах с собачьей мордой,
 Другой с петушьей головой,
 Здесь ведьма с козьей бородой,
 Тут остов чопорный и гордый и пр.};

³ Подобная демонстрация механизма порождения мифа восходит, конечно же, к знаменитой вальтер-скоттовской игровой манере (см.: [8]).

поэтому вы не удивитесь, если скажу, что я долго и внимательно смотрел на эту достопамятность [17, с. 11–12].

Из Тригорского — продолжает повествовать Марья Ивановна — попадают в роман «Евгений Онегин» моченые яблоки, ключница же Акулина Памфиловна, оберегающая эти яблоки от гостей, превращается в попадью в «Капитанской дочке»:

— Пушкин, — слова Марии Ивановны Осиповой, — бывало, нередко говорит нам экспромты, но так, чтоб прочесть что-нибудь длинное — это делал редко, впрочем, читал превосходно, по крайней мере, нам очень нравилось его чтение... Как вы думаете, чем мы нередко его угощали? Мочеными яблоками, да они ведь и попали в «Онегина»; жила у нас в то время ключницей Акулина Памфиловна — ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи — Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: «принеси, да принеси моченых яблок», — а та и разворчится. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полно-те, не сердитесь! завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее — чуть ли не в «Капитанской дочке» и вывел попадью; а в мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повести... Был у нас буфетчик Пимен Ильич — и тот попал в повесть... [17, с. 14–15].

Впрочем, как следует из текста Семевского, в мифотворчестве подобного рода участвовала оставшаяся в Голубово и сама Евпраксия Николаевна Вревская (пушкинская Зизи), которая времяпрепровождение Пушкина в Михайловском/Тригорском описывала следующим образом:

Бывало, едем мы все с прогулки и Пушкин, разумеется, с нами: все встречные мужички и бабы кланяются нам, на Пушкина же и внимания не обращают, так что он, бывало, не без досады и заметит, что это на меня-де никто и не взглянет? А его и действительно крестьяне не знали. Он только ночевал у себя в Михайловском, да утром, лежа в постели, писал свои произведения; затем появлялся в Тригорском и в нашем кругу проводил все время [17, с. 13–14].

Над аналогично складывающимся о нем мифе, но уже в Тверской губернии, сам Пушкин смеялся в одном из писем своей жене: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают

мои занятия: как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава» (письмо от 11 октября 1833 г.) [16, т. 15, с. 87].

И все же главным мифотворцем, чьи «показания» Семевский фиксирует у себя в дневнике, перенеся их потом в «Прогулку в Тригорское», был Алексей Николаевич Вульф, сопровождавший Семевского в поездке из Голубово в Тригорское, в 1860–х гг. — хозяин тверского имения Малинники, а в 1822–1826 гг. — студент Дерптского университета, на каникулы приезжавший в Тригорское, привезя туда однажды и Николая Языкова. Именно Вульфу мы обязаны ставшим «классическим» описанием Пушкина, появляющегося на святогорской ярмарке, «в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкой и в коричневой шляпе, привезенной им еще из Одессы». «Весь новоржевский *beau monde*, съезжавшийся на эту ярмарку (она бывает весной) закупать чай, сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован...», — завершал он свой рассказ [17, с. 13].

Именно Вульф становится инициатором легенды, рождение которой, надо отдать справедливость, было отчасти спровоцировано и Пушкиным, о его якобы бытовом подражании поведенческому комплексу Байрона. Представление, с которым в свое время полемизировал и всячески старался его преодолеть В.М. Жирмунский в своей монографии «Байрон и Пушкин» [9].

— Вы, вероятно, знаете, — сказал мне Алексей Николаевич, вспоминая о стрельбе своей в цель с Пушкиным, — Байрон так метко стрелял, что на расстоянии 25-ти шагов утыкивал всю розу пулями. Пушкин, по крайней мере в те годы, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона. Пушкин, например, говаривал, что он ужасно сожалеет, что не одарен физической силой, чтоб делать, например, такие подвиги, как английский поэт, который, как известно, переплывал Геллеспонт... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мной сажал пули в звезду. Между прочим надо и то сказать, что Пушкин готовился одно время стреляться с известным, так называемым *американцем* Толстым... [17, с. 15].

Присущее А.Н. Вульфу желание объединить воедино жизнь и поэзию, увидев (а точнее, вспомнив), что когда-то окружали его прообразы пушкинских сюжетов и образов, в особенности дало себя

знать в его дневнике, который между тем М.А. Цявловский назвал «ценнейшим материалом для характеристики нравов среднего дворянства 20–30-х гг. [2, с. 72–86; 20]. Именно там он окончательно закрепил за своими сестрами статус прототипов пушкинских Ольги и Татьяны, за Тригорским — статус прообраза усадьбы Лариных, а за собой — прообраз Ленского, который, как и он сам был студентом немецкого университета.

С большим удовольствием перечел я сегодня 8-ю и вместе последнюю главу «Онегина», одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично — источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из пребывания Пушкина у нас, «в губернии Псковской». Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них. Многие из мыслей, прежде чем я прочел в «Онегине», были часто в беседах глаз на глаз с Пушкиным, в Михайловском, пересуждаемы между нами, а после я встречал их, как старых знакомых... (запись от 15 июня 1833) [17, с. 249].

Вообще говоря, многие из данных «применений» были отчасти подсказаны и самим Пушкиным, чей Онегин, «певцу Гюльнары подражая» переплывает речку, иронично именуемую Геллеспонтом («сей Геллеспонт переплывал»). А цимлянское, сервируемое в узких рюмках, вызывает в памяти образ Зизи — Евпраксии Николаевны («Цимлянское несут уже; / За ним строй рюмок узких, длинных, / Подобно талии твоей, / Зизи, кристалл души моей, / Предмет стихов моих невинных, / Любви приманчивый фиал, / Ты, от кого я пьян бывал!» [16, т. 6, с. 111–112]. И тогда впору задаться вопросом: а может все те свидетельства, что мы находим в описаниях Семевского, и те, что содержатся в дневнике Вульфа, мы все же можем (и даже должны) считать достоверными? Или все-таки нет?

У Ю.М. Лотмана есть статья «К проблеме работы с недостоверными источниками», в которой он, как всегда блестяще, на основе анализа «недостоверных» воспоминаний о Пушкине Надежды Михайловны Еропкиной, записанных ее внуком А.С. Сомовым, продемонстрировал: анализ заведомо

недостоверного источника позволяет нам «не только вычленив в нем некую вероятную первооснову», но и вскрыть интересные факты, касающиеся литературных впечатлений поэта, с одной стороны, и черт его бытового поведения — с другой» [13, с. 328].

Думается, что в значительной степени это положение может быть отнесено и к тригорскому быту, запечатленному в источниках, может быть, и не совсем достоверных, ибо слишком субъективных, игнорирующих художественную природу поэтического текста, но все же хранящих некую память именно бытового поведения участников тех событий. А ведь, если вдуматься, тому, что обитательницы и гости Тригорского обладали навыками литературной игры, которая и есть благодатная почва для рождения мифа, есть и документальные доказательства. Помимо шутивно зашифрованной переписки Пушкина с Анной Николаевной Вульф и Анной Петровной Керн 1825 г. (Пушкин в это время остается в Михайловском, а обитательницы Тригорского гостят в Риге; переписка эта и легла в основу концепции Л.И. Вольперт), мы имеем следующие свидетельства. Оказывается, и сама хозяйка Тригорского П.А. Осипова-Вульф, которую Пушкин называл «милая старушка», как обнаружилось много лет спустя, не чужда была любовной игре. И страницы экземпляра книги «Воспоминаний» Фридриха фон Маттисона с их «подчеркиваниями и отметками», как выясняется, были использованы не только для просвещения ума, но и для «немного разговора с таинственным незнакомцем», которым был граф Карл Вери де ла Бозиа. По-видимому, предмет тайной страсти Осиповой, которая превратила «умную» книгу в способ тайной переписки [11, с. 59–66].

Тайну не дошедшего до нас письма Пушкина к Зизи (Евпраксии Николаевне) унесет в могилу ее внучка Прасковья Петровна Зубова, показавшая уже на исходе века ученикам церковно-приходской школы во Вреве письмо Пушкина к своей бабушке, заинтриговав их, но так и не прочитав [14, с. 127–128].

Альбом одной из барышень Тригорского, Анны Николаевны Вульф, имел в качестве эпиграфа слова «Tout est mélangé dans ce monde»⁴ [12, с. 3–12]. И слова эти как нельзя лучше применимы к Тригорскому, его обитателям, но также и к памяти, которую хранит это урочище.

⁴ Все перепутано в этом мире (*фр.*).

После ухода С.С. Гейченко, который после войны был назначен директором Пушкинского государственного заповедника и который в течение почти полувека поднимал из руин входившие в него имения (Михайловское, Тригорское, позже — Петровское), который одним своим присутствием оживлял и одухотворял эти места⁵, в музейном мире началась (или она имела место всегда?) полемика об уместности мифотворчества в музейной экспозиции. Речь шла о необходимости перехода к научно верифицируемому созданию музейного пространства.

По правде говоря, сомнения появились еще и во времена Гейченко. Тартуские молодые интеллектуалы, бывшие, как и Вульф, студентами Дерптского⁶ университета, потешались в 1970-е гг. над цепью, висевшей на дубе близ дома Гейченко («Златая цепь на дубе том») и однажды ночью, сорвав ее с ветвей, схоронили на дне Сороти. Упразднены были после смерти Гейченко и мерцавшие в траве в разных местах мраморные таблички с высеченными на них строками из пушкинских стихов, подсказывавшие слишком уж прямые параллели между пейзажами Михайловского и Тригорского и поэзией Пушкина, заставляя уверовать, что написанное Пушкиным написано именно здесь и описывает именно то, что видит посетитель... (недавно, по счастью, они были восстановлены — ибо стало понятно, что это та самая мнемотехника, которая применялась в садах еще с эпохи Возрождения).

Конечно же, С.С. Гейченко был не только талантливым музейщиком, но и талантливым мифологом и мистификатором, что, во всяком случае, в его времена, означало почти одно и то же. Понимая, что для музея, чтобы он не превратился в хранилище ненужных вещей, потребна мифология («новая мифология»), он мифологизировал пространство заповедника. Отдельная вещь — суть ошибка и обман. Есть только единый поток творимой жизни. Мне неизвестно, вспоминал ли при этом Гейченко о том, что в литературе уже был однажды описан бунт вещей, в музей помещенных и вырванных из своих обычных связей⁷ (что, собственно, и составляет суть магического идеализма, превращающего мысли в вещи, а вещи в мысли). Но то,

⁵ Неоднократно повторявшимся вопросом наивных, но крайне заинтересованных туристов во времена Гейченко было: «Скажите, а стихотворение “Домовому” Пушкина посвящено С.С. Гейченко?» Вода в студенческие годы экскурсии по Михайловскому, я сама однажды отвечала на данный вопрос.

⁶ Немецкое название Дерпт (Дорпат) сохранялось до 1893 г., когда городу был возвращено первоначальное название Юрьев, а в 1924 г. он вновь был переименован, получив эстонское наименование Тарту.

⁷ Имеется в виду незаконченный роман Новалиса «Ученики в Саисе».

что он это в любом случае чувствовал и осознавал — несомненно. Как писал один из первых (если не первый) летописец самого С.С. Гейченко, «ученый со своим вечным “почему” с первых его дней здесь неразрывно соседствовал в нем с хранителем и художником, спрашивающим при этом еще и “как”, чтобы наука оборачивалась поэзией, без чего здесь все будет неправдой. <...> для остальных музеев, может, это и не годится. Но здесь, при редком согласии хозяина и домового, выходило как-то так, что все приживалось и ты поневоле думал: ну да, при Пушкине не было, потому что он был тогда молод и этого было не надо, а вот теперь, когда он совсем в Михайловское вернулся, очень даже надо. В том-то и дело, что директору нужна была не консервация, не восковая фигура невозвратного Михайловского, а живая усадьба с дрящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью, чтобы вороны, как два века назад, кланялись востоку с криком “аллах”, ласточки щебетали “мир вам”, аисты пели на заре жалостливое и приятное, кот Васька ходил по усадьбе в специально сшитых на цепкие лапы сапогах, чтобы не хватал птиц, <...> соседние усадьбы сверкали окнами и хрустели крахмалом скатертей на случай пушкинского порыва приехать» [10, с. 26–28].

С этим были связаны и знаменитые устные квазимпровизации Гейченко о кукующей кукушке, которая не просто кукушка, «но пра–пра–правнучка той кукушки, которую слышал Пушкин». И превращение местных петухов в «египетских» хутопов (перевертыш-палиндром), хутопа первого, второго и далее. И порой почти наивное воскрешение той самой мифологии, которую мы уже встречали у Вульфа и Семевского, в знаменитом гейченковском «У Лукоморья», когда уже даже не Вульф, и не Марья Ивановна, но сам Пушкин, читая у роля главы Онегина в Тригорском, признается:

— Дорогие, не только в четвертой, но и в этой новой главе «Онегина» я изобразил свою жизнь в деревне — у себя, здесь, у вас. И кое-кому сейчас услышится то, что у меня на душе, узнает кое-что из вас, мой идеал...

<...> Он читал долго и вдохновенно. Его целовали, им любовались. И было все торжественно, как в старинном храме в Светлое Воскресение [6, с. 250–251].

А между тем, С.С. Гейченко был отнюдь не наивен. Близкому другу он как-то сказал:

— Я не люблю разоблачений в поэзии. Ленский — это Туманский и т. д. Ну и что тебе с этого?.. Образ должен оставаться образом.

Тем более неизвестно, кто теперь реальнее для читателя — Ленский или Туманский... [10, с. 119].

*Группа ветеранов, освобождавших Пушкинские горы в 1944 г.
В центре – директор заповедника С.С. Гейченко. Фото 1978 г.
A group of veterans-liberators of Pushkinskie Gory. S.S. Geychenko,
director of the museum, is in the centre of the photo (1978)*

В 1918 г. дом в Тригорском был сожжен⁸. В акте о состоянии села Тригорское, составленном 28 (15) апреля 1918 г., было отмечено: остальные постройки сохранились от пожара, но превращены в хаотическое состояние. В парке также полнейший беспорядок. Разграбление и систематическое хищение со времени поджога. Несожженные постройки проданы гражданам.

⁸ Очевидец событий описывала: «Утром донесли откуда-то слухи: летел аэроплан и сбросил “приказ” — в три дня чтобы сжечь все село. — Ночью выходили смотреть зарево. Вторую ночь видим зарево влево от Тригорского. Вчера и третьего дня сожгли три усадьбы: Васильевское, Батово, Вече. Сегодня жгут, вероятно, Лысую Гору» (Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском (РО ИРЛИ. 14487/L XXXIV/ б 7)). Дочь последнего хозяина имения Тригорское М. Пальмова, который арендовал его у С.Б. Вревской, вспоминала: «Об этих ужасах не стоит говорить. Наше концертное пианино кто-то увез и поставил на открытом воздухе. Библиотека пошла на поджигание дома. Парк рубили... все пришло в разрушение» [15, с. 37].

Официальной датой создания Пушкинского заповедника стало 17 марта 1922 г. Совнарком принял постановление, подготовленное Луначарским, о создании государственного заповедника «Пушкинский уголок», в составе усадеб Михайловское и Тригорское. Но уже в 1930–1933 гг. заповедник с музеем Пушкина с сельхоз угодьями передается Музею социалистического строительства и реконструкции сельского хозяйства. И если в Михайловском была устроена показательная ферма (кооператив «Красный партизан»), а домик няни превращен в пчельник, то в Тригорском на несколько лет расположился совхоз (см.: [19; 18; 1, с. 15–36]). А потом была война.

После освобождения Пушкинских гор к 1949 г. расчистили аллеи и пруды, провели лечение пострадавших во время войны деревьев. Однако восстановление усадебного дома, за которое ратовали многие деятели культуры, стало возможным лишь к 1962 г.

Музей в Тригорском создавался практически с нуля. И совершенно непонятным было его наполнение, поскольку подлинных вещей почти не оставалось, а те вещи, которые когда-то были в Тригорском, были еще до войны перенесены в Михайловское и во время войны утрачены. И потому еще до открытия дома начинается обсуждение его возможной экспозиции. «Если в Михайловском страдали от недостатка экспозиционной площади, то теперь, в новом доме Тригорского мы получаем ее в избытке. Перед нами возникает даже своеобразная трудность — недостаток материала», — скажет С.С. Гейченко в Отчете об открытии Дома-музея Осиповых-Вульф в Тригорском.

О том, как эта трудность решалась и была решена, свидетельствуют сохранившиеся протоколы Совещаний научно-музейной части Пушкинского заповедника, один из которых мы приводим ниже. И, поразительным образом, именно они дают понимание, как С.С. Гейченко на практике решал обозначенную выше дилемму: потребность необходимости мифологизации музейного пространства и свою собственную нелюбовь к «разоблачениям в поэзии».

Приношу благодарность хранителю усадьбы Тригорского Р.В. Бурченковой за возможность познакомиться с данными протоколами, которые для нас имеют безусловную историческую, эпистемологическую и просто человеческую ценность⁹.

⁹ Синтаксис и правописание оригинала сохранены.

Приложение

Протокол Совещания научно-музейной части Пушкинского заповедника от 31 марта 1960 г.

Присутствовали: С.С. Гейченко — директор Пушкинского заповедника.

Д.Ш. Сот — зам. директора

В.С. Бозырев — научный сотрудник

А.Ф. Теплов — научный сотрудник

Т.Ю. Мальцева — зав. библиотекой

В.Я. Шпинев — начальник охраны

М.Л. Овчинникова — временный экскурсовод

Повестка дня

1. Сообщение Д.Ш. Сот. Пушкинский «Талисман».

2. Сообщение Д.Ш. Сот. Комментарий к стихотворению Пушкина «Послание Дельвигу».

Слушали: Сообщение Д.Ш. Сот. Пушкинский «Талисман» (сообщение прилагается).

Выступления

В.С. Бозырев. Конечно, нужно иметь слепок «Талисмана» в экспозиции, это будет интересно. Но мне кажется, что Д.Ш. Сот увлечена своей темой и как тогда бывает, у нее получается, что талисман — центр всей лирики Пушкина. Не будет слишком большое внимание сконцентрировано на нем в ущерб политической и общественной лирике? Я боюсь крайности, вызванной слишком большой влюбленности Д.Ш. Сот в эту тему.

Д.Ш. Сот. Политическая лирика — одно, «Талисман» — другое. Ведь интимная лирика должна быть представлена в экспозиции. (86)
<...>

С.С. Гейченко. Д.Ш. Сот уже пять лет тому назад подала заявку на эту тему. Но от заявки до осуществления ее очень далеко. Это так же далеко, как от заявки писателя на книгу в издательство до появления книги. Мы тоже пишем книгу, но книгу вещественную. Экспозиция — это книга, написанная вещами. Теперь пора переходить от заявки к ее осуществлению, думать о том, как ввести эти материалы в экспозицию. Этот вопрос очень сложный. Ведь Талисман — такая

вещь, которую никто не бросает, не держит на виду. Л.С. Пушкин даже не доверял его М. Калашникову, чтобы доставить Пушкину. Следовательно, нужно очень тонко подойти к тому, куда и как его поместить в экспозиции. На письмо Тургенева его не повесишь, на стол в кабинете его положить нельзя.

Не следует обвинять работников Всесоюзного музея Пушкина в профанации экспозиции на том основании, что они еще не видели места, чтобы достойно показать слепок с талисмана. Это очень сложно. М.М. Калаушин¹⁰ — опытный музейный работник и он наверно много думает над этим, но решения еще не нашел. Придет время и решение будет найдено. Надо иметь в виду, что ведь это — не подлинная вещь, а слепок, из обыкновенного современного медицинского гипса, и это сразу бросается в глаза. Еще раз повторяю, что сейчас надо искать решение, куда поместить слепок.

Д.Ш. Сот. Может быть, поместить его в витрину, а на столе в кабинете положить письмо Пушкина с оттиском «Талисмана».

Т.Ю. Мальцева. Посетителям трудно будет увидеть этот оттиск, ведь стол стоит далеко от посетителя.

С.С. Гейченко. Так как о «Талисмане» в этом случае будем говорить дважды, посетители обратят внимание на оттиск. Я считаю, что это хорошее решение.

ПОСТАНОВИЛИ

1. Одобрить сообщение Д.Ш. Сот.
2. Внедрить в экспозицию Дома-музея А.С. Пушкина слепок с Пушкинского «Талисмана» и автограф письма И.С. Тургенева о нем.
3. Поручить Д.Ш. Сот получить указанную вещь или опись с нее и разработать конкретную схему внедрения ее в экспозиции.
4. Слушали: Сообщение Д.Ш. Сот «Комментарий к стихотворению А.С. Пушкина «Послание Дельвигу» (сообщение прилагается).

Выступления:

С.С. Гейченко. Меня смущает то, то в Риге не было университета, а гробница Дельвига находится в Риге. Дело же происходит в Дерпте. Может быть, послание Пушкина — просто шутка и никакого черепа не было? Ведь везти череп из Михайловского для Пушкина в его положении было очень сложно.

¹⁰ Друг Гейченко, член закупочной комиссии.

Д.Ш. Сот. Но А. Дельвиг в своих воспоминаниях говорит о том, что череп действительно был.

С.С. Гейченко. Вульф держал в нем табак. Это значит, что это был не целый череп, а часть черепа, специально отделанная под табакерку. Из целого череп доставать табак неудобно. Я сам видел такие вещи. Они в свое время были модными. Должен сказать, что этот комментарий к стихотворению перестает быть комментарием. Д.Ш. Сот отвлекается слишком в сторону и говорит много о вещах, не имеющих прямого отношения к данной теме. Выступать с таким сообщением перед музейными работниками Всесоюзного музея Пушкина не имеет смысл.

Д.Ш. Сот. Я буду выступать с этим сообщением на заседании Пушкинского сектора ИРЛИ.

С.С. Гейченко. Тогда другое дело. Для сектора ИРЛИ это интересно как комментарий к стихотворению, для ВМП — нужны комментарии, касающиеся только вещи. Необходимо сократить и убрать из него все, что прямо не относится к стихотворению Пушкина. Иначе это не комментарий.

В.С. Бозырев. У Д.Ш. Сот получилось логично и интересно, но доклад по объему и содержанию выходит за рамки комментария к стихотворению.

Т.Ю. Мальцева. В экспозицию Тригорского было бы интересно поместить часть черепа, отделанную под табакерку, но если поместить череп человека, это бы вызвало нежелательную реакцию среди посетителей.

Д.Ш. Сот. Я считаю череп-табакерку Пушкина в экспозиции Тригорского, ибо эта вещь отмечена стихотворением Пушкина, интересной, но —

Т.Ю. Мальцева. Интересна часть черепа, а не весь череп.

М.Л. Овчинникова. Если поместить череп целиком, посетителям будут говорить: «Что ты видел в Тригорском? — череп». Это отвлекает их от всего остального.

С.С. Гейченко. Конечно, надо поместить не череп, а часть черепа как бытовую вещь — табакерку.

А.С. Теплов. Сообщение Д.Ш. Сот интересно, но — это не комментарий, оно выходит за рамки комментария. Советую вам посмотреть интересную статью об этом стихотворении Виноградова.

Д.Ш. Сот. В этой статье говорится совсем о другом. Вопросы, которые ставлю я, никто еще не затрагивал.

С.С. Гейченко. Д.Ш. Сот ушла далеко от прямого комментирования вещи. Вы углубляетесь в вопросы народного образования,

в вопросы состояния науки в ту эпоху. Это стихотворение вам право на это не дает.

А.Ф. Теплов. Оно не дает также право утверждать, что Пушкин в своей записке о народном воспитании обвинил правительство в том, что оно явилось причиной восстания декабристов, т. к. не проявило заботы о народном образовании.

Д.Ш. Сот. Нельзя не заметить, что ссылаясь на недостаточную просвещенность участников восстания как причину их выступления и предлагая правительству улучшить образование, Пушкин выразил косвенный упрек императору Александру в том, что правительство своевременно не обратило должного внимания на постановку дела народного образования в России. И этим не предотвратило восстания. Но он дает замечательную картину жизни и быта студенчества, характеризующую в определенной степени состояние образования. Он бьет беспощадно, говорит о том, что волновало тогда всех передовых людей. В частности, он бьет по самому больному месту Вульфа и Языкова. Я утверждаю, что у меня написан именно комментарий, помогающий понять суть стихотворения.

Постановили:

1. Одобрить работу Д.Ш. Сот.
2. Внедрить в будущую экспозицию дома Осиповых-Вульф в Тригорском череп-табакерку.
3. Поручить Д.Ш. Сот разыскать и приобрести указанную вещь и разработать конкретную схему внедрения ее в экспозицию.

Председатель: Гейченко

Секретарь: Т.Ю. Мальцева¹¹.

Обратим внимание на то, что вещи-экспонаты, которые сотрудники так хотели внедрить в экспозицию Тригорского дома, прямого отношения к годам Михайловской ссылки не имели. В одном случае это был перстень, заставляющий вспомнить предполагаемую любовную историю Пушкина одесского периода. В другом случае (череп, якобы подаренный Дельвигом) реконструировался эпизод 1827 г., т. е. тоже не михайловского периода. Но то и другое могло стать в доме зрелищем и сотворить еще один необходимый миф.

¹¹ Л. 86, 88–91.

*Хендрик Адриссен. Натюрморт с черепом. XVII век, холст, масло
Hendrick Andriessen. Vanitas still life with a skull (17th century, canvas, oil)*

Как же выходит из положения Гейченко? Найдём ли мы след описанной выше дискуссии в экспозиции дома?

На самом деле, след есть. Но именно след, а не прямой сколок: слепка утраченного перстня, подаренного Пушкину Е.К. Воронцовой, или непонятно чьего черепа (вариант — пепельницы в виде черепа), как предлагали сотрудники в 1960-е гг., в результате в экспозиции нет. Зато в комнате Вульфа мы находим: «Натюрморт с черепом» Хендрика Адриссена (XVII в., холст, масло). А в зальце — лубочную картинку 1836 г. «Талисман».

*Талисман. Лубочная картинка. 1836 г.
A Talisman (1836, cheap popular print)*

Музейное пространство мыслится как суггестивное. Миф присутствует, но... в заретушированном виде. Имеющий уши да услышит. Имеющий глаза да увидит...

Литература

1. Бурченкова Р.В. Из истории Пушкинского заповедника // Михайловская пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 15–36.
2. Бурченкова Р.В. Комментарии к фрагментам личного дела Алексея Вульфа дерптского студента 1822–1825 гг. // Михайловская пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 72–86.
3. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М.: Языки рус. культуры, 1998. 327 с.

4. *Вольперт Л.И.* Пушкин и Шодерло де Лакло (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник. Псков: [Б. и.], 1972. С. 84–114.
5. *Вульф А.Н.* Дневники: 1827–1842 // Любовный быт Пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 79–265.
6. *Гейченко С.С.* Однажды в замке Тригорского // У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. М.: Книжный клуб Книговек, 2020. С. 250–251.
7. *Дмитриева Е.Е.* Апология живости. Памяти Ларисы Ильиничны Вольперт // Временник Пушкинской комиссии. Сб. науч. тр. СПб.: Восток, 2019. Вып. 33. С. 220–236.
8. *Долинин А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 315 с.
9. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
10. *Курбатов В.* Домовой. М.: Изд. Группа 1900, 2021. 160 с.
11. *Левкова Л.В.* Автограф и пометы П.А. Осиповой на книге из ее библиотеки // Михайловская пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 59–66.
12. *Лобанова Э.Ф.* Альбомы обитателей Тригорского в контексте бытовой культуры XIX века // Михайловская Пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 3–12.
13. *Лотман Ю.М.* К проблеме работы с недостоверными источниками // *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 324–329.
14. *Лукина Н.В.* Семья Евфимии Борисовны Вревской (в замужестве Зубовой) во второй половине XIX – начале XX веков // Михайловская Пушкиниана. М.: МЦНТИ, 1999. Вып. 2. С. 127–128.
15. *Никифоров В.Г.* О последнем владельце Тригорского // Михайловская пушкиниана. М.: Вербум-М, 2000. Вып. 6. С. 89–104.
16. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. 1837–1937: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
17. *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 5–78.
18. *Сергеева-Кляцис А.* Повседневная жизнь Пушкиногорья. М.: Молодая гвардия, 2018. 334 с.
19. *Тимошенко Д.* «...От судеб защиты нет». Михайловское в 1934–1941 гг. Псков: [Б. и.], 2013. 392 с.
20. *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. 875 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Pushkin's Trigor'skoye as a Source of Myth-making: Fiction Versus Pragmatics

© 2022. Ekaterina E. Dmitrieva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00051).

Abstract: In 1824 Pushkin was exiled to his mother's estate Mikhailovskoye, where he was to stay until 1826. Then he was set free by the enthroned Tsar Nicholas I. Praskovia Alexandrovna Osipova-Vulf, the mistress of Trigor'skoye, and her numerous family were Pushkin's only neighbours during his exile period. A myth was gradually forming in the minds of Pushkin's readers and admirers. According to this myth Pushkin depicted Trigor'skoye in the village chapters of "Eugene Onegin," Trigor'skoye ladies and their mother became the prototype of the novel's female characters, and Osipova's son Alexey Wulf, then a student in Dorpat, became the prototype of Lensky. This myth, which in fact ignores the aesthetic self-value of a literary text, was started by M.I. Semevsky's essay "A Trip to Trigor'skoye," as well as by Alexey Wulf's own "Diary." The paper deals with this myth evolution, considering how it subsequently rises from the realm of essays and memoirs to become a part of scholarly works and forms the concept basis of the museum space after the house-museum in Trigor'skoye was founded. The appendix contains the minutes of a scientific meeting of the Pushkin's Reserve's staff in 1960, which reveals the mechanism of Trigor'skoye mythologemes' introduction into the museums space.

Keywords: Trigor'skoe, myth-making, Pushkin, Semevsky, Geichenko, museum exposition.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

For citation: Dmitrieva, E.E. "Pushkin's Trigor'skoye as a Source of Myth-making: Fiction Versus Pragmatics." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 211–232. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-211-232>

References

1. Burchenkova, R.V. “Iz istorii Pushkinskogo zapovednika” [“From the History of the Pushkin Reserve”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhailovskoye]*, issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 15–36. (In Russ.)
2. Burchenkova, R.V. “Kommentarii k fragmentam lichnogo dela Alekseia Vul’fa, derptsogo studenta 1822–1825 gg.” [“Comments on Fragments of the Private Affair of Alexei Wulff, a Dorpat Student of 1822–1825”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhailovskoye]*, issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 72–86. (In Russ.)
3. Vol’pert, L.I. *Pushkin v roli Pushkina. Tvorcheskaja igra po modeliam frantsuzskoi literatury. Pushkin i Stendal’ [Pushkin in the Role of Pushkin. A Creative Play Based on Models of French Literature. Pushkin and Stendhal]*. Moscow, Iazyki russkoi kultury Publ., 1998. 327 p. (In Russ.)
4. Vol’pert L.I. “Pushkin i Shoderlo de Laklo (Na puti k ‘Romanu v pis’makh’.)” [“Pushkin and Choderlo de Laclou (On the Way to the ‘Novel in Letters’)”]. *Pushkinskii sbornik [Pushkin Collection]*. Pskov, [S. n.], 1972, pp. 84–114. (In Russ.)
5. Vul’f, A.N. “Dnevniki: 1827–1842” [“Diaries: 1827–1842”]. *Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi [Love Life of the Pushkin Era]*. Moscow, Sovremennik Publ., 1999, pp. 79–265. (In Russ.)
6. Geichenko, S.S. “Odnazhdy v zamke Trigorskogo” [“Once in the Castle of Trigorsky”]. *U Lukomor’ia. Rasskazy khranitelja Pushkinskogo zapovednika [Near Lukomorye. Stories of a Custodian of the Pushkin Reserve]*. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek Publ., 2020, pp. 250–251. (In Russ.)
7. Dmitrieva, E.E. “Apologiia zhivosti. Pamiati Larisy Il’ichiny Vol’pert” [“An Apology for Liveliness. In Memory of Larisa Ilyinichna Volpert”]. *Vremennik Pushkiskoi komissii. Sbornik nauchnykh trudov [Chronicle of the Pushkin Commission. Collection of Academic Articles]*, issue 33. St. Petersburg, Vostok Publ., 2019, pp. 220–236. (In Russ.)
8. Dolinin, A. *Istoriia odetaia v roman: Val’ter Skott i ego chitateli [A History Dressed in a Novel: Walter Scott and His Readers]*. Moscow, Kniga Publ., 1988. 315 p. (In Russ.)
9. Zhirmunskii, V.M. *Bairon i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literature]*. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 423 p. (In Russ.)
10. Kurbatov, V. *Domovoi [Brownie]*. Moscow, Gruppa 1900 Publ., 2021. 160 p. (In Russ.)
11. Levkova, L.V. “Avtograf i pomety P.A Osipovoi na knige iz ee biblioteki” [Autograph and Notes of P.A. Osipova in a Book from her Library”]. *Mikhailovskaia pushkiniana [Pushkiniana in Mikhailovskoye]*, issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 59–66. (In Russ.)
12. Lobanova, Ie.F. “Al’bomy obitatelei Trigorskogo v kontekste bytovoi kul’tury XIX veka” [“Albums of the Inhabitants of Trigorsky and the Everyday Culture in the 19th Century”]. *Mikhailovskaia Pushkiniana [Pushkiniana in Mikhailovskoye]*, issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 3–12. (In Russ.)
13. Lotman, Iu.M. “K probleme raboty s nedostovernymi istochnikami” [“Working with Unreliable Sources”]. Lotman, Iu.M. *Pushkin: Biografiia pisatelja; Stat’i i zametki,*

1960—1990; “Evgenii Onegin”: *Komentarii* [Pushkin: *Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960–1990; “Eugene Onegin”: Commentary*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1995, pp. 324–329. (In Russ.)

14. Lukina, N.V. “Sem’ia Evfimii Borisovny Vrevskoi (v zamuzhестве Zubovoi) vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov” [“The Family of Euphemia Borisovna Vrevskaya (married Zubova) in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries”]. *Mikhailovskaia Pushkiniana* [Pushkiniana in Mikhaylovskoye], issue 2. Moscow, MTsNTI Publ., 1999, pp. 125–132. (In Russ.)

15. Nikiforov, V.G. “O poslednem vladel’tse Trigorского” [“About the Last Owner of Trigor’sky”]. *Mikhailovskaia pushkiniana* [Pushkiniana in Mikhaylovskoye], issue 6. Moscow, Verbum-M Publ., 2000, pp. 89–104. (In Russ.)

16. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii. 1837–1937: v 16 t.* [Complete Works. 1837–1937: in 16 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR, 1937–1959. (In Russ.)

17. Semevskii, M.I. “Progulka v Trigor’skoe” [“A Walk to Trigor’skoye”]. *Liubovnyi byt pushkinskoi epokhi* [Love Life of the Pushkin Era]. Moscow, Sovremennik Publ., 1999, pp. 5–78. (In Russ.)

18. Sergeeva-Kliatis, A. *Povsednevnaia zhizn’ Pushkinogor’ia.* [Everyday Life of Pushkinogorye]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018. 334 p. (In Russ.)

19. Timoshenko, D. “...Ot sudeb zashchity net.” *Mikhailovskoe v 1934–1941 gg.* [“...There is no Protection from the Fates.” *Mikhailovskoye in 1934–1941*]. Pskov, [S. n.], 2013. 392 p. (In Russ.)

20. Tsiavlovskii, M.A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina* [Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin], issue 1. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 875 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.07.2022
Одобрена после рецензирования: 02.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 09.07.2022
Approved after reviewing: 02.08.2022
Date of publication: 25.09.2022

Поэтосфера дачи в творчестве В.В. Маяковского

© 2022, Н.В. Михаленко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051.

Аннотация: В раннем творчестве В.В. Маяковского образы усадьбы и дачи обычно интерпретировались в юмористическом ключе, были связаны с ушедшей в прошлое дворянской жизнью. Однако именно в Куоккале, Левашово под Петроградом поэтом были написаны значительные части поэм «Облако в штанах» и «Мистерия-буфф». Дачная жизнь в подмосковном Пушкино вместе с Л.Ю. и О.М. Бриками летом 1920–1929 гг. также способствовала творчеству. Это место упомянуто в заглавии «Необычайного приключения...», там разворачиваются события этого произведения, сюжеты стихов «Отношение к барышне», «Гейнеобразное», «Дачный случай» и др. связаны с летним времяпрепровождением. Отдельные главы поэмы «Хорошо!» впервые были прочитаны именно на даче летом 1927 г. На материале записных книжек поэта № 8 (январь–май 1921 г.) и № 15 (январь–июнь 1922 г.), предоставленных Государственным музеем В.В. Маяковского, в статье рассматривается работа над стихами 1920 г. и поэмой «Пятый Интернационал», наиболее ярко отразивших особенности дачного быта поэта. Фрагменты текстов записных книжек публикуются впервые.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, Л.Ю. Брик, Пушкино, «Необычайное приключения, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», записные книжки Маяковского № 8, 15.

Информация об авторе: Наталья Владимировна Михаленко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Для цитирования: Михаленко Н.В. Поэтосфера дачи в творчестве В.В. Маяковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 233–251. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>

Дачная тема в творчестве В.В. Маяковского еще мало изучена, хотя именно в Подмоскovie им были написаны многие произведения, происходило общение поэта с другими деятелями литературы и искусства. Свидетельством кропотливой литературной работы Маяковского даже в летнее время стали его записные книжки.

Отношение к размеренной усадебной, дачной жизни в период расцвета футуризма у Маяковского было отрицательным. Так, 7 мая 1913 г. во время выступления в «Обществе свободной эстетики» на чествовании Бальмонта он высказался очень резко:

— Когда вы, — говорит он, — начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью. В свое время и нам были близки ваши искания, ваши плавные, мерные, как качалки и турецкие диваны, стихи. Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспевает всего этого. Наша лира звучит о днях современных. Мы слитны с жизнью. Вы восходили по шатким, скрипящим ступеням на древние башни и смотрели оттуда в эмалевые дали. Но теперь в верхних этажах этих башен приютились конторы компаний швейных машин, в эмалевых даях совершаются «звездные» пробеги автомобилей [14].

В автобиографии «Я сам» жизнь в Куоккале под Петроградом летом 1915 г. он также описал в ироническом ключе:

Семизнакомая система (семипольная). Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, понедельник — Евреинова и т. д. В четверг было хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело. Вечера шатаюсь пляжем. Пишу «Облако». <...> Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький облакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горький рыдает на каждом поэтическом жилете [10, с. 23].

О тяжелой и плодотворной работе Маяковского над поэмой «Облако в штанах» так писал К.И. Чуковский:

Это продолжалось часов пять или шесть — ежедневно. Ежедневно он исхаживал по берегу моря 12–15 верст. Подошвы его стерлись от камней, нанковый синеватый костюм от морского ветра и солнца давно уже стал голубым, а он все не прекращал своей безумной

ходьбы. <...> Каждый вечер, придумав новые строки, Маяковский приходил ко мне, или к Кульбину, или к художнику Пуни и делился своей новой продукцией. Иногда — в течение недели ему удавалось создать семь или восемь стихов, и тогда он жаловался, что у него —

Тихо барахтается в тине сердца

Глупая вобла воображения.

Иногда какая-нибудь рифма отнимала у него целый день, но зато, записав сочиненное, он уже не менял ни строки. Записывал он большей частью на папиросных коробках... [15, с. 285–286].

Вынужденная жизнь летом 1918 г. в Левашово под Петроградом из-за вспышки холеры в городе, вероятно, способствовала тому, что Маяковский смог сосредоточиться на написании «Мистерии-буфф». Как вспоминала Л.Ю. Брик,

кормили каждый день соленой рыбой с сушеным горошком. Хлеб и сахар привозила из города домработница Поля. Поля пекла хлеб в металлических коробках из-под бормановского печенья «Жорж» — ржаной, заварной, вкусный. Ходили за грибами. Грибов много, но одни сыроежки, зато красивые, разноцветные. Отдавали на кухню жарить. По вечерам играли в карты, в «короля»... Между пейзажами, «королем», едой и грибами Маяковский читал нам только что написанные строчки «Мистерии». Читал весело, легко. Радовались каждому отрывку, привыкли к вещи, а в конце лета неожиданно оказалось, что «Мистерия-буфф» написана и что мы знаем ее наизусть [1, с. 134].

Здесь Маяковский рисовал пейзажи, играли в карты на фанты.

В дальнейшем Маяковский вместе с Бриками в 1920–1929 гг. снимали на лето дачу в Пушкино¹. К этому подмосковному месту поэт относился очень тепло. В телеграмме из Евпатории Лиле Брик он писал так: «“Скучаю беспокоюсь. Телеграфируй немедленно Евпатория Дюльбер. Около 15 обязательно приеду отдыхать лучший курорт Пушкино. Целую” Твой Счен» (31 июля 1928 г.) [16, с. 174].

В стихотворении «Дачный случай» (1928), которое начинается иронической строкой («Я нынешний год / проживаю опять / в уже / классическом Пушкино» [7, с. 332]), поскольку эта местность была описана Маяковским в «Необычайном приключении...» (1920), так характеризуется дачный быт:

¹ См. об этом подробно: [13].

Цветов
детвора
обступает меня,
так называемых —
лютиков.
Вверху
зеленеет
березная рядь,
и ветки
радугой дуг... [7, с. 332–333].

О простом дачном быте и неизменном гостеприимстве Маяковского и Бриков сохранилось множество свидетельств. Так, В.А. Катанян вспоминал о посещении этого дома в 1927 г.:

Дача обыкновенная, подмосковная, двухэтажная, посередине участка. В саду стояли березы, росли грибы, гости играли в городки. На террасе обедали, разговаривали, играли в новую игру — пинг-понг. И слушали стихи. Комната Маяковского, угловая, выходила одним окном на террасу, другим в сад. Это только дачный ночлег. Ничего не то что лишнего, но и вообще почти ничего. Тахта, небольшой стол, на столе кожаный бювар, который он носил вместо портфеля, револьвер Байард, бритва, две очень хорошие фотографии Ленина и несколько книг. Что это были за книги? По всей вероятности те, которые нужны были ему тогда в работе над поэмой, те самые, из которых добывались, как говорит автобиография, — «для перебивки планов факты различного исторического калибра» [5, с. 285–286].

Рита Райт в своих воспоминаниях отмечала дружескую атмосферу на даче в Пушкино, хлебосольство хозяев:

Бедная старая Аннушка каждое воскресенье за утренним чаем, сокрушенно вздыхая, спрашивала: — Сколько же их приедет к обеда-то? На что Маяковский неизменно отвечал: — А вы сделайте всего побольше, на всякий случай, — а потом добавлял, ни к кому не обращаясь: — Кажется, я вчера всех звал, кого видел, — человек двадцать [13, с. 272].

Здесь царил творческая атмосфера, Маяковский читал близким друзьям свои новые произведения. Летом 1927 г. Маяковский начал писать поэму «Хорошо!». Н.А. Брюханенко вспоминала, что он

постоянно, даже по пути на дачу, повторял строки, старался найти наиболее точные слова:

Я помню, когда мы ехали в поезде из Пушкино, Маяковский всю дорогу твердил, негромко, но выразительно, все одни и те же строчки —

И над белым тленом,
как от пули падающий,
на оба

колена

упал главнокомандующий.

Он как бы примеривал их в чтении, — и только после записывал в книжку [2, с. 180].

Катанян вспоминал, как именно в Пушкино впервые услышал главы из поэмы «Хорошо», над которой поэт в то время работал (лето 1927 г.):

Маяковский читал стихи. Это была четвертая глава будущей поэмы «Октябрь» — о Милюкове и Кусковой. Потом он прочел шестую, где описан день 25 октября и взятие Зимнего. <...> Итак, Маяковский прочел тогда две главы... Это было одно из первых чтений (если не самое первое), одно из тех, о которых он как-то заметил в письме: «вполголоса и одиночкам». Да, народу было совсем немного. Слушавшие не были специально для этого созданы [5, с. 285].

Своеобразная манера создания поэтических произведений во время прогулки стала частью и дачного быта Маяковского. Вместе с Л. Брик они «много гуляли, собирали грибы. Грибов в те годы было много, и они составляли большое подспорье в еде. Во время прогулок поэт был неразговорчив, думая о своем или сочиняя. Лиля сначала обижалась, потом поняла его» [4, с. 54].

Над текстами к плакатам РОСТА, куда Маяковский почти ежедневно ездил, он часто работал в электричке — по пути в Москву или возвращаясь на дачу, что отразилось в записных книжках 1920–1921 гг. Например, наряду с автографами текстов будущих плакатов в записной книжке № 8 (январь–май 1921 г.) сохранилось и расписание пригородных поездов² (См. об этом подробнее — [11]).

² Расписание поездов из Москвы в Пушкино и обратно есть и в записной книжке № 25 (конец весны – лето 1924 г.).

Реалии дачного времяпрепровождения отразились в творчестве поэта, письмах, записных книжках. Об этих местах он писал в стихотворениях «Отношение к барышне» (1920), «Гейнеобразное» (1920), «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920), «Мы отдыхаем» (1928), «Дачный случай» (1928), поэме «Пятый Интернационал» (1922). Рассмотрим, пользуясь материалами записной книжки № 5 (январь — август 1920 г.), как рождались стихи, написанные летом 1920 г. и связанные с пребыванием поэта в Пушкино.

Стихи «Отношение к барышне» созданы не позднее июля 1920 г. Л. Брик так рассказывала об истории появления этих стихов:

Лирические стихи, написанные этим «ростинским» летом в Пушкине, Маяковский сочинял, гуляя по вечерам вдоль лесной опушки и где-то на дачных улицах. Недалеко от домика Румянцевой в настоящей большой даче жили две сестры-дачницы. Обе хорошенькие. И на той же, кажется, улице — красивая рыженькая девушка. О младшей из сестер и о рыженькой написаны «Отношение к барышне» и «Гейнеобразное». Маяковский собирался написать цикл таких стихов, но пора было уезжать [1, с. 56].

Если сравнить черновую запись этого стихотворения с окончательным вариантом, то можно заметить, что в записной книжке № 5 Маяковский несколько завуалировал чувства лирического героя. В итоговый текст он не включил описание страстного взгляда («Тонелем любви мутнели / Глаза темнотою шли...»), эмоциональной оценки состояния («Не удержишься...»). Личное «души моей крут обрыв» было заменено на обобщенное «страсти крут обрыв». Вероятно, работу над стихотворением Маяковский начал со второй части, с части-парадокса, где герой прекращает общение с барышней, наставляя ее «как добрый родитель».

Таблица 1 – Отношение к барышне (1920)
Table 1 – Attitude towards the young lady (1920)

Записная книжка	Окончательный текст
Л. 14. Тонелем любви мутнели Глаза темнотою шли Не удержишься \и/ еле еле наклонился я и лишь	Этот вечер решал — не в любовники выйти ль нам? — темно, никто не увидит нас.

Я сказал \говорю/ ей как добрый родитель любви страсти Души моей крут обрыв Будьте добры отойдите отойдите будьте добры Л. 14 об. этот вечер решал не любовниками выйти ль нам Никто не видит нас И я наклонился действительно И действительно я наклоняюсь	Я наклонился действительно, и действительно я, наклоняясь, сказал ей, как добрый родитель: «Страсти крут обрыв — будьте добры, отойдите. Отойдите, будьте добры» [б, с. 139].

Вероятно, и стихотворение «Гейнеобразное» (конец июля – начало августа 1920 г.), Маяковский писал, начиная с экспрессивного образа «гремения», «молний» возлюбленной, а дальше выстраивал всю историю. Для повышения эмоционального накала дистантное «вы» в стихах он заменил на более близкое «ты». Можно предположить, что передать переживания героини он хотел с помощью эмоциональной градации — от описания ее шока, невозможности произнести ни слова, поэтому первым на Л. 24 об. и записано слово «немая», до «грома» и крика. Поскольку, по свидетельству Л. Брик, Маяковский хотел продолжить цикл таких дачных стихов, возможно, были бы написаны еще сценки, раскрывающие взаимоотношения возлюбленных.

Таблица 2 – Гейнеобразное (1920)

Table 2 – Heine-like (1920)

Записная книжка	Окончательный текст
Л. 24 об. немая Не надо ни слова я все понимаю Остановитесь милая Гремения прекратите ваши Если молнией меня не убило	Молнию метнула глазами: «Я видела — с тобой другая. Ты самый низкий, ты подлый самый...» — И пошла, и пошла, и пошла, ругая.

То гром <м>не наверно не страшен Л. 25 Молнию метнула глазами Я видала с вами другая Вы подлый и низкий самый пошла и пошла, ругая	Я ученый малый, милая, громыханья оставьте ваши. Если молния меня не убила — то гром мне, ей-богу, не страшен [6, с. 140].

О чтении «Необычайного приключения, бывшего с Владимиром Маяковским летом на даче» и связи текста и пейзажа Акуловой горы вспоминала Н.А. Бруханенко:

...приехала я в первый раз в Пушкино под вечер. Пока на даче готовили ужин и ставили самовар, Маяковский предложил мне пойти с ним гулять... Маяковский рассказал мне, что это и есть та самая Акулова гора, где они жили на даче в двадцатом году, и потом мне одной прочел «Солнце». Мы шли и читал он на ходу. Читал тихо и как-то повествовательно, совсем не похоже на то, как он читал об этом «необычайнейшем приключении, бывшим с ним», на своих вечерах, при публице. Пригорок Пушкино горбил... читал он и рукой рисовал в воздухе этот пригорок, указывая в сторону Акуловой горы, куда в это время как раз садилось солнце... [2, с. 250].

В записной книжке № 5 эти стихи³ разбиты небольшим письмом Лиле Брик (Л. 2 об.), заметкой с телефоном и адресом (Л. 7 об.), записью математических расчетов (Л. 9 об.), здесь есть чистые листы (Л. 1 об., Л. 4 об.), можно предположить, что стихотворение складывалось у поэта медленно. Однако наличие минимальной правки говорит о том, что строки были хорошо обдуманы Маяковским.

Интересно рассмотреть некоторые разночтения текста в записной книжке и окончательной редакции. На Л. 1 в черновике время событий, описываемых в стихотворении, обозначено как «весна катилась в лето», тогда как в белой редакции появилась более точная датировка — «в июль катилось лето». Можно предположить, что работа над стихотворением началась в конце мая-июне (по свидетельству Л. Брик, переехали на дачу в Пушкино в начале июня),

³ Подробно об истории создания и выборе основного источника стихотворения см.: [3].

а была завершена до 26 июля, что подтверждается местоположением стихотворения в записной книжке и временем публикации «III Интернационала», черновик которого расположен после «Необычайного приключения...». Однако такое уточнение даты, возможно, связано и со стремлением поэта создать образ нестерпимой жары, тяжелой работы солнца. Если в черновом варианте на Л. 3 были слова «ходи рисуй плакаты», то в окончательной версии — «сиди рисуй плакаты». По многим воспоминаниям современников, Маяковский писал стихи в движении, например, расхаживая по комнате. Вероятно, такой способ работы над текстом и отразился в виде первоначально написанного глагола «ходи», а потом поэт внес коррективы, делая образ более понятным.

Строки «Устанет то, / и хочет ночь / прилечь / тупая сонница. / Вдруг — я / во всю светаю мочь — / и снова день трезвонится» (Л. 8 об) были записаны раньше, чем описание дружеского общения с солнцем (Л. 9 — «Гремели \Болтали/ так до темноты / до бывшей ночи то есть / Какая тьма уж тут на ты / мы с ним совсем освоюсь...»). Вероятно, центральный образ чередования дневного и ночного светила (солнце — поэт) появился раньше и, исходя из него, поэт продумывал сюжет разговора с солнцем.

Вариантами строк «Стена теней, / ночей тюрьма / под солнц двустволкой пала» (Л. 10) в записной книжке были — «Громите тень и ночь тюрьму», «Сметя долгов и чувств тюрьму». В окончательный текст вошла строка, создающая образ окончательной победы поэта и солнца, тогда как глагол несовершенного вида «громите», несмотря на его повелительную форму, не передавал этого значения. Вероятно, как очень личная была отброшена и строка «Сметя долгов и чувств тюрьму».

В окончательный текст не вошла последняя часть стихотворения, записанная на Л. 11 («Иду горю что силы / есть / Чтоб не отстать от / друга / Какое счастье в / В душу влезть / Просолнить сердце / лугом»), где поэт, как и солнце, начинает «гореть», его сердце наполняется светом. Здесь лирический герой изображен уже не на даче, беседующим со светилом, а идущим по лугу, своим движением, вероятно, повторяющим солнечный путь. Эти строки в окончательный текст не вошли, возможно потому, что добавляли некоторой сентиментальности, лиричности в поэтический лозунг.

Л. 2 об.

Пожалуйста люби
меня, а то мне
очень грустно!
Во первых и мне
от того же
Во вторых люблю
щен.

Л. 3.

И так однажды разозлясь
что *в шуме* все поблекло
в упор я крикнул солнцу
слазь

Довольно шляться в пекло
Я крикнул солнцу дармод
Занежен в облака ты
А я не знай ни зим ни лет
Ходи рисуй плакаты

Л. 3 об.

Без записей

Л. 4

Я крикнул солнцу погоди
Послушай златолобо
Чем так без дела заходить
Ко мне на чай зашло бы
Что я наделал я погиб
Слова с ума сошел погиб
Ко мне по доброй воле
Сверльнули мысль до боли
само зставив
~~Ко мне~~ раскинув луч шаги
Шагает солнце в поле

Л. 4 об

Без записей

Л. 5.

Хочу испуг не показать
и ретируюсь за дом

Я крикнул солнцу:
«Дармод!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чай гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»

Уже в саду его глаза
 Уже проходит садом
В окошки в щели в двери войдя
 Валилась солнца масса
 Ввалилось дух переведа
 Заговорило басом

Л. 6.

Гоню обратно я огни
 Впервые с сотворенья
 Ты звал? \меня/ чтож чаи гони
 Гони поэт варенье
 Слеза из глаз у самого
 Жара с ума сводила
 Но я ему на самовар
 ну что ж садись светило

Л. 7.

Черт дернул дерзости мои
Кричать ему сконфузя
 Я сел на уголок скамьи
 Боюсь — не вышло б хуже
 Но страшная \нная/ ~~из солнца~~
 \светило/ ясь
 струилось и степенность
 забыв сию разговорясь
 с светилом постепенно

Л. 7 об.

Националь
 2-06-82
 доб. 439
 тов. Брахничев (Брехничев?)

Л. 8.

Про то про это говорю
 что де заела Роста
 А солнце ладно не горюй
 Смотри на вещи просто
 А мне ты думаешь светить
 легко Поди попробуй

Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
skonфужен,
 я сел на уголок скамьи,
 боюсь — не вышло б хуже!
 Но странная из солнца ясь
 струилась, —
 и степенность
 забыв,
 сию, разговорясь
 с светилом постепенно.
 Про то,
 про это говорю,
 что-де заела Роста,
 а солнце:
 «Ладно,
 не горюй,
 смотри на вещи просто!
 А мне, ты думаешь,
 светить
 легко?
 — Поди, попробуй! —
 А вот идешь —
 взялось идти,
 идешь — и светишь в оба!»
 Болтали так до темноты —
 до бывшей ночи то есть.
 Какая тьма уж тут?
 На «ты»
 мы с ним, совсем освоюсь.
 И скоро,
 дружбы не тая,
 бью по плечу его я.
 А солнце тоже:
 «Ты да я,
 нас, товарищ, двое!
 Пойдем, поэт,
 взорим,
 воспоем
 у мира в сером хламе.
 Я буду солнце лить свое,

Но всеж идеш<ь> взялось ИТТИ Идеш и светишь в оба Л. 8 об. Устанет то И хочет ночь Прилечь тупая сон- ница Вдруг \Как/ я во всю светаю мочь И снова день трезвонится Л. 9. Гремели \Болтали/ так до темноты до бывшей ночи то есть Какая тьма уж тут на ты мы с ним совсем освоюсь И вскоре дружбы не тая Бью по плечу ево я А солнце басом ты да я Теперь <u>таких</u> \всего/ нас двое Л. 9 об.2^{5a} 2300 / 28 227/82 760 56 _____ 82 7 _____ 784 Л. 10. Пойдем поэт взорим вспоем У мира в мут \сером/ хламе Я буду солнце лить свое А ты свое стихами	а ты — свое, стихами». Стена теней, ночей тюрьма под солнц двустволкой пала. Стихов и света кутерьма — сияй во что попало! Устанет то, и хочет ночь прилечь, тупая сонница. Вдруг — я во всю светаю мочь — и снова день трезвонится. Светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить — и никаких гвоздей! Вот лозунг мой — и солнца! [7, с. 143–146]

^{5a} В записной книжке запись перевернута: Маяковский перевернул всю книжку, когда ее делал.

*Громите тень и ночь тюрьму
 Смета долгов и чувств тюрьму
 [Земля довольна
 Среди Вселенной бала
 Взметаем солнца кутерьму
 Смеясь во что попало]*

Л. 10 об.

Светить и никаких гвоздей

<неразб.>

Стена теней \ночей/ теней тюрьма

*Под солнц двустволкой
 Пала*

Лучей и света кутерьма

Палим во что попало

Л. 11.

*Иду горю что силы
 есть*

*Чтоб не отстать от
 друга*

*Какое счастье в
 в душу влезть*

*Просолнить сердце
 лугом*

Стихотворение «Портсигар в траву ушел на треть...» связано с лесными прогулками поэта и его интересом к жизни муравейника («И как крышка / блестит, / наклонились смотреть / муравьишки всяческие и травешка» [7, с. 141]. Как писала Л. Брик,

в то лето Маяковский увлёкся муравьями. Подолгу сидел над муравьиной кучей и наблюдал, чем занимаются муравьи коллективно и индивидуально. Как-то, нагнувшись над муравьями, он выронил из кармана в траву свой серебряный портсигар. Муравьи пришли в неопишуемое волнение. Маяковский был в восторге от учиненного им переполоха и утверждал, что муравьи в первый раз увидели дело рук человеческих, и даже они поняли, что «это вам не природа» [1, с. 70]. Этот случай и стал основой сюжета стихотворения.

В записной книжке № 15 (январь–июнь 1922 г.) есть черновой автограф строк 126–150 из поэмы «Пятый Интернационал», описывающих будущий утопический вид поселка «Пушкино» (Л. 8). В черновом варианте поэт предполагал, что «станция увеличилась раза в четыре минимум», а в окончательный текст вошло ее десятикратное увеличение, появилась крестьянская техника — тракторы. Если в черновом варианте были обозначены названия окрестных сел («Акуловка / Чанчикова»), то позднее от такой конкретики он отказался, а ввел прозаический фрагмент (риторический вопрос), описывающий трудности жизни в Пушкино («Вы бывали в Пушкине (Ярославская ж. д.) так в 1925–30 году? Были болота. Пахалось невесть чем. Крыши — дыры. Народ крошечный. А теперь!» [10, с. 110]).

Таблица 4 – «Пятый Интернационал»
Table 4 – “The Fifth International”

Записная книжка	Окончательный текст
П У станции десятки линий Как не путаются не вмещается ум <i>Станция увеличилась раза в четыре минимум</i> I <i>Акуловка</i> <i>Чанчикова</i> и прочие села Крыши железные Народ веселый	В красных, в зеленых крышах сёла! Тракторы! Сухо! Крестьянин веселый! У станции десятки линий. Как только не путаются — не вмещает ум. <i>Станция помножилась на 10 — минимум</i> [10, с. 110–111].

Анализ поэтосферы дачи в творчестве В.В. Маяковского связан с реалиями его жизни в Левашово и Куоккалой под Петроградом, Пушкино рядом с Москвой. Воспоминания родных и друзей помогают восстановить приметы дачного быта, особенности времяпрепровождения Маяковского летом, проанализировать, что становилось темой его стихов. Записные книжки, в которые он заносил черновые наброски, адреса, фрагменты писем, раскрывают творческую лабораторию поэта, по ним можно проследить рождение того или иного образа, связанного с жизнью на даче.

Литература

1. Брик Л.Ю. Пристрастные рассказы: Воспоминания, дневники, письма. Н. Новгород: Деком, 2003. 324 с.
2. Брюханенко Н.А. Пережитое // Имя этой теме: любовь!: Современницы о Маяковском / [сост., вступ. ст., коммент. В.В. Катаняна]. М.: Дружба народов, 1993. С. 180–187.
3. Зименков А.П. «Необычайное приключение...» В. Маяковского в текстологическом ракурсе // Текстологический временник. Русская литература XX века. Вопросы текстологии и источниковедения / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 291–302.
4. Катанян В.В. Лиля Брик: Жизнь. М.: Захаров, 2002. 287 с.
5. Катанян В.А. О некоторых источниках поэмы «Хорошо!» // Новое о Маяковском. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. I. С. 285–324.
6. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2013. Т. 1: Стихотворения, 1912–1923 / подгот. Р.В. Дуганов, А.Т. Никитаев, А.П. Зименков, В.Н. Терехина; отв. ред. В.Н. Терехина. 612 с.
7. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 3: Стихотворения, 1927 – первая половина 1928 / подгот. В.Н. Дядичев; отв. ред. В.Н. Терехина. 559 с.
8. Маяковский В.В. Полн. собр. произведений: в 20 т. М.: Наука, 2016. Т. 4: Стихотворения, вторая половина 1928–1930, стихи детям 1925–1929 / подгот. В.Н. Дядичев, А.П. Зименков, С.А. Коваленко, Т.А. Купченко, Н.В. Михаленко, В.Н. Терехина; отв. ред. В.Н. Дядичев, А.М. Ушаков. 778 с.
9. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / подгот. текста и примеч. В.А. Катаняна. 1955. 464 с.
10. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. Т. 4: Стихотворения 1922 года, поэмы, агитлубки и очерки 1922–1923 годов / подгот. текста и примеч. В.А. Арутчевой и З.С. Паперного. 452 с.
11. Михаленко Н.В. О работе В.В. Маяковского над текстами к плакатам (по материалам записных книжек) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 37–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53>
12. Панченков В.В. Дачные адреса Маяковского на Акуловой горе // Творчество В.В. Маяковского. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 4. Кн. 2: Владимир Маяковский в контексте мировой культуры. С. 229–254.
13. Райт Р.Я. «Только воспоминания» // Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1963. С. 236–278.
14. Русское слово. 1913. 8 мая.
15. Чуковский К.И. Маяковский в пятнадцатом // Однодневная газ. ленингр. отд. ФОСП «Владимир Маяковский». 1930. 24 апреля.
16. Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего: В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка 1915–1930: Репринт. изд. М.: Книга, 1991. 287 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Poetosphere of the Dacha in V.V. Mayakovsky's Works

© 2022. Natalia V. Mikhailenko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out in the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051.

Abstract: In the early work of V.V. Mayakovsky, the images of the estate and the dacha were usually interpreted in a humorous way, associated with the bygone noble life. However, it was in Kuokkala, Levashovo near Petrograd, that the poet wrote significant parts of the poems “Cloud in pants” and “Mystery Buff.” Dacha life in Pushkino near Moscow together with L.Yu. and O.M. Brik in the summer of 1920–1929 also contributed to his creativity. This place is mentioned in the title of “An extraordinary adventure...”, the events of this work unfold there. The plots of the poems “Attitude to the young Lady,” “In the Heine way,” “Dacha Case” etc. are associated with a summer pastime. Individual chapters of the poem “Good!” were first read at the dacha in the summer of 1927. The materials of the poet's notebooks no. 8 (January–May 1921) and no. 15 (January–June 1922), provided by the V.V. Mayakovsky State Museum, form the basis of the research. The article examines the work on the poems of 1920 and the poem “The Fifth International,” which most vividly reflected the features of the poet's village life. Fragments of notebook texts are published for the first time.

Keywords: V.V. Mayakovsky, L. Y. Brik, Pushkino, “An extraordinary adventure that happened with Vladimir Mayakovsky in the summer at the dacha,” Mayakovsky's notebooks no. 8, no. 15.

Information about the author: Natalia V. Mikhailenko — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

For citation: Mikhailenko, N.V. “The Poetosphere of the Dacha in V.V. Mayakovsky's Works.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 233–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-233-251>

References

1. Brik, L.Iu. *Pristrastnye rasskazy: Vospominaniia, dnevniki, pis'ma* [Biased Stories: Memoirs, Diaries, Letters]. N. Novgorod, Dekom Publ., 2003. 324 p. (In Russ.)
2. Briukhanenko, N.A. “Perezhitoe” [“Experienced”]. *Imia etoi teme: liubov'!: Sovremennitsy o Maiakovskom* [The Name of this Topic is Love!: Contemporaries about

Mayakovskiy], comp., introd., comment. by V.V. Katanian. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1993, pp. 180–187. (In Russ.)

3. Zimenkov, A.P. “‘Neobychainoe prikluchenie...’ V. Maiakovskogo v tekstologicheskom rakurse” [“‘An Extraordinary Adventure...’ by V. Mayakovskiy in a Textual Perspective”]. Kornienko, N.V., editor. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura XX veka. Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia* [*Almanac for Textual Studies. Russian Literature of the 20th Century. Questions of Textual and Source Studies*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 291–302. (In Russ.)

4. Katanian, V.V. *Lilia Brik: Zhizn’* [*Lilya Brik: Life*]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 287 p. (In Russ.)

5. Katanian, V.A. “O nekotorykh istochnikakh poemy ‘Khorosho!’.” [“About Some Sources of the Poem ‘Good!’.”]. *Novoe o Maiakovskom* [*New about Mayakovskiy*], vol. I. Moscow, AN SSSR Publ., 1958, pp. 285–324. (In Russ.)

6. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 1: Stikhotvoreniia, 1912–1923 [Poems, 1912–1923], ed. prep. by R.V. Duganov, A.T. Nikitaev, A.P. Zimenkov, V.N. Terekhina, ex. ed. V.N. Terekhina. Moscow, Nauka Publ., 2013. 612 p. (In Russ.)

7. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 3: Stikhotvoreniia, 1927 – pervaiia polovina 1928 [Poems, 1927 – the First Half of 1928], ed. prep. by V.N. Diadichev, ex. ed. V.N. Terekhina. Moscow, Nauka Publ., 2014. 559 p. (In Russ.)

8. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie proizvedenii: v 20 t.* [*Complete Works: in 20 vols.*], vol. 4: Stikhotvoreniia, vtoraiia polovina 1928–1930, stikhi detiam 1925–1929 [Poems, the Second Half of 1928–1930, Poems for Children 1925–1929], ed. prep. by V.N. Diadichev, A.P. Zimenkov, S.A. Kovalenko, T.A. Kupchenko, N.V. Mikhalenko, V.N. Terekhina, ex. ed. V.N. Diadichev, A.M. Ushakov. Moscow, Nauka Publ., 2016. 778 p. (In Russ.)

9. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Complete Works: in 13 vols.*], vol. 1: Stikhotvoreniia, tragediia, poemy i stat’i 1912–1917 godov [Poems, Tragedy, Long Poems and Essays of 1912–1917], text prep. and notes by V.A. Katanian. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. 464 p. (In Russ.)

10. Maiakovskii, V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [*Complete Works: in 13 vols.*], vol. 4: Stikhotvoreniia 1922 goda, poemy, agitlubki i ocherki 1922–1923 godov [Poems of 1922, Long Poems, Propaganda Campaigns and Essays of 1922–1923], text prep. and notes by V.A. Arutcheva and Z.S. Papernyi. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 452 p. (In Russ.)

11. Mikhalenko, N.V. “O rabote V.V. Maiakovskogo nad tekstami k plakatom (po materialam zapisnykh knizhek)” [“On the Work of Vladimir Mayakovskiy with Poster Texts (According to his Notebooks)”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 37–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-37-53> (In Russ.)

12. Panchenkov, V.V. “Dachnye adresa Maiakovskogo na Akulovoi gore” [“Country Addresses of Mayakovskiy on Akulovaya Gora”]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo* [*The Creativity of V.V. Mayakovskiy*], issue 4, book 2: Vladimir Maiakovskii v kontekste mirovoi kul’tury [Vladimir Mayakovskiy in the Context of World Culture]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 237–238. (In Russ.)

13. Rait, R.Ia. “Tol’ko vospominaniia” [“Only Memories”]. *Maiakovskii v vospominaniakh sovremennikov* [Mayakovsky in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1963, pp. 236–278. (In Russ.)

14. *Russkoe slovo*, 1913, 8 May. (In Russ.)

15. Chukovskii, K.I. “Maiakovskii v piatnadsatom” [“Mayakovsky in 1915”]. *Odnodnevnaia gazeta leningradskogo otdeleniia FOSP “Vladimir Maiakovskii,”* 1930, 24 April. (In Russ.)

16. Iangfel’dt, B. *Liubov’ — eto serdtse vsego: V.V. Maiakovskii i L.Iu. Brik. Perepiska 1915–1930* [Love is the Heart of Everything: V.V. Mayakovsky and L.Y. Brik. Correspondence in 1915–1930]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 287 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.07.2022

Одобрена после рецензирования: 20.08.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 18.07.2022

Approved after reviewing: 20.08.2022

Date of publication: 25.09.2022

Литературный факт.
2022. № 3 (25)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (25), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-252-306>
<https://elibrary.ru/FGCNIJ>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Переписка Л.Н. Толстого и М.К. Ганди. Знаменитый, но недоисследованный эпизод российско-индийских культурных связей*

© 2022, С.Д. Серебряный

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Аннотация: Один из наиболее часто вспоминаемых эпизодов российско-индийских взаимоотношений в XX в. — недолгая переписка М.К. Ганди (1869–1948) со Львом Толстым (октябрь 1909 г. – ноябрь 1910 г.). «Корпус» переписки состоит всего из семи писем: четыре — от Ганди к Толстому и три — от Толстого к Ганди. Эти письма не раз издавались и переводились на разные языки. Однако обстоятельства возникновения и хода этой переписки, история ее изучения и само содержание писем — все это исследовано далеко не достаточно. В данной статье «рассматриваются личные дела» нескольких друзей и сотрудников Ганди в Южной Африке, которые имели то или иное отношение к его переписке с Толстым. Вот их имена:

1. Джозеф Доук (1861–1913), священник-баптист; написал первую биографию Ганди.
2. Генри Полак (1882–1959), журналист; Ганди называл его своим братом.
3. П.Дж. Мехта (1864–1932), коммерсант; финансировал ряд «проектов» Ганди.
4. Л.У. Рич (1868–1952), бизнесмен; переписывался с Толстым прежде Ганди.

* Первоначальный вариант этой статьи был написан по просьбе индийских русистов и, надеюсь, скоро будет опубликован в Нью Дели. Поэтому, в частности, цитаты на английском языке остались без перевода. В наши дни для многих (может быть, для большинства) образованных индийцев английский, по сути дела, — второй (если не первый) родной язык. Я настоял на сохранении этих цитат без перевода и в данном издании — во-первых, для того, чтобы сохранить подлинный (иногда довольно своеобразный) стиль таких цитат, а во-вторых, чтобы попытаться возродить дореволюционную российскую традицию: до 1917 г. в академических изданиях цитаты на основных европейских языках, как правило, не переводились.

В российском издании некоторые пассажи в статье, предназначенные для индийских читателей, были опущены. Кое-где были сделаны дополнения, необходимые для российских читателей.

5. Герман Калленбах (1871–1945), архитектор; построил для Ганди дом в Йоханнесбурге.

6. Софья Шлезин (1888–1956), сотрудница Ганди; он называл ее своей дочерью.

7. Полина Подляшук (1881–1971), иммигрантка из Литвы; в 1910 г. перевела для Ганди с русского на английский последнее письмо к нему от Толстого.

Личности и наследия этих людей (в том числе их более или менее обширные переписки с Ганди) мало изучены. В статье обрисованы «белые пятна» в этом поле исследований и намечены перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, М.К. Ганди, переписка, Россия, Индия, Южная Африка, Литва, ненасилие, перевод, «Царство Божие внутри вас».

Информация об авторе: Сергей Дмитриевич Серебряный — доктор философских наук, кандидат филологических наук, директор Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия.

E-mail: serebriany@gmail.com

Для цитирования: *Серебряный С.Д.* Переписка Л.Н. Толстого и М.К. Ганди. Знаменитый, но недоисследованный эпизод российско-индийских культурных связей // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 252–306. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-252-306>

Когда заходит речь, особенно в официальной обстановке, о культурных связях между Россией и Индией, то чаще всего вспоминают три сюжета, три события:

1) путешествие тверского купца Афанасия Никитина (годы жизни точно не известны) в султанат Бахманидов в 1470-е гг.,

2) визит Рабиндраната Тагора (1861–1941) в Москву в сентябре 1930 г.

и

3) переписку Мохандаса Карамчанда Ганди (1869–1948) со Львом Николаевичем Толстым (1828–1910) в 1909–1910 гг.

Первый сюжет — это якобы свидетельство о «вековой истории» российско-индийских связей. При изложении второго сюжета чаще всего говорится о том, что Тагор восхищался успехами образования в СССР (что действительно так, но свидетельствует не столько о реальном положении дел, сколько о плохой информированности поэта). Третий сюжет, пожалуй, наиболее сложен. Его нередко интерпретируют как свидетельство о «глубоком духовном родстве» между Ганди и Толстым и вообще — между Индией и Россией. Этот сюжет нередко приобретает черты почти мифологического повествования.

Однако при более внимательном рассмотрении все три сюжета оказываются совсем не такими, какими они предстают в расхожих «дискурсах».

Случайный приезд купца Афанасия Никитина в султанат Бахманидов и его примерно трехлетнее там пребывание (безуспешное в коммерческом плане) оставались — в течение нескольких веков — эпизодом без последствий для российско-индийских отношений. Афанасий Никитин умер на обратном пути домой, даже не добравшись до родной Твери. Его путевые записки были переданы в Москву, но там оставались малоизвестными вплоть до XIX в. (когда и получили заголовок «Хождение за три моря»). И до сих пор они недостаточно изучены и осмыслены (см.: [19; 93]).

Краткий визит Р. Тагора в Москву в сентябре 1930 г., вместо первоначально запланированного долгого путешествия от Москвы до Владивостока (и последующего визита в Японию) выявил непростые отношения между бенгальским поэтом и тогдашней московской («советской») властью. Обстоятельства, а также предыстория и последствия этого события пока еще очень мало исследованы (см.: [12; 16; 91; 92]).

То же можно сказать и о третьем из вышеназванных сюжетов.

Прежде всего, сама переписка М.К. Ганди и Л.Н. Толстого — это всего лишь один эпизод, фрагмент более длинной истории знакомства индийского политика с идеями русского писателя. Не следует преувеличивать значение этой довольно краткой переписки в жизни Ганди и, тем более, в жизни Толстого. Но для историка (историка идей, историка культуры, историка глобальных взаимосвязей в XIX–XX вв. и т. д.) сюжет «Толстой и Ганди», несомненно, представляет большой интерес — не в последнюю очередь потому, что этот сюжет связан с важнейшими историческими событиями XX в. и, рискну сказать, с фундаментальными проблемами развития не только Индии и России, но и всего человечества.

Между тем, и сама история знакомства Ганди с личностью и идеями Толстого, и, особенно, более широкие исторические контексты и последствия этого знакомства пока еще, как ни странно, изучены довольно мало (в частности, и особенно — в российской науке). Тема «Толстой и Ганди» в целом — это, говоря фигурально, огромное малоисследованное поле, таящее еще немало загадок и неожиданностей.

Предлагаемая статья посвящена лишь сравнительно небольшим участкам этого поля. Здесь «рассматриваются личные дела» нескольких человек, которые были сотрудниками и даже (в большинстве случаев) близкими друзьями Ганди в Южной Африке и имели (или могли иметь) то или иное отношение к переписке Ганди с Толстым. Как ни странно, этим сотрудникам и друзьям Ганди вплоть до не-

давнего времени почти не уделялось внимания в исследовательской литературе.

Переписка между М.К. Ганди и Л.Н. Толстым длилась примерно год: с октября 1909 г. по сентябрь 1910 г. — последний год жизни Толстого.

«Корпус» переписки состоит из семи писем: четырех — от Ганди к Толстому и трех — от Толстого к Ганди. (О причинах асимметрии в количестве писем см. далее.) К этому основному «корпусу» примыкает еще некоторое число писем между Ганди и сотрудниками Толстого (а также между сотрудниками Ганди и сотрудниками Толстого), написанных как в те же месяцы, так и позже.

На русском языке этот «корпус» был впервые (но не полностью) опубликован в 1939 г. [9]. Три письма Толстого к Ганди были опубликованы в «юбилейном» девяностотомном Полном собрании сочинений Толстого [20 (далее ПСС)] (в общем хронологическом порядке) в 1955–1956 гг. (в тт. 80–81)¹. В 1960 и 1971 гг. А.И. Шифман (1907–1992) в двух изданиях своей книги «Лев Толстой и Восток» дал краткое (и не во всех деталях верное) описание переписки Ганди и Толстого [25, с. 249–264; 26, с. 160–173]. Полностью под одной обложкой эта переписка была у нас издана в 2013 г. [21, с. 218–239].

Семь писем, которыми обменялись Ганди и Толстой, — это лишь небольшая часть огромных эпистолярных наследий и того, и другого. В 90–томнике Толстого (далее — ПСС) письма выделены в отдельные тома: тт. 59–89 и частично т. 90. В стотомнике Ганди (CWMG) письма занимают большую часть большинства томов.

С мая 1893 г. по июль 1914 г. (21 год!) Ганди жил и работал в Южной Африке. Сначала он занимался только юридической практикой (в 1888–1891 гг. он изучал право в Лондоне и стал дипломированным юристом). Но вскоре местная индийская община вовлекла его в правозащитную деятельность. Дело в том, что правившее в Южной Африке белое меньшинство стремилось ограничить неконтролируемый приток иммигрантов из Индии, принимая различные дискриминационные законы. Ганди возглавил борьбу против такого дискриминационного законодательства — за то, чтобы у индийцев в Южной Африке были, как в самой Индии, все права подданных

¹ Подобным же образом (среди прочих писем, в общем хронологическом порядке) письма Ганди к Толстому были опубликованы в стотомном Собрании сочинений Ганди — The Collected Works of Mahatma Gandhi [44 (далее CWMG)].

Британской империи. Более десяти лет борьба эта велась путем переговоров с начальством (и в Южной Африке, и в Лондоне), обращений с петициями и т. д., но в 1907 г. индийцы под руководством Ганди перешли к «прямому действию» (*direct action*) методами «пассивного сопротивления» (*passive resistance*); такие термины и такие методы были уже хорошо известны в британском общественно-политическом обиходе. Именно «пассивное сопротивление» стало центральной темой переписки Ганди с Толстым². Ганди ждал и получил от Толстого авторитетную поддержку своему «пассивному сопротивлению», а Толстой видел в этом «пассивном сопротивлении» развитие своей проповеди «непротivления злу насилieм». Соотношение идей «позднего» Толстого, с одной стороны, и идей и практики «раннего» («южноафриканского») Ганди, с другой, — это особая сложная тема, которую здесь невозможно рассмотреть подробно.

В последние десятилетия своей жизни Толстой, став мировой знаменитостью, получал много писем из разных стран. И на многие письма (может быть, на большинство) он или отвечал сам, или поручал ответить своим помощникам. Толстой писал письма по крайней мере на четырех языках. Не знаю, производил ли кто-нибудь точные подсчеты, но можно полагать, что большую часть писем Толстой писал на русском. Нередко он писал на французском или на немецком, иногда — на английском. Иногда он писал текст письма на русском, а потом просил кого-нибудь из родственников или сотрудников перевести этот текст на другой язык.

Что касается трех его писем к Ганди, то у каждого из этих писем — своя история.

Первое письмо к Толстому Ганди написал в Лондоне 1 октября 1909 г., накануне своего сорокалетия (см.: [44 (СWMG), т. 9, с. 444–446; 21, с. 218–222]). Все свои письма Толстому Ганди писал на английском. Толстой не нуждался в переводах.

Первое ответное письмо к Ганди Толстой написал уже 8 октября (по новому стилю) в Ясной Поляне (см.: [20 (ПСС), т. 80, с. 110–112; 21, с. 222–223]). Написал на русском, а английский перевод сделал Эйлмер Мод³, гостивший в то время в Ясной поляне (см.: [20 (ПСС), т. 80, с. 111]).

² Ко времени этой переписки Ганди уже переименовал «пассивное сопротивление», придумав для своих методов борьбы санскритский неологизм «сатьяграха» (*satyāgraha* — буквально можно перевести как «упорствование в истине»). Но в своих письмах к Толстому Ганди использовал только английское выражение *passive resistance*, вероятно, чтобы не утруждать Толстого экзотическим индийским словом.

³ Aylmer Maude (1858–1938) — см. примеч. о нем в конце статьи.

Ответ Толстого застал Ганди еще в Лондоне, и он написал там свое второе письмо Толстому 10 ноября 1909 г., незадолго до отбытия обратно в Южную Африку, и просил писать ему в дальнейшем в Йоханнесбург (см.: [44 (CWMG), т. 9, с. 528–529; 21, с. 224–226]).

Толстой получил и прочитал это письмо, но не ответил на него, потому что письмо затерялось и было найдено в Ясной Поляне только в 1956 г. (см.: [26, с. 165]).

Не дождавшись ответа на свое второе письмо из Лондона, Ганди послал Толстому еще одно письмо — 4 апреля 1910 г. из Йоханнесбурга (см.: [44 (CWMG), т. 10, с. 210; 21, с. 227–228]).

Толстой ответил из Ясной Поляны 8 мая (по новому стилю) кратким письмом (обещая позже написать подробнее). В ПСС в качестве оригинала опубликован текст на английском языке [20 (ПСС), т. 81, с. 247–248; 21, с. 228], а текст на русском языке приложен в качестве анонимного перевода [20 (ПСС), т. 81, с. 248; 21, с. 228–229]. Из редакционного комментария трудно понять, как возник текст на английском языке: есть черновик (на английском), написанный рукой невестки Толстого, Ольги Константиновны⁴, правленный и дополненный Толстым⁵, и «беловик», переписанный рукой той же О.К. Возможно, Л.Н. надиктовал невестке письмо сразу по-английски, а потом правил и дополнял ее запись.

Ганди ответил Толстому из Йоханнесбурга 15 августа 1910 г. (см.: [44 (CWMG), т. 10, с. 306–307; 21, с. 229–230]).

Толстой с конца августа гостил у своей дочери Татьяны Сухотиной⁶ в родовом имении ее мужа — Кочетах. Здесь, 19–20 сентября (по новому стилю) 1910 г. (за два месяца до смерти), Толстой написал (точнее — надиктовал Душану Маковицкому и потом выправил) свое третье, последнее, самое длинное и самое богатое по содержанию письмо к Ганди, отвечая, по сути дела, на все четыре его письма (см.: [20 (ПСС), т. 82, с. 137–141; 21, с. 230–232]). Об истории переводов этого письма на английский речь пойдет далее.

⁴ См.: http://tolstoy-manuscript.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=79:f46&catid=3:c-family-guide&Itemid=10.

Толстая (рожд. Дитерихс) Ольга Константиновна (1872–1951) — невестка Л.Н. Толстого, первая жена (с 1899 г., в 1907 г. разведены) его сына Андрея Львовича.

⁵ См. фотографию первой страницы этого черновика: [25, с. 261].

⁶ Татьяна Львовна Сухотина-Толстая (1864, Ясная Поляна–1950, Рим) — см. о ней: https://en.wikipedia.org/wiki/Tatiana_Sukhotina-Tolstaya.

Л.Н. Толстой уже с конца XIX в. стал одним из самых известных — за пределами России — русских людей. Подобным же образом М.К. Ганди с начала 1920-х гг. стал одним из самых известных — за пределами Индии — индийцев⁷. За прошедшие сто лет появилось много работ (статей и книг), в которых эти два имени стоят рядом. Но, по-видимому, впервые это произошло еще в 1909 г., при жизни Л.Н. Толстого и до возникновения мировой славы Ганди.

Как уже сказано, с 1893 по 1914 г. Ганди жил и работал в Южной Африке. А с 1908 г. его другом в Йоханнесбурге стал Джозеф Джон Доук (Joseph John Doke, 1861–1913), англичанин, священник-баптист и миссионер, человек по-своему выдающийся⁸. Помимо всего прочего, Дж. Доук написал первую биографию Ганди, которая была впервые опубликована в Лондоне в 1909 г. [34], а позже неоднократно переиздавалась⁹.

М.К. Ганди и Дж.Дж. Доук познакомились в Йоханнесбурге в декабре 1907 г. Начало их знакомства довольно подробно (но по-разному) описал и Доук в своей книге о Ганди, в главе под названием «The Man Himself» [37, с. 10–13], и сам Ганди в книге «Сатъяграха в Южной Африке», в главе 22 [44 (CWMG), т. 29, с. 129–142]¹⁰. Меж-

⁷ Одним из показателей мировой известности той или иной личности может служить число языков, на которых о данной личности есть статьи в Википедии. Так, М.К. Ганди представлен в Википедии статьями на 184 языках, а Л.Н. Толстой — на 170 языках (данные на апрель 2021 г.). Для сравнения вот соответствующие цифры для нескольких других известных лиц: В.И. Ленин — 192, Карл Маркс — 190, И.В. Сталин — 184 (ровно столько же, сколько у М.К. Ганди!), Рабиндранат Тагор — 150, Л.Д. Троцкий — 125, Максим Горький — 106.

⁸ См. о нем: [30; 31; 33; 57]. В Википедии нет статей о Дж.Дж. Доуке, но есть статьи (на восьми языках, в том числе на русском) о его сыне, которого звали Clement Martyn Doke (1893–1980); см.: https://en.wikipedia.org/wiki/Clement_Martyn_Doke. Он стал выдающимся ученым-африканистом. В статьях о Доуке-сыне говорится и о Доуке-отце.

⁹ В 1919 г. книга была впервые переиздана в Индии, в Мадрасе, известным издателем Г.А. Натесаном [35], а в 1967 г. — в Дели, правительственным издательством Индии [37]. Далее книга Дж. Доука цитируется по электронной (факсимильной) копии издания 1967 г., доступной в интернете: https://ia800104.us.archive.org/35/items/mkgandhiindianpa00doke/mkgandhiindianpa00doke_djvu.txt.

В 1912 г. в Индии был издан перевод книги Дж. Доука на гуджарати, в 2018 г. — перевод на хинди. В 1925 г. вышел перевод на немецкий [36].

¹⁰ «Сатъяграха в Южной Африке» — одна из двух автобиографических книг М.К. Ганди, менее известная, но не менее интересная, чем его «Автобиография» (о которой см. далее). «Сатъяграха в Южной Африке» была написана на гуджарати в 1923–1925 гг. и издана на гуджарати, в двух частях, в 1924 и 1925 гг. (см.: [44 (CWMG), т. 29, с. 1, note 1]); в 1928 г. появился английский перевод [41].

ду индийцем и англичанином¹¹, близкими по возрасту, установились дружеские отношения. В одной из начальных глав своей книги («А Сомраст» [37, с. 14–15]) Дж. Доук повествует, как он сказал Ганди, что задумал написать о нем, и попросил его содействия. Ганди сначала отказывался, но потом согласился — и стал рассказывать Доуку о своем детстве, о родителях и о разных событиях своей жизни.

Он тогда еще не был тем всемирно известным человеком, каким стал позже, уже после смерти своего первого биографа. В Южной Африке Ганди еще не был, строго говоря, политическим деятелем, каким он стал в Индии с начала 1920-х гг. В Южной Африке Ганди занимался, говоря по-нынешнему, правозащитной деятельностью, был правозащитником (на английском: *civil-rights activist*), боролся за права человека (правда, не человека «вообще», а только за права индийских иммигрантов в Южной Африке). Но благодаря этой своей деятельности Ганди стал в Южной Африке (а затем и в Индии) уже довольно известной личностью. Именно поэтому Дж. Доук решил написать его биографию. И еще, очевидно, потому, что Ганди произвел на Доука сильное впечатление как личность. Доук не скрывал своего восхищения Ганди.

В самом начале книги, говоря о борьбе иммигрантов-индийцев за свои права, против дискриминационного законодательства, Доук пишет: «Fortunately, their leader was a refined, gentle, chivalrous man, a disciple of Tolstoy, and the resistance took the form of “Passive Resistance”» [37, с. 8].

Книга Доука — ценный источник для биографа Ганди. В ней запечатлено самовосприятие Ганди в 1908–1909 гг., хотя и, разумеется, преломленное через восприятие Доука. В разговорах Ганди с Доуком возникало, среди прочего, и имя Льва Толстого (напомню: это было еще до — почти накануне — переписки Ганди с Толстым). Приведу два интересных отрывка из книги.

Доук спрашивает Ганди, как он пришел к идее «пассивного сопротивления» («passive resistance»). Далее приводится ответ Ганди:

I remember, — he said, — how one verse of a Gujarati poem, which, as a child, I learned at school, clung to me. In substance it was this:

“If a man gives you a drink of water and you
give him a drink in return, that is nothing;

¹¹ До знакомства с Ганди Дж. Доук путешествовал по Индии (см.: [37, с. 11]). а его жена была потомком знаменитого миссионера-баптиста Уильяма Кэри (William Carey, 1761–1834).

Real beauty consists in doing good against evil”¹².

As a child, this verse had a powerful influence over me, and I tried
to carry it into practice.

Then came the “Sermon on the Mount.”

“But surely, — said I, — the Bhagavad Gita came first.”

“No, — he replied, — of course I knew the Bhagavad Gita in Sanskrit tolerably well, but I had not made its teaching in that particular a study. It was the New Testament which really awakened me to the rightness and value of passive resistance. When I read in the ‘Sermon on the Mount’ such passages as

‘Resist not him that is evil but whosoever smiteth thee on thy right
cheek

turn to him the other also’ [Matthew 5:39],

and

‘Love your enemies and pray for them that persecute you,
that ye may be sons of your Father which is in heaven’

[Matthew 5:44–45],¹³

¹² Это же стихотворение Ганди вспоминает в своей «Автобиографии» (глава 1/X — [44 (CWMG), т. 39, с. 34; ср. 4, с. 63]). В примечании в CWMG автором этого стихотворения назван гуджаратский поэт Шамал Бхатт (XVIII в.). См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Shamal_Bhatt.

«Автобиография» Ганди — едва ли не самая известная его книга. Она была написана и издана на гуджарати в 1925–1929 гг. В 1927–1929 гг. вышло и первое издание английского перевода, а в 1940 г. — второе издание, отредактированное В.С. Сринивасой Шастри (V.S. Srinivasa Sastri, 1869–1946), известным политическим деятелем и большим знатоком английского языка. Это издание воспроизведено в CWMG [44, т. 39, с. 1–402].

Поскольку «Автобиография» Ганди выходила и выходит во многих изданиях с различной пагинацией, на ее текст принято ссылаться с указанием на часть (арабскими цифрами от 1 до 5) и главу (римскими цифрами).

Книга переводилась на многие языки, в том числе и на русский. Первое издание русского перевода (сокращенного) вышло в 1934 г. [2], второе — в 1959 г. [3], третье — в 1969 г. [3], к столетию со дня рождения М.К. Ганди. Все переводы были сделаны с английского. И даже в издании 1969 г., вышедшем в весьма уважаемом издательстве, было немало недочетов. Постсоветские переиздания большей частью воспроизводили недочеты изданий советских, лишь кое-где исправляя слишком одиозные идеологические «формулы» в комментариях (см., например: [5]). Когда-нибудь надо будет заново перевести эту книгу с оригинала на гуджарати, сопроводив перевод подробными комментариями.

¹³ Приведенные здесь цитаты из Евангелия от Матфея взяты из так называемой American Standard Version (ASV); см.: https://en.wikipedia.org/wiki/American_Standard_Version.

I was simply overjoyed, and found my own opinion confirmed where I least expected it. The Bhagavad Gita deepened the impression,¹⁴ and Tolstoy's 'The Kingdom of God is Within You'¹⁵ gave it permanent form" [37, с. 99–100].

Затем следует комментарий Дж. Доука: «Undoubtedly Count Tolstoy has profoundly influenced him <...> But Tolstoy's teaching on some questions, notably on governments, has not won his assent» [37, с. 100–101].

Суждение Дж. Доука перекликается с суждением Маргарет Чаттерджи (1925–2019): «While Tolstoy could see nothing good in the state apparatus, Gandhi was always willing to parley with those who held authority within this apparatus» [32, с. 82].

Это очень важное различие между Ганди и Толстым.

Толстого нередко называли и называют «христианским анархистом», хотя он сам не принимал такого определения себя (см., например: [98; 22]). Оппоненты и критики Ганди также иногда истолковывали его идеи и его деяния как анархизм (см., например: [88]). Однако при всем сходстве идей Ганди и Толстого, есть и существенное различие, которое подметил уже проницательный Дж. Доук. «Поздний» Толстой-идеолог полностью отрицал ценность государства, государственной власти. Ганди же, напротив, вполне может быть назван «государственником». В Южной Африке он выступал как правозащитник, опиравшийся на британское право, и провозглашал себя верным подданным Британской империи. Позже, в Индии, в 1920-е – 1940-е гг., он отнюдь не стремился «отменить» государство как таковое, но лишь боролся за передачу верховной государственной власти на субконтиненте от британской короны — индийцам, точнее — верхнему, европейски образованному слою, к которому он

¹⁴ Для меня остается загадкой, каким образом Ганди смог извлечь из «Бхагавад-гиты» идеи «пассивного сопротивления» и «ненасилия». См.: [17].

¹⁵ Книгу (трактат) Толстого «Царство Божие внутри вас» Ганди прочитал, судя по всему, в 1890-е гг., в Южной Африке. Первое издание этой книги на русском языке вышло в Берлине в 1894 г. [23]. В том же 1894 г. вышел и английский перевод Констанс Гарнет [96]. В «Автобиографии» (глава 2/XV) Ганди вспоминал: «Tolstoy's *The Kingdom of God Is within You* overwhelmed me. It left an abiding impression on me» [44 (CWMG), т. 39, с. 114; ср. 4, с. 143]. «Царство Божие внутри вас» было для Ганди главной книгой Толстого. Вообще Ганди знал и воспринимал творчество Толстого очень выборочно. Знал (и, по-видимому, читал) еще и «Исповедь», и «Что такое искусство», и некоторые публицистические тексты Толстого. Из собственно художественных произведений русского писателя Ганди больше всего любил «Сказку об Иване-дураке и его двух братьях» (1885 г.). Больших романов Толстого Ганди, очевидно, никогда не читал. См.: [13; 14; 15]. О книге Толстого «Царство Божие внутри вас» см. также далее примеч. 63.

сам принадлежал. «Общий знаменатель» Толстого и Ганди — идея (идеал) ненасилия. Но Толстой считал, что всякое государство неразрывно связано с насилием, а Ганди верил, что благоустроенное государство может быть основано на ненасилии.

Ганди, несомненно, очень ценил Доука — и в августе 1913 г. специально приехал в Йоханнесбург из своего ашрама¹⁶ «Феникс» чтобы выступить с прощальным словом на панихиде по умершему другу (см.: [44 (CWMG), т. 12, с. 175–177]. Столь же очевидно, что Ганди одобрил книгу, написанную о нем Доуком.

В ноябре 1909 г. Ганди послал Толстому из Лондона экземпляр этой книги¹⁷. В своем письме к Ганди от 25 апреля (8 мая) 1910 г. Толстой написал: «<книга> очень заинтересовала меня и дала мне возможность лучше узнать и понять Вас» [20 (ПСС), т. 81: с. 248; 21, с. 229].¹⁸

В библиотеке Ясной Поляны сохранилось два экземпляра книги Дж. Доука, причем один — с дарственной надписью: «With the Author's Compliments». А на другом экземпляре — много помет Толстого (см.: [1, т. 3, ч. 1, с. 300–302]).

Современная российская исследовательница Е.Ю. Петрова (бывший сотрудник музея Толстого в Ясной Поляне) пишет: «Книга сохранилась в Яснополянской библиотеке Л.Н. Толстого. После ухода Л.Н. Толстого из Ясной Поляны [осенью 1910 г. — С.С.] она осталась лежать на книжной полке над его письменным столом» [10, с. 151].

Далее Е.Ю. Петрова сообщает, что Толстой — в декабре 1909 г. и позже, весной 1910 г., — высказывал пожелание, чтобы книга Доука была переведена на русский язык. Но, увы, этому пожеланию не суждено было сбыться.

И книга Дж. Доука, и ее автор заслуживают, на мой взгляд, большего внимания, чем то, которое им было уделено до сих пор. Впрочем, как заметил современный индийский историк Рамачан-

¹⁶ Слово ашрам (на санскрите āśrama, на хинди, гуджарати и других новых индийских языках āśram) можно перевести как «обитель». Ганди называл этим словом различные места своего обитания и деятельности в Южной Африке и позже в Индии.

¹⁷ В своем письме Толстому от 10.11.1909 г. Ганди написал: «I beg to send you herewith a copy of a book written by a friend — an Englishman, who is at present in South Africa...» [44 (CWMG), т. 9, с. 528; 21, с. 224]. Ганди написал «a copy», но в Ясную Поляну пришло два экземпляра (см. далее).

¹⁸ Оригинал этого письма — на английском языке: «[the book] interested me much and gave me the possibility to know and understand you better» [20 (ПСС), т. 81, с. 247; 21, с. 228].

дра Гуха¹⁹ в своей книге «Gandhi Before India»: «Strikingly, perhaps even tragically, the friends and associates of Gandhi's South African years are largely absent from the historical record» [54, с. 21]²⁰.

И еще: через сто с лишним лет стоило бы осуществить пожелание Толстого и перевести книгу Дж. Доука на русский язык.

Следующей по времени книгой, в которой соседствовали имена Толстого и Ганди, была, вероятно, книга, написанная еще одним другом Ганди по Южной Африке. Звали этого человека Генри Полак (H.S.L. Polak, полностью: Henry Solomon Leon Polak, 1882–1959). О нем известно вряд ли намного больше, чем о Дж. Доуке.

Сведения о Генри Полаке можно почерпнуть в автобиографических книгах Ганди («Сатьяграха в Южной Африке» и «Автобиография»), в книгах и статьях самого Полака, в переписке между ними (опубликованной, насколько я могу судить, далеко не полностью), а также в различных архивах (вряд ли полностью изученных). Исследований, посвященных Полаку, еще не очень много. Австралийский историк Маргарет Аллен в своей статье о Полаке грустно замечает: «Little has been published on Polak» [27, с. 56].

Индийская исследовательница Прабха Рави Шанкар, написавшая книгу об отношениях Ганди с Полаком и его женой [87]²¹, также свидетельствует: «There is no detailed study on Gandhi and the Polaks» [86, note 2]²².

Одним из первых к изучению архивов Полака обратился израильский историк Гидеон Шимони, родившийся в Южной Африке. В 1970-х гг. он имел возможность встретиться с сыном Генри Полака, жившим в Англии и показавшим историку семейный архив (см.: [94, р. 4, note 2]). Много внимания уделила Генри Полаку и британско-индийская исследовательница Маргарет Чаттерджи в своей книге «Ганди и его еврейские друзья» [32]. Затем следует назвать уже упомянутых выше Маргарет Аллен [27] и индийскую исследовательницу по имени Прабха Рави Шанкар [86; 87], которые также

¹⁹ См. о нем: https://en.wikipedia.org/wiki/Ramachandra_Guha (на 16 языках, в том числе — на семи индийских).

²⁰ Страницы этой книги П. Гухи указываются по электронной (интернетной) версии издания Penguin India (<http://dSPACE.vnbri.ms.org:13000/jspui/bitstream/123456789/4981/1/Gandhi%20Before%20India.pdf>)

²¹ К сожалению, эта книга осталась мне недоступной. Но я смог прочитать в интернете статью этого же автора на эту же тему [86].

²² Увы, в интернет-версии статьи отсутствуют номера страниц.

обращались к архивным материалам. Интересные подробности и соображения можно найти также в книгах и статьях таких историков, как Дж.Д. Хант [57; 59; 60] и Р. Гуха [54].

Henry Solomon Leon Polak родился в 1882 г.²³ в Англии, в городе Дувре, в еврейской семье среднего достатка. Как пишет М. Аллен, «...his Jewish forebears had come from Holland about a hundred years before his birth, while earlier generations of the family came from Poland and Germany» [27, с. 39].

Фамилия Polak — это, очевидно, транскрипция польского слова *Polak* (соответствующего русскому слову *поляк*).

Говоря по-нынешнему, Полак «не получил законченного высшего образования». Некоторое время он учился в London School of Economics, но оставил ее из-за финансовых трудностей. Потом год учился в Швейцарии в каком-то commercial college, но и его не закончил, вернулся в Лондон, работал в страховой компании и занимался самообразованием. Есть сходство между его опытом и опытом Ганди в Лондоне несколько (около десяти?) лет до того. Как и Ганди, Полак читал поздние публицистические статьи Льва Толстого — и в результате стал вегетарианцем, а также перестал курить и пить алкогольные напитки [27, с. 41]. Позже, в Южной Африке, это стало одной из его «точек схождения» с Ганди²⁴.

В Южную Африку Генри Полак перебрался в 1903 г. (стало быть, примерно в 21 год²⁵) и первое время работал журналистом в одной из газет в Йоханнесбурге²⁶. Уже в 1904 г. он познакомился с Ганди. Это событие описано и самим Ганди в его «Автобиографии» (глава 4/XVIII [44 (CWMG), т. 39, с. 238–239; 4, с. 267–268]), и Полаком в одной из его статей (см. ниже) — причем, как и в случае с Дж. Доуком, описания эти расходятся между собой. Но, так или иначе, важнейшую роль в знакомстве Ганди и Полака сыграл вегетарианский ресторан в Йоханнесбурге.

²³ Мне не удалось найти сведений о точной дате (дне и месяце) рождения Генри Полака.

²⁴ Впрочем, может быть, Полак стал вегетарианцем уже в Южной Африке. В своих воспоминаниях он записал, что впервые увидел Ганди в вегетарианском ресторане в Йоханнесбурге «shortly after my conversion to a non-flesh diet by the great Russian, Tolstoy» [84, с. 230].

²⁵ В литературе о Полаке встречаются разные объяснения причин, вызвавших его переезд в Южную Африку. Но для нашей темы это несущественно. Стоит заметить еще одну аналогию с биографией Ганди: будущий Махатма прибыл в Южную Африку, когда ему было 22 с половиной года.

²⁶ В указателе имен к русскому переводу «Автобиографии» М.К. Ганди Генри Полак определен как «южноафриканский журналист» [4, с. 600].

Ганди:

I made the acquaintance of Mr. Polak in the vegetarian restaurant... One evening a young man dining at a table a little way off sent me his card expressing a desire to see me. I invited him to come to my table, which he did... Mr. Polak's candour drew me to him. The same evening we got to know each other. We seemed to hold closely similar views on the essential things of life... [44 (CWMG), т. 39, с. 238; ср. 4, с. 267–268].

Полак:

Strangely enough, my real card of introduction to him was not that of a journalist, but because I was almost the only other person he had met who had read a book on the subject of nature-cure of disease by one Adolf Just, entitled "Return to Nature"²⁷. Upon learning this, he welcomed me with open arms, and we had a long talk on this and cognate subjects. He was interested in my vegetarianism and was delighted to learn that, like himself, I was an ardent admirer of Tolstoy. "I have a shelf full of his books at my office. Come and look at them," he said [84, с. 230].

Ганди и Полак стали не только сотрудниками, но и близкими друзьями. В «Автобиографии» (глава 4/XXII) Ганди написал: «I invited Polak to come and stay with me, and we began to live like blood-brothers» [44 (CWMG), т. 39, с. 246; ср. 4, с. 276].

Сам Полак в марте 1948 года вспоминал про то время: «Our relations were those of Bhai and Chhotabhai²⁸» [84, с. 247]²⁹.

Их дружба подкреплялась взаимным интеллектуальным обогащением. Так, в октябре 1904 г. Ганди отправился на поезде из Йоханнесбурга в Дурбан³⁰. Провожая «брата», на вокзале, Полак дал ему для чтения в долгой дороге книгу Джона Раскина³¹ «Unto

²⁷ Адольф Юст (1859–1936), немецкий «натуропат». Его книга «Kehrt zur Natur zurück!» («Возвращайтесь к природе!», 1896) была опубликована в 1903 г. в английском переводе под заглавием «Return to Nature».

См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Adolf_Just (на семи языках).

²⁸ Bhāī (хинди) — (старший) брат; choṭā bhāī (хинди) — младший брат.

²⁹ Ганди свои письма к Полаку и в 1930–1940-х гг. завершал (подписывал) словом *Bhai* (Брат).

³⁰ См.: [44 (CWMG), т. 4, с. 489 (раздел Chronology)].

³¹ John Ruskin (1819–1900) — см.: https://en.wikipedia.org/wiki/John_Ruskin (на 65 языках, включая русский!). По-русски фамилия этого автора часто пишется как «Рёскин» (см., например: [8]).

This Last»³². В «Автобиографии» (глава 4/XVIII: «The Magic Spell of a Book») читаем:

The book was impossible to lay aside, once I had begun it. It gripped me. Johannesburg to Durban was a twenty-four hours' journey. The train reached there in the evening. I could not get any sleep that night. I determined to change my life in accordance with the ideals of the book³³.

This was the first book of Ruskin I had ever read...

I believe that I discovered some of my deepest convictions reflected in this great book of Ruskin, and that is why it so captured me and made me transform my life...

I arose with the dawn, ready to reduce these [i. e. Ruskin's] principles to practice. [44 (CWMG), т. 39, с. 239; ср. 4, с. 268–269].

Вскоре, в конце 1904 г., Ганди основал, недалеко от Дурбана, ашрам под названием «Феникс»³⁴, где должны были воплощаться в жизнь идеи Дж. Раскина, в частности, принцип «простой жизни» («simple life» — ср. идеал «опрощения» Льва Толстого)³⁵.

В 1905 или 1906 г. Полак дал Ганди книгу «Imitation of Christ»³⁶, которая на него также произвела сильное впечатление (см.: [29, с. 18; 44 (CWMG), т. 48, с. 370]). В свою очередь, Ганди давал Полаку читать книги об Индии и сам читал с ним «Бхагавад-гиту» в своем любимом переводе Эдвина Арнольда («The Song Celestial») [84, с. 247].

Ганди узнал, что у Полака в Англии есть невеста (шотландка по имени Millie <Amelia> Graham), но что Генри тянет со свадьбой, потому что не уверен в своем финансовом положении. Ганди настоял на том, чтобы Милли приехала в Йоханнесбург³⁷ и чтобы со свадьбой

³² См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Unto_This_Last (на 9 языках; но русского нет). Чуть подробнее об этой книге см. далее примеч. 64.

³³ В 1908 г. Ганди перевел эту книгу на гуджарати, дав своему переводу название «Sarvodaya» («The Welfare of All» или «The Advancement of All»). См.: [44 (CWMG), т. 8, с. 239–242].

³⁴ См. в «Автобиографии» главу 4/XIX под названием «The Phoenix Settlement» [44 (CWMG), т. 39, с. 240–241; ср. 4, с. 269–271].

³⁵ По словам Полака, «The [Phoenix] colony consisted of Indians and Englishmen, able to rise above racial differences, and willing to live the simplest life, as advocated by Tolstoy and Ruskin, away from urban surroundings and industrial influences...» [84, с. 240].

³⁶ De Imitatione Christi («О подражании Христу») — католический богословский трактат XV в., автором которого считается Фома Кемпийский (Thomas à Kempis, ок. 1380–1471) — см.: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Imitation_of_Christ (на 30 языках) и https://en.wikipedia.org/wiki/Thomas_%C3%A0_Kempis (на 38 языках).

³⁷ См., например, письмо Ганди к Милли Грэхэм от 3 июля 1905 г.: [44 (CWMG), т. 96, с. 1–2].

больше не тянули (см. «Автобиография», глава 4/XXII, [44 (CWMG), т. 39, с. 246; 4, с. 276]). Милли, по ее воспоминаниям, приехала в Йоханнесбург 30 декабря 1905 г. [85, с. 7], и вскоре Ганди лично организовал (в качестве главного и единственного свидетеля) регистрацию ее брака с Генри, преодолев некоторые бюрократические препятствия³⁸. После этого семья Ганди и чета Полаков несколько месяцев жили вместе в одном доме в Йоханнесбурге.

Генри Полак оказался очень ценным сотрудником-помощником для Ганди. В течение многих лет, вплоть до своего отбытия из Южной Африки в 1916 г., Полак был главным редактором газеты Ганди *Indian Opinion*. В 1909 г., а затем еще в 1911 г. Ганди посылал Полака в «командировки» в Индию для переговоров с британским начальством и с деятелями Индийского Национального Конгресса. В 1913 г. Полак принял участие в «марше протеста», организованном Ганди, — и даже провел три месяца в тюрьме. В июле 1914 г., покидая Южную Африку, Ганди упросил Полака остаться там еще на некоторое время, чтобы проследить за выполнением обязательств, взятых на себя генералом Сметсом и другими руководителями Южноафриканского Союза (возникшего к тому времени). Полак, как и прежде, успешно выполнил поручения «брата».

В переписке Ганди и Толстого (1909–1910) Генри Полак не упоминается, но можно предполагать, что он внес некоторый вклад в само возникновение этой переписки. В книге А.И. Шифмана «Лев Толстой и Восток», в главе «Толстой и Африка», в которой, среди прочего, речь идет и о переписке Толстого с жителями разных стран Африки, есть такой абзац:

Читатель Генри С. Полак из Кейптауна (Южная Африка) высказывает мнение о проблемах, затронутых в статье Толстого «Об отношениях между полами»³⁹. Он говорит о существующем неравенстве между мужчинами и женщинами, о тяжелом положении, в котором находятся африканские женщины <Письмо на англ. языке от 22 июня 1903 г.> [26, с. 461 и 525].

³⁸ Полак позже вспоминал: «...Gandhiji was the chief witness at our marriage. He had to assure the officiating magistrate that we were both Europeans (I had been so often taken for an Indian because of my close association with him and his community), our marriage in the Transvaal being otherwise unlawful» [84, с. 247]. Ср. о том же в «Автобиографии» Ганди (глава 4/XXII) [44 (CWMG), т. 39, с. 246–247; ср. 4, с. 276–277].

³⁹ Статья 1890 г.; см.: [20 (ИСС), т. 27, с. 286–289].

По-видимому, А.И. Шифман не знал, что у Ганди был друг по имени Генри Полак. Между тем почти несомненно, что «читатель Генри С. Полак из Кейптауна» — это тот самый Henry Solomon Leon Polak, который прибыл в Южную Африку в 1903 г. и жил сначала в Кейптауне, а потом перебрался в Йоханнесбург⁴⁰ и в 1904 г. познакомился там с Ганди.

А.И. Шифман не сообщил, ответил ли Толстой на это письмо из Южной Африки⁴¹. На многие письма к нему (если не на большинство) Толстой отвечал, но некоторые все же оставлял без ответа. Тогда на конверте он ставил соответствующую помету. А.И. Шифман не сообщил, есть ли такая помета на письме от Полака. Так что возможно, что ответ Толстого еще обнаружится в архивах Полака. Правда, нигде, кроме книги А.И. Шифмана, мне не встретилось упоминания о письме «Генри С. Полака» Толстому. Но если все-таки «наш» Полак действительно написал письмо Толстому в 1903 г. (значит, еще до знакомства с Ганди), то, даже если Толстой не ответил, трудно себе представить, что Полак — при столь близкой дружбе с Ганди — ничего никогда не рассказал «старшему брату» об этом письме. Впрочем, если Толстой не ответил, то это могло скорее лишить Ганди желания самому написать в Ясную Поляну.

Л.В. Калюжная, заместитель директора по научной работе Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве (на Пречистенке), в ответ на мой запрос любезно сообщила мне, что письмо Полака к Толстому от 22 июня 1903 г. хранится в фондах Музея. Когда пройдет пандемия, я непременно пойду в Музей на Пречистенке, постараюсь прочитать письмо «читателя Генри С. Полака из Кейптауна» и выяснить, есть ли на нем какие-нибудь пометы Толстого.

Как замечает Томас Вебер в своей книге «Ганди как ученик и наставник», «Polak certainly was not an uncritical disciple» [100, с. 61]. И до поры до времени самому Ганди, это, очевидно, нравилось. Перелом наступил в 1914 г. Перемещение (возвращение) Ганди из Южной Африки в Индию (через Англию) заняло всю вторую половину 1914 г. За это время Гаврила Принцип застрелил в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда — и вскоре началась война, которую позже назвали первой мировой (а в Англии — The Great War). Европа, а вслед за

⁴⁰ Ср. «Polak worked at first in his uncle's business in Cape Town. He soon moved to Johannesburg» [54, с. 176].

⁴¹ В «Алфавитном указателе адресатов» Толстого в ПСС [24, с. 36–81] никакой Полак не числится.

ней и весь остальной мир вступили в новый период истории (который у нас в советское время называли «новейшей историей»)»⁴².

И в жизни Ганди наступил (хоть и не сразу) новый этап⁴³. В Южной Африке он занимался правозащитной деятельностью (борьбой за права иммигрантов-индийцев) как верноподданный Британской империи. В Индии он постепенно переключился на собственно политическую борьбу, то есть борьбу (хоть и «ненасильственную») за власть — против Британской империи, против британской власти над Индией. И, на этом новом этапе, пути Ганди и Генри Полака разошлись.

Полак с семьей покинул Южную Африку в 1916 г. и, пробыв некоторое время в Индии, все же в 1917 г. вернулся на родину, в Англию, где и жил до конца своих дней. В 1919 г. он основал, в Лондоне, «Indian Overseas Association» (см.: [53]) и в последующие годы был вовлечен не столько в дела собственно Индии, сколько в проблемы индийской диаспоры в остальном мире.

Ганди прибыл в Лондон в первые дни войны⁴⁴. Тогда он еще позиционировал себя как верного подданного Империи — и поддержал военные усилия Британии против Германии (см. в «Автобиографии» главу 4/XXXVIII: «My Part in the War»). В следующей главе «Автобиографии» Ганди отметил, что Генри Полак прислал из Южной Африки телеграмму, в которой «questioned the consistency of my action with my profession of ahimsa» [44 (CWMG), т. 39, с. 278; ср. 4, с. 310]45.

Через несколько лет, уже перебравшись с семьей в Англию, Полак критиковал «брата» за поддержку Халифатистского движения (см.: [50, с. 224]) и за кампанию «несотрудничества». В книге «Сатьяграха в Южной Африке» Ганди написал (в середине 1920-х): «The Polaks did not see eye to eye with us in the Non-co-operation movement, but they are still serving India to the best of their ability» [44 (CWMG), т. 29, с. 145].

⁴² См. часто цитируемые строки Анны Ахматовой из «Поэмы без героя» (1940–1945):

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.*

⁴³ Р. Гуха в своей двухтомной биографии Ганди провел границу между двумя томами именно по 1914 г.:

т. 1 — «Gandhi Before India» (т. е. до 1914–1915 гг.) [54],
т. 2 — «Gandhi: The Years That Changed the World, 1914–1948» [55].

⁴⁴ См. в «Автобиографии» (глава 4/XXXVII): «War was declared on the 4th of August. We reached London on the 6th» [44 (CWMG), т. 39, с. 276; ср. 4, с. 308].

⁴⁵ Это — последнее упоминание имени Полака в «Автобиографии».

Расхождения во взглядах стали еще больше с началом второй мировой войны. 23 ноября 1939 г. Полак написал Ганди довольно длинное и очень эмоциональное письмо (открывавшееся обращением «*My dear Bhai*»), в котором — в отличие от телеграммы 1914 г. — упрекал Ганди, напротив, в том, что он не был готов безоговорочно поддержать войну Британии против Гитлера [44 (CWMG), т. 96, с. 312–318]⁴⁶. В 1942 г. Полак выступил с критикой движения «*Quit India*»⁴⁷.

Несмотря на все разногласия, Ганди и Полак дружески переписывались (хотя, по-видимому, не слишком часто) и в 1920-х, и в 1930-х, и в 1940-х гг. Их переписка длилась более тридцати (может быть, даже около сорока) лет. Насколько я могу судить, издана она далеко не полностью. На мой взгляд, ее стоит издать отдельно и в полном объеме, без изъятий, с подробными комментариями. Помимо всего прочего, эта переписка может послужить своего рода развернутым комментарием к переписке между Ганди и Толстым и важным свидетельством о восприятии и понимании идей Толстого Махатмой на всем протяжении его жизни.

Разногласия не мешали Ганди высказываться — в письмах к третьим лицам — весьма хвалебно о Полаке. А Полак на протяжении многих лет писал весьма позитивные статьи (биографические и мемуарные) о своем друге-«брате». Так, уже то ли в 1909-м, то ли в 1910-м г. издатель Г.А. Натесан выпустил сборник «Речей и статей М.К. Ганди», с «биографическим очерком», который написал Полак [77]⁴⁸. В 1939 г., в сборнике статей в честь 70-летия Ганди, была опубликована статья Полака «Мудрость Ганди» [79]. В 1949 г., в биографической книге памяти Ганди [81], первая часть (главы 1–7), «*Early Years (1869–1914)*», принадлежала перу Полака [82]⁴⁹. В том же 1949 г. он опубликовал еще две статьи с воспоминаниями о Ганди [83; 84].

⁴⁶ Ответное (и несколько уклончивое) письмо Ганди Полаку от 12 декабря 1939 г. (с обращением «*My dear Henry*» и подписью «*Bhai*») см.: [44 (CWMG), т. 96, с. 301].

⁴⁷ См. письмо Ганди к Агате Хэррисон (Agatha Harrison) от 13 июля 1944 г.: [44 (CWMG), т. 77, с. 372–373].

⁴⁸ К сожалению, эта книга осталась мне недоступной. В третьем издании сборника (1922) расширенный «биографический очерк» анонимен (имя Толстого в нем не упоминается), но зато в «Приложении II», среди прочих «*Appreciations*», помещен и текст Полака (не датированный) с восторженными восхвалениями Ганди [40, с. 38–45].

⁴⁹ В главах V и VI Полак пару раз мимоходом упоминает о Толстом и о его влиянии на Ганди — и даже посвящает несколько строк началу переписки между Ганди и Толстым в 1909 г. [82, с. 74–75].

В 1910 г. Г.А. Натесан издал в Мадрасе книгу Генри Полака о Ганди [76]⁵⁰. С этой книгой сопряжен ряд проблем, которые нуждаются в исследовании и осмыслении. Книга была издана анонимно, то есть без указания имени автора⁵¹. Мне пока не встретилось никаких объяснений, почему так произошло. Книга, очевидно, имела коммерческий успех, потому что в последующие тридцать с лишним лет было выпущено еще девять изданий (см.: [72, с. 108]⁵²), десятое — в 1943 г. [80]! Однако, согласно «Всемирному (электронному) каталогу», позже эта книга (в отличие, например, от книги Дж. Дюка) не переиздавалась; и на иностранные языки она, судя по всему, не переводилась. В научной литературе о Ганди эта книга Полака упоминается и цитируется редко. Между тем, на мой взгляд, она — все десять ее «ипостасей» — заслуживает большего внимания хотя бы потому, что в ней отражены впечатления одного из ближайших друзей Ганди в южноафриканский период его жизни. Этот друг, помимо всего прочего, тесно сотрудничал с Ганди и в те месяцы 1909–1910 гг., когда шла переписка с Толстым.

Вскоре после завершения этой переписки вышла в свет еще одна книга о Ганди, написанная еще одним его близким другом, имевшим к тому же непосредственное отношение к началу самой этой переписки. Друг этот был индеец, джайн⁵³, по имени Прандживан

⁵⁰ Прабха Рави Шанкар обозначает год появления этой книги как 1909 [86, note 28]. Но и в интернетном «Всемирном каталоге» (<https://www.worldcat.org/>), и в авторитетной библиографии [72, с. 108] годом публикации первого издания этой книги назван 1910-й.

⁵¹ См., например, тот же «Всемирный каталог».

⁵² В библиографическом справочнике А.М. Пандири [72, с. 108] указаны даты пяти изданий: первое — 1910 (см.: [76]), третье (тоже анонимное) — 1917 (см.: [78]), седьмое — 1930, девятое — 1931, десятое — 1943 (см.: [80]).

⁵³ Джайн (на санскрите jāina, на хинди, гуджарати и других новых индийских языках jāin) — человек, так или иначе связанный с религиозной традицией, которую европейцы назвали словом «джайнизм». Название религии произведено от имени ее легендарного основателя, которого звали Jina, «победитель» (ср. Будда — буддизм, Христос — христианство и др.). Джина жил, предположительно, в VI в. до н. э. Его проповедь была одним из реформаторских учений (наряду с буддизмом и другими, до наших дней не дошедшими), возникавших в контексте ведийской традиции. Джайны внесли большой вклад в развитие индийской культуры. См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Jainism> (на 138 языках, включая русский). В современной Индии джайны существуют как довольно многочисленное и влиятельное религиозное меньшинство, тесно связанное с тем разнообразным религиозным комплексом, которое получило имя «индуизм». На «малой родине» Ганди, в Катхиваре, джайнизм очень распространен. Ганди испытал значительное влияние и джайнизма вообще, и нескольких своих друзей-джайнов.

Джагдживан Мехта (в более полной форме: Pranjivandas Jagjivandas Mehta, 1864–1932)⁵⁴. Этот человек сыграл в жизни Ганди очень важную роль, однако, как заметил индийский историк С.Р. Мехротра⁵⁵, этот друг и многолетний помощник Ганди “is hardly known, and about [him] virtually nothing has been written” [66, Preface⁵⁶].

М.К. Ганди и П.Дж. Мехта были земляками: оба родом из Катхиавара. Для обоих родным языком был гуджарати. И еще их объединяло то, что оба принадлежали к местной элите. Ганди был сыном, внуком и племянником «диванов» (первых министров) в Пурбандаре и других катхиаварских княжествах⁵⁷; семья Мехты входила в финансовую элиту катхиаварского княжества Морви⁵⁸. Очевидно, что элиты катхиаварских княжеств были связаны между собой. Не случайно, когда Ганди в 1888 г. отправился на учебу в Лондон, то среди прочих рекомендательных писем он вез с собой и письмо к П.Дж. Мехте⁵⁹.

Сам Мехта в 1887–1889 гг. учился медицине в Брюсселе и одновременно изучал право в Лондоне. С первых дней жизни Ганди в Лондоне Мехта опекал младшего земляка и помогал ему осваиваться на чужбине. В 1891 г., когда Ганди возвращался из Лондона в Индию,

⁵⁴ См. о нем: [65; 66]. См. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Pranjivan_Mehta (только на английском). К сожалению, книга 2014 г. осталась мне доступной лишь фрагментарно. Большая часть приводимых далее сведений о П.Дж. Мехте почерпнута из статьи 2010 г.

⁵⁵ Sri Ram Mehrotra (1931–2019); см.: https://en.wikipedia.org/wiki/S._R._Mehrotra (на двух языках).

⁵⁶ В своей статье 2010 г. С.Р. Мехротра также отмечал, что до появления его публикаций «not much was known about this avowedly greatest benefactor and friend of [Gandhi]» [65]. Увы, в интернетных версиях и «Предисловия» к книге 2014 г., и статьи 2010 г. номера страниц отсутствуют.

⁵⁷ См. в «Автобиографии» главу I/I — «Birth and Parentage» (в русском переводе — «Семья и родные»): «...for three generations, from my grandfather, they [i.e., the Gandhis] have been Prime Ministers in several Kathiawad States» [44 (CWMG), т. 39, с. 7; ср. 4, с. 39].

Дж. Доук в своей биографии Ганди, в главах пятой и шестой, уделяет много места отцу Ганди, которого он называет «Prime Minister in the court of ... a Prince» [37, с. 18]; самого Ганди Доук далее (в главе 18) называет “the son of an Indian Prime Minister” [37, с. 88]. Такое титулование было записано Доуком, очевидно, со слов Ганди — и одобрено им, как и книга в целом. В Южной Африке Ганди еще не называли Махатмой.

⁵⁸ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Morvi_State (на 8 языках, включая гуджарати, хинди и русский).

⁵⁹ См. в «Автобиографии» (глава I/XIII): «I had four notes of introduction: to Dr. P.J. Mehta, to Sjt. Dalpatram Shukla, to Prince Ranjitsinhji and to Dadabhai Naoroji» [44 (CWMG), т. 39, с. 41; ср. 4, с. 70].

В указателе имен к русскому переводу этот Мехта ошибочно описан как «Мехта, Фирузшах (1845–1915) <...>, один из основателей и первых руководителей Индийского национального конгресса» [4, с. 596]. Разумеется, это совсем другой Мехта. Мехта — фамилия, часто встречающаяся на западе Индии.

Мехта вместе со старшим братом Ганди встречал его в порту Бомбея и даже на некоторое время поселил его в своем бомбейском доме. В «Автобиографии» (глава 2/1) читаем: «...as Dr. Mehta insisted on putting me up at his house, we went there. Thus the acquaintance begun in England continued in India and ripened into a permanent friendship between the two families» [44 (CWMG), т. 39, с. 74; ср. 4, с. 102].

Там и тогда П.Дж. Мехта познакомил Ганди со своим зятем (мужем племянницы) по имени Райчанд (или Раджчандра) Мехта⁶⁰, поэтом (на гуджарати) и религиозным мыслителем, которого Ганди позже назвал одним из трех главных своих наставников. Вот одна из самых часто цитируемых фраз «Автобиографии» Ганди (глава 2/1, последний абзац): «Three moderns have left a deep impress on my life, and captivated me: Raychandbhai by his living contact⁶¹; Tolstoy by his book, *The Kingdom of God Is within You*⁶²; and Ruskin by his *Unto This Last*»⁶³ [44 (CWMG), т. 39, с. 76; ср. 4, с. 104].

Дружба Ганди и П.Дж. Мехты продолжалась вплоть до смерти последнего в 1932 г. Мехта был очень богатым человеком (помимо всего прочего, он, поселившись в 1899 году в Бирме, в Рангуне,

⁶⁰ Raichand / Rajchandra Mehta (1867–1901); посмертное почтительное именование: Shrimad Rajchandra. См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Shrimad_Rajchandra (на 11 языках: из них 4 — западноевропейские и 6 — индийские; данные на 5.10. 2022). За пределами Индии имя и наследие этого человека очень мало известны.

⁶¹ Ганди переписывался с Райчандом, когда жил в Южной Африке.

⁶² «Царство Божие внутри вас» — это своего рода религиозно-философский трактат и одновременно художественное произведение. Толстой выразительно изложил здесь свои взгляды на философию истории, на философию ненасилия, на проблемы войны и мира...

Толстой работал над этим трактатом в 1890–1893 гг. Цензура не допустила книгу к печати. Поэтому первое издание на русском язык вышло в 1894 г. в Берлине [23]. Вскоре появились переводы на английский, немецкий, французский, итальянский... Книга получила широкую известность. Но в России больше десяти лет книга была доступна или как «самиздат», или как «тамиздат». В России она была издана несколько раз между 1905 и 1917 гг. После 1917 г. «Царство Божие внутри вас» было издано в 1957 г., в 28-м т. малотиражного 90-томника [20 (ПСС), т. 28, с. 1–330]. Потом было два или три постсоветских переиздания — довольно низкого качества. По сути дела, это произведение Толстого более чем на век было исключено из российского общественного сознания. Толстооведам предстоит подготовить академическое (критическое) издание этой выдающейся книги (и составить обширные комментарии), чтобы включить ее в современную русскую культуру.

⁶³ См. выше примеч. 32 и 33. Полное название этой книги: «Onto This Last. Four Essays on the First Principles of Political Economy» (1862). На русский язык название книги «Onto This Last» переводят по-разному: или как «У последней черты», или как «Последнему, что и первому» (отсылка к Евангелию от Матфея). Стоит заметить, что Раскина/Рёскина как социального мыслителя высоко ценил и Л.Н. Толстой. См.: [69]. Судя по электронному каталогу РГБ, Раскина/Рёскина у нас много переводили до 1917 г., а затем — после 2000 г. Но русского перевода книги «Unto This Last» мне найти не удалось.

торговал драгоценными камнями) и в течение многих лет щедро финансировал Ганди⁶⁴. Вот как пишет об их взаимоотношениях Р. Гуха:

Pranjivan Mehta was to Mohandas Gandhi what Friedrich Engels was to Karl Marx: at once a disciple and a patron, who saw, very early, that the friend of his youth had the makings of the heroic, world-transforming figure he was to later become. Their friendship was consolidated by a shared language and culture — it mattered that Engels and Marx were both Germans, and that Mehta and Gandhi were both Gujaratis. There were differences: Engels believed Marx would redeem a class (the proletariat), Mehta believed Gandhi would save a nation, India. Both, however, had a deep, almost unquestioning faith in their compatriot's genius. Both were prepared to reach deep into their pockets to activate and enable it [54, с. 420].

П.Дж. Мехта имел непосредственное отношение к началу переписки Ганди со Львом Толстым. Как утверждает С.Р. Мехротра [65, раздел «Plans for the future»], именно Мехта получил от своего индийского друга в Париже экземпляр «Письма к индусу» Толстого и обещал Ганди — во время их встречи в Лондоне в сентябре 1909 г. — оплатить издание этого «Письма» тиражом в двадцать тысяч — для широкого распространения⁶⁵. Возможно, именно это предложение подвигло Ганди на написание первого письма Толстому 1 октября 1909 г. — с просьбой подтвердить его авторство и разрешить перевод «Письма» на гуджарати⁶⁶.

В 1911 г. Г.А. Натесан издал в Мадрасе книгу П.Дж. Мехты о Ганди [67], переизданную тем же издательством в 1949 г. [68]⁶⁷. Это была первая биография Ганди, написанная автором-индийцем. К сожалению, оба издания остались мне недоступны, но думаю,

⁶⁴ В частности, Мехта финансировал издание книги Дж. Доука о Ганди (см.: [54, с. 354]).

⁶⁵ См. также: [58, с. 147].

⁶⁶ В этом своем письме Ганди, среди прочего, написал: «A copy of your letter addressed to a Hindu on the present unrest in India has been placed in my hands by a friend. On the face of it, it appears to represent your views. It is the intention of my friend, at his own expense, to have 20,000 copies printed and distributed and to have it translated also» [44 (CWMG), т. 9, с. 445–446; ср. 21, с. 219]. Упоминаемый в письме «friend» — это П.Дж. Мехта.

⁶⁷ В библиографическом справочнике А.М. Пандири читаем такую аннотацию (ко второму изданию): «This book is a biographical assessment of Gandhi in South Africa. His involvement in the problem of the Indians living there is narrated with in-depth knowledge by one who knew Gandhi over twenty years in South Africa and has rare insights of Gandhi's thoughts, life and ideas. Excellent work written with care and much research about Gandhi's Satyagraha in South Africa» [72, с. 310].

что эта книга могла бы пролить дополнительный свет на историю переписки Ганди со Львом Толстым.

В связи с этой перепиской следует вкратце сказать еще по крайней мере о четырех сотрудниках и друзьях Ганди по Южной Африке, которые имели или могли иметь к данной переписке то или иное отношение. Вот эти четыре имени: Л.У. Рич (L.W. Ritch), Герман Хаим Калленбах (Hermann Haim Kallenbach), Соня (Софья) Шлезин (Sonja Schlesin) и Полина Подляшук (Pauline Podlashuk).

Луис (Льюис?) Уолтер Рич (Louis или Lewis Walter Ritch, 1868–1952) был, как и Генри Полак, британским евреем⁶⁸, и оба они, как и некоторые другие сотрудники и друзья Ганди в Южной Африке, были активными членам Теософского общества⁶⁹. Сведения о Л.У. Риче довольно скудны⁷⁰. Р. Гуха называет Рича первым европейцем, с которым Ганди близко подружился в Йоханнесбурге еще в 1890-х годах — посещая заседания Теософской Ложи:

He <i. e. L.W. Ritch> was Jewish and originally from London, in which city he (like Gandhi) had sought to broaden his faith with an infusion of Theosophy. He moved to Johannesburg in 1894, and helped found a Theosophical Lodge. This met every Thursday to discuss the works of Madame Blavatsky and Anne Besant [54, c. 174].

В Йоханнесбурге Рич успешно занимался бизнесом, но в 1903 г. перешел на работу в адвокатскую контору Ганди (см.: [44 (CWMG), т. 4, с. 370, примеч. 1]). Правозащитная деятельность Ганди пришлась ему по душе, и он решил получить юридическое образование, для чего в 1905 г. отправился в Лондон. Ганди дал ему весьма хвалебное рекомендательное письмо [44 (CWMG), т. 4, с. 375] к самому Дадаб-

⁶⁸ Обычное описание на английском: British Jew(s). Г. Шимони предпочитает слово Anglo-Jew(s), см.: [94].

⁶⁹ Ганди, теософия и теософы — это особая и сложная тема, которой здесь нет возможности воздать должное. С теософами (с самой Еленой Блаватской, с Анной Безант и другими) и теософией Ганди познакомился еще будучи студентом в Лондоне. Трудно сказать, как сочетались в сознании Ганди идеи и лозунги теософии с религиозно-философскими и этическими идеями Толстого (Ганди всерьез открыл их для себя позже, уже в Южной Африке). Этой проблемой, если я не ошибаюсь, мало кто занимался — так же, как и вообще проблемами соотношения идей Толстого и теософии.

⁷⁰ См.: [32, с. 39–42 и passim; 54, passim; 57, с. 14] и другие книги и статьи, где речь идет о южноафриканском периоде жизни Ганди. Показательно, что Википедия ничего о Л.У. Риче не знает.

хаи Наороджи (1825–1917), «the Grand Old Man of India», одному из основателей Индийского Национального Конгресса и первому индийцу (вообще азиату), избранному членом британской Палаты Общин (1892–1895)⁷¹.

Когда Ганди приехал в Лондон летом 1909 г., Рич все еще там учился. Маргарет Чаттерджи пишет: «...It was during this period that he <L.W. Ritch> was instrumental in bringing about a correspondence with Tolstoy, an event which was an important landmark in the development of Gandhi's ideas on non-violence» [32, с. 40].

Имеются в виду следующие события.

4 августа 1909 г.⁷² в дом Льва Толстого в Ясной Поляне неожиданно пришли (как вскоре написал Толстой) «несколько человек в мундирах» [20 (ПСС), т. 38, с. 126] и арестовали Николая Николаевича Гусева (1882–1967), секретаря Толстого в 1907–1909 гг.⁷³, Пришедшие «люди в мундирах» объявили, что Н.Н. Гусев будет выслан на два года (без суда и следствия, «решением Министра Внутренних Дел») в Чердынский уезд⁷⁴ Пермской губернии. за «революционную пропаганду и распространение недозволенных книг» [20 (ПСС), т. 38, с. 524]. Причина ареста и ссылки была, очевидно, в том, что Гусев, выполняя поручения Толстого, рассылал по почте его произведения, запрещенные цензурой⁷⁵. Толстой пришел в негодование⁷⁶ и написал — в ближайшие два дня — возмущенное «Заявление об аресте Гусева» [20 (ПСС), т. 38, с. 126–131]. В этом «Заявлении» Толстой, среди прочего, утверждал, что

обвинение Гусева в распространении революционных книг не только неверно, но не имеет подобия какого-либо основания... Если <...>, исполняя мои поручения, <Гусев> посылал по почте и выдавал на руки какие-либо книги, то это были не революционные, а мои книги. Мои же книги могут казаться и дурными и неприятными людям, но ни в каком

⁷¹ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Dadabhai_Naoroji (на 31 языке, включая русский).

⁷² Это дата по «старому стилю» (по юлианскому календарю). По «новому стилю» (по григорианскому календарю) это было 17 марта. В CWMG ошибочно указано «This happened on August 18, 1909» [44 (CWMG), т. 9, с. 449, note 3].

⁷³ См.: https://fr.wikipedia.org/wiki/Nikola%C3%AF_Nikola%C3%AFevitch_Goussev (на 2 языках: русском и французском). Н.Н. Гусев, как видим, был ровесником Генри Полака, но прожил более долгую жизнь.

⁷⁴ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Cherdyn,_Perm_Krai (на 43 языках).

⁷⁵ Подробности см. в комментарии к письму Толстого Гусеву от 6 августа 1909 г.: [20 (ПСС), т. 80, с. 53–54].

⁷⁶ В своем дневнике Толстой записал: «Вчера вечером приехали разбойники за Гусевым и увезли его» [20 (ПСС), т. 57, с. 111; т. 80, с. 53].

случае не могут быть названы революционными, так как в них самым определенным образом отрицается всякая революционная деятельность, вследствие чего книги эти всегда и осуждаются и осмеиваются всеми революционными органами [20 (ПСС), т. 38, с. 128].

Толстой прекрасно понимал (и написал об этом в своем «Заявлении»), что дело не в Гусеве, а в нем самом, Льве Толстом. Но начальство не может, не смеет арестовать и / или сослать его, поэтому преследует его сотрудников и последователей. Однако, по словам Толстого, подобные «меры» «нецелесообразны» — «и преимущественно потому, что избавиться от бомб и бомбометателей можно тем, чтобы отобрать бомбы и посадить бомбометателей в тюрьму или убить их, но с мыслями ничего этого нельзя сделать. Насилия же, которые делаются против мыслей и носителей их, не только не ослабляют, но всегда только усиливают их воздействие» [20 (ПСС), т. 38, с. 130].

Толстой завершил «Заявление» 6 августа и в тот же день написал из Ясной Поляны еще два письма: Н.Н. Гусеву — с выражением поддержки [20 (ПСС), т. 80, с. 53–54] и тульскому губернатору Дмитрию Дмитриевичу Кобеко⁷⁷, к которому обратился с просьбой «разрешить Н.Н. Гусеву отправиться к месту ссылки не по этапу, а за свой счет с провозжатым». Уже на следующий день губернатор известил Толстого, что просьба его будет удовлетворена [20 (ПСС), т. 80, с. 54]⁷⁸.

«Заявление» Толстого, датированное 6-м августа («по старому стилю»), уже 11 августа («по старому стилю», то есть 24 августа «по новому») было опубликовано в московской ежедневной газете «Рус-

⁷⁷ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кобеко,_Дмитрий_Дмитриевич (только на русском). Д.Д. Кобеко (1868–1914 или 1916 — почти ровесник М.К. Ганди!) был тульским губернатором в 1907–1912 гг.

⁷⁸ Происшествие с Н.Н. Гусевым — красноречивое свидетельство о порядках (правовой культуре) в дореволюционной России. С одной стороны, конечно, административный произвол, можно сказать, «правовой нигилизм». Но, с другой стороны, сравнительная мягкость наказания: всего лишь два гола ссылки — и не куда-нибудь за Полярный круг, а во вполне обжитую местность с умеренным климатом. После 1917 г., особенно в сталинские времена, произвола было не меньше, но наказания были, как правило, куда жестче. Н.Н. Гусев благополучно отбыл свою ссылку, время от времени переписываясь с Толстым. Вернулся он из ссылки в 1911 г., уже после смерти Толстого, живой и здоровый — и вскоре издал книгу под названием «Из Ясной Поляны в Чердынь» [6; 7], в которой опубликовал и письма Толстого. В 1925–1931 гг. Гусев был директором музея Толстого в Москве. Он принимал участие в издании Полного собрания сочинений Толстого в 90 томах (1935–1958) (ПСС) и написал несколько книг о жизни и творчестве Л.Н. Толстого (см. Википедию).

ские ведомости»⁷⁹ [20 (ПСС), т. 38, с. 524]⁸⁰. Очевидно, что вскоре этот текст стал известен и за пределами Российской империи. Л.У. Рич, узнав об аресте Гусева, послал из Лондона Толстому сочувственное письмо. Толстой ему ответил, вероятно, послав какой-то вариант своего «Заявления» в переводе на английский (см.: [32, с. 40]).

30 октября 1909 г. в газете «*Indian Opinion*», которую Ганди издавал в Южной Африке, он среди прочего опубликовал заметку (на гуджарати) под названием «*Tolstoy's Satyagraha*» [44 (CWMG), т. 9, с. 448–450]. В этой заметке рассказано об аресте Гусева и приведены (в пересказе) «*Count Tolstoy's comments on this action*». В редакционном примечании поясняется: «*This letter, published in the Daily News, was addressed to L.W. Ritch*» [44 (CWMG), т. 9, с. 449, note 2].

К сожалению, нигде не приведено никаких точных дат. Остается неясным, когда Рич написал Толстому письмо, когда Толстой ему ответил и что именно прислал в ответ, когда ответ Толстого (и в каком виде) был опубликован в газете «*Daily News*» (и что это за газета, где она издавалась). Дату написания названной выше заметки Ганди в «*Indian Opinion*» редакторы его «Собрания сочинений» предположительно определяют так: [After October 1, 1909] [44 (CWMG), т. 9, с. 447]. Случайно ли, что 1 октября 1909 г. — это дата написания первого письма Ганди Толстому?

В каком временном соотношении находятся переписка Рича с Толстым и начало переписки Ганди с Толстым? Вполне возможно, что Рич получил письмо от Толстого до того, как Ганди собрался послать свое письмо в Ясную Поляну. Тогда, действительно, как полагает М. Чаттерджи, Рич мог быть “instrumental in bringing about [Gandhi's] correspondence with Tolstoy”.

⁷⁹ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Ruskiye_Vedomosti (на 7 языках).

⁸⁰ В 80 т. ПСС, в комментарии к письму Толстого Гусеву от 6 августа 1909 г. читаем:

«2 сентября [1909 г.] департамент полиции уведомил губернатора:

“Его высокопревосходительство [министр внутренних дел] выразил свое неудовольствие и удивление по поводу действий чинов губернской администрации в настоящем деле. Г<осполин> министр ожидал, что указанная мера будет осуществлена без всякой излишней резкости и с подобающе осмотрительностью. Между тем оказывается, что для задержания Гусева, который мог быть вызван с этой целью в полицейское управление или в станковую квартиру, полиция сочла нужным явиться в усадьбу графа Л. Толстого, причем на сборы в дорогу Гусеву был предоставлен всего один час, и что вообще образ действий местных властей в этом случае, совершенно не вызываемый обстоятельствами, дал только материал для новой рекламы графу Л. Толстому (что можно было и заранее предвидеть) и вызвал в периодической печати целый ряд сенсационных статей, в которых граф Толстой изображается какою-то жертвою правительственного произвола”» [20 (ПСС), т. 80, с. 53–54].

В 91 т. ПСС («Указатели» [24]) имени Рич / Ritch нет ни в общем «Указателе имен собственных», ни в «Указатель адресатов [писем Толстого]». Но можно надеяться, что когда-нибудь в каком-нибудь зарубежном архиве еще найдется письмо Л.Н. Толстого Л.У. Ричу, написанное осенью 1909 г.

В 80 т. ПСС, в редакционном примечании к письму Толстого из Ясной Поляны Гусеву в Чердынь (от 27 августа 1909 г.) читаем: «По поводу высылки Н.Н. Гусева Толстой получил (сохранилось в архиве) двадцать три письма с выражением сочувствия ему» [20 (ПСС), т. 80, с. 75, примеч. 11].

Если я не ошибаюсь, эти 23 письма пока не опубликованы. Может быть, среди них есть и письмо от Л.У. Рича.

Как видим, будущим исследователям и тут есть над чем поработать.

Герман Хаим Калленбах (Hermann Haim Kallenbach, 1871–1945)⁸¹ был одним из ближайших друзей (если не самым близким другом) Ганди во второе десятилетие его жизни в Южной Африке. О Калленбахе известно, пожалуй, несколько больше, чем о других друзьях и сотрудниках Ганди по Южной Африке, но все же не так много, как хотелось бы⁸².

В литературе о Ганди Калленбаха часто называют «немецким евреем» («а German Jew»). Но это не совсем верно.

Он родился в 1871 г.⁸³ на западе тогдашней Российской империи, в двух-трех километрах от границы Восточной Пруссии, в маленьком, но старинном городке, который в разные времена входил

⁸¹ См.: [32, passim; 63; 64; 89; 90; 100, с. 69–83]. См. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Hermann_Kallenbach (на 8 языках).

⁸² Ср. замечание М. Грина: «...they [Henty Polak and Hermann Kallenbach] have not been the object of scholarly research» [52, с. 149]. А в предисловии к книге американского историка Дж.Д. Ханта Калленбах назван «The enigmatic Kallenbach» [59, с. 21]. Долгое время основным источником биографических сведений о Калленбахе служила, по-видимому, книга, изданная в Берлине в 1997 г., в двух вариантах (на двух языках - немецком и английском) Исой Сарид, внучатой племянницей Калленбаха, и Кристианом Бартольфом [89; 90]. Новый прорыв в «калленбаховедении» совершил израильский исследователь Шимон Лев, который встретился с Исой Сарид в Хайфе и получил доступ к семейному архиву Калленбахов. После нескольких лет работы появилась книга [63], к сожалению, оставшаяся мне недоступной. Но я смог прочитать в интернете доклад того же автора, прочитанный им в Вильнюсе в 2017 г. [64]. Очевидно, что в этом докладе вкратце изложено содержание книги — увы, без точных сносок.

⁸³ Калленбах родился 1 марта 1871 г., т. е. был всего на полтора года младше Ганди.

в разные государства и имел разные имена. В XVII–XVIII вв. этот городок входил в состав Речи Посполитой (польско-литовского государства) и назывался по-польски Nowe Miasto, по-литовски Naumiestis, по-немецки Neustadt (население было смешанное: литовско-еврейско-немецкое). После третьего раздела Польши (в 1795 г.) городок вошел в состав Российской империи, в которой он до поры до времени назывался Ново-мѣсто, а в 1880-е гг. был переименован в Александровск (и оставался с этим именем до 1918 г.). В 1919 г. городок стал частью независимой Литвы и в 1930-х гг. получил свое нынешнее имя: Žemaičių Naumiestis (в кириллической записи: Жемайтчу-Науместис)⁸⁴.

Отец будущего друга Ганди был, по-нынешнему сказать, бизнесменом средней руки: торговал древесиной. И еще преподавал древнееврейский язык. Когда в семье было уже трое детей (Герман был третьим) родители решили перебраться в Восточную Пруссию (то есть в Германию), в город, который тогда назывался по-немецки Ruß, а теперь входит в состав Литвы и называется Rusnė (по-русски Русне)⁸⁵. Семья получила германское гражданство и заменила свою прежнюю еврейскую фамилию Калманович на красивую немецкую фамилию Калленбах⁸⁶. Бизнес отца успешно развивался: он завел лесопилку и еще четырех детей. Дети имели возможность получить хорошее образование. В 1877–1890 гг. (см.: [90, с. 115]) Герман учился в школе в Мемеле (теперь это город Клайпеда в Литве)⁸⁷ и в Тильзите (с 1946 г. — город Советск в Калининградской области РФ, на границе с Литвой), а потом — в Королевской Школе Архитектуры в Штутгарте⁸⁸. В 1896 г. Герман Калленбах получил

⁸⁴ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/%C5%BDemai%C4%8Di%C5%B3_Naumiestis (на 15 языках).

⁸⁵ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Rusn%C4%97> (на 13 языках). Сейчас этот город расположен недалеко от границы между Литвой и Калининградской областью РФ. Исторически он входил в так называемый Мемельский край или Мемельланд (по-немецки Memelland), небольшой кусок суши на берегу Балтийского моря, имевший в XX в. весьма причудливую историю. См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Klaip%C4%97da_Region (на 33 языках).

⁸⁶ Мне не удалось узнать ни дату перемещения семейства через границу, ни дату перемены фамилии. Точная хронология — это «слабое место» «калленбаховедения» и «гандиведения» в целом. Вероятно, переселение в Германию произошло вскоре после рождения Германа в 1871 г. Случайно ли, что именно в этом году произошло объединение Германии после победоносной франко-прусской войны?

⁸⁷ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Klaip%C4%97da> (на 110 языках).

⁸⁸ С 1806 по 1918 г. Штутгарт был столицей Королевства Вюртемберг (в 1871 г. ставшего частью новообразованной Германской империи). См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Kingdom_of_W%C3%BCrttemberg (на 47 языках).

диплом архитектора⁸⁹ (отслужив перед этим год в германской армии, в инженерном батальоне) и перебрался в Южную Африку, в Йоханнесбург, где уже жили и работали его дяди. В Йоханнесбурге тогда был строительный бум, и Калленбах стал успешным архитектором, даже разбогател.

Калленбах познакомился с Ганди в 1903 или 1904 г. (точная дата неизвестна). В «Автобиографии» Ганди (глава 4/XXX) читаем: «We met quite by accident» [44 (CWMG), т. 29, с. 263; ср. 4, с. 294] (и никаких дат нет)⁹⁰. Чуть далее следуют часто цитируемые строки:

When I came to know him I was startled at his love of luxury and extravagance. But in our very first meeting, he asked searching questions concerning matters of religion. We incidentally talked of Gautama Buddha's renunciation. Our acquaintance soon ripened into very close friendship, so much so that we thought alike, and he was convinced that he must carry out in his life the changes I was making in mine [44 (CWMG), т. 29, с. 263; ср. 4, с. 294].

Щеголь и бонвиван, Калленбах под влиянием Ганди вскоре радикально «опростился» и стал вегетарианцем. В последующие годы, вплоть до отъезда из Южной Африки вместе с Ганди в июле 1914 г., Калленбах активно участвовал во всех начинаниях Ганди, а в 1913 г., после известного «марша протеста», даже отсидел некоторое время в тюрьме.

К 1908 г. Калленбах построил в Йоханнесбурге небольшой дом для себя и Ганди (под названием Kraal⁹¹). Дом состоял из двух частей с отдельными входами. Друзья жили там в 1908–1909 гг.⁹² Дом сохранился до сих пор, и в 2011 г. стал музеем, известным как Satyagraha House или Gandhi House⁹³.

К 1910 г. возникла проблема: многие участики «пассивного сопротивления» (оно же «сатьяграха») отбывали сроки в тюрьмах — и надо было как-то обеспечивать существование их семей,

⁸⁹ В указателе имен к русскому переводу «Автобиографии» М.К. Ганди Герман Калленбах назван «немцем-архитектором» [4, с. 592].

⁹⁰ Следует, разумеется, учитывать, что Ганди не писал свою «Автобиографию» за письменным столом, а большей частью надиктовывал ее в тюремной камере.

⁹¹ На языке африкаанс kraal значит «хижина» или «загон для скота».

⁹² Ганди жил на втором этаже, Калленбах на первом. Там же были и комнаты для приема гостей.

⁹³ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Satyagraha_House (на 16 языках). Возможно, именно в этом доме Дж. Доук работал над своей книгой о Ганди. Как утверждают И. Сарид и К. Бартольф, «The first biography of Gandhi <...> was written in Kallenbach's home» [90, с. 18].

оставшихся без кормильцев. Тогда Калленбах купил довольно большой участок земли примерно в 120 милях от Йоханнесбурга⁹⁴, и там они с Ганди организовали — воплощая в жизнь идеи Толстого — нечто вроде трудовой коммуны, обитатели которой обеспечивали себя сельхозтрудом и другими видами bread labour (среди прочего — изготовлением сандалий, чем занимался и сам Ганди). Коммуну (она же ашрам) назвали «Tolstoy Farm»⁹⁵.

В «Автобиографии» Ганди (глава 4/XXVII) читаем: «I lived with him [i. e. with Kallenbach] at his own place when the satyagraha struggle was at its height» [44 (CWMG), т. 29, с. 257; ср. 4, с. 288]⁹⁶.

В своем последнем (четвертом по счету) письме Толстому, написанном 15 августа 1910 г. из Йоханнесбурга, Ганди сообщал:

Mr. Kallenbach has written to you about Tolstoy Farm⁹⁷. Mr. Kallenbach and I have been friends for many years. I may state that he has gone through most of the experiences that you have so graphically described in your work, *My Confessions*. No writings have so deeply touched Mr. Kallenbach as yours; and, as a spur to further effort in living up to the ideals held before the world by you, he has taken the liberty, after consultation with me, of naming his farm after you.

Of his generous action in giving the use of the farm for passive resisters, the number of *Indian Opinion* I am sending herewith will give you full information [44 (CWMG), т. 10, с. 306–307; 21, с. 229].

В июле 1914 г. Калленбах вместе с Ганди покинул Южную Африку, намереваясь вместе добраться и до Индии. Но в Лондоне Калленбаху как гражданину Германии (с которой уже началась война) отказали в разрешении на въезд в Индию. Ганди пришлось покинуть Лондон

⁹⁴ Дело было не только в деньгах. По тогдашним законам Трансвааля индийцы не имели права покупать землю.

⁹⁵ См.: [28; 60]. В 1930-х гг., приехав в Палестину, Калленбах с удивлением обнаружил, что киббуцы, организованные еврейскими поселенцами, очень напоминали его любимое детище — «Tolstoy Farm». Такое сходство неслучайно: многие из создателей киббуцев приезжали из России и привозили с собой в Палестину российские идеи. Подробнее см.: [32, с. 72–104 (Глава 4: Ashrams and Kibbutzim)].

⁹⁶ Дат опять-таки нет. В деталях тут много неясного. Ш. Лев пишет: «The time during which Gandhi and Kallenbach lived together in Johannesburg constitutes one of the less written about periods in Gandhi's life, and there is a lack of information about it» [64, с. 43]. Замечу кстати, что именно в это время, с октября 1909 г. по конец 1910, Ганди переписывался с Толстым.

⁹⁷ Небольшое письмо Калленбаха Толстому от 14 августа 1910 г. (из «Tolstoy Farm») см. в [21, с. 238]. Там же — ответ Калленбаху, написанный по просьбе Толстого его сотрудником В.Г. Чертковым.

без друга. А того в 1915 г. интернировали и освободили только в 1917, в рамках обмена пленными. Калленбах сначала оказался в Берлине, а потом вернулся в Йоханнесбург и продолжил свою деятельность как архитектор, построив немало замечательных зданий в городе и пригородах. С Ганди они продолжали переписку, и Ганди все время звал друга в Индию, но тот добрался до Индии (впервые!) и до Ганди только в 1937 г.

После прихода Гитлера к власти в Германии и начавшихся гонений на евреев, у Калленбаха обострилось ощущение его еврейских корней, и он стал сионистом — правда особого толка. В духе антигосударственных идей Толстого Калленбах мечтал о том, чтобы евреи в Палестине создали сообщество, лишённое обычных черт государственности: армии, тюрем и т. д.

В 1937 г. Калленбах по просьбе сионистского руководства попытался убедить Ганди, что ему следует поддержать идею создания в Палестине «национального очага» для евреев. Но Ганди не мог и не хотел игнорировать настроения индийских мусульман, которые, разумеется, сочувствовали скорее арабам, чем евреям⁹⁸. В 1939 г. Калленбах еще раз приехал к старому другу в Индию и еще раз попытался привлечь его на сторону сионизма. Но безрезультатно. Расстались, однако, друзьями; и на смерть Калленбаха в марте 1945 г. Ганди отозвался грустной заметкой (в газете «The Hindu»), в которой написал: «In Hermann Kallenbach's death I have lost a very dear and near friend» [44 (CWMG), т. 79, с. 301].

Калленбах умер в Йоханнесбурге, но в 1950 г. его останки были захоронены (по-видимому, согласно его завещанию) в Израиле, недалеко от Тивериадского озера, которое в Евангелиях называется морем Галилейским.

Но и в Южной Африке его продолжают считать «своим». В Википедии есть статья (на 8 языках), версия которой на английском называется «History of the Jews in South Africa»⁹⁹. Версия на языке африкаанс (одном из 11 официальных языков Южной Африки) называется проще: «Jode in Suid-Afrika» (то есть «Евреи в Южной Африке»). Эта версия открывается фотогалереей из семи портретов, очевидно, представляющих самых известных (самых выдающихся?) южноафриканских евреев. И один из них — Hermann Kallenbach¹⁰⁰.

⁹⁸ На темы «Ганди и сионизм» и «Ганди и холокост» существует обширная литература. См., например: [62].

⁹⁹ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_the_Jews_in_South_Africa

¹⁰⁰ См.: https://af.wikipedia.org/wiki/Jode_in_Suid-Afrika. Первым южноафриканским лауреатом Нобелевской премии по литературе (1991 г.) была Надин Гордимер (Nadine Gordimer, 1923–2014), родившаяся в Трансваале, недалеко

И в Литве Германа Калленбаха тоже считают «своим». В 2015 г. в Литве, в городе Русне, в котором он жил в детстве, был открыт двойной памятник — М.К. Ганди и Герману Калленбаху: две фигуры стоят рядом на одном пьедестале¹⁰¹.

И для Индии Герман Калленбах не «чужой». В 2012 г. индийское правительство приобрело его семейный архив. Насколько я понимаю, этот архив еще предстоит разбирать и исследовать.

Переписка между Ганди и Калленбахом, длившаяся около сорока лет (1905–1945), издана далеко не полностью. Между тем в ней, помимо всего прочего, могут найтись интересные материалы по теме «Ганди и Толстой». Эта переписка ждет внимательных издателей и увлеченных исследователей¹⁰².

В сентябре 1931 г. Ганди приехал в Лондон, чтобы участвовать во Второй Конференции Круглого стола (The Second Round Table Conference, сентябрь–декабрь 1931 г.). 2 октября 1931 г. в лондонской газете «The Jewish Chronicle» (которая существует до сих пор) было опубликовано интервью с Ганди. Текст интервью, изданный в CWMG, начинается так: «I have a world of friends among the Jews. In South Africa I was surrounded by Jews, and I have had a Jewish shorthand writer and typist who was regarded more as a member of the family» [44 (CWMG), т. 48, с. 105].

Ганди имел в виду (хотя почему-то не назвал ее по имени) свою многолетнюю преданную помощницу, которую в литературе о Ганди обычно называют Sonja Schlesin. Иногда ее имя пишут и как Sonia или Sonya. Очевидно, что по-русски это «Соня», то есть уменьшительно-ласкательная форма имени «Софья». Но за пределами России русские уменьшительные формы имен нередко воспринимаются и используются как полные имена (например, Sonia Gandhi). К вопросу об этом имени я еще вернусь чуть позже.

от Йоханнесбурга. Ее отец, Исидор Гордимер, был евреем из Литвы (как Герман Калленбах и родители Софьи Шлезин — см. далее). А мать была еврейкой из Англии (как Генри Полак). См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Nadine_Gordimer (на 97 языках).

¹⁰¹ См., например: <http://www.theheritageportal.co.za/article/monument-south-african-friendship-gandhi-and-kallenbach>. См. также статьи в сборнике: [61].

¹⁰² В Дурбане были изданы письма Ганди Калленбаху до 1914 г.: [49]. В CWMG опубликовано немало писем Ганди Калленбаху разных лет. Но письма Калленбаха Ганди, насколько мне известно, издавались еще очень мало.

О Соне Шлезин, как и о других сотрудниках Ганди в Южной Африке, мы знаем меньше, чем хотелось бы, но все-таки основные вехи ее биографии известны¹⁰³.

До сравнительно недавнего времени сведения о ней черпались почти исключительно из автобиографических книг Ганди и из его писем (см., например: [32]).

В книге «Сатьяграха в Южной Африке» Ганди сообщал:

Mr. Kallenbach introduced Miss Schlesin to me and said, "This girl has been entrusted to me by her mother¹⁰⁴. She is clever and honest, but she is very mischievous and impetuous. Perhaps she is even insolent. You keep her if you can manage her. I do not place her with you for the mere pay" [44 (CWMG), т. 29, с. 146].

Несмотря на свой нелегкий характер, Соня Шлезин вполне сработалась с Ганди. Далее в той же книге Ганди мы читаем:

Miss Schlesin soon made me familiar with the mischievous part of herself. But in a month's time she had achieved the conquest of my heart. She was ready to work at all times whether by day or by night. There was nothing difficult or impossible for her. She was then only sixteen years of age¹⁰⁵, but she captivated my clients as well as the fellow-satyagrahis by her frankness and readiness to serve. This young girl soon constituted herself the watchman and warder of the morality not only of my office but of the whole movement. Whenever she was in doubt as to the ethical propriety of any proposed step, she would freely discuss it with me and not rest till she was convinced of it. When all the leaders except Sheth Kachhalia were in jail, Miss Schlesin had control of large funds and was in charge of the accounts. She handled workers of various temperaments. Even Sheth Kachhalia would have recourse to her and seek her advice. Mr. Doke was then in charge of *Indian Opinion*. But even he, hoary-headed veteran as he was, would get the articles he wrote for *Indian Opinion* passed by her! And he once told me, "If Miss Schlesin had not been there, I do not know how I could have satisfied even my own self with my work." I cannot sufficiently appreciate the value of her assistance, and very often I have accepted the corrections or additions she suggested know-

¹⁰³ См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Sonja_Schlesin (на 5 языках: английском, немецком, арабском, фарси и грузинском!)

¹⁰⁴ Мать Сони Шлезин была родом из того же городка (Naumiestis = Neustadt), в котором родился Калленбах.

¹⁰⁵ Если Ганди правильно указал здесь возраст Сони на момент их знакомства, значит, оно произошло в 1904 г.

wing them to be appropriate. Pathans, Patels, exindentured men, Indians of all classes and ages surrounded her, sought her advice and followed it [44 (CWMG), т. 29, с. 146–147].

Не меньше (если не больше) похвал Соне Шлезин мы находим и в «Автобиографии» Ганди (глава 4/XII):

She was about seventeen when she came to me¹⁰⁶. Some of her idiosyncrasies were at times too much for Mr. Kallenbach and me. She had come less to work as a stenotypist than to gain experience. Colour prejudice was foreign to her temperament. She seemed to mind neither age nor experience. She would not hesitate even to the point of insulting a man and telling him to his face what she thought of him. Her impetuosity often landed me in difficulties, but her open and guileless temperament removed them as soon as they were created. I have often signed without revision letters typed by her, as I considered her English to be better than mine, and had the fullest confidence in her loyalty [44 (CWMG), т. 39, с. 226; ср. 4, с. 256].

И далее:

Her sacrifice was great. For a considerable period she did not draw more than £6, and refused ever to receive more than £10 a month. When I urged her to take more, she would give me a scolding and say, "I am not here to draw a salary from you. I am here because I like to work with you and I like your ideals."

<...> Her courage was equal to her sacrifice. She is one of the few women I have been privileged to come across, with a character as clear as crystal and courage that would shame a warrior. She is a grown-up woman now. I do not know her mind quite as well as when she was with me, but my contact with this young lady will ever be for me a sacred recollection. I would therefore be false to truth if I kept back what I know about her.

She knew neither night nor day in toiling for the cause. She ventured out on errands in the darkness of the night all by herself, and angrily scouted any suggestion of an escort. Thousands of stalwart Indians looked up to her for guidance. When during the satyagraha days almost everyone of the leaders was in jail, she led the movement single-handed. She had

¹⁰⁶ Такая оценка возраста Сони позволяет сдвинуть дату их знакомства на 1905 г. Дж. Пэкстон пишет: «Gandhi refers to Miss Schlesin as being 16 or 17, however a much later letter from Schlesin states it was in November 1906, making her 18» [74, с. 5].

the management of thousands, a tremendous amount of correspondence and *Indian Opinion* in her hands, but she never wearied.

I could go on without end writing thus about Miss Schlesin, but I shall conclude this chapter with citing Gokhale's estimate of her. Gokhale knew everyone of my co-workers. He was pleased with many of them, and would often give his opinion of them. He gave the first place to Miss Schlesin amongst all the Indian and European co-workers. "I have rarely met with the sacrifice, the purity and the fearlessness I have seen in Miss Schlesin," said he. "Amongst your co-workers, she takes the first place in my estimation." [44 (CWMG), т. 39, с. 227; ср. 4, с. 256–257]¹⁰⁷.

Первым монографическим исследованием, посвященным Соне Шлезин, была книга британского (шотландского?) автора по имени Джордж Пэкстон, опубликованная в 2006 г. (!) [73]¹⁰⁸.

Родители Сони Шлезин были, как и родители Калленбаха, литовскими евреями, до приезда в Южную Африку — подданными Российской империи. Отец, Исидор Шлезин, родился в городе, который тогда по-русски назвался Плуны, а теперь, в Литве, называется Плунге (Plungė)¹⁰⁹. Не позже 1880-х гг. (а может быть, и раньше) Исидор Шлезин и его жена Елена Доротея переехали на жительство в столицу Империи — Москву. В Москве, в марте 1888 г., у них родилась дочь, теперь известная как Соня Шлезин. Но через четыре года супруги Шлезин решили переехать еще дальше — и в марте 1892 г. семейство высадилось в порту Кейптауна¹¹⁰. Так

¹⁰⁷ Приведенные здесь слова Ганди о Софье Шлезин присутствуют в русском переводе. Но в указателе имен к этому переводу фамилии Шлезин нет (см.: [4, с. 609]). Для составителей книги Софья Шлезин оказалась non-person.

¹⁰⁸ К сожалению, сама книга осталась мне недоступной, но я смог прочитать в интернете ее сокращенное изложение [74]. Кроме того, в интернете есть и статья южноафриканской исследовательницы [38], которая опирается на книгу Дж. Пэкстона. В дальнейшем изложении использованы сведения из работ Дж. Пэкстона и Х. Фейнберг.

¹⁰⁹ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Plung%C4%97> (на 45 языках, включая русский и африкаанс).

¹¹⁰ Как любезно сообщил мне (в электронном письме) Дж. Пэкстон, в иммиграционных документах имя нашей героини обозначено как Sophia. Нельзя не отметить, что и у родителей, и у дочери имена христианские (греческие по происхождению). Вряд ли это стоит истолковывать в том смысле, что родители были крещеными евреями (иначе это стало бы так или иначе известно). Но во всяком случае это говорит о том, что родители Сони готовы были «вписаться» в окружающее общество и, по-видимому, не были религиозными евреями. Возможно также, что у них (и у дочери) были и еврейские имена «для домашнего употребления», а имена греческие были предназначены для общественного обихода. Дж. Пэкстон сообщил мне также, что в более поздние годы Софья Шлезин все-таки приняла христианство (одну из разновидностей протестантизма).

что малолетняя Соня выросла и получила образование уже в Южной Африке.

С Ганди Софья Исидоровна познакомилась не позже 1906 г. Расстались они в 1914 г., когда Ганди покинул Южную Африку. Так что их сотрудничество длилось лет восемь. Но переписывались они вплоть до 1940-х гг. Во время совместной работы в Южной Африке между ними, по-видимому, установились очень доверительные, почти родственные отношения. Письмо Ганди Соне Шлезин из Индии (Ахмедабада) в Южную Африку, написанное 16 января 1916 г., начинается обращением: «My dear daughter...» [44 (CWMG), т. 13, с. 201].

Письма Ганди, обращенные к Соне Шлезин, это удивительные человеческие документы. Они написаны стилем легким, веселым, ироничным. В них проявляются такие стороны личности Ганди, которые не видны в других его текстах.

Ганди неоднократно звал Соню в Индию, признавался, что скучает по ней, как и по другим своим южноафриканским друзьям и сотрудникам. Но Софья Исидоровна предпочла оставаться в Южной Африке, с родителями и младшей сестрой. Как написала Маргарет Чаттерджи, «One is left with the impression that Sonia Schlesin was fully integrated into South African life, made her contribution as an educator and <scope: but. — C.C.> never forgot the excitement of her days with Gandhi as secretary and pioneer settler» [32, с. 51].

Софья Исидоровна после отъезда Ганди продолжила учебу в южноафриканских университетах. Среди прочего, учила язык африкаанс¹¹¹. А потом много лет преподавала латынь в средней школе «in Krugersdorp¹¹², a mining town near Johannesburg» [38, с. 9]. Умерла и похоронена в Йоханнесбурге, в 1956 г.

В связи с этой замечательной женщиной возникает немало вопросов. На каком языке говорили между собой ее родители? Поскольку они родились и долго жили в Российской империи и даже в Москве (как долго?), они не могли не знать хоть в какой-то мере русский язык. И вряд ли, приехав в Южную Африку, они сразу заговорили на английском. Знала ли русский язык Софья Исидоровна? В XX в. многие российские евреи, эмигрировав из Империи или позже из СССР, сохраняли и знание русского языка и интерес (по крайней мере, а то и любовь) к русской культуре — и передавали это своим детям, которые могли никогда России не видеть. Ганди

¹¹¹ “...between 1929 and 1931 she took a Diploma in Afrikaans from the University of Witwatersrand” [74, с. 41].

¹¹² См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Krugersdorp> (на 38 языках).

общался не только с Соней Шлезин, но и с ее родителями. Насколько это общение могло повлиять на его восприятие и понимание России и, в частности, Льва Толстого?

Помимо всего прочего, по-моему, стоит издать полностью переписку Ганди и Софьи Шлезин. И еще стоит исследовать московские (и литовские, если они сохранились) еврейские архивы. Не исключено, что на некоторые из выше сформулированных вопросов можно будет найти ответы.

В 1910 г. «линия жизни» Ганди пересеклась с «линией жизни» еще одной литовско-русской еврейки, имени которой он скорей всего даже не узнал. До сих пор и исследователи не знали, как правильно написать ее фамилию.

19 и 20 сентября (по новому стилю) 1910 г. Лев Толстой надиктовал Душану Маковицкому¹¹³, а потом отредактировал свое третье, самое длинное и самое важное письмо Ганди, вкратце изложив некоторые свои самые любимые идеи (в частности, о «пассивном сопротивлении»). 13 (26) сентября Д. Маковицкий послал русский текст этого письма Ганди, сопроводив его добавлением от себя¹¹⁴, в котором сообщалось, что В.Г. Чертков вскоре пришлет и перевод на английский язык¹¹⁵.

Однако Ганди опубликовал это письмо Толстого в своей газете *Indian Opinion* в переводе, сделанном другим переводчиком, точнее — переводчицей, имя которой было обозначено как *Pauline Padlashuk*¹¹⁶.

¹¹³ Душан Петрович Маковицкий (1866–1921), врач и литературный сотрудник Толстого. См.: https://fr.wikipedia.org/wiki/Du%C5%A1an_Makovick%C3%BD (на 6 языках).

¹¹⁴ См.: [21, с. 235].

¹¹⁵ См.: «Письмо Толстого к Ганди о непротивлении от 7 сентября 1910 г. было 6 сентября продиктовано Д.П. Маковицкому на русском языке и отправлено для перевода Черткову» [20 (ПСС), т. 89, с. 216, прим. 2].

¹¹⁶ К сожалению, номера газеты мне пока недоступны. Поэтому сошлюсь на CWMG. В редакционном комментарии к переводу третьего письма Толстого, сказано: «An English translation by Pauline Padlashuk [sic!], Johannesburg, was published in *Indian Opinion*, 26–11–1910, under the title “Count Tolstoy and Passive Resistance: A Message to the Transvaal Indians”» [44 (CWMG), т. 10, с. 512, note 1]. Позже этот перевод был перепечатан в юбилейном («золотом») номере *Indian Opinion* в 1914 г. [95], а также в сборнике статей и речей Ганди в 1917 г. [39] как «Appendix V» под заголовком: «Tolstoy on Passive Resistance» — а в конце комментарий: «Translated from the original Russian by Pauline Padlashuk. — Johannesburg, November 15, 1910, *Indian Opinion*»; см.: [39, с. 257–262]. Этот сборник можно прочитать в интернете.

В 1939 г. в Москве, в академической серии «Литературное наследство», в томе (объемом 775 страниц!), посвященном Л.Н. Толстому, была — среди множества прочих материалов — опубликована переписка Толстого с Ганди [9]. Имя публикатора обозначено как А. Сергеенко. Очевидно, это был Алексей Петрович Сергеенко (1886–1961), о котором мне удалось пока найти лишь довольно скудную информации. Его отец, Петр Алексеевич Сергеенко (1854–1930)¹¹⁷, писатель, дружил с А.П. Чеховым и был близким знакомым Л.Н. Толстого. В Википедии о нем сказано:

В 1892 году Петр Сергеенко познакомился с Л.Н. Толстым. Задумав написать о нем книгу, приехал в Ясную Поляну. Книга «Как живет и работает граф Лев Николаевич Толстой»¹¹⁸ получила признание и была переведена на многие языки. Сергеенко сумел стать полезным и близким человеком в семье Толстых; он сопровождал писателя после его ухода из дома и находился рядом до самой кончины Толстого, а в 1910–1912 годах собирал, редактировал и издавал его письма. Принимал участие в организации музея Толстого в Севастополе.

Там же есть и несколько строк о Сергеенко-сыне: «Сын — *Алексей Петрович Сергеенко* (1886–1961), литературовед и мемуарист. В 1906–1909 гг. — литературный секретарь сначала В.Г. Черткова, а затем Л.Н. Толстого».

В публикации 1939 г. после третьего (последнего) письма Толстого к Ганди помещен такой комментарий:

Сделав перевод этого письма на английский язык, В.Г. Чертков переслал его на утверждение Толстому. Затем Чертков препроводил письмо, вместе с русским подлинником, в Англию А.Д. Зирнису¹¹⁹, для пересылки Ганди. А.Д. Зирнис, будучи в то время болен, сделал это лишь 1 ноября. Таким образом, Ганди получил письмо в Трансваале всего за несколько дней до смерти Толстого. Ответить ему он уже не успел. По-видимому, не вполне удовлетворившись переводом, Ганди поручил его сделать заново Полине Падлашук (sic!) и напечатал в ближайшем номере своего журнала «Indian

¹¹⁷ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сергеенко,_Петр_Алексеевич (только на русском языке).

¹¹⁸ Эта книга впервые была издана в 1898 г. (см.: [11]) и впоследствии не раз переиздавалась.

¹¹⁹ А.Д. Зирнис заведовал в Лондоне издательством, которое издавало произведение Толстого на английском языке. См.: [9, с. 339].

Opinion» — 26 ноября 1910 г. Через несколько лет, в 1914 г., Ганди вновь воспроизвел письмо Толстого в этом журнале, в так называемом «золотом номере», выпущенном в ознаменование победы южноафриканских индусов (sic!) в борьбе за свои гражданские права. Там же был помещен портрет Толстого, под которым значится, что великий русский писатель являлся одним из главных вдохновителей этой борьбы, длившейся с 1906 по 1914 г. [9, с. 352]¹²⁰.

К этому комментарию можно сделать два критических замечания.

Замечание №1. Может быть, дело совсем не в том, что М.К. Ганди не был удовлетворен переводом В.Г. Черткова. Из письма Ганди Черткову от 26 ноября 1910 г. скорее можно сделать вывод, что Ганди хотел издать перевод письма Толстого как можно скорее, а перевод Черткова задерживался, и поэтому Ганди поручил своим сотрудникам подготовить другой перевод. Вот письмо Ганди Черткову из «Tolstoy Farm» от 26 ноября 1910 г.:

Dear Sir,

I have your letter of the 29th September last for which I thank you.

I have also received your translation of Tolstoy's letter¹²¹ to me on Passive Resistance.

It is a most pathetic thing that your letter should have been received after his death.

You will see from a few copies of *Indian Opinion* I am sending you¹²², that I had the letter already translated by a friend here. Mr. Kallenbach got the translation made.

.....
I shall appreciate a few copies of the magazine in which Tolstoy's letter may be published.

I am,

Yours truly,

M.K. Gandhi [44 (CWMG), т. 91 (S-1), с. 83-84]¹²³.

¹²⁰ Т.Н. Загородникова в своих комментариях к публикации писем Толстого вкратце воспроизводит этот комментарий [21, с. 239].

¹²¹ Имеется в виду перевод третьего, последнего письма Толстого к Ганди. Сохранился ли этот присланный Чертковым перевод в каких-нибудь архивах?

¹²² К сожалению эти номера газеты «Indian opinion» в Ясной Поляне не сохранились.

¹²³ Ср.: [21, с. 235-236] (на с. 236 — русский перевод). Т.Н. Загородникова опубликовала это письмо по автографу, хранящемуся в Отделе рукописей государственного музея Л.Н. Толстого. Между двумя публикациями есть мелкие различия.

Это письмо, по-моему, надо понимать так, что Ганди поручил Калленбаху организовать перевод письма Толстого, отыскав надежного переводчика. К тому времени, как мы узнаем из ее мемуаров, Полина уже была знакома и с четой Полаков, и, может быть, с Калленбахом. И получила через них поручение перевести письмо Толстого. А Ганди мог даже и не узнать имя переводчицы¹²⁴.

Замечание №2. А.П. Сергеенко не поясняет, откуда он получил имя переводчицы — и именно такое написание этого имени. Вряд ли он видел написание кириллицей. Может быть, он имел случай заглянуть в экземпляры газеты *Indian Opinion*, которые Ганди прислал в Ясную Поляну (см. выше письмо Ганди Черткову) и увидеть там имя переводчицы, написанное латиницей. Так или иначе, написание «Падлашук» явно ошибочно¹²⁵.

Теперь мы можем узнать немало о жизни и личности этой переводчицы, потому что она оставила воспоминания (на английском языке), которые две ее внучатые племянницы издали в 2010 г. [75]. И можем попытаться восстановить подлинное написание ее фамилии.

Полина родилась в 1881 г., в городе, который мы привыкли называть Шауляй (в другом написании — Шяуляй; до 1917 г. этот город по-русски назывался Шавли или Шавель)¹²⁶, а умерла в 1971 г., в Йоханнесбурге. Первые двадцать лет своей жизни Полина прожила в Российской империи и несомненно, хорошо знала русский язык. В своих воспоминаниях она написала, что в ее родном Шауляе / Шавли русский язык был очень даже в ходу, потому что в городе квартировалась большая воинская часть и местные жители много общались с русскими солдатами. Потом она некоторое время училась в гимназии в городе Нежине¹²⁷ (теперь это Украина). В 1902 г., по настоянию родных, Полина отправилась в Южную Африку, с которой и оказалась связанной на всю оставшуюся жизнь.

¹²⁴ В Указателе имен к CWMG ничего похожего на имя «Pauline Padlashuk» или «Полина Подляшук» нет.

¹²⁵ Ошибочное окончание *-шук* подсказано, возможно, распространенной украинской фамилией *Полещук* (или *Полещук*). В редакционном комментарии к третьему письму Толстого в ПСС читаем: «Ганди опубликовал письмо Толстого, переведенное на английский язык[,] 26 ноября 1910 г., в журнале (sic!) “*Indian Opinion*”...» [20 (ПСС), т. 82, с. 140]. Имя переводчицы вообще убрано. Она превращена в non-person.

¹²⁶ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/%C5%A0iauliai> (на 83 языках!).

¹²⁷ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Nizhyn> (на 44 языках). В Нежине в 1820-х гг. учился Н.В. Гоголь — и Полина даже ошибочно считала, что он там родился: «*Nezhin was the largest town in the province of Chernigov. In fact it was a more advanced town than the capital. It was the birthplace of the famous Russian writer Nicolai Vasilyevitch Gogol. There was a fine big statue of him in the town park that bore his name. The main street was also named after him*» [75, с. 15].

В России ее документы, несомненно, заполнялись на русском языке, кириллицей. Может быть, в литовских архивах (в Шауляе) и в украинских архивах (в Нежине) еще можно будет найти какие-то документы, в которых имя и фамилия Полины написаны кириллицей. Но пока мы можем реконструировать кириллическое написание ее фамилии, исходя из лингвистических соображений.

Филологам-славистам будет небезынтересно получить информацию об этимологии этой редкой фамилии¹²⁸. Слово «подляшук» можно считать продуктом того, что лингвисты называют языковой интерференцией. Приставка «под-» — скорее русская или польская, а суффикс «-ук» — скорее украинский. Слово в целом связано с топонимом, названием местности: Подляшьє¹²⁹.

Есть разные интерпретации этимологии этого слова. Но наиболее правдоподобной кажется такая: корень здесь — «лях», то есть «поляк». Подляшьє — это территория «под ляхами (поляками)», то есть находящаяся или под их властью, или просто рядом с ними (ср. слово Подмосковьє). Соответственно, *подляшук*, человек из Подляшья, это тот, кто жил (живет) или под властью «ляхов», или просто рядом с ними¹³⁰. В наши дни территория исторической области под названием Подляшьє поделена между Польшей и Беларусью. В Польше распространена фамилия Podlask, написание которой точно соответствует кириллическому написанию Подляшук¹³¹.

В мемуарах Полины Подляшук есть главка под названием “Gandhi” [75, с. 69–75]. В этой главке несколько абзацев посвящено письму Толстого и работе над его переводом:

¹²⁸ Благодарю Анну Владимировну Дыбо (https://en.wikipedia.org/wiki/Anna_Dybo) за консультацию по этой теме.

¹²⁹ См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Podlachia> (на 23 языках). В русской версии сказано: «Подляшьє... — историко-географическая область на белорусско-польском пограничье... Жители области называются подляшукками...».

¹³⁰ Чередование х / ш вполне обычно для восточнославянских языков. Вот еще примеры из русского языка: чех — чешка, чешский; смех — смешить, смешной; грех — грешить, грешный и т. д.

¹³¹ В России носителями такой фамилии нередко оказывались именно евреи. Так, в истории русской советской литературы был писатель Павел Исаакович Подляшук (1907–1987), родившийся, что характерно, в городе Бресте (ныне — в Беларуси), одном из городов Подляшья — см.: <https://guides.rusarchives.ru/funds/8/podlyashuk-pavel-isaakovich>.

В указателе адресатов писем Л.Н. Толстого в ПСС тоже есть один адресат по фамилии Подляшук. 26 октября 1909 г., из города Перми, Толстому в Ясную Поляну написал письмо семнадцатилетний гимназист по имени Иосиф Подляшук — «на тему о борьбе с похотью», как сказано в примечании в ПСС. Толстой ответил 2-го ноября того же года: «Ничего не могу сказать вам иного, как то, что вы сами знаете...» [20 (ПСС), т. 80, с. 168–169].

I met Mr Gandhi several times. I heard him speak privately and in public and was rather impressed by his work though I never took an active part in helping with it. I had already so many interests to keep me busy. However, a few years after I went to his first lecture on Hinduism and when I was working as a shorthand typist, Mr Polak asked me to translate a Russian letter from Count Leo Tolstoy to Mr Gandhi. With the help of a dictionary and reading the translation to friends to see if my English was correct, I completed the job. A few days later it was published in a Johannesburg newspaper, the *Daily Mail*. I did not know at the time that Mr Gandhi was corresponding with Lev Nikolayevich Tolstoy and that this was the last of the three famous letters that the great Russian author had written to him, urging him to go on with the passive resistance campaign.

I still have a copy in Russian of the original letter. I wanted to keep the letter but was not permitted to do this so I copied it out¹³². I also have my English translation. Apart from *The Daily Mail* it was published in the golden number of *Indian Opinion* in 1911¹³³. Not long ago I saw a small journal printed in Brussels in Russian, the *Unesco Kurrier*, in which the correspondence between these two great men was recounted. It mentioned that the last letter that had been written by Tolstoy on the 6th September 1910 — this was the date on the letter I translated — was in answer to Gandhi's last letter. Tolstoy had written the letter two months before he left his estate *Yasnaya Poliana*. When it reached Gandhi in South Africa, the great author was already lying on his deathbed in *Astapovo*, a little known station in central Russia [75, с. 70–71].

Позже (может быть, в 1930-х) это же письмо Толстого перевел на английский язык Эйлмер Мод¹³⁴, который в 1909 г. (будучи гостем Толстого в Ясной Поляне) перевел с русского на английский первое ответное письмо Толстого к Ганди¹³⁵.

¹³² Сохранилась ли эта копия в каких-нибудь архивах?

¹³³ На самом деле этот номер был издан в 1914 г. [95].

¹³⁴ *Aylmer Maude* (1858–1938) — англичанин, живший и учившийся в России; друг Толстого, переведший (вместе со своей женой Луизой) ряд его произведений на английский язык. См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Aylmer_and_Louise_Maude. Помимо всего прочего, Э. Мод еще раз перевел на английский язык «Царство Божие внутри вас» (см.: [97]). Еще один перевод этой книги Толстого на английский язык сделал американский русист Лео Винер (1862–1939), отец основоположника кибернетики Норберта Винера (1894–1964). Перевод Л. Винера (сделанный в 1905 г.) опубликован, по-видимому, только в электронном формате (в 2016 г.): <https://standardebooks.org/ebooks/leo-tolstoy/the-kingdom-of-god-is-within-you/leo-wiener/text/single-page>.

¹³⁵ Третье письмо Толстого к Ганди в переводе Э. Моде см. в книге: [98, с. 435–439]. Эту книгу можно прочитать в интернете.

Индийский историк Калидас Наг в 1950 г., в своей книге «Tolstoy and Gandhi» [70], опубликовал третье письмо Толстого в английском переводе с таким примечанием: «I give here the English version prepared under Tolstoy's supervision» [70, с. 75].

«Tolstoys supervision», по-видимому, подразумевает перевод В.Г. Черткова. К сожалению, К. Наг не сообщил, как к нему попал перевод В.Г. Черткова: получил ли он от кого-то неизданный текст или использовал какое-то печатное издание.

В CWMG [44, т. 10, с. 512–514] помещен перевод третьего письма Толстого к Ганди, взятый из книги К. Нага — опять-таки без каких-либо указаний на иные источники. Мне не удалось установить, где и когда перевод В.Г. Черткова был опубликован впервые — и по какому письменному или машинописному источнику.

Так или иначе, существует три перевода на английский язык этого очень важного текста Толстого: перевод В.Г. Черткова, перевод Полины Подляшук, и перевод Эйлмера Мода. Интересно было бы их сравнить — но это уже тема для другой статьи.

А Полина Подляшук заслужила нашу благодарную память хотя бы за то, что помогла Ганди быстро опубликовать письмо Толстого в английском переводе. И еще она заслужила, чтобы ее фамилию писали без искажений.

В первых числах января 1915 г. Ганди вернулся в Индию. Начался новый, совсем иной этап его жизни. Защитник прав индийцев в Южной Африке постепенно превратился в политика общеиндийского и даже международного масштаба. Это превращение положило начало новому этапу и в истории литературы о Ганди, в истории изучения его личности и его деятельности.

Литература

1. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне: библиографическое описание / предисл. В.Ф. Булгакова. М.: Книга, 1999. Т. 3: Книги на иностранных языках. Ч. 1: А–L. 700 с. М.: Книга, 1999. Ч. 2: М–Z. А–Я. 670 с.

2. *Ганди М.К.* Моя жизнь / пер. [сокр.] с англ. с предисл. Р. Ульяновского, под ред. И.М. Рейснера. [М.:] ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. 336 [4] с.

3. *Ганди М.К.* Моя жизнь / пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Литмана. М.: Изд-во восточной лит., 1959. 443 с.

4. *Ганди М.К.* Моя жизнь / пер. с англ., отв. ред. и автор предисл. Р.А. Ульяновский. М.: Наука (ГРВЛ), 1969. 612 с.
5. [*Ганди М.К.*] *Махатма Ганди.* Моя жизнь / пер. с англ. А. Вязьминой и Е. Панфилова. СПб.: Азбука, 2019. 480 с.
6. [*Гусев Н.Н.*] Изъ Ясной Поляны въ Чердынь. Воспоминанія бывшего секретаря Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 56 с.
7. *Гусев Н.Н.* Два года с Толстым. Из Ясной Поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой — человек / сост., вступ. ст. и примеч. А.И. Шифмана. М.: Худож. лит., 1973. 463 с.
8. *Никитина Т.В.* Незнакомый Рёскин. М.: Молодая Гвардия, 2014. 53 [2] с.
9. Переписка Толстого с М.К. Ганди / публ. А.П. Сергеевко // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37/38: Л.Н. Толстой. [Книга] II. С. 339–352.
10. *Петрова Е.Ю.* Российско-индийские исторические связи в документах и материалах архивов Л.Н. Толстого и музея-усадьбы «Ясная Поляна»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 307 с.
11. *Сергеевко П.А.* Как живеть и работаеть гр. Л.Н. Толстой. М.: Тип.-лит. т-ва И.Н. Кушнеревъ и К°, 1898, [2]. 106 с.
12. *Серебряный С.Д.* Рабиндранат Тагор — поэт и философ // Живая традиция. К 75-летию Индийского философского конгресса. М.: Восточная литература РАН, 2000. С. 26–64.
13. *Серебряный С.Д.* Лев Толстой в восприятии М.К. Ганди // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 333–362.
14. *Серебряный С.Д.* Л.Н. Толстой в восприятии М.К. Ганди // Восток — Запад: Историко-литературный альманах. 2009–2010 / под ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Восточная литература, 2011. С. 251–269.
15. *Серебряный С.Д.* Л.Н. Толстой в восприятии М.К. Ганди // Русская литература в странах Азии и Африки. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 14–39.
16. *Серебряный С.Д.* Рабиндранат Тагор и Сергей Рахманинов: точка пересечения // Tamil tanta ragisu. Сб. ст. в честь Александра Михайловича Дубянского / ред. и сост.: О. Вечерина, Н. Гордейчук, Т. Дубянская. М.: РГГУ, Изд-во «Перо», 2016. С. 321–336.
17. *Серебряный С.Д.* М.К. Ганди как читатель и интерпретатор «Бахагад-гиты» // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 142–152. DOI: 10.31857/S004287440007360-1
18. *Серебряный С.Д.* Л.Н. Толстой и М.К. Ганди: знаменитые и неизвестные // Махатма Ганди и современный мир (Коллективная монография) / отв. ред. Т.Н. Загородникова, С.Л. Рабей. М.: ИВ РАН, 2020. С. 200–217.
19. *Серебряный С.Д.* Афанасий Никитин, одинокий странник «за три моря» (некоторые проблемы изучения и перевода его «записок») // AD VIRUM ILLUSTRUM. К 70-летию Михаила Леонидовича Андреева. М.: Издат. дом ДЕЛО, 2020. С. 726–744.
20. *Толстой Л.Н.* Полн. [Юбил.] собр. соч.: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1935–1958.
21. Л.Н. Толстой и Индия. Переписка / сост., автор введ. и примеч. Т.Н. Загородникова. М.: Наука – Восточная литература, 2013. 272 с.
22. *Толстой Л.Н.* Христианскій анархизмъ. М.: Посредникъ, [1917]. 15 с.
23. *Толстой Л.Н.* Царство Божіе внутри васъ[,] или Христианство не какъ мистическое учение, а какъ новое жизнепониманіе. Часть 1. Единственное, авторомъ разрышенное издание. Берлинъ: Изд-е Августа Дейбнера [1894]. х, 302 с.
24. Указатели к полн. собр. соч. Л.Н. Толстого. М.: Худож. лит., 1964. 666 с.
25. *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 480 с.
26. *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука (ГРВЛ), 1971. 552 с.
27. [*Allen M.*] Chapter 3. Henry Polak: The Cosmopolitan Life of a Jewish Theosophist, Friend of India and Anti-racist Campaigner // *Haggis J., Midgley C., Allen M., Paisley F.* Cosmopolitan Lives

on the Cusp of Empire. *Interfaith, Cross-Cultural and Transnational Networks, 1860–1950*. Delhi: Palgrave Macmillan, 2017. P. 37–62.

28. *Bhana Surendra*. Tolstoy Farm, A Satyagrahi's Battle Ground // *Journal of Indian History*. 1979. Vol. 57. Issue 2/3. P. 431–440.

29. *Bhavsar K.K., Lindley M., Upadhyay P.* Bibliography of Books Read by Mahatma Gandhi. Ahmedabad: Gujarat Vidyapith, 2011. 149 p.

30. *Biographical Dictionary of Christian Missions* / ed. by Gerald H. Anderson. New York: Macmillan Reference, 1998. xxviii, 845 p.

31. *Boreham F.W.* The Man Who Saved Gandhi: A Short Biography of John Joseph Doke [1861–1913]. London: Epworth Press, 1948. 23 p.

32. *Chatterjee M.* Gandhi and his Jewish Friends. London etc.: Macmillan Academic and Professional, 1992. 182 p.

33. *Cursons W.E.* Joseph Doke, The Missionary-Hearted [With a portrait]. Johannesburg: Christian Literature Depot, 1929. vii, 248 p.

34. *Doke J.J.* M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa / introd. by Lord Amptill. London: The London Indian Chronicle, 1909. vi, 97 p.

35. *Doke J.J.* M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa / introd. by Lord Amptill. (1st Indian ed.). Madras: G.A. Natesan and C^o, 1919. viii, 103 p.

36. *Doke J.J.* Mohandas Karamchand Gandhi, ein indischer Patriot in Südafrika // *Doke J.J. [und andere]*. Gandhi in Südafrika. Erlenbach-Zürich, München und Leipzig: Rotapfel-Verlag, 1925. S. 16–136.

37. *Doke J.J.* M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa. Delhi: Publications Division, 1967. iv, 116 p.

38. *Feinberg H.* With Gandhi in South Africa: Sonja Schlesin // *Jewish Affairs* [Houghton, Johannesburg]. Vol. 72. № 1. Pesach 2017. P. 6–11.

39. [*Gandhi M.K.*] Mahatma Gandhi: His Life, Writings and Speeches / foreword by Mrs. Sarojini Naidu. Madras: Gahesh and C^o, [1917]. 288 p.

40. [*Gandhi M.K.*] Speeches and writings of M.K. Gandhi / introd. and a Biographical Sketch by Mr. C.F. Andrews. 3rd ed. Madras: G.A. Natesan and C^o, 1922. xvi, 64, 848, 47, viii p.

41. *Gandhi M.K.* Satyagraha in South Africa / trans. from the Gujarati by Valji Govindji Desai [and rev. by the author]. Madras: S. Ganesan, 1928. 511 p.

42. *Gandhi M.K.* Satyagraha in South Africa / trans. from the Gujarati by Valji Govindji Desai. 2nd rev. ed. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1950 (1961). 312 p.

43. *Gandhi M.K.* Satyagraha in South Africa. Stanford: Academic Reprints, 1954. xx, 351 p.

44. [*Gandhi M.K.*] The Collected Works of Mahatma Gandhi. New Delhi: Government of India, Publications Division, 1956–1994. Vols. 1–100.

45. [*Gandhi M.K.*] The Collected Works of Mahatma Gandhi. New Delhi: Government of India, Publications Division, 1992. [Vol. 99]: Index of Persons. xv, 583 p.

46. *Gandhi M.K.* An Autobiography or The Story of My Experiments with Truth. 2nd ed. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1940. xiv, 584 p.

47. *Gandhi M.K.* An Autobiography Or The Story of My Experiments with Truth / trans. from the Original in Gujarati by Mahadev Desai. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, [N. d.]. 556 p.

48. *Gandhi M.K.* An Autobiography or The Story of My Experiments with Truth: Critical Edition / trans. from the original Gujarati by Mahadev Desai, introd. with notes by Tridip Suvrud, foreword by Ashis Nandy. Ahmedabad, Penguin UK, 2018. 810 p.

49. [*Gandhi M.K.*] Gandhi Letters: from Upper House to Lower house, 1906–1914 / ed. by Gillian Berning, foreword by Ela Gandhi. Durban: Local History Museum, 1994. 68 p.

50. *Gandhi, Rajmohan*. Gandhi: The Man, His People, and the Empire. Berkeley: University of California Press, 2008. 738 p.
51. *Gershter C.* From Lithuania to South Africa // *The Jews in South Africa. A History* / ed. by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town, London and New York: Oxford University Press, 1955. P. 59–84.
52. *Green M.B.* The Origins of Nonviolence: Tolstoy and Gandhi in Their Historical Settings. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1986. 256 P.
53. *Gregory R.G.* H.S.L. Polak and the Indian Overseas Association // *Vivekananda Kendra Patrika* (Madras). February 1973. P. 33–38.
54. *Guha R.* Gandhi Before India. Penguin UK / Penguin India, 2013. 704 P. URL: <https://books.google.ru/books?id=YCRLwSw-JvAC&source=gbs> (дата обращения: 10.05.2022).
55. *Guha R.* Gandhi: The Years that Changed the World, 1914–1948. New York: Alfred A. Knopf, 2018. xix, 1083 P.
56. *Higgs R.* Tolstoy's Manifesto on the State, Christian Anarchy, and Pacifism // *The Independent Review*. V. 19. № 3. Winter 2015. P. 471–479.
57. *Hunt J.D.* Gandhi and the Nonconformists: Encounters in South Africa. New Delhi: Promilla & Co., 1986. 159 P.
58. *Hunt J.D.* Gandhi in London. New Delhi: Promilla and Co, 1993. 253 p.
59. *Hunt J.D.* An American Looks at Gandhi: Essays in Satyagraha, Civil Rights, and Peace. New Delhi: Promilla & Company Publishers, 2005. 291 p.
60. *Hunt J.D., Bhana S.* Spiritual Rope-Walkers: Gandhi, Kallenbach, and the Tolstoy Farm, 1910–1913 // *South African Historical Journal*. № 58 (2007). P. 174–202.
61. *India and Lithuania: A Personal Bond*. New Delhi; Vilnius: Lithuanian Embassy in New Delhi, 2017. 141 p.
62. *Kumaraswamy P.R.* Squaring the Circle: Mahatma Gandhi and the Jewish National Home. New Delhi: KW Publishers Pvt Ltd., 2018. 246 p.
63. *Lev Shimon.* Soulmates: The Story of Mahatma Gandhi and Hermann Kallenbach. New Delhi: Orient BlackSwan, 2012. xxxvi, 166 p.
64. *Lev Shimon.* Soulmates: The Story of Mahatma Gandhi and Hermann Kallenbach // *India and Lithuania: A Personal Bond*. New Delhi; Vilnius: Lithuanian Embassy in New Delhi, 2017. P. 37–52.
65. *Mehrotra S.R.* The “Reader” in Hind Swaraj, Dr. Pranjivan Mehta, 1864–1932 // *Dialogue*. October–December, 2010. Vol. 12. № 2.
66. *Mehrotra S.R.* The Mahatma & the Doctor: The Untold Story of Dr. Pranjivan Mehta, Gandhi's Greatest Friend and Benefactor, 1864–1932. Mumbai: Vakils, Feffer and Simons, 2014. xi, 660 p.
67. *Mehta Pranjivan Jagjivan.* M.K. Gandhi and the South Africa[n] Indian Problem. Madras: G.A. Natesan, 1911. 96 p.
68. *Mehta Pranjivan Jagjivan.* M.K. Gandhi and the South African Indian Problem. Madras: G.A. Natesan, 1949. 96p.
69. *Mehta U.* Gandhi, Tolstoy and Ruskin // *The Indian Journal of Political Science*. Vol. 30. № 4 (October–December 1969). P. 343–349.
70. *Nag Kalidas.* Tolstoy and Gandhi. Patna: Pustak Bhandar, 1950. 135 p.
71. [*Pandiri A.M.*] A Comprehensive, Annotated Bibliography on Mahatma Gandhi. Westport, CT: Greenwood Press, 1995. Vol. 1: Biographies, Works by Gandhi, and Bibliographical Sources / comp. by Ananda M. Pandiri. 424 p.
72. [*Pandiri A.M.*] A Comprehensive, Annotated Bibliography on Mahatma Gandhi. Westport, CT: Praeger Publishers, 2007. Vol. 2: Books and Pamphlets about Mahatma Gandhi / comp. by Ananda M. Pandiri. 653 P.

73. *Paxton G.* Sonja Schlesin: Gandhi's South African Secretary. Glasgow: Pax Books, 2006. 104 p.
74. [*Paxton G.*] Sonja Schlesin: Gandhi's South African Secretary. Revision of the main text of the book of [the] same title published by Pax Books 2006. [N. p., n. d.]. 59 P. URL: https://www.academia.edu/18638707/Sonja_Schlesin_Gandhis_South_African_Secretary (дата обращения: 10.05.2022).
75. *Podlashuk P.* Adventure of Life: Reminiscences of Pauline Podlashuk / ed. by Judy Nasatyr and Effie Schultz. London: [S. n.], 2010.
76. [*Polak H.S.L.*] M.K. Gandhi: A Sketch of His Life and Work. Madras: Natesan & Co., 1910. 48, [16] p.
77. *Polak H.S.L.* [A biographical sketch of M.K. Gandhi] // Speeches and Writings of M.K. Gandhi / introd. by C.F. Andrews, tribute by G.A. Natesan, biographical sketch by H.S.L. Polak. Madras: Natesan, 1909 (1910). P. 38–45.
78. [*Polak H.S.L.*] M.K. Gandhi: A Sketch of His Life and Life-Work. 3rd ed. Madras: Natesan & Co., 1917. 80 p.
79. *Polak H.S.L.* The Wisdom of Gandhi // Mahatma Gandhi: Essays and Reflections on his Life and Work: Presented to him on his Seventieth Birthday, October 2nd, 1939 / ed. by S. Radhakrishnan. Together with a new Memorial Section. 2nd enl. ed. London: George Allen & Unwin, 1949. P. 231–235.
80. *Polak H.S.L.* Mahatma Gandhi: The Man and His Mission. 10th ed. Madras: G.A. Natesan and Co, 1943. xv, 334 P.
81. *Polak H.S.L., Brailsford H.N., Pethick-Lawrence (Lord).* Mahatma Gandhi / foreword and an appreciation by Her Excellency Mrs. Sarojini Naidu. London: Odhams Press Limited, 1949. 320 P.
82. *Polak H.S.L.* Early Years (1869–1914). [Chapters 1–7] // *Polak H.S.L., Brailsford H.N., Pethick-Lawrence (Lord).* Mahatma Gandhi. Foreword and an Appreciation by Her Excellency Mrs. Sarojini Naidu. London: Odhams Press Limited, 1949. P. 9–94.
83. *Polak H.S.L.* Satyagraha and its Origin In South Africa // The Visva-Bharati Quarterly, Gandhi Memorial Peace Number / foreword by Rajendra Prasad, ed. by Kshitish Roy. Santiniketan: Visva-Bharati. 2 October 1949. P. 111–120.
84. *Polak H.S.L.* Some South African Reminiscences // Incidents of Gandhi's Life, by Fifty-Four Contributors / ed. by Chandrashankar Shukla. Bombay: Vora & Co., 1949. P. 230–247.
85. *Polak M.G.* Mr. Gandhi: The Man / foreword by C.F. Andrews. London: George Allen & Unwin, 1931. 186 P.
86. *Prabha Ravi Shankar.* Mahatma Gandhi and the Polaks // Gandhi Marg. Vol. 38. № 1. April–June 2016. URL: <https://www.mkgandhi.org/articles/mahatma-gandhi-and-the-polaks.html> (дата обращения: 10.05.2022).
87. *Prabha Ravi Shankar.* The Polaks and Mahatma Gandhi: A Unique Relationship. New Delhi: Promilla & Co, 2020. 387 p.
88. *Sankaran Nair C.* Gandhi and Anarchy. Madras: Tagore & Co, 1922. 262 p.
89. *Sarid Isa, Bartolf Christian.* Hermann Kallenbach: Mahatma Gandhis Freund in Südafrika; eine einführende Biographie mit Dokumentation. Berlin: Gandhi-Informations-Zentrum, 1997. 134 s.
90. *Sarid Isa, Bartolf Christian.* Hermann Kallenbach: Mahatma Gandhi's Friend in South Africa: A Concise Biography. Berlin: Gandhi-Informations-Zentrum, 1997. 118 P. URL: https://books.google.ru/books/about/Hermann_Kallenbach.html?id=ugQwAQAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 10.05.2022).
91. *Serebriany S.* Russia // Rabindranath Tagore: One Hundred Years of Global Reception / ed. by M. Kaempchen and I. Bangha. New Delhi: Orient Blackswan, 2014. P. 203–235.
92. *Serebriany S.* Tagore as an Envoy of India (and the Rest of the World) to Russia // Tagore the Eternal Seeker. Footprints of a World Traveller / ed. by Suryakanthi Tripathi, Radha Chakravarty. New Delhi: Vij Books India Pvt Ltd and Indian Council of World Affairs, 2015. P. 205–218.

93. *Serebriany S.D.* Afanasy Nikitin's Passage to India: Facts and Fancies // *Indian Journal of Russian Studies*. 2020. Vol. 2. P. 18–25.

94. *Shimoni Gideon.* Gandhi, Satyagraha and the Jews: A Formative Factor in India's Policy Towards Israel. Jerusalem: The Hebrew University, 1977. 60 P.

95. *Souvenir of the Passive Resistance Movement in South Africa, 1906–1914.* Phoenix, Natal: *Indian Opinion*, 1914. 30, 28, 6 P. (Golden number of "Indian opinion" 1914. Факсимильное переиздание: Pietermaritzburg: Africana Book Collections, 1990).

96. *Tolstoy Leo.* "The Kingdom of God is Within You": Christianity Not as a Mystic Religion But as a New Theory of Life / trans. by Constance Garnett. New York: Cassell Publishing Company, 1894. 368 P.

97. *Tolstoy L.* The Kingdom of God and Peace Essays / trans. with an introd. by Aylmer Maude. London: Oxford University Press, 1960. (1st ed. 1936). 591 p.

98. [*Tolstoy L.N.*] *Recollections and Essays by Leo Tolstoy* / trans. with an introd. by Aylmer Maud [sic!]. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1946 (1937). 504 p.

99. *Tolstoy L.* Government is Violence: Essays on Anarchism and Pacifism / ed. by David Stephens. [London:] Phoenix Press, 1990. 182 P.

100. *Weber Thomas.* Gandhi as Disciple and Mentor. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. xiv, 279 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

The Correspondence between L.N. Tolstoy and M.K. Gandhi. A Famous, but Under-researched Episode of Russian-Indian Cultural Interrelations

© 2022. Sergei D. Serebriany

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Abstract: One of the most often evoked episodes of 20th century Russian-Indian interrelations is a short correspondence between Mohandas Karamchand Gandhi (1869–1948) and Leo Tolstoy (1828–1910). The correspondence lasted from October of 1909 up to November of 1910, that is during the very last year of Tolstoy's life. The "corpus" of this correspondence consists of seven letters: four from Gandhi to Tolstoy and three from Tolstoy to Gandhi. Those letters have been published more than once and translated into various languages. But the circumstances of this correspondence, the history of its study, and the contents of the letters themselves — all this has been researched rather little. This paper is a preliminary study of several friends and associates of Gandhi during his stay in South Africa (1893–1914). Those people were connected, one way or another, with the correspondence between Gandhi and Tolstoy.

Here are their names:

1. Joseph John Doke (1861–1913), a Baptist priest; he wrote the first biography of Gandhi;

2. Henry Solomon Leon Polak (1882–1959), a journalist; Gandhi called him "a blood brother;"

3. Pranjivandas Jagjivandas Mehta (1864–1932), a commersant; he financed a number of Gandhi's "projects;"

4. Louis (or Lewis) Walter Ritch (1868–1952), a businessman; he corresponded with Leo Tolstoy before Gandhi;

5. Hermann Haim Kallenbach (1871–1945), an architect; he built a house for Gandhi in Johannesburg;

6. Sonja (Sophia) Schlesin (1888–1956), Gandhi's secretary and, sometimes, deputy; in his letters Gandhi addressed her as "my dear daughter;"

7. Pauline Podlashuk (1881–1971), an immigrant from Lithuania; in 1910, she translated for Gandhi from Russian into English the last letter of Tolstoy.

The personalities and legacies of these people, including their more or less voluminous correspondences with Gandhi, have been studied rather little. In this paper, problematic issues are defined and perspectives of further research are suggested.

Keywords: Leo Tolstoy, Mohandas Karamchand Gandhi, correspondence, Russia, India, South Africa, Lithuania, nonviolence, "The Kingdom of God is within you".

Information about the author: Sergei D. Serebriany — DSc in Philosophy, PhD in Philology; E.M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sqr. 6, 125047 Moscow, Russia.

E-mail: serebriany@gmail.com

For citation: Serebriany, S.D. "The Correspondence between L.N. Tolstoy and M.K. Gandhi. A Famous, but Under-researched Episode of Russian-Indian Cultural Interrelations." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 252–306. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-252-306>

References

1. *Biblioteka L'va Nikolaevicha Tolstogo v Iasnoi Poliane: bibliograficheskoe opisanie* [The Library of Lev Nikolayevich Tolstoy in Yasnaya Polyana: a Bibliographic Description], foreword by V.F. Bulgakov, vol. 3: Knigi na inostrannykh iazykakh [Books in Foreign Languages], pt. 1: A–L [A–L]. Moscow, Kniga Publ., 1999. 700 p. Pt. 2: M–Z, A–Ia [M–Z, A–Ya]. Moscow, Kniga Publ., 1999. 670 p. (In Russ.)
2. Gandhi, M.K. *Moia zhizn* [My Life], trans. and foreword by R. Ul'ianovskii, ed. by I.M. Reisner. [Moscow,] OGIZ – SOTSEKGI Z Publ., 1934. 336, [4] p. (In Russ.)
3. Gandhi, M.K. *Moia zhizn* [My Life], trans. and foreword by A.D. Litman. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1959. 443 p. (In Russ.)
4. Gandhi, M.K. *Moia zhizn* [My Life], trans., ed. and foreword by R.A. Ul'ianovskii. Moscow, Nauka (GRVL) Publ., 1969. 612 p. (In Russ.)
5. [Gandhi, M.K.] *Mahatma Gandhi. Moia zhizn* [Mahatma Gandhi. My Life], trans. by A. Viaz'mina and E. Panfilov. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2019. 480 p. (In Russ.)
6. [Gusev, N.N.] *Iz Iasnoi Poliany v Cherdyn'. Vospominaniia byvshego sekretaria L.N. Tolstogo N.N. Guseva* [From Yasnaya Polyana to Cherdyn. Reminiscences of N.N. Gusev, the Former Secretary of L.N. Tolstoy]. Moscow, Tipografiia Tovarishestva I.D. Sytina Publ., 1911. 56 p. (In Russ.)
7. Gusev, N.N. *Dva goda s Tolstym. Iz Iasnoi Poliany v Cherdyn'. Otryvochnye vospominaniia. Lev Tolstoi — chelovek* [Two Years with Tolstoy. From Yasnaya Polyana to Cherdyn. Fragmentary

Reminiscences. Lev Tolstoy as a Person], comp., introd. article and notes by A.I. Shifman. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1973. 463 p. (In Russ.)

8. Nikitina, T.V. *Neznakomyi Reskin [An Unknown Ruskin]*. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 2014. 53, [2] p. (In Russ.)

9. "Perepiska Tolstogo s M.K. Gandi" ["The Correspondence of Tolstoy with M.K. Gandhi"], publ. by A.P. Sergeenko. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 37/38: L.N. Tolstoi. Kniga II [L.N. Tolstoy. Book 2]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1939, pp. 339–352. (In Russ.)

10. Petrova, E.Iu. *Rossiisko-indiiskie istoricheskie sviazi v dokumentakh i materialakh arkhivov L.N. Tolstogo i muzeia-usad'by "Iasnaia Poliana" [Russian-Indian Historical Connections in Documents and Materials from Archives of L.N. Tolstoy and the Museum-estate of Yasnaya Polyana: PhD Dissertation]*. Moscow, 2003. 307 p. (In Russ.)

11. Sergeenko, P.A. *Kak zhivet i rabotaet gr. L.N. Tolstoi [How Count L.N. Tolstoy Lives and Works]*. Moscow, Tipo-litografiia tovarishchestva I.N. Kushnerev & Co, 1898, [2], 106 p. (In Russ.)

12. Serebrianyi, S.D. "Rabindranat Tagor — poet i filosof" ["Rabindranath Tagore — a Poet and Philosopher"]. *Zhivaia traditsiia. K 75-letiiu Indiiskogo filosofskogo kongressa [A Living Tradition. To the 75th Anniversary of Indian Philosophical Congress]*. Moscow, Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000, pp. 26–64. (In Russ.)

13. Serebrianyi, S.D. "Lev Tolstoi v vospriatii M.K. Gandi" ["Lev Tolstoy as Perceived by M.K. Gandhi"]. *Voprosy literary*, no. 5, 2009, pp. 333–362.

14. Serebrianyi, S.D. "L.N. Tolstoi v vospriatii M.K. Gandi" ["Lev Tolstoy as Perceived by M.K. Gandhi"]. *Vostok — Zapad: Istoriko-literaturnyi al'manakh. 2009–2010 [East — West. Historical and Literary Almanac. 2009–2010]*, ed. by V.S. Mjasnikov. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2011, pp. 251–269. (In Russ.)

15. Serebrianyi, S.D. "L.N. Tolstoi v vospriatii M.K. Gandi" ["Lev Tolstoy as Perceived by M.K. Gandhi"]. *Russkaia literatura v stranakh Azii i Afriki [Russian Literature in Countries of Asia and Africa]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 14–39. (In Russ.)

16. Serebrianyi, S.D. "Rabindranat Tagor i Sergei Rakhmaninov: tochka peresecheniia" ["Rabindranath Tagore and Sergei Rachmaninoff: A Meeting Point"]. *Tamil tanta paricu. Sbornik statei v chest' Aleksandra Mikhailovicha Dubianskogo [Tamil tanta paricu. A Collection of Papers: a Hommage to Alexandre Dubiansky]*, ed. and comp. by O. Vecherina, N. Gordeichuk, T. Dubianskaia. Moscow, Russian State University for Humanities, Pero Publ., 2016, pp. 321–336. (In Russ.)

17. Serebrianyi, S.D. "M.K. Gandi kak chital' i interpretator 'Bhagavad-gity'." ["M.K. Gandhi as a Reader and Interpreter of the *Bhagavad-gita*"]. *Voprosy filosofii*, no. 1, 2019, pp. 142–152. DOI: 10.31857/S004287440007360-1 (In Russ.)

18. Serebrianyi, S.D. "L.N. Tolstoi i M.K. Gandi: znamenite i neznaemye" ["L.N. Tolstoy and M.K. Gandhi: both Famous and Unknown"]. *Makhatma Gandi i sovremennyi mir [Mahatma Gandhi and Contemporary World]*, ex. ed. T.N. Zagorodnikov, S.L. Rabei. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020, pp. 200–217. (In Russ.)

19. Serebrianyi, S.D. "Afanasiy Nikitin, odinokii strannik 'za tri moria' (nekotorye problemy izucheniia i perevoda ego 'zapisok')" ["Athanasius Nikitin, a Lonely Traveler 'Across Three Seas' (Some Problems of Studying and Translating of His 'Notes')"]. *AD VIRUM ILLUSTRUM. K 70-letiiu Mikhaila Leonidovicha Andreeva [AD VIRUM ILLUSTRUM. A Festschrift to Mark the 70th Birthday of Mikhail Andreyev]*. Moscow, Publishing House DELO Publ., 2020, pp. 726–744. (In Russ.)

20. Tolstoi, L.N. *Polnoe [jubileinoe] sobranie sochinenii: v 90 t. [Complete (Jubilee) Works: in 90 vols.]*. Moscow, GIKHL Publ., 1935–1958. (In Russ.)

21. *L.N. Tolstoi i Indii. Perepiska [L.N. Tolstoy and India. Correspondence]*, comp., introd. and notes by T.N. Zagorodnikova. Moscow, Nauka – Vostochnaia literatura Publ., 2013. 272 p. (In Russ.)

22. Tolstói, L.N. *Khristianskii anarkhizm* [*Christian Anarchism*]. Moscow, Posrednik Publ., [1917]. 15 p. (In Russ.)
23. Tolstói, L.N. *Tsarstvo Bozhie vnútri vas[.] ili Khristianstvo ne kak misticheskoe uchenie, a kak novoe zhizneponimanie* [*The Kingdom of God is within you, or Christianity not as a Mystical Teaching but as a New Understanding of Life*], pt. 1, the only edition authorized by the author. Berlin, Izdatnie Avgusta Deibnera Publ., [1894]. x, 302 p. (In Russ.)
24. *Ukazateli k polnomu sobraniuu sochinenii L.N. Tolstogo* [*Indexes to the Complete Works by L.N. Tolstoy*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 666 p. (In Russ.)
25. Shifman, A.I. *Lev Tolstói i Vostok* [*Leo Tolstoy and the Orient*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 1960. 480 p. (In Russ.)
26. Shifman, A.I. *Lev Tolstói i Vostok* [*Leo Tolstoy and the Orient*]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Nauka (Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury) Publ., 1971. 552 p. (In Russ.)
27. [Allen, M.]” Chapter 3. Henry Polak: The Cosmopolitan Life of a Jewish Theosophist, Friend of India and Anti-racist Campaigner.” Haggis, J., Midgley, C., Allen, M., Paisley, F. *Cosmopolitan Lives on the Cusp of Empire. Interfaith, Cross-Cultural and Transnational Networks, 1860–1950*. Delhi, Palgrave Macmillan Publ., 2017, pp. 37–62. (In English)
28. Bhana, Surendra. “Tolstoy Farm, A Satyagrahi’s Battle Ground.” *Journal of Indian History*, vol. 57, issue 2/3, 1979, pp. 431–440. (In English)
29. Bhavsar, K.K., Lindley, M., Upadhyay P. *Bibliography of Books Read by Mahatma Gandhi*. Ahmedabad, Gujarat Vidyapith Publ., 2011. 149 p. (In English)
30. *Biographical Dictionary of Christian Missions*, ed. by Gerald H. Anderson. New York, Macmillan Reference Publ., 1998. xxviii, 845 p. (In English)
31. Boreham, F.W. *The Man Who Saved Gandhi: A Short Biography of John Joseph Doke [1861–1913]*. London, Epworth Press, 1948. 23 p. (In English)
32. Chatterjee, M. *Gandhi and his Jewish Friends*. London etc., Macmillan Academic and Professional, 1992. 182 p. (In English)
33. Cursons, W.E. *Joseph Doke, The Missionary-Hearted [With a Portrait]*. Johannesburg, Christian Literature Depot, 1929. vii, 248 p. (In English)
34. Doke, J.J. *M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa*, introd. by Lord Amphill. London, The London Indian Chronicle, 1909. vi, 97 p. (In English)
35. Doke, J.J. *M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa. With an Introduction by Lord Amphill*. 1st Indian ed. Madras, G.A. Natesan and C^o, 1919. viii, 103 p. (In English)
36. Doke J.J. “Mohandas Karamchand Gandhi, ein indischer Patriot in Südafrika.“ Doke, J.J. [und andere]. *Gandhi in Südafrika*. Erlenbach-Zürich, München und Leipzig, Rotapfel-Verlag, 1925. S. 16–136. (In German)
37. Doke, J.J. *M.K. Gandhi, An Indian Patriot in South Africa*. Delhi, Publications Division, 1967. iv, 116 p. (In English)
38. Feinberg, H. “With Gandhi in South Africa: Sonja Schlesin.” *Jewish Affairs [Houghton, Johannesburg]*, vol. 72, no. 1: Pesach 2017, pp. 6–11. (In English)
39. [Gandhi, M.K.] *Mahatma Gandhi: His Life, Writings and Speeches*, foreword by Mrs. Sarojini Naidu. Madras, Gahesh and C^o, [1917]. 288 p. (In English)
40. [Gandhi, M.K.] *Speeches and Writings of M.K. Gandhi*, introd. and a biographical sketch by Mr. C.F. Andrews. 3rd ed. Madras, G.A. Natesan and C^o, 1922. xvi, 64, 848, 47, viii p. (In English)
41. Gandhi, M.K. *Satyagraha in South Africa*, trans. from the Gujarati by Valji Govindji Desai and rev. by the author. Madras, S. Ganesan, 1928. 511 p. (In English)
42. Gandhi, M.K. *Satyagraha in South Africa*, trans. from the Gujarati by Valji Govindji Desai. 2nd rev. ed. Ahmedabad, Navajivan Publishing House, 1950 (1961). 312 p. (In English)
43. Gandhi, M.K. *Satyagraha in South Africa*. Stanford, Academic Reprints, 1954. xx, 351 p. (In English)
44. [Gandhi, M.K.] *The Collected Works of Mahatma Gandhi*, vols. 1–100. New Delhi, Government of India, Publications Division, 1956–1994. (In English)

45. [Gandhi, M.K.] *The Collected Works of Mahatma Gandhi*, [vol. 99]: Index of Persons. New Delhi, Government of India, Publications Division, 1992. xv, 583 p. (In English)
46. Gandhi, M.K. *An Autobiography or The Story of My Experiments with Truth*. 2nd ed. Ahmedabad, Navajivan Publishing House, 1940. xiv, 584 p. (In English)
47. Gandhi, M.K. *An Autobiography Or The Story of My Experiments with Truth*, trans. from the original in Gujarati by Mahadev Desai. Ahmedabad, Navajivan Publishing House, [N. d.]. 556 p. (In English)
48. Gandhi, M.K. *An Autobiography or The Story of My Experiments with Truth: Critical Edition*, trans. from the original Gujarati by Mahadev Desai, introd. with notes by Tridip Suvrud, foreword by Ashis Nandy. Ahmedabad, Penguin UK, 2018. 810 p. (In English)
49. [Gandhi, M.K.] *Gandhi Letters: from Upper House to Lower House, 1906–1914*, ed. by Gillian Berning, forward by Ela Gandhi. Durban, Local History Museum, 1994. 68 p. (In English)
50. Gandhi, Rajmohan. *Gandhi: The Man, His People, and the Empire*. Berkeley, University of California Press, 2008. 738 p. (In English)
51. Gershtater, C. “From Lithuania to South Africa.” *The Jews in South Africa. A History*, ed. by Gustav Saron and Louis Hotz. Cape Town, London, New York, Oxford University Press, 1955, pp. 59–84. (In English)
52. Green, M.B. *The Origins of Nonviolence: Tolstoy and Gandhi in Their Historical Settings*. University Park, PA, Pennsylvania State University Press, 1986. 256 p. (In English)
53. Gregory, R.G. “H.S.L. Polak and the Indian Overseas Association.” *Vivekananda Kendra Patrika (Madras)*, February 1973, pp. 33–38. (In English)
54. Guha, R. *Gandhi Before India*. Penguin UK / Penguin India, 2013. 704 p. (In English) Available at: <https://books.google.ru/books?id=YCRLwSw-JvAC&source=gbs> (Accessed 10 May 2022).
55. Guha, R. *Gandhi: The Years that Changed the World, 1914–1948*. New York, Alfred A. Knopf, 2018. xix, 1083 p. (In English)
56. Higgs, R. “Tolstoy’s Manifesto on the State, Christian Anarchy, and Pacifism.” *The Independent Review*, vol. 19, no. 3, Winter 2015, pp. 471–479. (In English)
57. Hunt, J.D. *Gandhi and the Nonconformists: Encounters in South Africa*. New Delhi, Promilla & Co., 1986. 159 p. (In English)
58. Hunt, J.D. *Gandhi in London*. Rev. ed. New Delhi, Promilla and Co, 1993. 253 P. (In English)
59. Hunt, J.D. *An American Looks at Gandhi: Essays in Satyagraha, Civil Rights, and Peace*. New Delhi, Promilla & Company Publishers, 2005. 291 p. (In English)
60. Hunt, J.D., Bhana, S. “Spiritual Rope-Walkers: Gandhi, Kallenbach, and the Tolstoy Farm, 1910–1913.” *South African Historical Journal*, no. 58 (2007), pp. 174–202. (In English)
61. *India and Lithuania: A Personal Bond*. New Delhi, Vilnius, Lithuanian Embassy in New Delhi, 2017. 141 p. (In English)
62. Kumaraswamy, P.R. *Squaring the Circle: Mahatma Gandhi and the Jewish National Home*. New Delhi, KW Publishers Pvt Ltd., 2018. 246 p. (In English)
63. Lev, Shimon. *Soulmates: The Story of Mahatma Gandhi and Hermann Kallenbach*. New Delhi, Orient BlackSwan, 2012. xxxvi, 166 p. (In English)
64. Lev, Shimon. “Soulmates: The Story of Mahatma Gandhi and Hermann Kallenbach.” *India and Lithuania: A Personal Bond*. New Delhi, Vilnius, Lithuanian Embassy in New Delhi, 2017, pp. 37–52. (In English)
65. Mehrotra, S.R. “The ‘Reader’ in Hind Swaraj, Dr. Pranjivan Mehta, 1864–1932.” *Dialogue*, vol. 12, no. 2, October-December, 2010. (In English)
66. Mehrotra, S.R. *The Mahatma & the Doctor: The Untold Story of Dr. Pranjivan Mehta, Gandhi’s Greatest Friend and Benefactor, 1864–1932*. Mumbai, Vakils, Feffer and Simons, 2014. xi, 660 p. (In English)
67. Mehta, Pranjivan Jagjivan. *M.K. Gandhi and the South Africa[n] Indian Problem*. Madras, G.A. Natesan, 1911. 96 p. (In English)

68. Mehta, Pranjivan Jagjivan. *M.K. Gandhi and the South African Indian Problem*. Madras, G.A. Natesan, 1949. 96 p. (In English)
69. Mehta, U. "Gandhi, Tolstoy and Ruskin." *The Indian Journal of Political Science*, vol. 30, no. 4 (October–December 1969), pp. 343–349. (In English)
70. Nag, Kalidas. *Tolstoy and Gandhi*. Patna, Pustak Bhandar, 1950. 135 p. (In English)
71. [Pandiri, A.M.] *A Comprehensive, Annotated Bibliography on Mahatma Gandhi*, vol. 1: Biographies, Works by Gandhi, and Bibliographical Sources, comP. by Ananda M. Pandiri. Westport, CT., Greenwood Press, 1995. 424 p. (In English)
72. [Pandiri, A.M.] *A Comprehensive, Annotated Bibliography on Mahatma Gandhi*, vol. 2: Books and Pamphlets about Mahatma Gandhi, comP. by Ananda M. Pandiri. Westport, CT, Praeger Publishers, 2007. 653 p. (In English)
73. Paxton, G. *Sonja Schlesin: Gandhi's South African Secretary*. Glasgow, Pax Books, 2006. 104 p. (In English)
74. [Paxton, G.] *Sonja Schlesin: Gandhi's South African Secretary*. Revision of the main text of the book of [the] same title published by Pax Books 2006. [N. p., n. d.]. 59 p. Available at: https://www.academia.edu/18638707/Sonja_Schlesin_Gandhis_South_African_Secretary (Accessed 10 May 2022) (In English)
75. Podlashuk, P. *Adventure of Life: Reminiscences of Pauline Podlashuk*, ed. by Judy Nasatry and Effie Schultz, London, [S. n.], 2010. (In English)
76. [Polak, H.S.L.] *M.K. Gandhi: A Sketch of His Life and Work*. Madras, Natesan & Co., 1910. 48, [16] p. (In English)
77. Polak, H.S.L. ["A Biographical Sketch of M.K. Gandhi"]. *Speeches and Writings of M.K. Gandhi*, introd. by C.F. Andrews, tribute by G.A. Natesan, biogr. sketch by H.S.L. Polak. Madras, Natesan, 1909 (1910), pp. 38–45. (In English)
78. [Polak, H.S.L.] *M.K. Gandhi: A Sketch of His Life and Life-Work*. 3rd ed. Madras, Natesan & Co., 1917. 80 p. (In English)
79. Polak, H.S.L. "The Wisdom of Gandhi." *Mahatma Gandhi: Essays and Reflections on his Life and Work: Presented to him on his Seventieth Birthday, October 2nd, 1939*, ed. by S. Radhakrishnan, together with a new Memorial Section. 2nd enl. ed. London, George Allen & Unwin, 1949, pp. 231–235. (In English)
80. Polak, H.S.L. *Mahatma Gandhi: The Man and His Mission*. 10th ed. Madras, G.A. Natesan and Co, 1943. xv, 334 p. (In English)
81. Polak, H.S.L. Brailsford, H.N., Pethick-Lawrence (Lord). *Mahatma Gandhi*, foreword and an appreciation by Her Excellency Mrs. Sarojini Naidu. London, Odhams Press Limited, 1949. 320 p. (In English)
82. Polak, H.S.L. "Early Years (1869–1914). [Chapters 1–7]." Polak, H.S.L. Brailsford, H.N., Pethick-Lawrence (Lord). *Mahatma Gandhi*, foreword and an appreciation by Her Excellency Mrs. Sarojini Naidu. London, Odhams Press Limited, 1949, pp. 9–94. (In English)
83. Polak, H.S.L. "Satyagraha And Its origin In South Africa." *The Visva-Bharati Quarterly, Gandhi Memorial Peace Number*, foreword by Rajendra Prasad, ed. by Kshitis Roy. Santiniketan, Visva-Bharati, 2 October 1949, pp. 111–120. (In English)
84. Polak, H.S.L. "Some South African Reminiscences." *Incidents of Gandhi's Life, by Fifty-Four Contributors*, ed. by Chandrashankar Shukla. Bombay, Vora & Co., 1949, pp. 230–247. (In English)
85. Polak, M.G. *Mr. Gandhi: The Man, foreword by C.F. Andrews*. London, George Allen & Unwin, 1931. 186 p. (In English)
86. Prabha, Ravi Shankar. "Mahatma Gandhi and The Polaks." *Gandhi Marg*, vol. 38, no. 1, April–June 2016. Available at: <https://www.mkgandhi.org/articles/mahatma-gandhi-and-the-polaks.html> (Accessed 10 May 2022). (In English)
87. Prabha, Ravi Shankar. *The Polaks and Mahatma Gandhi: A Unique Relationship*. New Delhi, Promilla & Co, 2020. 387 p. (In English)

88. Sankaran Nair, C. *Gandhi and Anarchy*. Madras, Tagore & Co, 1922. 262 p. (In English)
89. Sarid, Isa, Bartolf, Christian. *Hermann Kallenbach: Mahatma Gandhis Freund in Südafrika; eine einführende Biographie mit Dokumentation*. Berlin, Gandhi-Informations-Zentrum, 1997. 134 S. (In German)
90. Sarid, Isa, Bartolf, Christian. *Hermann Kallenbach: Mahatma Gandhi's Friend in South Africa: A Concise Biography*. Berlin, Gandhi-Informations-Zentrum, 1997. 118 p. Available at: https://books.google.ru/books/about/Hermann_Kallenbach.html?id=ugQwAQAIAAJ&redir_esc=y (Accessed 10 May 2022). (In English)
91. Serebriany, S. "Russia." *Rabindranath Tagore: One Hundred Years of Global Reception*, ed. by M. Kaempchen and I. Bangha. New Delhi, Orient Blackswan, 2014, pp. 203–235. (In English)
92. Serebriany, S. "Tagore as an Envoy of India (and the Rest of the World) to Russia." *Tagore the Eternal Seeker. Footprints of a World Traveller*, ed. by Suryakanthi Tripathi, Radha Chakravarty. New Delhi, Vij Books India Pvt Ltd and Indian Council of World Affairs, 2015, pp. 205–218. (In English)
93. Serebriany, S.D. "Afanasy Nikitin's Passage to India: Facts and Fancies." *Indian Journal of Russian Studies*, vol. 2, 2020, pp. 18–25. (In English)
94. Shimoni, Gideon. *Gandhi, Satyagraha and the Jews: A Formative Factor in India's Policy Towards Israel*. Jerusalem, The Hebrew University, 1977. 60 p. (In English)
95. *Souvenir of the Passive Resistance Movement in South Africa, 1906–1914*. Phoenix, Natal, Indian Opinion, 1914. 30, 28, 6 p. (Golden number of "Indian opinion" 1914, facs. reprint: Pietermaritzburg, Africana Book Collections, 1990). (In English)
96. Tolstoy, L. "*The Kingdom of God is Within You*": *Christianity Not as a Mystic Religion But as a New Theory of Life*, transl. by Constance Garnett. New York, Cassell Publishing Company, 1894. 368 p. (In English).
97. Tolstoy, L. *The Kingdom of God and Peace Essays*, trans. with an introd. by Aylmer Maude. London, Oxford University Press, 1960 (1st ed. 1936). 591 p. (In English)
98. [Tolstoy, L.N.] *Recollections and Essays by Leo Tolstoy*, trans. with an introd. by Aylmer Maud [sic!]. London, New York, Toronto, Oxford University Press, 1946 (1937). 504 p. (In English)
99. Tolstoy, L. *Government is Violence: Essays on Anarchism and Pacifism*, ed. by David Stephens. [London,] Phoenix Press, 1990. 182 p. (In English)
100. Weber, Thomas. *Gandhi as Disciple and Mentor*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. xiv, 279 p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 13.06.2022
Одобрена после рецензирования: 29.07.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 13.06.2022
Approved after reviewing: 29.07.2022
Date of publication: 25.09.2022

Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского

© 2022, К.С. Корконосенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье впервые дается анализ литературной деятельности Константина Ивановича Тимковского (1814–1881), переводчика и пропагандиста испанской литературы в России. В отличие от своих предшественников Тимковский хорошо владел письменным и отчасти разговорным испанским языком и не пользовался переводами-посредниками. Выделяется Тимковский и количеством переведенных им произведений и авторов — Сервантеса, Кальдерона, Франсиско де Рохас, Леандро Моратина, Агустина Морето. Будучи первопроходцем в прямом переводе испанской драматургии на русский язык, Тимковский допускал регулярное, но непоследовательное сокращение и искажение текстов: пропущены места, которые в силу внутренней или внешней цензуры могли показаться непристойными или затрагивали религию; в драме Кальдерона «Жизнь есть сон» все упоминания о России и русских заменены Богемией и богемцами; вместо перевода каламбуров Тимковский в примечаниях сообщает, что передать их по-русски невозможно и для сравнения приводит оригинал. Важнейшая и до сих пор нигде не упомянутая особенность всех работ Тимковского — выбор прозы для перевода стихотворных драматических текстов. Приговор по делу петрашевцев и ссылка помешали Тимковскому осуществить масштабный проект: составить переводной свод испанской литературы и написать ее «полную историю» в форме цикла статей.

Ключевые слова: история перевода, теория перевода, русско-испанские взаимосвязи, Тимковский, Кальдерон, Сервантес.

Информация об авторе: Кирилл Сергеевич Корконосенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: korkonos@mail.ru

Для цитирования: *Корконосенко К.С.* Испанская классическая литература в переводах Константина Тимковского // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 307–327. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-307-327>

Переводческая деятельность Константина Ивановича Тимковского (1814–1881) до сих пор не освещена в отдельном исследовании; цель моей работы — восполнить этот пробел. Тимковский — достаточно известная фигура в истории России XIX в. О нем обыкновенно упоминают в одном ряду с собратьями по перу и единомышленниками, но при этом всегда однобоко. Специалисты по истории перевода и испанской литературы не вспоминают, что он был петрашевцем¹; историки революционного движения не пишут, что он дал России комментированные, филологически осмысленные переводы знаменитейших испанских авторов.

Две эти важные ипостаси поэтически объединились в высказывании Достоевского, петрашевца и литератора. В «Показаниях Следственной комиссии» Достоевский ничего не говорит о литературных занятиях Тимковского, ему запомнилось его пылкое увлечение доктриной Фурье и «двусмысленность» впечатления, произведенного Тимковским на одной из «пятниц» М.В. Петрашевского осенью 1848 г. И Достоевский заключает: «Некоторые принимали его за истинный, дагерротипно верный снимок с Дон-Кихота и, может быть, не ошибались» [9, с. 153]. Специалистам-достоевковедам известно, что Тимковский фигурировал как персонаж незавершенной редакции «Двойника», а Леонид Гроссман называл Тимковского одним из прототипов Кириллова в «Бесах» Достоевского [7, с. 72, 195–107].

В справочных изданиях сведений о Тимковском много, однако в полной мере его жизнь и творчество не освещены нигде. Самый развернутый очерк дается в электронной Энциклопедии Бобруйска². В первом абзаце статьи о нем сказано: «Узник Бобруйской крепости. Университетский товарищ П.П. Ершова (автора сказки «Конёк-Горбунок»). Историк театра, журналист, сотрудник «Сына отечества». Капитан 2 ранга, автор путевых воспоминаний и переводов “Испанский театр” (изд. 1843 г.)» [34].

Мне как историку перевода, составителю библиографии «Испанская литература в русских переводах и критике» [10] было известно, что К.И. Тимковский в 1841 г. опубликовал статью «История испанского театра от самого его начала до времен Лопэ-де-Вега»³, а также издал свои переводы из Сервантеса, Кальдерона, Франсиско де

¹ В этом контексте, как переводчик, К.И. Тимковский трижды упомянут в «Очерках истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв.» М.П. Алексеева [1, с. 147, 178, 179].

² Энциклопедия Бобруйска создана по подобию Википедии, но собраны в ней только те факты и сведения, которые так или иначе касаются Бобруйска.

³ В середине XIX в. не было общепринятых правил для передачи испанских имен собственных; Тимковский вводил свою, довольно противоречивую, систему

Рохаса, Моратина и Морето, — все это он осуществил в молодости, еще до дела петрашевцев.

Мне было интересно выяснить, чем еще известен Тимковский-литератор. Удалось установить, что Тимковский переводил также с французского: в материалах о петрашевцах упомянута его работа над трудами французских фурьеристов Кантагреля и Консидерана⁴. Эти тексты не были напечатаны. Много позже, уже после возвращения из ссылки, Тимковский опубликовал перевод совершенно иного рода: опровержение на Ренанову «Жизнь Иисуса» архимандрита Владимира (Рене-Франсуа Гетте) [4]. И это совсем не удивительно: мемуаристы единодушно свидетельствуют, что Тимковский и во времена своего фурьеризма был человеком глубоко верующим и религиозным. Дмитрий Д. Ахрашумов в своих воспоминаниях приводит такой эпизод, случившийся на Семеновской площади перед «казнью» двадцати одного петрашевца: «Никто из нас не отозвался на призыв священника к исповеди — мы стояли молча, священник смотрел на всех нас и повторно призывал нас к исповеди. Тогда один из нас — Тимковский — подошел к нему и, пошептавшись с ним, поцеловал Евангелие и возвратился на свое место» [18, с. 206].

Вот список переводов Тимковского, имеющих отношение к испанской литературе:

Мигель Сервантес. Сила крови: Повесть Мигеля Сервантеса // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 150–175.

[Фернандес де Моратин Л. де. Указан автор: К. Тимковский]. История испанского театра от самого его начала до времен Лопэ-де-Вега // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. Ч. 1. Кн. 2. С. 1–18.

Дон-Франсиско де-Рохас. Никто кроме короля, или Благородный земледелец Гарсия-дель-Кастаньяр: Драма // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 11. С. 137–184.

Педро Кальдерон. Жизнь есть сон; Саламейский алькальд // Испанский театр. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. Т. 1: Кальдерон. XII, 210 с.

Моратин. Согласие девушек: Комедия в 3-х д. // Сын отечества. 1843. № 2. Отд. IV. С. 1–100.

транскрипции. Актуальные ныне нормативы см.: *Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.

⁴ Имеется в виду книга: Felix Francois Jean Cantagrel «Le Fou du Palais-Royale» — изложение учения Фурье в форме беседы в саду Пале-Рояль, и первый том «Destinée sociale» Виктора Консидерана [21, с. 72].

Дон Августин Морэто. Мужество и правосудие, или Рикоомбре Алькалийский: Комедия // Репертуар и Пантеон. 1845. Т. 2. Кн. 9. С. 634–696.

Мигэль Сервантэс. Ринконэте и Кортадильо. Испанские тайны: Повесть // Сын отечества. 1847. Кн. 5. Отд. IV. С. 1–22.

Опубликованная в 1841 г. статья «История испанского театра от самого его начала до времен Лопэ-де-Вега» до сих пор считалась авторской. Мне удалось установить, что статья эта представляет собой точный перевод «Discurso histórico» из недавней книги Леандро Фернандеса Моратина «Orígenes del Teatro Español» (1830–1831); позже, в 1843 г., Тимковский опубликовал и перевод его знаменитой пьесы «El sí de las niñas» («Согласие девушек»). При этом в примечании, подписанном «Ред.», Тимковский назван автором статьи, а не переводчиком: «Почтенный автор этой статьи, изучив испанский язык, с любовью занимается исследованием важнейших памятников испанской литературы и обещал сообщать нам и впредь результаты своего изучения. Ред.». Примечание это, вероятно, принадлежало редактору «Пантеона русского и всех европейских театров» Ф.А. Кони, который сам перевел несколько испанских произведений [2, с. 41–42; 26, с. 305–306; 33, с. 193–207], а также написал три рецензии на книгу переводов Тимковского из Кальдерона [см.: 10, с. 130].

Итак, перед нами перевод, а не авторский текст — но именно по нему русские читатели журналов в 1841 г. могли получить представление об истоках и расцвете испанского театра; других обзоров в это время не было. Ту же статью, — уже с указанием авторства Моратина и с включением пространных комментариев филолога Эухенио де Очоа⁵, — в 1844 опубликовал в своем переводе другой российский испанист, Михаил Лихонин [29].

Переводя Моратина, Тимковский допускает лишь незначительные сокращения и наращивания; ошибок совсем немного. Собственно авторскими в этой статье являются подстрочные примечания Тимковского и ее последний абзац. Моратин уступает право изучения дальнейшей истории испанского театра другим: все это «суть предметы рассуждения, коими кто-либо другой, с большею образованностью и менее меня близкий к могиле, пусть украсит этот отдел нашей литературы...» [29, с. 265]. В последнем абзаце статьи из «Пантеона» Тимковский как будто принимает на себя задачу продолжить «Исто-

⁵ В этой публикации очень много опечаток, так, уже в первом примечании вместо «Eugenio de Ochoa» написано «Rugenio de Ochoa».

рию» Моратина в том виде, в каком она может представлять интерес для русского читателя:

Если силы и время, уделяемые мною другим занятиям, позволяют мне, я буду последовательно представлять публике в «Пантеоне» плоды моих трудов и не ограничусь одним театром, но постараюсь, чтоб все статьи мои, собранные вместе, могли составить полную, по возможности, историю прекрасной, богатой и великолепной литературы испанской, столь мало известной в нашем отечестве [30, с. 17–18].

Этот замысел реализован не был.

В своем переводе критической статьи Моратина Тимковский по необходимости вводит в оборот разные способы передачи испанских реалий (ими же он пользуется и в своих переводах). Единства и системы в его практике нет: встречаются и набранные латиницей испанские слова, и русская транскрипция, и толкование реалий в примечаниях. В отличие от своих современников, которые до сих пор ориентировались на французское произношение, Тимковский во многом превосходит современную транскрипцию испанских имен. Я сказал «превосходит», но в случае с переводчиком-новатором это, пожалуй, не совсем верное слово. Тимковский не превосходит традицию — он ее отчасти задает. Его преимущество перед русскими переводчиками прошлых десятилетий состоит в том, что этот книжник и путешественник действительно владеет испанской письменной речью и — что самое необычное — знает правила чтения, ориентирует читателей на испанское произношение. В статье много, слишком много опечаток в испанских именах — но это уже огрехи журнальных работников.

Разумеется, не всё из предложенного Тимковским вошло в современную нам практику и языковую норму⁶. Мы сейчас не говорим и не пишем «Хуан де ля Энсина»⁷, «Гарсильясо», «Люис», «Лопэ-де-Вега», «Мигэль», «Сервантэс». Мы не вставляем на письме «й» в слова «сеньор» и «сеньора». Не используем название города «Амберес» вместо «Антверпен» (в этом случае Тимковский, ориентируясь на испанский вариант, определенно сделал неудачный выбор).

⁶ До сих пор актуальные нормативы см.: [5].

⁷ При этом, как ни странно, в «Саламейском алькальде» имя «Juan» последовательно передается Тимковским как «Жуан», а в переводе драмы «Никто кроме короля» действуют Тереза и Телло, что не соответствует испанской фонетике. При передаче имен Тимковский оказывается непоследователен.

Мы традиционно именуем испанских монархов усредненными европейскими именами. Тимковский же, например, писал «Исабелла» (не «Исабель») и «Фернандо» и объяснял свой выбор в подстрочном примечании: «Мы думаем правильнее называть испанских королей так, как называют их сами испанцы, а не переводить их имена. По нашему мнению, Фердинанд и Изабелла есть перевод, и если допустить его, то нет причин не называть их Елисаветой и Феодором» [30, с. 8]. Не подтверждается и любопытное предположение этого испаниста-первопроходца: «*Juglares*, особый род скитающихся певцов в Испании. Не отсюда ли взялось название *гусярлов*?» [30, с. 4]. Но в подавляющем большинстве случаев Тимковский передавал испанские реалии так, как русские стали делать после него. Например, Достоевский, лично знакомый с Тимковским и слушавший его выступление, как мы знаем, всегда говорил и писал «Дон Кихот».

Статью Моратина об испанском театре Тимковский перевел скрупулезно, без пропусков и произвольных вставок. Иначе обстоит дело с другими опубликованными переводами Тимковского. Мне неизвестно, в чем тут дело: в сотрудничестве цензоров или во внутренней цензуре самого Тимковского, но сокращения и недомолвки являются характерной особенностью его переводов.

Тимковский умалчивает о многом. Первый известный его перевод с испанского — это повесть Сервантеса «Сила крови» (1839). В предвещающем примечании Тимковский пишет:

Переводчик старался соблюдать с возможною точностью всю оригинальность и все оттенки слога подлинника, не позволяя себе в то же время никаких изменений в содержании. Повести великого Сервантеса, запечатленные тем же могучим талантом, который создал «Дон Кихота», и знаменательные всегда по нравственной цели своей, не должны подвергаться тем сокращениям и урезкам, которые терпит произведение какого-нибудь безнравственного французского рассказчика [23, с. 150].

И все-таки Тимковский подвергает эту назидательную новеллу «урезке» — в эпизоде, где речь идет об изнасиловании Леокадии. В двадцатом веке Борис Кржевский перевел это место без сокращений, соблюдая все оттенки слога подлинника: «Еще прежде чем вернулось к Леокадии сознание, Родольфо удовлетворил свою страсть, ибо молодые люди, увлекаемые вожделением похоти, в редких случаях, а то и никогда, не ищут для себя особенных удобств и прикрас для большого возбуждения и соблазна» [24, с. 255]. Тимковский же

передал этот пассаж коротко: «Прежде чем Леокадия пришла в себя, Родольф исполнил свое злое намерение» [23, с. 153].

Косвенным объяснением системы сокращений, которая прослеживается в большинстве переводов Тимковского, следует признать примечание (6) к его версии «Мужества и правосудия» Агустина Морето. В Действии первом переводчик серьезно искажает реплику плутовки Инес, ср.:

Морето	Подстрочник	Тимковский
Bien que si allà el prendimiento fuera de Gethsemani, en chusma de Fariseos, los hiciera todos Malcos, aunque nunca fuesse Pedro [39, p. 8].	Если бы его попытались арестовать в Гефси- манском саду, в толпе фарисеев, он бы всех сделал Малхами, хотя сам и не Петр ⁸ .	Пусть бы они сунулись, так он не затруднился бы <i>урезать</i> им и уши, и нос.

Из русского текста удалены все библейские реалии и аллюзии помимо набранного курсивом слова «урезать»: именно слово «уреза» используется в соответствующем стихе (Ин 18:10) Елизаветинской Библии. Свое решение Тимковский поясняет в послетекстовом примечании: «В подлиннике резкий и дерзкий намек на Священное Писание, именно на урезание уха слуге архиерея Малху Святым Петром в вертограде Гефсиманском» [16, с. 696]. Можно предположить, что «внутренняя цензура» Тимковского сходным образом срабатывала во многих аналогичных фрагментах.

Во второй назидательной новелле Сервантеса, переведенной в 1847 г., характерных сокращений гораздо больше. Есть и забавное наращение: знаменитая новелла «Ринконете и Кортадильо» получила подзаголовок — «Испанские тайны: Повесть»; впрочем, ответственность за это наращение редактор «Сына отечества» в подстрочном примечании берет на себя:

Так как с легкой руки Евгения Сю, написавшего «Парижские тайны», появились впоследствии «Лондонские», «Берлинские»,

⁸ После Тимковского «Мужество и правосудие» на русский язык не переводилось, поэтому предлагаю свой перевод с ассонансной рифмовкой:

Да если б в саду Гефсиманском,
среди толпы фарисеев
его захватить пытались,
то он, хотя сам и не Петр,
любого бы сделал Малхом.

«Брюссельские» и разные другие тайны, то мы решились напечатать «Тайны испанские», написанные гораздо прежде «Парижских» знаменитым Сервантесом, автором бессмертного рыцаря печальной фигуры, «Дон Кихота». Сервантес назвал свои Испанские тайны просто таким образом: «Повесть о Ринконэтэ и Кортадильо». Прочитав эту повесть, читатели удостоверятся, во-первых, в старой истине, что ничто не ново под луною; во-вторых, в том, что все новые современные сочинения всех возможных тайн едва ли превзошли Сервантеса, писателя XVII века, в остроумии, оригинальности и литературном достоинстве. — *Редактор С.О.* [23, с. 1].

В своем переводе «Ринконете и Кортадильо» Тимковский последовательно снимает упоминания о Боге, церкви и молитвах — разумеется, это сильно обедняет (и даже значительно сокращает) сервантесовский текст. Пропадают шутки, характеристики персонажей, и даже действия героев Сервантеса становятся какими-то скомканными, куцыми и немотивированными. Так, например, воры в Севилье искренне убеждены, что служат богу и добрым людям (*para servir a Dios y a las buenas gentes*), поскольку «каждый из нас своим трудом может восхвалить Господа»; это спорное утверждение толкуется в следующем диалоге (привожу перевод Бориса Кржевского):

— А может быть, и вы, ваша милость, тоже из воров?

— Да, — ответил тот, — я вор, — и делом своим служу богу и добрым людям, но я еще не очень опытный и отбываю пока что год послушничества.

— В первый раз слышу, что бывают на свете воры, которые служат богу и добрым людям! — вставил Кортадо, на что их юный спутник ему заметил:

— Сеньор, углубляться в богословие — не мое дело, но я все-таки знаю, что каждый из нас своим трудом может восхвалить господу, особенно же при том уставе, который Мониподьо ввел для всех своих приемышей.

— Какое же может быть сомнение, — сказал Ринкон, — в том, хорош ли или свят этот устав, если он заставляет воров служить богу! [22, с. 149].

Тимковский передает это место так непонятно и скучно (опущена, например, шутка про послушничество), что смысла в диалоге воров остается совсем мало:

— А ваша милость изволите также быть вором? — Да, — отвечал он, на пользу добрым людям; хоть я еще и не из самых дошлых,

потому что еще не кончил моего ученического года. — Это для меня что-то новое, — возразил Кортадо, — что есть на свете воры и на пользу добрым людям [23, с. 13].

Далее у Тимковского вовсе выпущена информативная реплика юного вора, которая в переводе Бориса Кржевского звучит так: «Да то ли еще: мы молимся по четкам, которые у нас размечены по дням недели, и многие из нас не воруют по пятницам, а по субботам не вступают в разговор с женщинами, носящими имя Марии» [22, с. 150].

В своем переводе «Ринконете и Кортадильо» Тимковский исключает упоминания о еретиках и содомитах; в доме сеньора Мониподио, предводителя воров, он не обращает внимания на изображение Богоматери и тазик для святой воды, не дает описания молитвы старой воровки и т. д. — из-за системы этих умолчаний русские читатели 1847 г. не получили представления об истовой религиозности представителей севильского дна. По какой-то причине Тимковский не включил в свой перевод и «Список ран, имеющим быть нанесенными в течение этой недели» (у Сервантеса состоит всего из одного пункта, что комично), а перешел сразу к «Списку палочным ударам, имеющим быть нанесенными в течение этой недели» — возможно, чтобы не представлять севильских воров чересчур жестокими.

Воры в доме Мониподио пляшут и поют веселую любовную сегидилью (песня перемежается авторскими ремарками). Это один из нечастых случаев в переводческой практике Тимковского, когда он передает стихи стихами. Ср.:

Por un sevillano, rufo a lo valón, tengo socarrado todo el corazón. /.../ Por un morenico de color verde, ¿cuál es la fogosa que no se pierde? /.../ Riñen dos amantes, hácese la paz: si el enojo es grande, es el gusto más. /.../ Detente, enojado, no me azotes más; que si bien lo miras, a tus carnes das [36, p. 115].	Есть в Севилье молодец, Поджигатель всех сердец. /.../ Есть другой, хоть смугл лицом, Тоже смотрит молодцом. /.../ У любовников как раз Вслед за ссорой мировая: Чем сильнее была досада, Тем веселье веселей. /.../ Стой, удержиись, не злись, не дерись: Разве не можешь понять, бестолковый, Что не меня ты казнишь, а себя? [23, с. 26].

Как мы видим, Тимковский не только не соблюдает размер и строфику оригинала, но и внутри собственного перевода с хоря в финале переходит на дактиль. Часть рифм пропала, число строк увеличилось, зато содержание передается верно именно там, где переводчик пренебрегает сервантесовской рифмовкой и лаконичностью.

Точно так же Тимковский в большинстве случаев поступает и с вкрапленными в текст новелл и пьес испанскими пословицами: передает не емкую форму, но буквальный смысл; ср.: «*Quien bien quiere a Beltran, bien quiere a su can*» [36, p. 117] — «Кто любит Бертрана, любит и его собаку» [23, с. 28]. Впрочем, иногда Тимковский подыскивает для испанских пословиц русские эквиваленты. Так, в «Саламейском алькальде» Кальдерона⁹ нерифмованной пословице «*El caballo lleva la silla*» [35, p. 88] («Седло носит жеребец», т. е. наследование идет по мужской линии) соответствует рифмованное выражение «По отцу и кличка молодцу» [11, с. 186].

Еще более любопытна история одной из песен в «Саламейском алькальде». В этой пьесе есть фрагменты, специально маркированные как песни (их поет «солдатка» Искра). Таков, например, красивый катрен о розмарине:

Las flores del romero,
niña Isabel,
hoy son flores azules,
y mañana serán miel.

Испанским и английским исследователям еще с XIX в. известно, что эти строки принадлежат не Кальдерону: Кальдерон по каким-то причинам заимствовал их из народной поэзии; они являются также зачином романса Луиса де Гонгоры («*Las flores del romero*», опублик. 1608), а другой его вариант использовал Лопе де Вега («*Pastores de Belén*», опублик. 1612) [см., например: 38, p. 57].

Las pajas del pesebre,
niño de Belén,
hoy son flores y rosas,
mañana serán hiel.

⁹ Опубликован в 1843 г. как второй выпуск первого тома задуманного Тимковским масштабного проекта «Испанский театр»; см.: [11].

Об истории этой песни Тимковский, вероятно, ничего не знал; для нас важно, что он передал романсное четверостишие с ассонансной рифмовкой нерифмованным пятистишием:

Цветочек розмарина,
Красотка Исабела,
Сегодня лишь цветочек
Голубенький — и только,
А завтра даст он мёд [11, с. 149].

Зато об этом бродячем катрене имел некоторое представление следующий переводчик «Саламейского алькальда» — Константин Бальмонт. Как известно, «Саламейский алькальд» был переведен им в 1919 г. и при жизни Бальмонта опубликован не был [15, с. 710]. Интересующий нас фрагмент передан так:

Цветочек розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня цветик синий,
А завтра будет мед [14, с. 461–462].

Но еще в 1911 г. — в «Изыяснительных замечаниях» к своим «Испанским народным песням» — Бальмонт дал такое «замечание»:

Знаменитый Гонгора, испанский утонченник старинных времен, писавший за 300 лет до нынешних «декадентов», также любил символику красок.

Цветочки розмарина,
Малютка Исабель,
Сегодня голубые,
А завтра будут мед.
Ревнуешь ты, малютка... [3, с. 89]

Мы видим, что Бальмонт в 1911 и 1919 гг. передает идентичный фрагмент из двух авторов Золотого века почти слово в слово, но ничего не пишет о народном происхождении этих стихов. Среди его переводов испанских народных песен такого четверостишия нет.

Приведу также варианты Михаила Казмичева (перевод под редакцией М. Лозинского) и Федора Кельина — других переводчиков «Саламейского алькальда»:

Казмичев	Кельин
Сегодня, Исабела, Розмарин зацвел, А завтра станет медом, — Приманкой для пчел [13, с. 104].	Дитя Исавель! В цвету розмарин, А завтра в нем хмель И мед один [12, с. 628].

А вот перевод Павла Грушко, уже из Гонгоры:

На сад погляди цветущий,
милая Исабель:
весною — горькая завязь,
а летом — медовый хмель [6, с. 185].

В «Мужестве и правосудии» Агустина Морето Тимковский совершенно не справился с задачей перевода песни, стилизованной под народную, ср.:

Alegraos aora, campos de Alcalà, que madrina, y novia bellas, Sol, y Luna os dàn.	Ликуйте и радуйтесь ныне, Поля алькалийские: Как солнце всех краше светил, Так юная наша невеста Всех краше подруг молодых.

Вместо четырех коротких рифмованных строк Тимковский дает пять длинных, схожих скорее с греческим гимном или с Песнью песней; их невозможно принять за фольклорную поэзию, невозможно спеть. Потеря в ритмике не оправдывается в данном случае верностью в передаче содержания: в оригинале прекрасные посаженная мать и невеста сравниваются с солнцем и луной.

Единственная пьеса XIX в., которую перевел Тимковский, — это «Согласие девушек» Леандро Фернандеса Моратина. Эта комедия и написана прозой, и переведена прозой. В переводе Тимковского, опубликованном в «Сыне отечества» за 1843 г., она тоже отчасти пострадала от сокращений и переделок тех реплик, которые как-то связаны с религией и священниками. Так, например, вполне нейтральное восклицание «vivígemos como unos santos...» [37, p. 7] («мы будем жить как святые») Тимковский переменяет на «мы заживем себе, как праведники в Эдеме» [32, с. 6]. Но еще более любопытно, что пьеса Моратина подверглась сокращению по тому же принципу в предвоенном Советском Союзе, в переводе 1940 г. Николая Люби-

мова под редакцией Владимира Узина [31]. Вот самый характерный пример: в издании 1940 г. нет двух финальных реплик:

DON CARLOS. — ¡Bendita sea tanta bondad!

DON DIEGO. — Hijos, bendita sea la de Dios [37, p. 7].

Зато Тимковский в 1843 г. передал эти реплики верно: «Да будет благословенна такая доброта! — Дети, да будет благословенна благость Божия!» [32, с. 100]. Отметим только избыточное повторение четырех слов с начальным звуком «б», чего нет в оригинале.

Иную логику замен мы наблюдаем в самом знаменитом (судя по множеству рецензий) переводе Тимковского — драме «Жизнь есть сон». Как известно, одним из главных героев у Кальдерона является Astolfo, duque de Moscovia (в переводах Константина Бальмонта и Инны Тыняновой — Астольфо, герцог Московии)¹⁰. Московия как место действия событий, важных для сюжета, несколько раз упоминается в тексте; московиткой является также и Росаура, в Московии когда-то встретил мать Росауры старик Клотальдо¹¹. Так вот, Тимковский из неясных патриотических опасений системно и последовательно переносит всю эту семейную коллизию в столь же фантастическую и условную Богемию. В его версии действует Астольф, князь богемский, в Богемии осталась мать Росауры, и так далее. На сюжет это нисколько не влияет, просто в испанской драме на условно-славянский сюжет не осталось условно-русских персонажей.

Отдельного разговора заслуживает система дополнительных толкований, разработанная Тимковским в подстрочных и особенно послетекстовых примечаниях. Возникает впечатление, что в послетекстовых примечаниях Тимковский старается не только прояснить, но по возможности еще и улучшить свой перевод, как будто в основном тексте ему не хватило места или времени. Так, в драме «Жизнь есть сон» Василий, сдаваясь на милость сыну, говорит: «Вот я у ног твоих. Да будут им белым ковром мои седые волосы» [11, с. 92], а в примечании этот же фрагмент передан точнее и вместе с тем по-барочному красиво: «Да будет для них белым ковром этот снег моих седин» [11, с. 104]. Возможно, примечания писались позднее, когда основной текст уже находился, например, в наборе.

¹⁰ М.П. Алексеев характеризовал этот образ как «совершенно фантастический, самое имя которого заимствовано у итальянских эпиков» [1, с. 15].

¹¹ Подробнее см.: [40].

Другой характерный для Тимковского прием, которым пользуется Тимковский, — это испанские цитаты в теле примечания, которые сможет оценить только другой знаток испанского языка (*sapientī sat*). Так, на с. 101 Тимковский прямо признается: «Здесь я должен был перефразировать четыре стиха, которые перевести невозможно, вот они» [11, с. 101]. Точно так же Тимковский поступает и в своей версии «Мужества и правосудия» Агустина Морето: «Эту остроту невозможно передать в переводе», и далее следует испанский текст с пересказом остроты [16, с. 696]. В подстрочном примечании к «Благородному земледельцу» читаем: «Игра слов, которую невозможно передать. *Blanca* — имя собственное, значит *белая*» [19, с. 142]. Это не единичные случаи, а именно система, таких примеров множество — гораздо больше, чем было в России ценителей испанской литературы, способных оценить старательность Тимковского.

Я специально не задерживал внимания еще на одной, принципиальной «урезке», которая характеризует переводческую деятельность Константина Тимковского, оставил эту важную тему на конец. Принцип ее очень прост: Тимковский переводит классические испанские комедии золотого века прозой, лишь кое-где вставляя не очень удачные рифмованные строки. Среди его метатекстов я нигде не нашел прямого объяснения этого — несомненно, осознанного — решения, только сетования на невозможность передачи по-русски игры слов (при этом Тимковский нигде не жалуется на невозможность передать испанские стихи русскими стихами).

Ни в одной из известных мне рецензий современников вообще не упомянуто, что перевод выполнен прозой. Тимковскому желают успеха, замысел его грандиозен и похвален, перевод, предисловие и примечания хороши, избранная система — «очень хороша», лексикографическая верность достигнута, но при этом возможность перевести стихи стихами даже не обсуждается. Еще более любопытно, что и в последующих обзорах, посвященных русской рецепции испанской драмы, нет указаний, что Тимковский переводил прозой. Об этом не пишет академик Алексеев, нет указания на перевод прозой и в «Библиографии русских переводов Кальдерона» [17]. Тимковскому не повезло в самом представительном издании пьес Кальдерона, опубликованном в 1961 г.: в примечаниях к драме «Жизнь есть сон» Тимковский упомянут в одном ряду с другими переводчиками (Н. Пятницким, К. Бальмонтом, Д. Петровым, В. Парнахом), но с неправильным инициалом «Н.» [12, с. 696]. А в примечаниях к «Саламейскому алькальду» Н. Томашевский вообще забыл его назвать: «Публикуемый перевод Ф. Кельина является третьим по счету

русским переводом этой пьесы (имелись переводы С. Костарева и М. Казмичова)» [12, с. 700]. О прозаической форме перевода, как видим, тоже не сказано ни слова.

Практика перевода стихов прозой, причем подкрепленная теоретическими обоснованиями переводчиков в предисловиях и подстрочных примечаниях, была в ходу и в середине, и даже во второй половине XIX в. Напомню, что речь идет именно о прямом переводе испанской литературы с испанского языка, ведь в первой половине XIX в. в основном пользовались французскими посредниками. Для этого времени характерна иная традиция: так, например, «Назидательные новеллы» Сервантеса в переводе Федора Кабрита полностью выходили дважды — в 1805 и 1816 гг. [19]. Стихотворения, которые встречаются в тексте новелл, Кабрит приводит по-французски, а ниже дает подстрочный прозаический перевод на русский язык.

В 1852 г. Пантелеймон Кулиш, переводчик статей Джорджа Тикнора об испанской литературе, в подстрочном примечании указывал: «...мы, вместо того, чтобы передавать, по примеру Тикнора, стихи стихами, переводим с испанского подлинника прозой, стараясь сохранить, где возможно, причуды испанской речи времен Лопе де Веги, в ущерб, может быть, плавности русской конструкции. По нашему мнению, старина не должна быть переводима ново-сложными фразами, а иноземный характер речи только тогда и делается понятен для русского читателя, когда в переводе сохраняются (сколько это возможно) свойственные ей идиотизмы» [28, с. 83]. Той же традиции (уже в 1883 г.) придерживался другой переводчик Тикнора, Н.И. Стороженко: «Что касается до многочисленных отрывков из произведений испанской поэзии, приводимых Тикнором в английском стихотворном переводе, то мы сочли за лучшее перевести их прямо с испанских подлинников и притом прозой» [27, с. II]. Отметим также точку зрения Ю.В. Доппельмайер, переводчицы труда Г. Гюббара «История современной литературы в Испании», по мере возможности стремившейся переводить стихи стихами. К серранилье Маркиза де Сантильяны «*Moza tan hermosa...*» (которая у Стороженко передана прозой), приведенной на староиспанском языке в «Истории современной литературы в Испании», Доппельмайер сделала следующее характерное примечание: «Это подражание провансальским поэтам, образец первобытной древней кастильской песни, не поддающейся переводу на другой язык» [8, с. 25].

Приговор по делу петрашевцев и ссылка помешали Тимковскому осуществить масштабный проект: составить переводной свод испан-

ской литературы и написать ее «полную историю» в форме цикла статей. Впоследствии почти все переводы Тимковского были замещены новыми версиями; он был последним крупным переводчиком, перелавшим испанские драматические произведения прозой.

Литература

1. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. // *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 5–213.
2. Андалузская серенада («Смолкнул дальний шум столицы...») / [пер.] Ф. Кони // Репертуар и Пантеон. 1847. Т. 12. С. 41–42.
3. *Бальмонт К.Д.* Испанские народные песни. Любовь и ненависть. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. 108 с.
4. *Гетте, Владимир.* Опровержение на выдуманную «Жизнь Иисуса» сочинения Эрнеста Ренан с тройственной точки зрения библейской экзегетики, исторической критики и философии, составленное аббатом Гэтэ (что ныне православный священник отец Владимир). СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1864–1866. Ч. 1–4. 378 с.
5. *Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена и названия в русском тексте. М.: Высшая школа, 1985. 303 с.
6. *Гонгора-и-Арготе Л. де.* Поэма уединений. Сказание о Полифеме и Галатее. Стихотворения. СПб.: Издат. дом Ивана Лимбаха, 2019. 264 с.
7. *Гроссман Л.П.* Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.
8. *Гюббар Г.* История современной литературы в Испании. М.: К.Т. Солдатенков, 1892. 362 с.
9. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1978. Т. 18. 371 с.
10. Испанская литература в русских переводах и критике / сост. К.С. Корконосенко. СПб.: Нестор-История, 2019. 248 с.
11. Испанский театр. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. Т. 1: *Кальдерон де ла Барка П.* Жизнь есть сон; Саламейский алькальд. XII, 210 с.
12. *Кальдерон де ла Барка П.* Пьесы. М.: Искусство, 1961. Т. 1. 704 с.
13. *Кальдерон де ла Барка П.* Саламейский алькальд. Л.; М.: Искусство, 1939. 200 с.
14. *Кальдерон де ла Барка П.* Саламейский алькальд // *Кальдерон де ла Барка П.* Драммы: в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 430–528.
15. *Макогоненко Д.Г.* Кальдерон в переводе Бальмонта. Тексты и сценические судьбы // *Кальдерон де ла Барка П.* Драммы: в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 680–712.
16. *Морето А. де.* Мужество и правосудие, или Рикоомбре Алькалийский: Комедия // Репертуар и Пантеон. 1845. Т. 2. Кн. 9. С. 634–696.
17. Педро Кальдерон де ла Барка. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1781–1983) / сост. Г.А. Коган // *Iberica.* Кальдерон и мировая культура. Л.: Наука, 1986. С. 229–265.
18. Петрашевы в воспоминаниях современников: Сб. материалов / сост. П.Е. Щеголев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т. 1. 295 с.

19. Повести Михайлы Сервантеса. М.: Унив. тип., 1805. Ч. I–III. 286, 316, 412 с.
20. *Rохас Фр. де*. Никто кроме короля, или Благородный земледelec Гарсия-дель-Кастаньяр: Драма // Отечественные записки. 1842. Т. 25. № 11. С. 137–184.
21. *Семевский В.И.* Петрашевы А.П. Беклемишев и К.И. Тимковский (По неизданным источникам) // Вестник Европы. 1916. № 11. С. 57–103.
22. *Сервантес Сааведра М. де*. Ринконете и Кортадильо // *Сервантес Сааведра М. де*. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 3. С. 137–177.
23. *Сервантес Сааведра М. де*. Ринконэте и Кортадильо. Испанские тайны: Повесть // Сын отечества. 1847. Кн. 5. Отд. IV. С. 1–22.
24. *Сервантес Сааведра М. де*. Сила крови // *Сервантес Сааведра М. де*. Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 3. С. 253–274.
25. *Сервантес Сааведра М. де*. Сила крови: Повесть Мигеля Сервантеса // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 150–175.
26. Серенада («Вот угас огонь денницы...») / [пер.] Ф. Кони // Атений. 1830. № 8. Ч. 3. С. 305–306.
27. *Тикнор Дж.* История испанской литературы. М.: К.Т. Солдатенков, 1883. Т. 1. 437 с.
28. [Тикнор Дж.] История испанской литературы. Статья 3-я // Отечественные записки. 1852. Т. 82. № 6. Отд. II. С. 63–96.
29. [Фернандес де Моратин Л. де.] История драматической литературы. Испанский театр // Репертуар и Пантеон. 1844. Т. 7. Кн. 8. С. 211–265.
30. [Фернандес де Моратин Л. де.] История испанского театра от самого его начала до времен Лопэ-де-Вега // Пантеон русского и всех европейских театров. 1841. Ч. 1. Кн. 2. С. 1–18.
31. *Фернандес де Моратин Л.* Когда девушки говорят «да». М.: Искусство, 1940. 110 с.
32. *Фернандес де Моратин Л. де*. Согласие девушек: Комедия в 3-х д. // Сын отечества. 1843. № 2. Отд. IV. С. 1–100.
33. Чудная материя: Испанская сказка, переведенная [sic!] Манюэлем / пер. с фр. Ф.А. Кони // Современные повести модных писателей. М.: Тип. А. Семена, 1834. Ч. 2. С. 193–207.
34. Энциклопедия Бобруйска. URL: <https://wiki.bobr.by> (дата обращения: 20.07.2022).
35. *Calderón de la Barca P.* Teatro. París: Librería española de Garnier hermanos, 1883. Т. 2. 596 p.
36. *Cervantes Saavedra M. de*. Obras. Novelas ejemplares. Paris: Baudry, 1841. Т. 2. 404 p.
37. *Fernández de Moratín L.* El sí de las niñas: comedia en tres actos. Barcelona: F. Costa, 1913. 75 p.
38. *Henríquez Ureña C.* Obras y apuntes. La Habana, 2000. Т. VI. P. 57. 276 p.
39. *Moreto A.* El valiente justiciero, y el rico-hombre de Alcalá: Comedia famosa. Madrid: Antonio Sanz, 1751. 32 p.
40. *Ziomec H.* Polonia, Rusia y Suecia en «La vida es sueño» // Cuadernos americanos. México, 1976. Т. CCV. №. 2. P. 161–179.

Research Article

Spanish Classical Literature Translated by Konstantin Timkovsky

© 2022. Kirill S. Korkonosenko

Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is the first analysis of the literary activity of Konstantin Timkovsky (1814–1881), translator and propagandist of Spanish literature in Russia. Unlike his predecessors, Timkovsky had a good knowledge of written and partly spoken Spanish and did not use intermediary translations. Timkovsky is also distinguished by the number of works and authors translated, namely Cervantes, Calderon, Francisco de Rojas, Leandro Moratín, Agustín Moreto. Being a pioneer in the direct translation of Spanish dramaturgy, Timkovsky assumed regular but inconsistent shortenings of texts: he omitted passages that, due to internal or external censorship, might have seemed obscene or affected religion. In Calderon's drama "Life is a Dream" all references to Russia and Russians were replaced by Bohemia and Bohemians; instead of translating puns, Timkovsky uses comments: he declares that it is impossible to transmit the wordplay into Russian and quotes the original text for comparison. The most important and still nowhere mentioned feature of all Timkovsky's works is the choice of prose for the translation of poetic dramatic texts. The sentence in the Petrashevsky case and the exile prevented Timkovsky from carrying out a large-scale project: to compile a translated set of Spanish literature and to write its "complete history" in the form of a series of articles.

Keywords: history of translation, theory of translation, Russian-Spanish interrelations, Timkovsky, Calderon, Cervantes.

Information about the author: Kirill S. Korkonosenko — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: korkonos@mail.ru

For citation: Korkonosenko, K.S. "Spanish Classical Literature Translated by Konstantin Timkovsky." *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 3 (25), pp. 307–327. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-307-327>

References

1. Alekseev, M.P. "Ocherki istorii ispano-russkikh literaturnykh otnoshenii XVI–XIX vv." ["Essays on the History of Spanish-Russian Literary Relations of the 16th–19th Centuries"]. Alekseev, M.P. *Russkaia kul'tura i romanskii mir* [*Russian Culture and the Roman World*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 5–213. (In Russ.)

2. “Andaluzskaia serenada (‘Smolknul dal’nii shum stolitsy...’)” [“Andalusian Serenade (‘The Distant Noise of the Capital Has Stopped’)”, trans. by F. Koni. *Repertuar i Panteon*, vol. 12, 1847, pp. 41–42. (In Russ.)

3. Bal’mont, K.D. *Ispanskije narodnye pesni. Liubov’ i nenavist’* [*Spanish Folk Songs. Love and Hatred*]. Moscow, Tovarishchestvo I. Sytina Publ., 1911. 108 p. (In Russ.)

4. Guettée, Vladimir. *Oproverzhenie na vydumannuiu “Zhizn’ Iisusa” sochineniia Ernesta Renan s troistvennoi tochki zreniia bibleiskoi ekzegetiki, istoricheskoi kritiki i filosofii, sostavlennoe abbatom Gete (chto nyne pravoslavnyi sviashchennik otets Vladimir)* [*Refutation of the Fictional “Life of Jesus” by Ernest Renan the Tripartite Point of View of Biblical Exegesis, Historical Criticism and Philosophy, Compiled by Abbe Gaeté (Who is Now an Orthodox Priest, Father Vladimir)*], pt. 1–4. St. Petersburg, Tipografia I. Glazunova Publ., 1864–1866. 378 p. (In Russ.)

5. Giliarevskii, R.S., Starostin, B.A. *Inostrannye imena i nazvaniia v russkom tekste* [*Foreign Names and Titles in Russian Text*]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1985. 303 p. (In Russ.)

6. Gongora-y-Argote, L. de. *Poema uединenii. Skazanie o Polifeme i Galatee. Stikhotvoreniia* [*A Poem of Solitude. The Legend of Polyphemus and Galatea. Poems*]. St. Petersburg, Izdatel’skii dom Ivana Limbakha Publ., 2019. 264 p. (In Russ.)

7. Grossman, L.P. *Dostoevskii* [*Dostoyevsky*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1965. 608 p. (In Russ.)

8. Giubbar, G. *Istoriia sovremennoi literatury v Ispanii* [*History of Modern Literature in Spain*]. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1892. 362 p. (In Russ.)

9. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [*Complete Works: in 30 vols.*], vol. 18. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 371 p. (In Russ.)

10. *Ispanskaia literatura v russkikh perevodakh i kritike* [*Spanish Literature in Russian Translations and Critical Literature: A Bibliography*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019. 248 p. (In Russ.)

11. *Ispanskii teatr* [*Spanish Theatre*], vol. 1: Kal’deron de la Barca, P. Zhizn’ est’ son; Salameiskii al’kal’d [Life is a Dream; The Mayor of Zalamea]. St. Petersburg, Tipografia K. Zhernakova Publ., 1843. XII, 210 p. (In Russ.)

12. Kal’deron de la Barca, P. *P’esy* [*Plays*], vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1961. 704 p. (In Russ.)

13. Kal’deron de la Barca, P. *Salameiskii al’kal’d* [*The Mayor of Zalamea*]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1939. 200 p. (In Russ.)

14. Kal’deron de la Barca, P. “Salameiskii al’kal’d” [“The Mayor of Zalamea”]. Kal’deron de la Barca, P. *Dramy* [*Dramas*], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 430–528. (In Russ.)

15. Makogonenko, D.G. “Kal’deron v perevode Bal’monta. Teksty i stsenicheskie sud’by [Calderon Translated by Balmont. Texts and Stage Destinies]. Kal’deron de la Barca, P. *Dramy* [*Dramas*], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 680–712. (In Russ.)

16. Moreto, A. de. “Muzhestvo i pravosudie, ili Rikoombre Al’kaliiskii: Komediia” [“Courage and Justice, or Ricohombre de Alcalá: Comedy”]. *Repertuar i Panteon*, vol. 2, no. 9, 1845, pp. 634–696. (In Russ.)

17. “Pedro Kal’deron de la Barca. Bibliografiia russkikh perevodov i kriticheskoi literatury na russkom iazyke (1781–1983)” [“Pedro Calderon de la Barca. Russian Translations

and Critical Literature: A Bibliography (1781–1983)”, comp. by G. Kogan. *Iberica. Kal’deron i mirovaia kul’tura [Ibérica. Calderon and the World Culture]*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 229–265. (In Russ.)

18. *Petrashevtsy v vospominaniakh sovremennikov [The Petrashevsky Circle in Memoirs of Contemporaries]*, vol. 1, comp. P. Shhegolev. Moscow, Leningrad, GIZ Publ., 1926. 295 p. (In Russ.)

19. *Povesti Mikhail’ya Servantesa [Novels of Miguel Cervantes]*, pt. I–III. Moscow, Universitetskaia Tipografiia Publ., 1805. 286, 316, 412 p. (In Russ.)

20. Rokhas, Fr. de. “Nikto krome korolia, ili Blagorodnyi zemledelets Garsiia-del’-Kastan’iar: Drama” [“No One but the King, or the Noble Farmer García del Castañar: Drama”]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 25. no. 11, 1842, pp. 137–184. (In Russ.)

21. Semevskii, V.I. “Petrashevtsy A.P. Beklemishev i K.I. Timkovskii (Po neizdannym istochnikam)” [“Petrashevtsy A.P. Beklemishev and K.I. Timkovsky (According to Unpublished Sources)”]. *Vestnik Evropy*, no. 11, 1916, pp. 57–103. (In Russ.)

22. Servantes Saavedra, M. de. “Rinkonete i Kortadil’o” [“Rinconete and Cortadillo”]. Servantes Saavedra, M. de. *Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1961, pp. 137–177. (In Russ.)

23. Servantes Saavedra, M. de. “Rinkonete i Kortadil’o. Ispanskii tainy: Povest’” [“Rinconete and Cortadillo. Spanish Mysteries: A Novel”]. *Syn otechestva*, vol. 5, 1847, pp. 1–22. (In Russ.)

24. Servantes Saavedra, M. de. “Sila krovi” [“The Power of Blood”]. Servantes Saavedra, M. de. *Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols.]*, vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1961, pp. 253–274. (In Russ.)

25. Servantes Saavedra, M. de. “Sila krovi: Povest’ Migelia Servantesa” [“The Power of Blood: A Novel by Miguel Cervantes”]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 1, no. 1, 1839, pp. 150–175. (In Russ.)

26. “Serenada (‘Vot ugas ogon’ dennitsy...’)” [“Serenade (‘Here the Fire of the Day has Died out’)”, trans. by F. Koni. *Atenei*, no. 8, pt. 3, 1830, pp. 305–306. (In Russ.)

27. Ticknor, Dzh. *Istoriia ispanskoi literatury [History of the Spanish Literature]*, vol. 1. Moscow, K.T. Soldatenkov Publ., 1883. 437 p. (In Russ.)

28. [Ticknor Dzh.] “Istoriia ispanskoi literatury. Stat’ia 3” [“History of the Spanish Literature. Article 3”]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 82, no. 6, section II, 1852, pp. 63–96. (In Russ.)

29. [Fernandez de Moratin, L. de.] “Istoriia dramaticheskoi literatury. Ispanskii teatr” [“History of the Dramatic Literature. The Spanish Theater”]. *Repertuar i Panteon*, vol. 7, book 8, 1844, pp. 211–265. (In Russ.)

30. [Fernandez de Moratin, L. de.] “Istoriia ispanskogo teatra ot samogo ego nachala do vremen Lope de Vega” [“History of the Spanish Theater from Its Very Beginning to the Time of Lope de Vega”]. *Panteon russkogo i vsekh evropeiskikh teatrov*, pt. 1, book 2, 1841, pp. 1–18. (In Russ.)

31. Fernandez de Moratin, L. *Kogda devushki govoryat “da” [When the Girls Say “Yes”]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1940. 110 p. (In Russ.)

32. Fernandez de Moratin, L. de. “Soglasie devushek” [“The Consent of the Girls”]. *Syn otechestva*, no. 2, section IV, 1843, pp. 1–100. (In Russ.)

33. “Chudnaia materiia: Ispanskaia skazka, perevedennaia Maniuelem” [“A Wonderful Cloth: A Spanish Tale, Translated by Manuel], trans. from French by F.A. Koni. *Sovremennye povesti modnykh pisatelei* [*Modern Novels by Fashionable Writers*], pt. 2. Moscow, A. Semen Publ., 1834, pp. 193–207. (In Russ.)

34. *Entsiklopediia Bobruiska* [*The Bobruisk Encyclopedia*]. Available at: <https://wiki.bobr.by> (Accessed 20 July 2022). (In Russ.)

35. Calderón de la Barca, P. *Teatro*, vol. 2. París, Librería española de Garnier hermanos, 1883. 596 p. (In Spanish)

36. Cervantes Saavedra, M. de. *Obras*, vol. 2: *Novelas ejemplares*. París, Baudry, 1841. 404 p. (In Spanish)

37. Fernández de Moratín, L. *El sí de las niñas: comedia en tres actos*. Barcelona, F. Costa, 1913. 75 p. (In Spanish)

38. Henríquez Ureña, C. *Obras y apuntes*, vol. VI, p. 57. La Habana, 2000. 276 p.

39. Moreto, A. *El valiente justiciero, y el rico-hombre de Alcala: Comedia famosa*. Madrid, Antonio Sanz, 1751. 32 p. (In Spanish)

40. Ziomec, H. “Polonia, Rusia y Suecia en ‘La vida es sueño’.” *Cuadernos americanos*, t. CCV, no. 2, México, 1976, pp. 161–179. (In Spanish)

Статья поступила в редакцию: 05.06.2022

Одобрена после рецензирования: 14.07.2022

Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 05.06.2022

Approved after reviewing: 14.07.2022

Date of publication: 25.09.2022

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2022 № 3 (25)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская
Подписано в печать 25.09.2022
Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 20,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. 1, ком. 6.3-23Н